

История человека-легенды,
гения русского сыска

РОМАН ДОБРЫЙ

ПУТИЛИН
И ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ

— Слово сыщика

Путилин и Петербургский Джек-потрошитель: сборник / Роман Добрый
//АСТ, Москва, 2018
ISBN: 978-5-17-110786-4
FB2: "Aleks_Sim ", 14.10.2018, version 1.0
UUID: 39CA7D3B-0169-43E3-B219-385444386CBD
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Роман Добрый

Путилин и Петербургский Джек-потрошитель

(Слово сыщика)

Были ли у нас свои Шерлоки Холмсы, настоящие сыщики-полицейские с большой буквы? Конечно же, были! И среди них первое место по праву принадлежит гению русского сыска Ивану Дмитриевичу Путилину (1830–1893). Вошедшие в легенду приключения Путилина — русского Шерлока Холмса — были описаны в книгах Романа Лукича Антропова, творившего под псевдонимом Роман Добрый. В них, так же как и в зарубежной шерлокиане, повествование ведется от лица друга Путилина — доктора, который помогает расследовать дела. На страницах сборника повестей Романа Доброго читатель сталкивается и с бытовыми уголовными преступлениями, и с более изощренными криминальными сюжетами: здесь и кровавые убийства, и спруты-евреи, ведущие тайные дела, и пропавшие завещания, и роковые красавицы, и мошенники под видом призраков, и многое другое...

Содержание

Квазимодо церкви Спаса на Сенной	0005
Гроб с двойным дном	0046
Ритуальное убийство девочки	0097
Одиннадцать трупов без головы (Атаманша Груня-«головорезка»)	0145
Отравление миллионерши-наследницы . . .	0194
Петербургские вампиры-кровопийцы	0244
Тайны Охтенского кладбища	0292
Калиостро XIX века	0341
Поцелуй Бронзовой Девы (тайны варшавских иезуитов)	0392
Преступление в Иверской часовне	0442
Похитители невест	0492
Претендент на болгарский престол (Корнет Савин)	0541
Мельница в Гусевом переулке	0591
Пропавшее завещание (Кромовские миллионы)	0640
«Золотая ручка»	0690
Тайна Сухаревой башни	0738
Пытка Ивана Грозного (IV)	0786
В когтях одесских демонов	0834
Тьма Египетская	0883

**Роман Добрый
Путилин и Петербургский
Джек-потрошитель**

Квазимодо церкви Спаса на Сенной

Труп на паперти

Было около десяти часов утра.

Я в шлафроке сидел за кофе, как вдруг раздался звонок и в переднюю торопливо вошел любимый сторож-курьер Путилина.

— От Ивана Дмитриевича, спешное письмо! — подал он мне знакомый синий конвертик.

Я быстро распечатал его и пробежал глазами записку:

«Дружище, приезжай немедленно, если хочешь присутствовать при самом начале нового, необычайного происшествия. Дело, кажется, не из обычных.

Твой Путилин».

Нечего и говорить, что через несколько минут я уже мчался на моей гнедой лошадке к моему гениальному другу.

— Что такое? — ураганом ворвался я в кабинет Путилина.

Путилин был уже готов к отъезду.

— Едем. некогда объяснить. Все распоряжения сделаны?

— Все, ваше превосходительство! — ответил дежурный агент.

— На Сенную! — отрывисто бросил Путилин кучеру.

Дорогой, правда недалей, мой приятель не проронил ни слова. Он о чем-то сосредоточенно думал.

Лишь только мы выехали на Сенную, мне бросилась в глаза огромная черная толпа, запрудившая всю площадь. Особенно была она многочисленна у церкви Спаса.

— К церкви! — отдал отрывистый приказ Путилин.

— Па-а-ди! Па-а-ди! — громко кричал кучер. Проехать сквозь эту живую стену, однако, было не так-то легко. Того и гляди, чтобы кого-нибудь не задавить.

Но чины полиции, заметив Путилина, принялись энергично расчищать путь для нашей коляски.

— Осади назад! Назад подайся! Что вы, черти, прямо под лошадей прете? Расходитесь!

— Что случилось? — стояла передо мной загадка.

Мы остановились, вылезли из коляски. Толпа расступилась, образуя тесный проход.

Путилин быстро прошел им и остановился около темной массы, лежащей почти у самых ступенек паперти.

Тут уже находилось несколько должностных лиц: судебный следователь, прокурор, судебный врач и другие.

— Не задержал? — здороваясь с ними, проговорил Путилин.

— Нисколько. Мы только что сами приехали.

Я подошел поближе, взглянул, и неприятно жуткий холодок пробежал по моей спине.

На мостовой, лицом кверху, лежал труп красивой молодой девушки, одетой чрезвычайно просто: в черном пальто, в черной, смоченной кровью косынке. Откуда шла кровь, понять сначала было мудрено. Меня поразили только ее руки и ноги: они были раскинуты в стороны.

— Следственный осмотр трупа уже произведен? — спросил я моего знакомого доктора.

— Поверхностный, конечно, коллега.

— И что вы обнаружили? — полуобернулся Путилин к полицейскому врачу.

— Девушка, очевидно, разбилась. Перелом спинного хребта, руки и ноги переломлены. Картина такая, что девушка упала на мостовую с большой высоты.

Путилин поднял глаза вверх. Это был один момент.

— А разве вы не допускаете, доктор, что тут возможно не падение, а переезд девушки каким-нибудь ломовым, везшим огромную тяжесть? — задал вопрос судебный следователь.

Я вместе с моим приятелем-врачом производил осмотр трупа.

— Нет! — в один голос ответили мы. — Здесь, при этой обстановке, неудобно давать вам, господа, подробную мотивировку нашей экспертизы. Везите труп, мы еще раз осмотрим его подробно, произведем вскрытие, и тогда все вам будет ясно.

Толпа глухо шумела. Это был рев океана.

Народ все прибывал и прибывал. Несмотря на увещания полиции, нас страшно теснили.

В ту минуту, когда труп еще лежал на мостовой, к нему протиснулся горбун. Это был крохотного роста человек уродливого вида. Огромная голова, чуть не с полтуловища, над которой безобразным шатром вздымалась копна рыже-бурых волос. Небольшое, в кулачок, лицо. Один глаз был закрыт совершенно, другой представлял собой узкую щелку, сверкавшую нестерпимым блеском. Лицо его, точно лицо скопца, было лишено какой бы то ни было растительности. Несуразно длинные, цепкие руки, одна нога — волочащаяся, другая — короткая. Огромный горб подымался выше безобразной головы.

Это подобие человека внушало страх, ужас, отвращение.

— Куда лезешь? — окрикнул его полицейский.

— Ваши превосходительства, дозволейте взглянуть на упокойницу! — сильным голосом, столь мало идущим к его уродливо тщедушной фигурке, взволнованно произнес страшный горбун.

На него никто из властей не обратил внимания. Никто, за исключением Путилина.

Он сделал знак рукой, чтобы полицейские не трогали горбуна, и, впиваясь в лицо его, мягко спросил:

— Ты не знал ли покойной, почтенный?

— Нет... — быстро ответил урод.

— Так почему же ты интересуешься поглядеть жертву?

— Так-с... любопытно... Шутка сказать: перед самой церковью, и вдруг эдакое происшествие.

Путилин отдернул покрывало-холст, которым уже накрыли покойницу.

— На, смотри!

— О Господи!.. — с каким-то всхлипом вырвалось из груди уroda-горбуна.

Темно... Темно...

Мы долго с моим другом врачом возились над трупом.

Когда его раздевали, из-за пазухи простенькой ситцевой кофточки выпала огромная пачка кредитных билетов и процентных бумаг.

— Ого! — вырвалось у судебного следователя. — Да у бедняжки целое состояние... Сколько здесь?

Деньги были сосчитаны. Их оказалось 49 700 рублей.

Путилин все время ходил нервно по комнате.

— Ну, господа, что вы можете сказать нам? Кто она? Что с ней?

— Девушка. Вполне целомудренная девушка. Повреждения, полученные ею, не могли произойти ни от чего иного, как только от падения со страшной высоты.

— Но лицо-то ведь цело?

— Что же из этого? При падении она грохнулась навзничь, на спину.

Путилин ничего не ответил.

Следствие закипело.

Было установлено следующее: в семь часов утра (а по другим показаниям — в шесть) прохожие подбежали к стоявшему за углом полицейскому и взволнованно сказали ему:

— Что ж ты, господин хороший, не видишь, что около тебя делается?

— А что? — строго спросил тот.

— Да труп около паперти лежит!

Тот бросился и увидел исковерканную мертвую девушку.

Дали знать властям, Путилин — мне, а остальное вы знаете. Вот и все, что было добыто предварительным следствием. Не правда ли, много? Те свидетели, которые первыми увидели несчастную девушку, были подробно допрошены, но из их ясных, кратких показаний не пролился ни один луч света на это загадочное, страшное дело.

Правда, один добровольно и случайно явившийся свидетель показал, что, проходя после поздней вечеринки по Сенной, он слышал женский крик, в котором звучал ужас.

— Но, — добавил он, — мало ли кто кричит жалобно в страшные, темные петербургские ночи? Я думал, так, какая-нибудь гуляющая ночная бабенка. Много ведь их тут по ночам шляется. Сами знаете: место тут такое... Вяземская лавра... Притоны всякие.

— А в котором часу это было?

— Да так, примерно в пять утра, а может, позже.

Весть о происшествии быстро облетела Петербург. Толпы народа целый день ходили осматривать место страшного случая.

Целая рать самых опытных, искусных

агентов, «замешавшись» в толпе, зорко приглядывались к толпе и внимательно прислушивались к их открытым речам.

Устали мы за этот день анафемски! С девяти часов утра и до восьми вечера мы с моим другом были на ногах.

В девять часов мы сидели с Путилиным за ужином. Лицо его было угрюмое, сосредоточенное. Он даже не притронулся к еде.

— Что ты думаешь об этом случае? — вдруг спросил он меня.

— А я, признаюсь, этот вопрос только что хотел задать тебе.

— Скажи, ты очень внимательно осмотрел труп? Неужели нет никаких знаков насилия, борьбы?

— Никаких.

— Нужно тебе сказать, дружище, — задумчиво произнес Путилин, — что этот случай я считаю одним из самых выдающихся в моей практике. Признаюсь, ни одно предварительное следствие не давало в мои руки так мало данных, как это.

— Э, Иван Дмитриевич, ты всегда начинаешь с «за упокоя», а кончаешь «за здра-

вие!», — улыбнулся я.

— Так что ты веришь, что мне удастся раскрыть это темное дело?

— Безусловно!

— Спасибо тебе. Это придает мне энергии.

Мой друг опять погрузился в раздумье.

— Темно... темно... — тихо бормотал он про себя. Он что-то начал чертить указательным пальцем по столу, а затем вдруг его лицо на еле уловимый миг осветилось довольной улыбкой.

— Кто знает, может быть... да, да, да...

Я знал привычку моего талантливое друга обмениваться мыслями с... самим собой и поэтому нарочно не обращал на него ни малейшего внимания.

— Да, может быть... Попробуем! — громко произнес он.

Он встал и, подойдя ко мне, спросил:

— Ты хочешь следить за всеми перипетиями моей борьбы с этим делом?

— Что за вопрос!

— Так вот, сегодня ночью тебе придется довольно рано встать. Ты не посетуешь на меня за это? И потом — ничему не удивляйся... Я,

кажется, привезу тебе маленький узелок...

Я заснул как убитый, без всяких сновидений, тем сном, который испытывают люди измученные, утомленные.

Сколько времени я спал, не знаю.

Меня разбудил громкий голос лакея и голос Путилина.

— Вставай, вот и я!

Я протер глаза и быстро вскочил с постели.

Передо мною стоял рваный «золоторотец». Худые, продранные штаны. Какая-то бабья кацавейка... Кругом шеи обмотан грязный гарусный шарф. Дико всклокоченные волосы космами спускались на сине-багровое лицо, все в синяках.

Я догадался, что передо мной — мой гениальный друг.

— Ступай! — отдал я приказ лакею, на лице которого застыло выражение сильнейшего недоумения.

— Постой, постой, — улыбаясь, начал Путилин, — ты не одевайся в свое платье, а вот не угодно ли тебе облачиться в то, что я привез тебе в этом узле.

И передо мною появились какие-то гряз-

ные отребья, вроде тех, которые были на Путилине.

— Что это?..

— А теперь садись! — кратко изрек Путилин. — Позволь мне заняться твоей физиономией. Она слишком прилична для тех мест, куда мы едем...

Среди нищей братии

Бум! Бум! Б-у-ум! — глухо раздавался в раннем утреннем промозглом воздухе звон большого колокола Спаса на Сенной.

Это звонили к ранней обедне.

В то время ранняя обедня начиналась чуть ли не тогда, когда кричали вторые петухи.

Сквозь неясный, еле колеблющийся просвет раннего утра можно было с трудом разобрать очертания черных фигур, направляющихся к паперти церкви.

То были нищие и богомольцы.

Ворча, ругаясь, толкая друг друга, изрыгая отвратительную брань, спешили сенновские нищие и нищенки скорее занять свои места, боясь, как бы кто другой, более храбрый, нахальный и сильный, не перехватил «теплого» уголка.

— О, Господи! — тихо неслись шамкающие звуки беззубых ртов стариков и старцев-богомольцев, крестившихся широким крестом.

Когда Путилин и я подошли к паперти, перейдя ее, и вошли в «сени» церкви, нас обступила озлобленная рать нищих.

— Это еще что за молодчики появились? — раздались негодующие голоса.

— Ты как, рвань полосатая, смеешь сюда лезть? — наступала на Путилина отвратительная старая мегера.

— А ты что же, откупила все места, ведьма? — сильным голосом дал отпор Путилин. Теперь взбеленились все.

— А ты, думаешь, даром мы тут стоим? А? Да мы себе каждый местечко покупаем, ирод рваный!..

— Что с ними разговаривать долго! Взашей их, братцы!

— Выталкивай их!

Особенно неистовствовал страшный горбун.

Все его безобразное тело, точно тело чудовища-спрута, колыхалось порывистыми движениями.

Его длинные цепкие руки-щупальца готовы были, казалось, схватить нас и задавить в своих отвратительных объятиях.

Его единственный глаз, налившись кровью, сверкал огнем бешенства.

Я не мог удержать дрожи отвращения.

— Вон! Вон отсюда! — злобно рычал он, наступая на нас.

— Что вы, безобразники, в храме Божиим шум да свару поднимаете? — говорили с укоризной некоторые богомольцы, проходя притвором церкви.

— Эх, вижу, братцы, народ вы больно уж алчный!.. — начал Путилин, вынимая горсть медяков и несколько серебряных монет. — Без откупа, видно, к вам не влезешь. Что с вами делать? Натё, держите!

Картина вмиг изменилась.

— Давно бы так... — проворчала старая мегера.

— А кому деньги-то отдать? — спросил Путилин.

— Горбуну Евсеичу! Он у нас старшой. Он староста.

Безобразная лапа чудовища-горбуна уже

протянулась к Путилину.

Улыбка бесконечной алчности зазмеилась на его страшном лице.

— За себя и за товарища? Только помните: две недели третью часть выручки нам — на дележ. А то все равно — сживем!..

Ранняя обедня подходила к концу.

Путилин с неподражаемой ловкостью завязывал разговор с нищими и лишенками о вчерашнем трагическом случае перед папертью Спаса.

— Как вы, почтенный, насчет сего думаете? — с глупым лицом обращался он несколько раз к горбуну.

— Отстань, обормот!.. Надоел! — злобно сверкал тот глазом-щелкой.

— У-у, богатый черт, полагать надо! — тихо шептал Путилин на ухо соседу-нищему.

— Да нас с тобой, брат, купит тысячу раз и перекупит! — ухмылялся тот. — А только бабник, да и здорово заливаает!..

По окончании обедни оделенная копейками, грошами и пятаками нищая братия стала расходиться.

— Мы пойдем за горбуном... — еле слышно

бросил мне мой знаменитый друг.

Горбун шел скоро, волоча по земле искривленную, уродливую ногу.

Стараясь быть незамеченными, мы шли, не выпуская его ни на секунду из виду.

Раз он свернул налево, потом направо, и вскоре мы очутились перед знаменитой Вяземской лаврой.

Горбун юркнул в ворота этой страшной клоаки, чудеса которой приводили в содрогание людей с самыми крепкими нервами.

Это был расцвет славы Вяземки — притона всей столичной сволочи, обрушивающейся на петербургских обывателей.

Отъявленные воры, пьяницы-золоторотцы, проститутки — все свили здесь прочное гнездо, разрушить которое было не так-то легко.

Подобно московскому Ржанову дому Хитрова рынка здесь находились и ночлежки — общежития для сего почтенного общества негодяев и мегер, и отдельные комнатки-конуры, сдаваемые за дешевую цену «аристократам» столичного сброда.

Притаившись за грудой пустых бочек, мы

увидели, как страшный горбун, быстро и цепко поднявшись по обледенелой лестнице, заваленной человеческими экскрементами, вошел на черную «галдарейку» грязного, ветхого надворного флигеля и скрылся, отперев огромный замок за дверью какого-то логовища.

— Ну, теперь мы можем ехать! — задумчиво произнес Путилин, не сводя глаз с таинственной двери, скрывшей чудовище-горбуна.

— Ты что-нибудь наметил? — спросил я его.

— Темно... темно... — как и вчера ночью, ответил он.

Мать жертвы

В сыскном Путилина ожидал сюрприз.

Лишь только мы вошли, предварительно переодевшись, в кабинет, как дверь распахнулась и в сопровождении дежурного агента вошла, вернее, вбежала небольшого роста худощавая пожилая женщина.

Одета она была так, как одеваются мещанки или бедные, но «бла-а-а-родные» чиновницы-«цикорки»: в подобие какой-то черной по-

ношенной шляпы, прикрытой черной косынкой, в длинном черном дипломате.

Лишь только она вошла, как сейчас же заплакала, вернее заголосила.

— Ах-ах-ах... ваше... ваше превосходительство...

— Что такое? Кто эта женщина? — спросил Путилин агента.

— Мать вчерашней девушки, найденной пред церковью Спаса... — доложил агент.

Лицо Путилина было бесстрастно.

— Садитесь, сударыня... Да вы бросьте плакать... Давайте лучше побеседуем... — пригласил Путилин.

— Да ка-а-ак же не плакать-то?! Дочь — единственная. Леночка моя ненагля-я-я-дная... Видела ее, голубушку...

Из расспросов женщины выяснилось следующее. Она — вдова скромного канцелярского служителя, умершего «от запоя». После смерти кормильца — в доме наступила страшная нужда.

Она шила, гадала на кофейной гуще, обмывала даже покойников, словом, делала все усилия, чтобы «держаться на линии» со своей

Леночкой.

— А она-с — раскрасавица у меня была! Характеру Леночка была гордого, замечательно-го, можно сказать. И-и! Никто к ней не подступайся! Королева прямо! В последнее время тоже работать начала. На лавки белье шили мы... Шьет, бывало, голубушка, а сама вдруг усмехнется да и скажет: «А что вы думаете, мамаша, будем мы с вами богатые, помяните мое слово!» — «Да откуда, — говоришь ей, — богатство-то к нам слетит, Леночка?» А она только бровью соболиной поведет. «Так, — говорит, — верю я в счастье мое...»

Сильные рыдания потрясли вдову-«чиновницу».

— А вот какое счастье на поверку вышло! А-а-ах!..

— Скажите, сударыня, ваша дочь часто отлучалась из дома?

— Да не особенно... Когда работу относить надо было...

— Когда последний раз до катастрофы ушла из дому ваша дочь?

— Часов около семи вечера. Жду ее, жду — нет. Уж и ночь настала. Тоскует сердце. Ну,

думаю, может к подруге какой зашла, ночевать осталась. Ан — и утро! А тут вдруг услышала: девушку нашли мертвой у церкви Спаса. Бросилась туда. Говорят, отвезли уж куда-то. Разыскала. Взглянула — и с ног долой. Моя Леночка ненаглядная...

— Скажите, а ведомо ли вам, что за лифом вашей дочери были найдены 49 700 рублей?

На вдову нашел столбняк.

— К... как? Сколько? — обезумела она.

Путилин повторил.

— А... где ж деньги? — загорелись глаза у «цикорки».

— У нас, конечно, сударыня.

— А вы... куда же их денете? Я ведь мать ее, я — наследница.

Мы невольно улынулись.

— Нет уж, сударыня, этих денег вы не наследуете... — ответил Путилин. — А вот лучше вы скажите: откуда, по вашему мнению, у вашей дочери могла взяться такая сумма?

Вдова захныкала.

— А я почему знаю, господин начальник?

Путилин сдал вдову на руки своему опытному помощнику. От нее надо было отобрать

подробные сведения обо всех знакомых вдовы, о тех магазинах, куда Леночка сдавала работу. Соответственно с этим целая рать агентов должна была быть направлена по горячим следам.

Но я ясно видел, что Путилин распоряжался как бы нехотя, словно сам не доверял целесообразности тех мер розыска, которые предпринимал.

Я хорошо изучил моего гениального друга. Я чувствовал, что делает он все это больше для пустой формальности, для очистки совести.

— Позовите мне X.! — отдал он приказ. X. был любимый агент Путилина. Силач, бесстрашный, находчивый.

— Слушайте, голубчик, сейчас мы с вами побеседуем кое о чем.

Затем он обратился ко мне.

— Поезжай, друже, домой и ожидай меня ровно в восемь часов вечера. Сегодня ночью мы продолжим наши похождения. Только отпусти лакея.

В логове зверя

Стрелка часов показывала ровно восемь

часов, когда я услышал звонок. Я поспешно открыл дверь и попятился, удивленный: первой вошла в мою переднюю... девушка, которую я вчера видел убитой на Сенной площади.

Крик ужаса готов был сорваться с моих уст, как вдруг раздался веселый смех Путилина, вошедшего вслед за девушкой.

— Не бойся, дружище, это — не привидение, а только моя талантливая сотрудница по трудному и опасному ремеслу.

— Фу-у, черт возьми, Иван Дмитриевич, ты всегда устроишь какую-нибудь необыкновенную штучку! — вырвалось у меня. — Но, боже мой, какой великолепный маскарад! Совсем она!

Я, подробно осматривавший труп, заметил даже большую черную родинку на левой щеке девушки.

Путилин был искусно загримирован, но в обыкновенной, сильно поношенной и продранной триковой «тройке».

— А мне в чем ехать? — спросил я.

— Да так, как есть... Только сомни воротник и обсыпь себя мукой или пудрой...

Я исполнил повеления моего друга и через несколько минут мы вышли из квартиры.

У ворот нас ждал любимый агент Путилина.

— Все?

— Все, Иван Дмитриевич.

«Малинник», знаменитый вертеп пьянства и разврата, гремел массой нестройных голосов.

Если ужасы Вяземки днем были отвратительны, то неописуемые оргии, происходящие ночью в «малиннике», были поистине поразительны. Все то, что днем было собрано, наворовано, награблено, — все вечером и ночью пропивалось, прогуливалось в этом месте.

Тут казалось, что Бог совершенно отступился от людей, и люди, опившиеся, одурманенные зверскими, животными инстинктами, находились во власти Сатаны.

Когда мы подошли, стараясь идти не вместе, а поодиночке, к этой клоаке, Путилин сказал:

— Барынька, вы останьтесь здесь с Х. Мы с доктором войдем сюда и, наверное, скоро вер-

немся.

Мы вошли в ужасный притон.

Первое, что бросилось нам в глаза, была фигура странного горбуна.

Он сидел на стуле, низко свесив свои страшные, длинные ноги. Получилось такое впечатление, будто за столом сидит только огромный горб и огромная голова.

Лицо горбуна было ужасно. Сине-багровое, налившееся кровью, оно было искажено пьяно-сладоострастной улыбкой.

На коленях его, если можно только эти искривленные обрубки назвать коленями, сидела пьяная девочка лет пятнадцати.

Она, помахивая стаканом водки, что-то кричала тоненьким, сиплым голоском, но что она кричала, за общим гвалтом разобрать было невозможно.

— Горбун! Дьявол! — доносились возгласы обезумевших от пьянства и разврата людей.

Кто-то где-то хохотал животным хохотом, кто-то плакал пьяным плачем.

— Назад! — шепнул мне Путилин.

Мы быстро, не обратив на себя ничего внимания, выскочили из этого смрадного

вертепа.

Я был поражен. Для чего же мы отправились сюда? Какой гениальный шаг рассчитывает сделать мой друг?

— Скорее! — отдал приказ Путилин агенту и агентше, поджидавшим нас.

Нас толкали, отпуская по нашему адресу непечатную брань. Кто-то схватил в охапку агентшу, но, получив здоровый удар от агента Х., с проклятием выпустил ее из своих рук.

— Дьявол! Здорово дерется!..

Минуты через две мы очутились перед той лестницей, ведущей на «галдарейку» флигеля, по которой сегодня утром подымался горбун. Путилин поднялся первый. За ним — агент Х., потом я, последней — агентша-сыщица.

— Вы ничего не знаете? — терзаемый любопытством, тихо спросил я ее.

— Да разве вы его не знаете? Разве он скажет что-нибудь наперед? — ответила загадочно она.

Вот и эта галерея, вонючая, зловонная.

Она была почти темна. Только в самом конце ее, из крошечного окна лился тусклый

свет сквозь разбитое стекло, заклеенное бумагой. Перед нами была небольшая дверь, обитая старой-престарой клеенкой. Длинный за-сов, на нем — огромный висячий замок.

— Начинайте, голубчик! — обратился Пу-тилин к агенту.

Послышался чуть слышный металличе-ский лязг инструментов в руках агента Х.

— А теперь, господа, вот что, — обратил-ся уже к нам Путилин. — Если замок не удаст-ся открыть, тогда я немедленно возвращусь в «малинник», а вы... вы караульте здесь. Смот-рите, какое тут чудесное помещение.

С этими словами Путилин подвел нас к ко-нуре, напоминающей нечто вроде сарая-кла-довой.

Я недоумевал все более и более.

— Иван Дмитриевич, да объясни ты хоть что-нибудь подробнее.

— Тс-с! Ни звука! Ну как?

— Великолепно! Кажется, сейчас удаст-ся, — ответил Х.

— Ну?

— Готово!

— Браво, голубчик, это хороший ход! — до-

вольным голосом произнес Путилин.

— Пожалуйте! — раздался шепот агента Х.

— Прошу! — пригласил нас Путилин, показывая на открывшуюся дверь.

Первой вошла агентша, за ней я. Путилин остановился в дверях и обратился к Х::

— Ну а теперь, голубчик, закройте, вернее, запирайте нас на замок таким же образом.

— Как?! — в сильнейшем недоумении и даже страхе вырвалось у меня. — Как?! Мы должны быть заперты в этом логовище страшного уroda?

— Совершенно верно, мы должны быть заперты, дружище... — невозмутимо ответил мой друг. — Пойдите, господа, пропустите меня вперед, я вам освещу немного путь.

Путилин полез в карман за потайным фонарем. В эту секунду я услышал звук запираемого снаружи замка. Много, господа, лет прошло с тех пор, но уверяю вас, что этот звук стоит у меня в ушах, точно я его слышу сейчас. Чувство холодного ужаса пронизало все мое существо. Такое чувство испытывает, наверное, человек, которого хоронят в состоянии летаргического сна, когда он слышит, что

над ним заколачивают крышку гроба, или осужденный, брошенный в подземелье при звуке захлопываемой за ним на веки железной двери каземата.

— Ну, вот и свет! — проговорил Путилин. Он держал впереди себя небольшой фонарь. Узкая, но яркая полоса света прорезала тьму. Мы очутились в жилище страшного горбуна. Прежде всего, что поражало, — это холодный пронизывающе сырой воздух, пропитанный запахом отвратительной плесени.

— Бр-р! Настоящая могила... — произнес Путилин.

— Да, неважное помещение, — согласился я.

Небольшая комната, если только это логовище, грязное, смрадное, можно было назвать комнатой, было почти все заставлено всевозможными предметами, начиная от разбитых ваз и кончая пустыми жестяными банками, пустыми бутылками, колченогими табуретами, кусками материй.

В углу стояло подобие стола. На всем этом толстым слоем лежала пыль и грязно-бурая, толстая паутина. Видно было, что страшная

лапа безобразного чудовища-горбуна не при-
трагивалась ко всему этому в течение многих
лет.

Около стены было устроено нечто вроде
кровати. Несколько досок на толстых поле-
нах; на этих досках — куча отвратительного
тряпья, служившего, очевидно, подстилкой и
прикрытием уроду.

— Не теряя ни минуты времени, я должен
вас спрятать, господа! — проговорил Пути-
лин. Он зорко осмотрелся.

— Нам с тобой, дружище, надо быть ближе
к дверям, поэтому ты лезь под этот угол кро-
вати, а я в последнюю минуту займу вот эту
позицию.

И Путилин указал на выступ конуры, обра-
зующей как бы нишу.

— Теперь, и это главное, мне надо вас, ба-
рынька, устроить. О, от этого зависит многое,
очень многое! — загадочно прошептал гени-
альный сыщик.

Он оглядел еще раз логовище горбуна.

— Гм... скверно... Но нечего делать! При-
дется вам поглотать пыли и покушать пау-
тинки, барынька. Потрудитесь спрятаться вот

за сию пирамидку из всевозможной дряни, — указал Путилин на грудку различных предметов. — Кстате, снимайте скорее ваш дипломат. Давайте его мне! Его можно бросить куда угодно, лишь бы он не попадался на глаза. Отлично... вот так. Ну-ка, доктор, извольте взглянуть на сие зрелище!

Я, уже влезший под кровать, выглянул и испустил подавленный крик изумления.

Преодо мною стояла — нет, я не так выразился — не стояла, а стоял труп Леночки, убитой девушки. С помощью удивительно «жизненного» трико тельного цвета получалось — благодаря скудному освещению — полная иллюзия голого тела. Руки и ноги казались кровавыми обрубками, вернее, раздробленной кровавой массой. Длинные волосы, смоченные кровью, падали на плечи беспорядочными прядями.

— Верно? — спросил Путилин.

— Но... это... — заплетающимся голосом пролепетал я. — Это, черт знает что такое.

На меня, съезжившегося под кроватью, нашел, положительно, столбняк.

Мне казалось, что это какой-то кошмар,

больной, тяжелый, что все это не действительность, а сон.

Но увы! Это была действительность из блестящих походов Путилина, моего друга.

— Ну, по местам! — тихо скомандовал Путилин, туша фонарь. — Да, кстати, барынька: зажимайте крепко нос, дышите только ртом. У вас слишком много пыли, а пыль иногда — в деле уголовного сыска — преопасная вещь... Тс-с! Теперь — ни звука.

Наступила тьма и могильная тишина.

Я слышал, как бьется мое сердце тревожными, неровными толчками.

Из-за могилы

Время тянулось страшно медленно. Секунды казались минутами, минуты — часами. Вдруг до моего слуха донеслись шаги человека, подходящего к двери. Послышалось хриплое ворчание, точно ворчание дикого зверя, вперемешку с злобными выкриками, проклятиями. Загремел замок.

— Проклятая!.. Дьявол!.. — совершенно явно долетали слова.

Лязгнул засов, скрипнула как-то жалобно дверь, и в конуру ввалился человек. Кто он —

я, конечно, не мог видеть, но сразу понял, что это — страшный горбун.

Чудовище было, очевидно, сильно пьяно.

Он, изрыгая отвратительную ругань, натолкнулся на край кровати, отлетел потом в противоположную стену и направился колеблющейся походкой в глубь логовища.

— Что? Сладко пришлось, ведьма? Кувырк, кувырк, кувырк... Ха-ха-ха! — вдруг разразился иступленно бешеным, безумным хохотом страшный горбун.

Признаюсь, я похолодел от ужаса.

Вдруг конура осветилась слабым светом, синевато-трепетным. Горбун чиркнул серной спичкой и, должно быть, зажег сальную свечу, потому что комната озарилась тускло-красным пламенем.

— Только ошиблась, проклятая, не то взяла! — продолжал рычать горбун.

Он вдруг быстро наклонился под кровать и потащил к себе небольшой черный сундук.

Мысль, что он меня увидит, заставила заледенеть кровь в моих жилах. Я даже забыл, что у меня есть револьвер, которым я могу разmozжить голову этому чудовищу.

Горбун, выдвинув сундук, поставил дрожащей лапой около него свечку в оловянном подсвечнике и, все так же изрыгая проклятия и ругательства, отпер его и поднял его крышку. Свет свечки падал на его лицо. Великий Боже, что это было за ужасное лицо! Клянусь вам, это было лицо самого дьявола!.. Медленно, весь дрожа, он стал вынимать мешочки, в которых сверкало золото, а потом — целая кипа процентных бумаг и ассигнаций.

С тихим, захлебывающимся смехом он прижимал их к своим безобразным губам.

— Голубушки мои... Родненькие мои... Ах-ох-хо-хо! Сколько вас здесь... Все мое, мое!..

Чудовище-человек беззвучно хохотал. Его единственный глаз, казалось, готов был выскочить из орбиты. Страшные, цепкие щупальца-руки судорожно сжимали мешочки и пачки. Но почти сейчас же из его груди вырвался озлобленный вопль-рычание:

— А этих нет! Целой пачки нет!.. Погубила, осиротинила меня!

— Я верну их тебе! — вдруг раздался резкий голос.

Прежде, чем я успел опомниться, я увидел,

как горбун в ужасе запрокинулся назад.

Его лицо из сине-багрового стало белее полотна. Нижняя челюсть отвисла и стала дрожать непрерывной дрожью.

К нему медленно подвигалась, тихо, плавно, словно привидение, девушка-труп.

Ее руки были простерты вперед.

— Ты убил меня, злое чудовище, но я... я не хочу брать с собою в могилу твоих постылых денег. Они будут жечь меня, не давать покоя моей душе.

Невероятно дикий крик, крик, полный смертельного ужаса, огласил мрачное логовище.

— Скорее! Ползи к двери. Сейчас же вон отсюда! — услышал я сдавленный шепот Путилина.

Я пополз из-под угла кровати к двери.

— Не подходи! Не подходи! Исчадие ада!.. — в смертельном ужасе лепетал горбун.

Девушка-труп приближалась к чудовищу-горбуну все ближе и ближе.

— Слушай, убийца! — загробным голосом говорила девушка. — Там, на колокольне, под большим колоколом, прикрытые тряпкой, ле-

жат твои деньги. Я пришла с того света, чтобы сказать тебе: торопись скорее туда, ты свободно пройдешь на колокольню и возьмешь эти проклятые деньги, за которые ты убил меня такой страшной смертью.

Обезумевший от ужаса страшный горбун, сидевший к нам спиной, замер.

Путилин быстро и тихо, толкнув меня вперед, открыл ногой дверь.

— Беги немедленно, что есть силы! Спускайся по лестнице! К воротам!

Я несся что было духу. Оглянувшись, я увидел, что за мной несется Путилин и Х. Вдруг из логовища горбуна мелькнула белая фигура и, с ловкостью истой акробатки, сбежала с лестницы.

— Поздравляю вас, барынька, с блестяще удачным дебютом! — услышал я голос Путилина.

На колокольне

Мы поднимались по узкой, винтообразной лестнице спасской колокольни.

Я, еще не успевший прийти в себя после всего пережитого, столь необычайного, заметил кое-где фигуры людей.

Очевидно, мой гениальный друг сделал заранее известные распоряжения. Фигуры почтительно давали нам дорогу, затем — после того, как Путилин им что-то отрывисто шептал, — быстро стушевались. Когда мы вошли на колокольню, было ровно два часа ночи.

— Ради бога, друг, зачем же мы оставили на свободе этого страшного горбуна? — обратился я, пораженный, к Путилину.

Путилин усмехнулся.

— Положим, дружище, он — не на свободе. Он — «кончен», то есть пойман; за ним — великолепный надзор. А затем... Я хочу довести дело до конца. Знаешь, — это моя страсть и это — моя лучшая награда. Позволь мне насладиться одним маленьким эффектом. Ну, блестящая дебютантка, пожалуйста сюда, за этот выступ! Я — здесь, ты — там!

Мы разместились.

Первый раз в моей жизни я бывал на колокольне.

Колокола висели большой, темной массой.

Вскоре выплыла луна и озарила своим трепетным сиянием говорящую массу.

Лунный свет заиграл на колоколах, и что-

то таинственно чудное было в этой картине, полной мистического настроения.

По лестнице послышались шаги. Кто-то тяжело и хрипло дышал.

Миг — и на верху колокольни появилась страшная, безобразная фигура горбуна.

Озаренная лунным блеском, она, эта чудовищная фигура, казалась воспроизведением больной, кошмарной фантазии.

Боязливо озираясь по сторонам, страшный спрут-человек быстро направился к большому колоколу.

Тихо ворча, он нагнулся и стал шарить своей лапой...

— Нету... нету... Вот так!.. Неужели ведьма проклятая надула?..

Огромный горб продолжал ползать под колоколом.

— Тряпка... где тряпка? А под ней мои денежки! Ха-ха-ха!.. — усиливал свое ворчание человек-зверь.

— Я помогу тебе, мой убийца!

С этими словами из места своего прикрития выступила девушка-труп, «сотрудница» Путилина.

Горбун испустил жалобный крик. Его опять, как и там, в конуре, затрясло от ужаса.

Но это продолжалось одну секунду. С бешеным воплем злобы, страшное чудовище одним гигантским прыжком бросилось на имитированную Леночку и сжало ее в своих страшных объятиях.

— Проклятая дочь Вельзевула! Я отделаюсь от тебя! Я сброшу тебя во второй раз!..

Крик, полный страха и мольбы, прорезал тишину ночи.

— Спасите! Спасите!

— Доктор, скорее! — крикнул мне Путилин, бросаясь сам, как молния, к чудовищному горбуну.

Наша агентша трепетала в руках горбуна.

Он высоко подняв ее в воздухе, бросился к перилам колокольни.

Путилин первый с большой силой схватил горбуна за шею, стараясь оттащить его от перил колокольни.

Вот в это-то время некоторые, случайно проезжавшие и проходившие в этот поздний час мимо церкви Спаса на Сенной и видели эту страшную картину: озаренный луной без-

образное чудовище-горбун стоял на колокольне, высоко держа в своих руках белую фигуру девушки, которую собирался сбросить с огромной высоты.

Я ударил горбуна по ногам.

Он грянулся навзничь, не выпуская, однако, из своих цепких объятий бедную агентшу, которая была уже в состоянии глубокого обморока.

— Сдавайся, мерзавец! — приставил Путилин блестящее дуло револьвера ко лбу урода. — Если сию секунду ты не выпустишь женщину, я раскрою твой безобразный череп. — Около лица горбуна появилось дуло и моего револьвера. Цепкие, страшные объятия урода разжались и выпустили полузадушенное тело отважной агентши.

Урод-горбун до суда и до допроса разбил себе голову в месте заключения в ту же ночь.

При обыске его страшного логовища в сундуке было найдено... 340 220 рублей и несколько копеек.

— Скажи, Иван Дмитриевич, — спросил я позже моего друга, — как удалось тебе напасть на верный след этого чудовищного пре-

ступления...

— По нескольким волосам... — усмехаясь, ответил Путилин.

— Как так?! — поразился я.

— А вот слушай. Ты помнишь, когда протиснулся незнакомый мне горбун к трупу девушки, прося дать ему возможность взглянуть на «упокойницу»? Вид этого необычного уroda невольно привлек мое внимание. Я по привычке быстро-быстро и внимательно оглядел его с ног до головы, и тут случайно мой взор упал на пуговицу его полурваной куртки. На пуговице, замотавшись, висела, целая прядка длинных волос. Волосы эти были точно такого же цвета, что и волосы покойной.

В то время, когда я открывал холст с лица покойницы, незаметным и ловким движением сорвал эти волосы с пуговицы. При вскрытии — я сличил эти волосы. Они оказались тождественными. Если ты примешь во внимание, что я, узнав, где девушка разбилась от падения со страшной высоты — поглядел на колокольню, а затем узнал, что горбун — постоянный обитатель церковной паперти, то...

то ты несколько оправдаешь мою смелую уголовно-сыскную гипотезу. Но это еще не все. Я узнал, что горбун богат, пьяница и развратник. Для меня, друг, все стало ясно. Я вывел мою особенную линию, которую я называю мертвой хваткой.

— Что же ясно? Как ты проводишь нить между горбуном и Леночкой?

— Чрезвычайно просто.

Показания ее матери пролили свет на характер Леночки. Она безумно хочет разбогатеть. Ей рисуются наряды, бриллианты, свои выезды. Я узнал, что она работала на лавку, близ церкви Спаса. Что удивительного, что она, прослышав про богатство и женолюбие горбуна, решила его «пощипать»?

Сначала, пользуясь своей редкой красотой, она вскружила безобразную голову чудовища. Это было время флирта. Она, овладев всецело умом и сердцем горбуна, безбоязненно рискнула прийти в его логовище. Там, высмотрев, она похитила эти 49 700 рублей. Горбун узнал, и... любовь к золоту победила любовь к женской красоте. Он решил жестоко отомстить и действительно сделал это.

Гроб с двойным дном

Гений зла

Путилин ходил из угла в угол по своему кабинету, что с ним бывало всегда, когда его одолевала какая-нибудь неотвязная мысль.

Вдруг он круто остановился передо мной.

— А ведь я его все-таки должен поймать, доктор!

— Ты о ком говоришь? — спросил я моего гениального друга.

— Да о ком же, как не о Домбровском! — с досадой вырвалось у Путилина. — Целый год, как известно, он играет со мной, как кошка с мышкой. Много на своем веку видел я отъявленных и умных плутов высокой марки, но признаюсь тебе, что подобного обер-плута еще не встречал. Гений, ей-богу, настоящий гений! Знаешь, я искренно им восхищаюсь.

— Что же, тебе, Иван Дмитриевич, особенно должна быть приятна борьба с этим господином, так как вы — противники равной силы.

— Ты ведь только вообрази, — продолжал Путилин, — сколько до сих пор нераскрытых

преступлений этого короля воров и убийц лежит на моей совести! В течение одиннадцати месяцев — три кражи на огромную сумму, два убийства, несколько крупных мошеннических дел, подлогов. И все это совершено одним господином Домбровским! Он прямо неуловим! Знаешь ли ты, сколько раз он меня оставлял в дураках?

Я до сих пор не могу без досады вспомнить, как он провел меня с похищением бриллиантов у ювелира Г. Как-то обращается ко мне этот известный ювелир с заявлением, что из его магазина началось частое хищение драгоценных вещей: перстней, булавок, запонок с большими солитерами огромной ценности.

— Кого же вы подозреваете, господин Г.? — спросил я ювелира.

— Не знаю, прямо не знаю, на кого и подумать. Приказчики мои — люди испытанной честности, и, кроме того, ввиду пропаж, я учредил за всеми самый бдительный надзор. Я не выходил и не выхожу из магазина, сам продаю драгоценности, и... тем не менее не далее как вчера, у меня на глазах, под носом исчез рубин редчайшей красоты. Ради бога,

помогите, господин Путилин!

Ювелир чуть не плакал. Я решил взяться за расследование этого загадочного исчезновения бриллиантов.

— Вот что, любезный господин Г., не хотите ли вы взять меня на несколько дней приказчиком? — спросил я его.

Он страшно, бедняга, изумился.

— Как?! — сразу не сообразил он.

— Очень просто: мне необходимо быть в магазине, чтобы следить за покупателями. Как приказчику, это чрезвычайно будет удобно.

На другой день, великолепно загримированный, я стоял рядом с ювелиром за зеркальными витринами, в которых всеми цветами радуги переливались драгоценные камни.

Я не спускал глаз ни с одного покупателя, следя за всеми их движениями. Вечером я услышал подавленный крик отчаяния злополучного ювелира:

— Опять, опять! Новая пропажа!

— Да быть не может? Что же исчезло?

— Булавка с черной жемчужиной!

Я стал вспоминать, кто был в этот день в магазине. О, это была пестрая вереница лиц! И генералы, и моряки-офицеры, и штатские денди, и великосветские барыни, и ливрейные лакеи, являвшиеся с поручениями от своих знатных господ.

Стало быть, среди этих лиц и сегодня был страшный, поразительно ловкий мошенник. Но в каком виде явился он? Признаюсь, это была нелегкая задача...

На другой день я получил по почте письмо. Я помню его содержание наизусть. Вот оно:

«Любезный господин Путилин!

Что это Вам пришла за странная фантазия обратиться в приказчика этого плута Г.? Это не к лицу гениальному сыщику.

Ваш *Домбровский*».

Когда я показал это письмо ювелиру, он схватился за голову.

— Домбровский?! О, я погиб, если вы не спасете меня от него. Это не человек, а дьявол! Он разворует у меня постепенно весь ма-

газин!..

Прошел день без покражи. Я был убежден, что гениальный мошенник, узнав меня, не рискнет больше являться в магазин и что его письмо — не более чем дерзкая бравада.

На следующий день, часов около пяти, к магазину подкатила роскошная коляска с лирейным лакеем на козлах.

Из коляски вышел, слегка прихрамывая и опираясь на толстую трость с золотым набалдашником, полуседой джентльмен — барин чистой воды. Лицо его дышало истым благородством и доброжелательностью.

Лишь только он вошел в магазин, как ювелир с почтительной поспешностью направился к нему навстречу.

— Счастлив видеть ваше сиятельство... — залепетал он.

— Здравствуйте, здравствуйте, любезный господин Г., — приветливо-снисходительно бросил важный посетитель. — Есть что-нибудь новенькое, интересное?

— Все, что угодно, ваше сиятельство.

— А кстати: я хочу избавиться от этого перстня. Надоел он мне что-то. Сколько вы

мне за него дадите?

Ювелир взял перстень. Это был огромный солитер дивной воды.

Г. долго его разглядывал.

— Три тысячи рублей могу вам предложить за него... — после долгого раздумья проговорил он.

— Что? — расхохотался старый барин. — За простое стекло — три тысячи рублей?

— То есть как — за стекло? — удивился ювелир. — Не за стекло, а за бриллиант.

— Да бросьте, это лондонская работа. Это поддельный бриллиант. Мне подарил его мой дядюшка, князь В., как образец заграничного искусства подделывать камни.

Злополучный ювелир покраснел, как рак. Его, его, величайшего знатока, специалиста, пробуют дурачить!

— Позвольте, я его еще хорошенько рассмотрю. — Он стал проделывать над бриллиантом всевозможные пробы, смысл и значение которых для меня, как для профана, были совершенно темны, непонятны.

— Ну что, убедились? — мягко рассмеялся князь.

— Убедился... что это бриллиант самый настоящий и очень редкой воды.

Выражение искреннего изумления отразилось на лице князя.

— И вы не шутите?

— Нимало. Неужели вы полагаете, что я не сумею отличить поддельный камень от настоящего?

— И вы... вы согласны дать мне за него три тысячи рублей?

— И в придачу даже вот эту ценную по работе безделушку, — проговорил Г., подавая князю булавку с головкой-камеей тонкой работы.

— А, какая прелесть!.. — восхищенно вырвалось у князя. — Ну-с, господин Г., я согласен продать вам этот перстень, но только с одним условием.

— С каким, ваше сиятельство?

— Во избежание всяческих недоразумений вы потрудитесь дать мне расписку, что купили у меня, князя В., перстень с поддельным бриллиантом за три тысячи рублей.

— О, с удовольствием! — рассмеялся ювелир. — Вы извините меня, ваше сиятельство,

но вы большой руки шутник!

Расписка была написана и вручена князю. Он протянул Г. драгоценный перстень.

— Сейчас я тороплюсь по делу. Через час я заеду к вам. Вы подберите мне что-нибудь интересное.

— Слушаюсь, ваше сиятельство!

Вскоре коляска отъехала от магазина ювелира. Прошло минут пять. Я заинтересовался фигурой какого-то господина, очень внимательно разглядывающего витрину окна.

Вдруг яростный вопль огласил магазин. Я обернулся. Злосчастный ювелир стоял передо мной белее полотна.

— Господин Путилин... господин Путилин... — бессвязно лепетал он.

— Что такое? Что с вами? Что случилось? — спросил я, недоумевая.

— Фальшивый... фальшивый! — с отчаянием вырвалось у Г.

— Как — фальшивый? Но вы же уверяли, что это настоящий бриллиант?..

Ювелир хватался руками за голову.

— Ничего не понимаю... ничего не понимаю... Я видел драгоценный солитер, который

вдруг сразу превратился в простое стекло.

Зато я все понял. Этот князь В. был не кто иной, как Домбровский. У гениального мошенника было два кольца, капля в каплю похожие одно на другое. В последнюю минуту он всучил ювелиру не настоящий бриллиант, а поддельный.

Путилин опять прошелся по кабинету.

— А знаешь ли ты, что третьего дня опять случилась грандиозная кража? У графини Одинцовой похищено бриллиантов и других драгоценностей на сумму около четырехсот тысяч рублей. Недурно?

— Гм... действительно, недурно, — ответил я. — И ты подозреваешь...

— Ну, разумеется, его. Кто же, кроме Домбровского, может с таким совершенством и блеском ухитриться произвести такое необычайное хищение! Кража драгоценностей произошла во время бала. Нет ни малейшего сомнения, что гениальный вор находился в числе гостей, ловким образом проник в будуар графини и там похитил эту уйму драгоценностей.

— И никаких верных следов, друже?

— Пока никаких. Общественное мнение страшно возбуждено. В высших инстанциях несколько косятся на меня. Мне было поставлено вежливо на вид, что ожидали и ожидают от меня большего, что нельзя так долго оставлять на свободе неразысканным такого опасного злодея. Откровенно говоря, все это меня страшно волнует. Но я ему устроил зато везде и всюду страшную засаду.

— Попробовали бы они сами разыскать подобного дьявола... — недовольно проворчал я, искренно любивший моего друга.

— Но клянусь, что я еще не ослаб и что я во что бы то ни стало поймаю этого господина! — слегка стукнул ладонью по столу Путилин.

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Путилин.

Вошел дежурный агент и с почтительным поклоном подал Путилину элегантный конверт.

— Просили передать немедленно в собственные руки вашему превосходительству.

— Кто принес, Жеребцов? — быстро спросил Путилин.

— Ливрейный выездной лакей.

— Хорошо, ступайте.

Путилин быстро разорвал конверт и стал читать. Я не сводил с него глаз и вдруг заметил, как краска гнева бросилась ему в лицо.

— Ого! Это, кажется, уж чересчур! — резко вырвалось у него.

— В чем дело, друже?

— А вот прочти.

С этими словами Путилин подал мне элегантный конверт с двойной золотой монограммой.

Вот что стояло в письме:

«Мой гениальный друг!

Вы дали клятву поймать меня. Желая прийти Вам на помощь, сам извещаю Вас, что сегодня, ровно в три часа дня, я выезжаю с почтовым поездом в Москву по Николаевской ж. дороге. С собой я везу все драгоценности, похищенные мною у графини Одинцовой. Буду весьма польщен, если Вы проводите меня.

Уважающий Вас *Домбровский*».

Письмо выпало у меня из рук. Я был пора-

жен, как никогда в моей жизни.

— Что это: шутка, мистификация?

— Отнюдь нет. Это правда.

— Как?!

— Я отлично знаю почерк гениального мошенника. Это один из его блестяще смелых трюков. Домбровский любит устраивать неожиданные выпады.

— А ты не предполагаешь, что это сделано с целью отвода глаз? В то время, когда мы будем его караулить на Николаевском вокзале, он преблагополучно удерет иным местом.

Путилин усмехнулся.

— Представь себе, что нет. Он действительно, если только мне не удастся узнать его, непременно уедет с этим поездом и непременно по Николаевской дороге. О, ты не знаешь Домбровского! Неужели ты думаешь, что, если бы это был обыкновенный мошенник, я не изловил бы его в течение года? В том-то и дело, что он равен мне по силе, находчивости, дерзкой отваге. Он устраивает такие ходы, какие не устраивал ни один шахматный игрок мира.

Путилин взглянул на часы. Стрелка пока-

зывала половину второго.

— Я принимаю вызов. Bravo, Домбровский, честное слово, это красивая игра! — возбужденно проговорил мой друг. — Итак, до отхода поезда остается полтора часа... Гм... Немного...

Путилин провожает мошенника

На Николаевском вокзале в то время не царило при отходе поездов того сумасшедшего движения, какое вы наблюдаете теперь. Пассажиров было куда меньше, поезда ходили значительно реже.

Было без сорока минут три часа, когда я спешно подъехал к Николаевскому вокзалу.

Почти сейчас же приехал и Путилин.

Железнодорожное вокзальное начальство, предупрежденное, очевидно, им о его приезде, встретило его.

— Вы распорядились, чтобы несколько задержали посадку пассажиров в поезд? — спросил он начальника станции.

— Как же, как же... Все двери заперли. Могу поручиться, что ни один человек незаметным образом не проникнет в вагоны.

Путилин, сделав мне знак, пошел к выходу

на перрон вокзала.

Поезд, уже готовый, только еще без паров, был подан. Он состоял из пяти вагонов третьего класса, двух вагонов второго и одного — первого класса, не считая двух товарных вагонов.

— Надо осмотреть на всякий случай весь поезд... — задумчиво произнес Путилин.

Мы обошли все вагоны. Не было ни одного уголка, который не был бы осмотрен нами.

Увы, поезд был пуст, совершенно пуст!

Мы прошли всем дебаркадером. Всюду стояли жандармы, оберегая все выходы и входы.

У каждого вагона стояли опытные агенты, мимо которых должны были пройти пассажиры.

— У дверей третьего класса в момент выпуска публики будет стоять Х. О, он молодчина! Он не пропустит ни одного подозрительного лица, — возбужденно проговорил Путилин.

Мы вернулись в зал первого класса.

Тут было не особенно много пассажиров. Мой друг зорко всматривался в лица мужчин и женщин, одетых по-дорожному, с традици-

онными сумками через плечо.

Особенное внимание привлекал высокий рыжий господин с огромными бакенбардами с чемоданом в руках. Это был типичный англичанин-турист.

— Пора выпускать публику садиться в вагоны! — незаметно шепнул начальник станции.

— Выпускайте! — так же тихо ответил Путилин.

Путилин встал у выходных дверей, не спуская пристального взора с выходящих пассажиров.

Прошел один, другой, третья...

— Скажите, пожалуйста, который час? — по-английски обратился Путилин к высокому рыжему джентльмену.

Тот удивленно вскинул на него глаза.

— Виноват, я не понимаю, что вы говорите! — холодно бросил он.

Пассажиров больше не оставалось.

Дверь была моментально заперта на замок, и отдан был приказ выпускать с «осмотрительностью».

Публика почти вся уже расселась по ваго-

нам.

— Его нет! — на ходу бросил Путилину Х., дождавшийся выпуска последнего пассажира из зала третьего класса.

— Садитесь при последнем звонке в вагон первого класса, там рыжий господин с черным большим чемоданом. Не спускайте с него глаз. Следуйте по пятам. Мы будем обмениваться депешами, — тихо проговорил Путилин.

Поезд был наполнен.

Под предлогом, что кем-то из пассажиров обронен ридикюль с ценными вещами, агенты, кондукторы и жандармы вновь самым тщательным образом обшарили весь поезд. Путилин, якобы муж потерявшей ридикюль дамы, сопровождал им. Результат был тот же: Домбровского в поезде не было, если только рыжий... До отхода оставалось около девяти минут.

Когда Путилин с довольной усмешкой, обследовав все вагоны, выходил из последнего, своды дебаркадера огласились звуками стройного похоронного пения. Четыре здоровенных факельщика несли большой гроб ли-

лового бархата. Он в их руках мерно и тихо колыхался. За гробом шла женщина в трауре, горько, безутешно рыдавшая. Ее истеричный плач, полный тоски, ужаса, глухо раздавался под сводами вокзала.

За гробом шли певчие в кафтанах с позументами.

— Куда, в какой вагон вносить? — спросили начальника станции двое черных факельщиков, несших гроб.

— Да вот прямо — в траурный, не видите разве? — недовольно буркнул начальник станции. — Точно в первый раз.

Гроб внесли в вагон. Вновь раздалось заунывное пение.

Путилин, человек в высокой степени религиозный, стоял у печального вагона без шляпы на голове.

Чувствительный и добрый, как все талантливые, благородные люди, он с искренним соболезнованием обратился к даме в трауре:

— Простите, сударыня... Вы так убиваетесь... Кого вы потеряли? — И Путилин указал на гроб, вносимый в траурный вагон.

Прелестное заплаканное личико молодой

женщины посмотрело сквозь черный креп на Путилина.

— Мужа... Я потеряла мужа, моего дорогого мужа. — Она заломила в отчаянии руки и, поддерживаемая каким-то почтенным седым господином, вошла в вагон первого класса.

— Третий звонок, — отдал приказ начальник станции.

— Со святыми упоко-о-ой... — грянули певчие под звуки станционного дребезжащего колокола. Поезд медленно стал отходить.

Исчезнувший покойник

Я еще никогда не видел моего друга в таком странном состоянии духа, как тогда, когда мы возвращались в карете с вокзала. Моментами он казался темнее тучи; моментами — лицо его освещалось довольной улыбкой. Он не проронил ни слова.

Только тогда, когда карета свернула в какой-то переулок, неподалеку от управления сысской полиции он обратился ко мне:

— Сегодняшний вечер и сегодняшняя ночь должны кое-что выяснить. Если ты хочешь присутствовать при всех перипетиях моей решительной борьбы с этим дьяволом, то при-

езжай часов в семь ко мне в управление. Я ожидаю важные донесения.

Сделав несколько визитов по больным, наскоро переодевшись и закусив, я ровно в семь часов входил в служебный кабинет моего друга.

— Ну что?

— Пока ничего... — сумрачно ответил Путилин. Мы стали беседовать о некоторых случаях из криминальной хроники Парижа.

— Дешеша! — вытянулся курьер перед Путилиным.

— Проклятие! — вырвалось у Путилина.

«Мы напали на ложный след. Черный чемодан не принадлежит Домбровскому. Жду ваших распоряжений», — стояло в телеграмме.

Путилин чиркнул на листе бумаги:

«Следуйте дальше, вплоть до Москвы».

Беседа о некоторых чудесах антропологии прервалась.

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Вдруг он вскочил с места и как исступленный забегал по кабинету.

— Дурак! Болван! Старый осел, прозевал! Прозевал! — вырывалось у него.

Он, казалось, готов был вырвать все свои волосы. Он, мой дорогой уравновешенный друг, был прямо страшен.

Я невольно вскочил и бросился к моему другу:

— Ради бога, что с тобой?! Что случилось?

— Случилось то, что мы с тобой действительно проводили Домбровского. Я даже с ним, представь, раскланялся.

— Так почему же ты его не арестовал?

Путилин не слушал меня. Быстрее молнии он написал несколько слов на бумаге.

— Дешешу срочно отправить! Постойте, вот вторая! Да стойте, черт вас возьми, вот третья!

Я ровно ничего не понимал, у меня, каюсь, даже мелькнула мысль: не сошел ли с ума мой гениальный друг?

— Скорее ко мне Юзефовича.

Через несколько секунд в кабинет вошел маленький, юркий человек. Путилин что-то шепнул ему на ухо.

— Через сколько времени?

— Да так часа через два-три.

Мы остались вдвоем.

Путилин подошел ко мне и, опустив руку на плечо, проговорил:

— Я посрамлен. Гениальный мошенник сыграл со мной поразительную штуку. Он одел мне на голову дурацкий колпак. Но помни, что за это я дам ему настоящий реванш. А теперь я тебе вот что скажу: содержание тех телеграмм, которые я сейчас получу, для меня известны.

Прошло несколько минут.

Я, заинтересованный донельзя, весь обратился во внимание.

— Дешеша! — опять вытянулся перед Путилиным курьер.

— Им подай! — приказал Путилин. — Ну, докториус, вскрывай и читай!

«Начальнику сыскной полиции, его превосходительству Путилину. Сим доношу Вам, что следовавшая за покойником дама в трауре бесследно исчезла из вагона первого класса, в котором ехала. Осталось только несколько забытых ею вещей. Куда делась — неизвестно.

Начальник станции Z. и агент X.»

Телеграмма была отправлена со станции Боровенки. Время получения — 10 часов 38 минут вечера.

— Что это значит? — обратился я, удивленный, к Путилину.

Путилин был бледен от бешенства до удивительности.

— Это значит только то, что ты вскрыешь очень скоро новую депешу.

Действительно, через полчаса, а может, и больше, нам подали новую депешу:

«Случилось необычайное происшествие. Обеспокоенный внезапным исчезновением дамы с трауром, я по приезде поезда на следующую станцию вошел в вагон с покойником. Дверь вагона была настежь открыта. Крышка гроба валялась на полу. Гроб оказался пустым. Покойник украден. Что делать?

Х.».

Я захлопал глазами. Признаюсь откровенно, у меня даже волосы встали дыбом на голове.

— Как покойник украден? — пролепетал

я. — Кому же надо красть покойника?..

— Бывает... — усмехнулся Путилин, быстро набрасывая слова на бумагу.

— Дешеша! — опять выросла перед нами фигура курьера.

— Что ж, читай уж до конца мою сегодняшнюю страшную корреспонденцию! — бросил мой друг.

«Благодарю Вас за то, что Вы меня проводили. От Вас, мой друг, я ожидал большей находчивости. Я сдержал свое слово: Вы проводили меня.

Искренно Вас любящий *Домбровский*».

— Понял ты теперь или нет? — бешено заревел Путилин, комкая в руках депешу.

От всей этой абракадабры у меня стоял туман в голове.

— Ровно ничего не понимаю... — искренно вырвалось у меня.

Секретный шкаф открылся. Перед нами стоял Юзефович.

— Ну?!

— Он здесь. Я привел его.

— Молодец! Впусти его.

Дверь отворилась, и в кабинет робко, боязливо вошел невысокий человек в барашковом пальто-бекеше.

Странный заказчик

— Вы содержатель гробового заведения Панкратьев? — быстро спросил Путилин.

— Я-с, ваше превосходительство! — почти-тельно ответил он.

— Расскажите, как было дело!

— Было-с это четыре дня тому назад, — начал гробовщик. — Час уже был поздний, мастерская была закрыта. Мы спешно кончали гроб. Вдруг через черный вход входит господин, отлично одетый.

— Вы хозяин? — обратился он ко мне.

— Я-с. Чем могу служить?

— Я приехал заказать вам гроб.

— Хорошо-с. А к какому сроку вам требуется его изготовить?

— Да как успеете... — ответил поздний посетитель. — Я хорошо заплачу.

— А вам для кого гроб требуется, господин? — обрадованный посулом щедрой платы, спросил я.

— Для меня! — резко ответил он.

Я-с вздрогнул, а потом скоро сообразил: ну, конечно, шутит господин.

— Шутить изволите, хе-хе-хе, ваше сиятельство!

А он-с так и вонзился в меня своими глазами.

— Я, любезный, нисколько не шучу с вами! Вам нужна мерка? Так потрудитесь снять ее с меня. Не забудьте припустить длину гроба, потому что, когда я умру, то, конечно, немного вытянусь.

— Я-с, признаюсь, ваше превосходительство, нехорошо себя почувствовал, даже побелел весь, как потом мне рассказывали жена и подмастерье. Оторопь, жуть взяли меня. Первый раз в жизни приходилось мне для гроба снимать мерку с живого человека.

Однако делать нечего, взял я трясущимися руками мерку и стал измерять важного господина.

Когда покончил я с этим, он и говорит:

— Сейчас я вам объясню, какой я желаю гроб, а пока... нет ли у вас какого-нибудь готового гроба, чтобы я мог кое-что сообразить?..

Я указал ему на гроб, который мы уже обтягивали глазетом.

Посетитель подошел к нему и полез в него.

— Дайте подушку! — строго скомандовал он.

— Агаша! Давай подушку свою! — приказал я жене.

Та-с со страхом, тихонько крестясь, подала мне подушку.

Через секунду посетитель лежал, вытянувшись, в гробу.

— Дайте крышку! — приказал он. — Прикройте меня ею!..

Поверите ли, как стал я закрывать гроб крышкой, аж зубы у меня защелкали. Что, думаю, за диво такое? Уж не перехватил ли я, грешным делом, лишнего сегодня с приятелем-гробовщиком в погребке, уж не снится ли мне страшный сон? Даже за нос свой, ваше превосходительство, себя ущипнул.

— Отлично! — громко вскричал важный господин, вылезая из гроба.

— Про... прочная работа... — заикнулся я.

— Ну-с, любезный хозяин, теперь я вам объясню, какой гроб вы должны мне сделать.

Прежде всего, вы должны мне сделать гроб с двойным дном.

— Как-с с двойным дном?! — попятился я.

— Очень просто: именно с двойным дном. Разве вы не знаете, что такое двойное дно? На первом дне буду лежать я, а подо мной должно находиться пустое пространство, сиречь — второе дно. Ширина его не должна быть большая... Так примерно вершка в три-четыре. Поняли?

— П... понял-с... — пролепетал я.

— Затем в крышке гроба на уровне с моим лицом вы вырежете три дырочки-отверстия: две — для глаз, одну — для рта. Сверху вы прикроете их кусочками-кружочками из бархата. Вы примерьте-ка лучше, любезный!

Господин вновь влез в гроб. Я-с, накрыв его крышкой, мелом очертил на ней места, где должны быть дырочки для глаз, для рта.

— Затем, и это весьма важно, вы должны поставить в углах крышки такие винтики, чтобы покойник в случае, если бы захотел, мог совершенно свободно отомкнуть завинченную крышку. Поняли? Гроб обейте лиловым бархатом. Ну-с, сколько вы возьмете с

меня за такой гроб?

Я замялся. Сколько с него заломить при такой okazji? Барин чудной, богатей, видно.

— Не знаю, право, ваше сиятельство... — пробормотал я.

— Пятьсот рублей довольно будет? — улыбнулся он, вынимая из толстого бумажника пять радужных.

Я-с, обрадованный, спросил, куда они прикажут доставить гроб.

— Я сам за ним заеду, любезный. Если все хорошо сделаете, я прибавлю еще пару таких же билетов. До свидания.

Когда он ушел, мы долго с женой и подмастерьем обсуждали это необычайное, можно сказать, посещение и этот диковинный заказ. Жена-с моя — женщина нрава решительно-го — выхватила у меня деньги и прикрикнула на меня:

— Ну, о чем ты сусолишь? Тебе-то что? Мало ли какие затеи приходят в голову сытым господам? Пшел стругать гроб!

— Ну, а дальше что, Панкратьев? — спросил Путилин.

— Через сутки к вечеру приехал этот гос-

подин, гробом остался доволен, дал, как обещал, две радужных и увез гроб с собой.

— Ступайте! Вы свободны! — отрывисто бросил Путилин.

— Покорнейше благодарим, ваше превосходительство! — кланяясь чуть не до земли, радостно проговорил гробовщик, пятясь к дверям.

Когда мы остались одни, Путилин искренно, восторженно проговорил:

— Помилуй бог, какой молодец! Тот день, когда я его поймаю, будет днем моего наивысшего торжества!..

Изумруд с крестом

Прошло несколько дней. Необыкновенное приключение с таинственным гробом, из которого во время движения поезда исчез покойник, стало известно петербургской, вернее, всей русской публике и породило самые разноречивые и нелепые толки.

— Вы слышали страшную историю с гробом! Покойник убежал!

— Ну, уж это вы извините: покойники не бегают.

— Но позвольте, это же факт, что гроб ока-

зался пустым?

— Из этого следует, что покойника выкрали.

— Но с какой целью?

— Весьма возможно, что покойник имел на себе драгоценности... Мошенники пронюхали об этом, проникли в вагон и...

— Обокрали его? Прекрасно. Но зачем же им, мошенникам, мог понадобиться сам покойник? Ведь это — лишняя и страшная обуза.

Такие и подобного рода разговоры можно было услышать везде. Стоустая молва, по обыкновению все преувеличивая, перевирая и сдабривая своей досужей фантазией, создала целую чудовищную легенду о появлении какой-то страшной, таинственной шайки «мистических» злодеев, выкрадывающих для ритуальных целей покойников из гробов. Дело дошло до того, что во время похорон родственники, прежде чем гроб их близкого опускали в могилу, требовали, чтобы перед опусканием гроба крышка его была вновь открыта, дабы убедиться, что гроб не пуст!

Путилин был в подавленном состоянии ду-

ха. Раскрыть истинный смысл чудесного происшествия с гробом он в интересах дела не мог.

— Хорошенькую кутерьму поднял этот негодяй! — ворчал он. — Воображаю, как хочет он теперь!..

Доставленный немедленно в сыскную полицию (под строжайшим секретом) виновник всей кутерьмы — гроб с двойным дном — был тщательно исследован.

В то время как мой друг обшаривал пространство, находящееся между первым дном и вторым-потайным, я услышал его подавленно-радостный крик:

— Ага! Хоть что-нибудь, хоть что-нибудь найдено...

— В чем дело? — спросил я, удивленный.

— Смотри!

Путилин держал в руке огромный изумруд.

Этот драгоценный камень был необычайной величины и красоты, принадлежащий к породе редчайших кабошонов — изумрудов. Внутри его — по странной игре природы — совершенно ясно виднелся крест.

Не успели мы как следует осмотреть его, как вошел курьер и подал Путилину депешу:

«Спешу предупредить Вас, мой гениальный друг, что я вчера преблагополучно прибыл в Петербург. Весь — в Вашем распоряжении и к Вашим услугам.

Домбровский».

— Это уж чересчур! — вырвалось у меня.

— Начинается вторая стадия борьбы... — усмехнулся Путилин.

— Ты свободен? — после десятиминутного раздумья спросил меня Путилин.

— Совершенно.

— Поедем, если хочешь, вместе. В одном месте ты меня подождешь, в другое — мы войдем вместе.

Наша карета остановилась около роскошного барского особняка на аристократической С-й улице.

Путилин скрылся в подъезде.

Теперь для планомерности рассказа о знаменитых похождениях моего друга я вам воспроизведу ту сцену, о которой позже расска-

зывал мне он.

Путилин поднялся по дивной лестнице в бельэтаж. Дверь подъезда распахнул ливрейный швейцар, а дверь квартиры — лакей в безукоризненном фраке.

— Графиня дома? — спросил Путилин.

— Их сиятельство дома-с...

Через минуту Путилин был принят графиней.

— Скажите, графиня, это ваш изумруд? — показывая ей замечательный кабошон, спросил он.

Крик радости вырвался из груди графини:

— Мой, мой! Боже, господин Путилин, стало быть, вы нашли мои драгоценности?!

— Увы, графиня, пока еще я не нашел ни драгоценностей, ни их похитителя. Но кто знает, может быть, скоро мне это удастся. Я к вам с просьбой.

— В чем дело?

— Разрешите мне от вашего имени сделать газетные публикации приблизительно такого рода: «Графиня Одинцова сим объявляет, что тот, кто разыщет и доставит ей похищенный в числе многих ее драгоценностей крупный

изумруд, в коем виднеется крест, и составляющий фамильную редкость, переходящую из рода в род Одинцовых, — получит в награду сто тысяч рублей».

— Как?! — в сильнейшем недоумении вырвалось у графини. — Но ведь изумруд найден. Вот он — в моих руках. К чему же тогда объявление? И потом — эта огромная награда... Я ровно ничего не понимаю.

— Успокойтесь, графиня... — усмехнулся Путилин. — Спешу успокоить вас, что на самом деле вам никому не придется платить ни копейки. Это объявление нужно мне для особых целей, мотивы о которых я не буду сейчас приводить вам.

— О, в таком случае — пожалуйста, пожалуйста...

Путилин вышел от графини и сел в карету, в которой я его поджидал.

— Гм... — несколько раз вырвалось у него в раздумье.

Карета остановилась около лавки, на вывеске которой был изображен гроб и стояла надпись: «Гробовое заведение Панкратьева».

— Сюда мы можем войти вместе! — обра-

тился ко мне мой друг.

В мастерской гробовщика заказчиков не было. Из рядом находящейся комнаты выскочил на звонок гробовщик Панкратьев и при виде Путилина побледнел, как полотно.

— Ну, любезнейший, я к тебе в гости, — тихо проговорил Путилин.

— Ваше... превосходительство... — пролепетал дрожащим голосом злосчастный гробовщик.

— Придется тебе теперь расплачиваться, голубчик!

— Ваше превосходительство, не погубите! Видит бог, я тут ни при чем! Польстился на деньги, сделал этот проклятый гроб с двойным дном, а для какой надобности — и сам не знаю. Грех, за него теперь и отвечай...

Путилин рассмеялся.

— Ну, так вот слушай теперь, Панкратьев, в наказание за этот грех я назначаю тебе такую кару: к завтрашнему дню ты должен мне изготовить новый гроб и тоже с двойным дном.

У гробовщика зашевелились волосы на голове. Он даже попятился от Путилина.

— К-как-с? Опять-с гроб с двойным дном?! — Признаюсь, и я был удивлен не менее гробового мастера. Что за странная фантазия пришла в голову моему гениальному другу?

— Опять. И опять с двойным дном, — продолжал Путилин. — Только на этот раз дно второе должно быть несколько иное. Слушай теперь мой заказ. Покойник должен лежать не наверху, а в пространстве между первым и вторым дном. Поэтому, дабы гроб казался не уродливо большим, а обыкновенным и — запомни это! — точь-в-точь таким же, как и тот, который ты сработал щедрому заказчику, — ты сделай вот как: первое дно подыми как можно выше, тогда пространство между двумя днами будет настолько широкое, что туда можно будет вполне уместить покойника. Понял?

— Так... точно-с... — обезумевшим от страха голосом пролепетал гробовщик.

— Затем первое дно почти совсем не прикрепляй. Сделай так, чтобы покойник, если ему придет фантазия, мог совершенно свободно выскочить из гроба. В этом фальшивом

первом дне просверли такие же отверстия, которые ты сделал в гробовой крышке первого гроба. И попомни, Панкратьев: если хоть одна собака узнает, какой гроб ты мастеришь, — я тебя туда упеку, куда Макар телят не гонял! Все сам делай; подмастерья не допускай к работе, жене своей — ни гугу! За гробом я пришлю завтра сам и, конечно, — со смехом добавил Путилин, — за него ровно ничего тебе не заплачу, ибо ты за первый гроб довольно уже содрал.

Путилин заболел

На другой день утром, проглядывая газеты, я натолкнулся на объявление графини Одиной, о котором вы уже знаете, но о котором я в то время еще не знал.

Я подивился немало.

«Как? — думал я. — Но ведь этот разыскиваемый изумруд — тот самый, который мой друг нашел вчера в потайном отделении таинственного гроба. Вот так штука! Воображаю, как обрадует Путилин несчастную потерпевшую графиню!»

Вдруг мой взор упал на статью с жирным крупным заголовком: «К таинственной исто-

рии с гробом и исчезнувшим из него покойником».

С живейшим любопытством я погрузился в чтение этой статейки. Я приведу вам ее содержание:

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы в свое время явным. Мы очень рады, что можем первые разгадать то таинственное приключение с гробом, о котором не перестает говорить столица, и, кажется, что наши читатели оценят наши старания пролить свет на это мрачное темное дело.

Оказывается, в гробу, который во время следования поезда вдруг оказался пустым, находился вовсе не мертвец, а... "живой покойник". Этот живой покойник — знаменитый мошенник и убийца Д., придумавший этот дьявольски остроумный способ бегства с целью избежать захвата и ареста агентами, поджидавшими злодея на всех вокзалах.

Увы, наш талантливый русский Лекок, г. Путилин, на этот раз оказался не на высоте своего исключительного дарования. Он посрамлен гениальным мошенником.

Гроб, доставленный в сыскную полицию,

оказался самым обыкновенным гробом, и только на крышке его обнаружены были дырки, ловко замаскированные бархатом, через которые преступник дышал. В гробу ровно ничего не найдено. В настоящее время, как редчайшее уголовно-криминальное орудие, гроб помещен в музей сыскного отделения. Мы имели случай его осмотреть.

Вследствие пережитых волнений с г. Путилиным сделался нервный удар. Состояние здоровья его внушает серьезные опасения».

Когда я прочел это, то даже вскочил и долго не мог прийти в себя от изумления.

— «Что это такое?! Как могли господа-газетчики пронюхать об этом деле, которое держалось в безусловной тайне, строжайшем секрете? И потом — главное, откуда они взяли, что с Путилиным сделался нервный удар? А что, если действительно с ним сделалось вечером нехорошо? — мелькнула у меня тревожная мысль. — Ведь мы расстались с ним около четырех часов дня, после гробовщика».

Я немедленно велел закладывать мою гнедую лошадку и через несколько минут уже

мчался к моему другу.

— Что с Иваном Дмитриевичем? — быстро спросил я курьера.

— Ничего-с... — удивленно смотря на меня, ответил сторож.

Я влетел в кабинет гениального сыщика.

Путилин сидел за письменным столом, проглядывая какие-то бумаги.

Он взглянул на меня и с улыбкой бросил:

— Я знал, что ты сейчас приедешь. Я ожидал тебя.

— Что с тобой? Ты заболел?

— Я? Наоборот: чувствую себя превосходно.

— Так что же это значит? — протянул я ему номер газеты.

Путилин усмехнулся:

— Ах, ты про эту глупую заметку? Мало ли что врут репортеры.

— Но скажи, откуда они могли пронюхать об истории с гробом?

— А черт их знает...

Я подивился в душе тому безразличию и спокойствию, с какими мой друг отнесся к появлению в газете сенсационного разоблаче-

ния.

— Если ты свободен, приезжай, дружище, часа в три, — сказал Путилин.

В три часа я был у него.

— Пойдем. Я хочу тебе кое-что показать.

Итальянский ученый

Тот, кто никогда не бывал в сыскных музеях, не может себе представить, какое это мрачное и вместе с тем замечательно интересное место! Мрачное потому, что все здесь напоминает, вернее, кричит о крови, ужасах преступлений, самых чудовищных; интересное — потому, что тут вы наглядно знакомитесь со всевозможными орудиями преступлений.

Какая страшная коллекция криминально-уголовных документов. Чего тут только нет! Начиная от простой фомки и кончая самыми замысловатыми инструментами, на некоторых из них зловеще виднеются темно-бурые, почти черные пятна старой запекшейся крови.

Ножи, револьверы, кинжалы, топоры, веревки, мертвые петли, «ошейники», пузырьки с сильнейшими ядами, шприцы, с помо-

щью которых негодяи отравляли свои жертвы, маски, фонари с потайным светом.

О, всего, что тут находилось, немислимо перечислить!

Тут воочию вставала пред устрашенным взором вся неизмеримая по глубине и ужасу бездна человеческого падения, человеческой зверской жестокости, жажды крови.

Страшное, нехорошее это было место.

Посредине комнаты стоял знаменитый гроб лилового бархата. Путилин бросил на него быстрый взгляд и, подойдя к нему, поправил подушку.

— Вот он, виновник моих зоключений!.. — задумчиво произнес он. — Правда, он выглядит все таким же, друже?

— Ну, разумеется. Что с ним могло сделаться? — ответил я, несколько удивленный.

— Ну, а теперь мне надо с тобой поговорить.

— Великолепно. Ты только скажи мне, для чего ты заказал вчера несчастному гробовщику второй гроб с двойным дном?

Путилин рассмеялся.

— Да так, просто фантазия пришла. Нака-

зять его захотел.

Конечно, это объяснение меня не удовлетворило. Я почувствовал, что сделано это моим другом неспроста. Но для чего? Я, однако, решил об этом у него не допытываться.

— Так в чем дело?

— А вот видишь ли: не улыбается ли тебе мысль сделаться на сегодня, а может быть, и на завтра сторожем нашего музея?

Я от удивления не мог выговорить ни слова.

— Если да, то позволь мне облачить тебя вот в этот костюм.

И с этими словами Путилин указал на форменное платье сторожа-курьера, приготовленное им, очевидно, заранее.

— Тебе это надо? — спросил я моего друга.

— Лично мне — нет. Я хочу доставить тебе возможность насладиться одним забавным водевилем, если... если только, впрочем, он состоится. Говорю тебе откровенно, я накануне генерального сражения.

Я ясно видел, что Путилин был действительно в нервно-приподнятом настроении.

— Но ты, конечно, дашь мне инструкции

соответственно с моей новой профессией, вернее, ролью? Что я должен делать?

— Ты останешься здесь. Лишь только ты услышишь первый звонок, ты придешь ко мне в кабинет. А там я тебе все быстро объясню.

Я начал переодеваться и вскоре превратился в заправского курьера-сторожа.

Мой друг напялил мне на голову парик, прошелся рукой искусного гримера по моему лицу и затем внимательно оглядел меня с ног до головы.

— Честное слово, доктор, ты делаешь громадные успехи!

И покинул меня.

Прошло с час.

Я почувствовал себя, откровенно говоря, чрезвычайно глупо.

В сотый раз я осматривал знакомые мне до мелочей страшные орудия музея.

Послышался звонок.

Я быстро пошел в кабинет моего друга, минуя ряд комнат. Я видел, с каким изумлением глядели на меня обычные сторожа Сыскного управления.

— Откуда этот новенький появился? — доносился до меня их удивленный шепот.

В кабинете перед Путилиным стоял его помощник, что-то объясняя ему.

В руках Путилина была большая визитная карточка, которую он рассматривал, казалось, с большим вниманием.

При моем входе помощник Путилина взглянул на меня недоумевающе.

— Вы разве не узнаете, голубчик, нашего дорогого доктора, всегдашнего участника наших походов?

Помощник расхохотался.

— Да быть не может? Вы?!

— Я.

— Ну и чудеса начинают у нас твориться!

— Скажи, пожалуйста, ты никогда не слышал о таком господине? — спросил меня Путилин, подавая визитную карточку, которую держал в руке.

Я взял карточку и прочел:

ПРОФЕССОР ЕТТОРЕ ЛЮИЗАНО

Член Римской Академии Наук,

занимающий кафедру судебной медици-

НЫ.

Рим

— Не знаю... — ответил я.

— Скажите, голубчик, чего хочет этот господин? — обратился к помощнику Путилин.

— Он на плохом французском языке обратился ко мне с просьбой осмотреть — научных целей ради — наш криминальный музей. Наговорив кучу любезностей по адресу нашего блестящего уголовного сыска, он заметил, что в осмотре музея ему не было отказано ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции.

— Вы сказали ему, что разрешение осмотра музея посторонним лицам зависит от начальника, а что начальник, то есть я, в настоящее время болен?

— Сказал. На это он ответил, что обращается с этой же просьбой ко мне, как к вашему заместителю.

Путилин забарабанил пальцами по столу и выдержал довольно продолжительную паузу.

— Как вы думаете: разрешить ему осмотр?

— Отчего же нет. Неловко... Нас и так дика-

рями за границей считают.

— Хорошо. Теперь слушайте меня внимательно, голубчик: в середине осмотра вы должны выйти из комнаты под предлогом отдачи экстренных распоряжений. Идите! Вы впустите этого чудака-профессора не ранее, чем я дам вам мой обычный условный звонок.

Помощник удалился.

— Слушай же и ты, докториус: сию минуту ступай туда и, лишь только во время осмотра мой помощник удалится, ты немедленно выйди за ним следом. Понял? Профессор на секунду останется один. Следи за часами. Ровно через две минуты иди в музей.

Я следил за часовой стрелкой.

Минута... вторая... Я быстро направился в «кабинет преступной музейности».

Он был пуст.

Я встал у дверей.

Где-то послышался звонок. Почти в ту же секунду дверь антропометрического музея запахнулась и в сопровождении идущего впереди помощника Путилина появилась фигура итальянского ученого профессора.

Это был настоящий тип ученого: высокий, сутуловатый, с длинными седыми волосами, с огромными темными очками на носу.

— О, какая прелесть у вас тут! — шамкал на ломаном французском языке Еttore Люизано. — Какая блестящая коллекция! В Лондоне... А... скажите, пожалуйста, это что же? — И он указал на гроб, мрачно вырисовывающийся на фоне этой преступно-страшной обстановки.

— Это последнее орудие преступления, профессор! — любезно объяснил помощник Путилина.

— Гроб?!

— Да.

— О, какие у вас случаются необычайные преступления! — удивленно всплеснул руками итальянский ученый.

Начался подробный осмотр.

Профессор, живо всем интересуясь, поражал своим блестящим знанием многих орудий преступления.

— Боже мой! — шамкал он. — У нас в Италии точь-в-точь такая же карманная гильотина!

— Простите, профессор, я вас покину на одну секунду. Мне надо сделать одно важное распоряжение относительно допроса только что доставленного преступника... — обратился помощник Путилина к профессору.

— О, пожалуйста, пожалуйста! — любезно ответил тот.

Я направился следом за помощником.

— Так что, ваше высочорodie... — проговорил я, скрываясь за дверь соседней комнаты.

Прошло секунд пять, а может быть, и минута. Теперь это изгладилось из моей памяти.

Вдруг страшный, нечеловеческий крик, полный животного смертельного ужаса, прокатился в кабинете-музее.

Я похолодел.

— Скорее, — шепнул мне помощник Путилина, бросаясь туда.

Мы оба бросились туда и, распахнув дверь, остановились, пораженные.

Гроб стоял, приподнявшись!

Из него в пол-роста высывалась фигура Путилина с револьвером в правой руке.

Около гроба, отшатнувшись в смертель-

ном страхе, стоял с поднятыми дыбом волосами профессор. Его руки были протянуты вперед, словно он защищался от страшного привидения.

— Ну, господин Домбровский, мой гениальный друг, здравствуйте! Сегодня мы квиты с вами? Не правда ли? Если в этом гробу я проводил вас, зато вы встретили меня в нем же самом.

— Дьявол! — прохрипел Домбровский. — Ты победил меня!..

На Домбровского надели железные браслеты. Он перед этим просил, как милости, пожать руку Путилину.

— Знаете, друг, если бы вы не были таким гениальным сыщиком, какой бы гениальный мошенник мог получиться из вас!

— Спасибо! — расхохотался Путилин. — Но я предпочитаю первое.

— Как ты все это сделал? — спрашивал я вечером Путилина.

Триумф его был полный.

— Как?.. Видишь ли... И объявление, и статья — были делом моих рук. Это я их написал и напечатал. Гроб, который ты видел, был

второй гроб, в дно которого я и спрятался. Я был убежден, что Домбровский, случайно оставивший изумруд в гробу, явится — при таком щедром посуле — за ним. Когда мне подали карточку «профессора», я знал уже, что это Домбровский. Когда вы вышли из кабинета-музея, негодяй быстро подошел к потайной части гроба и попытался найти драгоценный кабошон. В эту секунду я, приподняв фальшивое дно, предстал пред ним. Остальное тебе известно.

Ритуальное убийство девочки

Исчезновение семилетней девочки из поезда

Грязный вагон третьего класса поезда, подъезжающего к губернскому городу Минску, был битком набит обычной публикой.

Большинство ее состояло из евреев, так как Минск в то время был густо, почти сплошь заселен ими. Евреи — преимущественно бедняки, не принадлежавшие к золотой еврейской буржуазии, а мелкие торговцы — одеты были грязно, неряшливо, в свои тогдашние традиционные засаленные лапсердаки, в характерных суконных, а большей частью бархатных картузах, из-под которых длинными завитушками-локонами опускались пейсы. Некоторые из них дремали; другие, наоборот, вели оживленную беседу на своем быстром гортанном языке; третьи, закусывая селедками с булкой, апатично глядели в вагонные окна, за которыми мелькали поля, почти уже свободные от снега, так как

стояла ранняя весна. Но среди еврейских пассажиров в этом вагоне третьего класса находились и трое русских: женщина, мужчина и девочка лет шести-семи.

Женщина средних лет, понурого вида, одетая чисто, но бедно, сидела на одной лавке, по-видимому вся уйдя в свои тоскливые, грустные думы; мужчина — высокий человек в черной шинели и фетровой шляпе с широкими полями — на другой.

Девочка, прелестный ребенок с вьющимися белокурыми волосами все время вертелась около женщины, лепеча своим тоненьким детским голоском:

— Мама! Мы скоро приедем?

— Скоро, скоро, детка! — отрываясь от дум, отвечала мать, с невыразимой нежностью поглядывая на девочку.

— А мы поедем на лошадке? — не унималась девочка.

— Да, да... — рассеянно отвечала женщина. Прошел кондуктор.

— Сейчас Минск. Ваши билеты! — громко провозгласил он.

Теперь в вагоне началось то суетливое

движение, какое всегда наступает при приближении поезда к крупным центрам его остановки.

Одна лишь женщина оставалась покойно-равнодушной, не трогаясь с места и глядя тоскливым взором в окно.

Укладываться ей, очевидно, было не надо, так как с ней не было никаких вещей.

Поезд подошел к станции.

Почти в ту же секунду испуганный женский крик прорезал гул суматохи:

— Женя! Женечка, где же ты?

Некоторые из пассажиров остановились. Слишком уж много тревоги прозвенело в надтреснутом голосе женщины.

Женщина в испуге металась по вагону, не переставая кричать все одно и то же:

— Женя, дитя мое, где ты? Господи... — Лицо ее было искажено страхом, ужасом. Она, толкая всех, как безумная, бросалась в разные стороны вагона, заглядывала под лавки, выбегала на площадку, и ее крик становился все более и более отчаянно-страшным.

— Что такое? Что случилось? — слышались возгласы пассажиров. — Кого ищет эта

женщина?

— А кто ее знает... — недовольно буркали некоторые, не могущие, благодаря суматохе-давке, выбраться из вагона.

А женщина выбежала уже на платформу, которая огласилась ее безумным воплем:

— Спасите! Помогите! У меня пропала дочь! — Она, точно тигрица, заступила путь выходящим, простирая к вагону руки.

К месту происшествия стали сбегаться досужая публика и пассажиры.

Вскоре огромная толпа образовала тесный круг, в середине которого стояла женщина, ломая в отчаянии руки, с побелевшим, перекошенным лицом.

Толпа шумела, глухо волновалась.

— Что? Что такое?

— Да вот у женщины что-то украли... Вещи какие-то.

— Неправда, не вещи, а дочь у нее пропала.

— С поезда упала.

Нестройный гул толпы все усиливался.

— Господа, позвольте, позвольте... дайте пройти! — раздался громкий голос жандарма.

Появилось в полном составе все железнодорожное начальство станции.

Страшное, нудное женское рыдание, переходящее в истерику, оглашало перрон вокзала:

— Ай-ай-ай! Ха-ха-ха!.. Дочка моя... Женечка!..

— Сударыня, ради бога, успокойтесь! — говорил женщине тучный жандармский чин. — Вы объясните, что случилось? У вас, вы говорите, пропала дочь? Когда?..

— Сейчас... подъезжая... она была около меня. Я с ней сейчас говорила... вдруг хватилась — ее нет... В несколько минут... Ради всего святого, найдите мою дочь!

И женщина, давясь слезами, умоляюще протянула жандарму дрожащие руки.

— Сколько лет вашей дочери?

— Семь... семь лет моей ненаглядной Женечке.

— Она выходила куда-нибудь? Вы не заметили этого?

— Не знаю... я смотрела в окно.

К группе властей протиснулся высокий человек в черной шинели и фетровой шляпе.

— Да, я видел сам, что у этой женщины был ребенок. Прелестная белокурая девочка... — слышался его резкий голос. — Бедная женщина! Я видел, как она любовно относилась к своему ребенку, как она целовала его головку. Это ужасно!

В толпе раздались сочувственные возгласы:

— Бедная мать!

— Но как так невнимательно следить за ребенком! — укоризненно шептала какая-то разодетая барынька.

С некоторыми, наиболее нервными и чувствительными, пассажирами началась истерика.

— Пригласите врача! — отдал приказ жандармский офицер. — Вы не заметили, за сколько минут до прибытия сюда поезда исчезла девочка?

— Нет, ротмистр, не заметил.

— Осмотреть весь поезд! — отдал он приказ низшим жандармам. — Сударыня, успокойтесь... Доктор, окажите помощь!

Женщина, подхваченная вовремя на руки, впала в глубокий обморок.

Толпа все прибывала, росла.

— Если ребенка не окажется в поезде, — обратился он к начальнику станции, — придется прийти к заключению, что он, выйдя на площадку вагона, упал с перехода между вагонами на путь. Сделайте распоряжение о немедленном осмотре пути, дорогой У!

— У вас мелькает только одна *такая* догадка? — обратился к офицеру пассажир в фетровой шляпе. — А вы не думаете, что несчастную девочку могли похитить?

— Похитить? С какой стати? — строго поглядел на непрошеного собеседника жандармский чин.

— С какой именно, я, конечно, не знаю и не смею утверждать, но... разве у нас мало пропадает детей чрезвычайно таинственным и бесследным образом? Вы простите, что я позволяю себе вмешиваться в это дело, но горе матери меня слишком глубоко захватило. Не находите ли вы, ротмистр, странным, что исчезновение христианских детей всегда наблюдается перед наступлением еврейской пасхи?

Высокий мужчина проговорил это гром-

ким голосом, резко, ясно, спокойно.

При этих словах толпа замерла.

Воцарилась удивительная тишина. В толпе находилось много евреев, и лица их вдруг побледнели...

— Позвольте, милостивый государь... — смешался от неожиданности этого странного заявления жандармский ротмистр. — Я попрошу вас взвешивать ваши слова. Вы, не имея данных, бросаете чересчур резкое и тяжкое обвинение. По какому праву? На каком основании?

— По праву наблюдений, которые я производил над исчезновением христианских младенцев, и на основании изысканий многих авторитетов, доказывающих, что у евреев существуют страшные ритуальные убийства... Странное дело, вернее, совпадение... Вы посмотрите: до еврейской пасхи осталось несколько дней, и... вот сейчас в поезде, в котором ехала такая масса евреев, чудесным образом пропадает у матери-христианки ее дитя...

Теперь толпа заколыхалась, словно море, над которым пронеслось первое дуновение

шквала.

— Это подлость... Он врет... Как он смеет! — слышались голоса одних.

— Правда, правда! Это подозрительно... Что за постоянное совпадение!.. — раздались голоса других.

— Господа, прошу немедленно разойтись! — резко приказал начальник станции. — Следственная власть все расследует.

— А вас я попрошу на минутку в жандармскую комнату, — тихо обратился к гражданину в фетровой шляпе жандармский офицер.

Еврейская депутация у Путилина. Изрешеченный труп. Ритуальное дело

— Что ты скажешь на это, доктор? — спросил меня мой гениальный друг Путилин, показывая мне телеграмму о таинственном исчезновении близ Минска из вагона поезда семилетней девочке Сеньюшкиной.

— Что я могу ответить тебе на это, Иван Дмитриевич? — пожал я плечами. — Я, как и ты, мы держимся одинакового взгляда на ритуальные убийства: их нет, их не может быть, ибо это идет в корне вразрез с известным от-

вращением иудеев к христианам. Величайший нонсенс — допускать мысль об употреблении евреями христианской крови в качестве пасхального причастия. На мой взгляд, это — одно из самых страшных наследий-пережитков средних веков, когда ликующее христианство в бешеном гонении «избранного народа» возвело на него такой безумно-ужасный извет. Это разгул изуверского фанатизма. Слова «кровь моя на вас и на детях ваших» извращены в смысле: кровь моя, великого пророка Нового учения, будет в вас и в детях ваших. Отсюда страшная легенда об употреблении христианской крови.

— Я очень заинтересован этим делом, — задумчиво произнес великий сыщик. — Как тебе известно, мне ни разу не приходилось принимать участия в разрешении и проверке этой проклятой загадки человеческой жизни. Я сделал запрос минским властям. С минуты на минуту я ожидаю ответа.

Прошло несколько минут, и Путилину подали депешу.

Я следил за выражением его лица и заметил, как он вдруг побледнел.

— На, прочти! — подал он мне телеграмму.

«Сегодня, в два часа дня, во дворе дома еврея Губермана, в люке выгребной ямы отыскан труп исчезнувшей Евгении Сенюшкиной. Труп девочки весь изрешечен ранами-уколами ножа. Вся кровь выпущена, очевидно, в результате заколки трупа. Губерман арестован».

Когда я прочел это, ледяной холод пробежал у меня по спине.

Я молча поглядел на великого сыщика, но сказать ему ничего не успел, так как в эту секунду дежурный агент доложил:

— По экстренному делу, ваше превосходительство, вас домогаются видеть трое.

— Евреев? — быстро спросил Путилин.

— Да-с... — удивленно ответил тот.

— Впустите их, — отдал он приказ.

В кабинет вошли три господина, несомненно, евреи, что сразу можно было определить по их наружности.

Особенно обращал на себя внимание один из них — высокий симпатичный старик с

длинной седой бородой, обрамляющей открытое, умное лицо. Это был настоящий тип библейского пророка. Он низко поклонился Путилину, равно как и два его спутника, и проговорил дрожащим голосом:

— Простите, ваше превосходительство господин Путилин, что мы дерзаем...

— Прошу покорно садиться, господа! — любезно пригласил великий сыщик. — Что привело вас ко мне?

— Страшное, необыкновенное дело... — взволнованно начал старик. — Мы явились к вам по поручению, которое получили телеграфом от барона Г., господина П. и господина В-го.

Старик еврей назвал три громких фамилии еврейских крезов-воротил.

— Изволили ли вы читать о таинственном исчезновении христианской девочки из поезда?

— Читал.

— Так вот, с быстротой молнии по городу Минску разнеслась весть, неизвестно кем пущенный слух, что это исчезновение — дело рук евреев, будто бы укравших ребенка. Весь

город в панике. Озлобление христиан против нас ужасное. Того и гляди может разразиться погром. А ведь вам должно быть известно, какой это ужас — погром. Ни для кого из нас не тайна, какой вы великий человек, господин Путилин. Мы получили предписание обратиться к вам с горячей мольбой взяться за расследование этого дела. Только вы один, с вашей проницательностью, с вашей гениальной прозорливостью можете раскрыть эту тайну, можете снять с нас мрачное и гнусное обвинение, которое нас преследует столько лет, столько веков. О, господин Путилин, мрачная туча собирается над головой несчастного племени, и когда? В то время, когда мы собираемся встречать великий праздник! Сжальтесь над нами, возьмитесь за это дело — и наша благодарность будет безгранична. Оцените ее сами...

— Я вас прошу, — резко отчеканил гениальный сыщик, — не говорить мне ни о какой цене. Я не беру никаких вещественных знаков благодарности.

Он погрузился в продолжительное раздумье.

— Я должен вам заявить, господа, — громко начал Путилин, не спуская глаз с лиц еврей-депутатов, — что, к сожалению, моя помощь уже бесполезна. Вы явились слишком поздно.

— Как поздно? Почему поздно? — заволновался, вскакивая, старик еврей. — О, господин Путилин, для вас не может быть ничто и никогда поздно!

— Поздно потому, что похититель и убийца...

— Убийца? Разве девочку уже убили?

— И убийца уже найден.

Старик еврей высоко простер руки.

— Благодарю тебя, Боже! — вдохновенно вырвалось у него. — Не за то, что погиб бедный ребенок, а за то, что Твоя десница указала гнусного похитителя и убийцу малютки! О, скажите нам, кто этот злодей?

— Гу-бер-ман! — невозмутимо-спокойно, по слогам, произнес гениальный сыщик.

Если бы здесь, вот в эту секунду разорвалась бомба, она бы не могла произвести более потрясающего эффекта, чем одно это слово.

Старик еврей в ужасе попятился от Пути-

лина, два других, вскочив со своих мест, замерли-окаменели.

— К... как? Губерман?! Вы говорите: ребенка похитил и убил Губерман, уважаемый минский житель Иосиф Соломонович Губерман?

— Да.

Старик заметался.

— Это жестокая шутка, ваше превосходительство... — с трудом слетело с его трясущихся губ. — О, это ужасная выдумка!

— Вот то донесение, которое я, сильно заинтересованный этим делом, только что получил. Потрудитесь послушать.

И Путилин громко, внятно прочел содержание депеши.

— Этого быть не может... Это подвох со стороны какого-нибудь нашего заклятого врага! — исступленно заревел библейский старец и вдруг грохнулся перед Путилиным на колени. — Ваше превосходительство! Господин Путилин! Теперь более чем когда-нибудь мы умоляем вас взяться за расследование этого страшного дела! Клянемся вам именем Бога и святой Торы, клянемся нашими детьми и

потомками — у нас не существует ритуальных убийств! Спасите нас, пролейте свет на это мрачное происшествие!

Старик судорожно старался поймать и поцеловать руку великого сыщика.

Путилин, человек чрезвычайно мягкий, доброжелательный и сердечный, был растроган и поражен этим страшным взрывом отчаяния.

— Что вы... Что вы... Встаньте... Ну, хорошо, ну, хорошо... — мягко забормотал он. — Я возьмусь за ваше таинственное дело и постараюсь сделать все, что смогу. Теперь слушайте: там, у вас в Минске, знают, что вы обратитесь ко мне?

— О нет!.. Хотя, если... А, впрочем, может быть...

— Так вы вот что сделайте: немедленно дайте знать, чтобы ваши посланцы всюду развонили, что Путилин наотрез отказался вмешиваться в это дело. Поняли? Ну, а теперь прощайте, господа!

Когда обрадованные евреи вышли, великий сыщик написал зашифрованную депешу следующего содержания:

«Сильно заинтересованный делом о предполагаемом ритуальном убийстве, выезжаю сейчас экстренным заказным. Труп девочки оставьте до моего приезда.

Путилин».

В Минске. Еврейское гетто. Перед погромом

Мы приехали в Минск рано утром, мчась из Петербурга с огромно-допустимой быстротой.

На вокзале нас встретил симпатичный толстяк, который при виде выходящего из вагона моего гениального друга поспешно направился к нему.

— На гастроли к нам, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич? Ваше превосходительство не баловало нас никогда своим посещением.

Путилин улыбнулся и представил меня толстяку.

— О, я не отниму ни одного лавра от вас, дорогой коллега! — шутливо ответил великий сыщик. — Да и, собственно говоря, к чему теперь моя консультация, раз вы столь блестяще повели дело, что труп и убийца уже

найденны?

По дороге с вокзала до «Европейской» гостиницы (мы ехали втроем в карете) Путилин молчал и смотрел в окно.

Несмотря на ранний час и на то что был первый день еврейской пасхи, на улицах тихого губернского города царило необычное оживление.

Особенно много бросалось в глаза евреев.

Они, не в праздничных, а в затрапезно-будничных, почти траурных одеяниях, ходили кучками по тротуарам, составляя порой группы. Лица их были угрюмы, бледны, взволнованны. Видимо, какой-то общий страх, какая-то общая паника властно охватили еврейскую толпу и цепко держали ее в своих руках.

Евреи о чем-то оживленно говорили, качали головами, так что их длинные бороды и пейсы раздувались в свежем весеннем воздухе.

Некоторые из них отчаянно жестикулировали.

Когда мы высаживались у подъезда гостиницы из кареты, до нас совершенно ясно донеслось из близстоящей группы евреев имя

великого сыщика.

— Ай-ай-ай, Путилин, — сокрушенно качалась чья-то седая голова.

— Что это? — удивленно прошептал местный Лекок. — Вы слышали? Никак они уже пронюхали о вашем приезде, узнали вас?

— Нет. Этого они не знают, уверяю вас! — твердо, с чуть заметной иронической усмешкой проговорил мой талантливый друг.

В номере гостиницы он, даже не переодевшись, прямо приступил к допросу своего коллеги:

— Скажите, голубчик, как это вам посчастливилось столь быстро напасть на след этого страшного преступления?

— Видите ли, Иван Дмитриевич, сразу после пропажи девочки по городу усиленно стали циркулировать слухи о возможности похищения ребенка евреями. Теперь ведь их пасха, а, как известно вашему превосходительству, в Западном крае у нас особенно живуча легенда о ритуальных убийствах евреями. Естественно, я усилил надзор над еврейскими кварталами, над их гетто. Все агенты были поставлены на ноги. И вдруг, совершен-

но неожиданно девочка, вернее, ее труп был найден на второй же день.

— Кто же отыскиал его? — бесстрастно задал вопрос Путилин.

Толстяк улыбнулся.

— Ни за что не догадаетесь, высокочтимый Иван Дмитриевич! Представьте, что огромную услугу правосудию оказала... собака! Дело произошло таким образом. Один из моих агентов, проходя Второй улицей, вдруг услышал заунывный, громкий, протяжный вой собаки. Собака выла, не переставая. Он случайно посмотрел на дом, откуда доносился этот за душу хватающий вой, и увидел на дощечке дома надпись: «Дом И. С. Губермана».

— Простите, коллега, один вопрос: кто этот Губерман?

— Местный воротила, занимающийся дисконтом и не скажу, чтоб ростовщицеством, но отдачей денег в рост, под залог имений, домов и т. д.

— Благодарю вас. Продолжайте.

— Немедленно ко мне явился этот агент: «Собака воеет подозрительно. А что, если...» Этого было довольно. Я ухватился за вздор-

ное, быть может, на первый взгляд, предположение и в сопровождении двух загримированных агентов явился под предлогом какого-то дела во двор дома Губермана. Большая цепная собака из породы овчарок в глубине двора, у забора, с неистовым воем и лаем рвалась с цепи. Я попросил Губермана спустить собаку с цепи. Он побледнел, как полотно.

— Ни за что! — воскликнул он в испуге. — Она может разорвать всех нас.

— Неужели она не знает и вас? Пожалуйста, спустите! Я настаиваю на этом!

И с этими словами я подошел к животному, держа на всякий случай револьвер в руке. К моему удивлению, овчарка совершенно спокойно дала мне снять с ее шеи ошейник и, лишь только освободилась, стремглав бросилась к выгребной яме, прикрытой деревянной крышкой. Урча и воя, она принялась ожесточенно скоблить когтями по доскам крышки. Я немедленно велел открыть выгребную яму, и...

— Там лежал труп бедной девочки? Так?

— Да.

— И на основании этого вы немедленно

арестовали Губермана?

— Ну разумеется! Простите, мой знаменитый коллега, или вы находите эту страшную улику недостаточной для ареста преступника? — В голосе губернского Горона послышалась легкая насмешка.

— Кто вам это сказал? Наоборот, я удивляюсь вашей превосходной прозорливости. Вы поступили для торжества правосудия великолепно, арестовав страшного преступника. Скажите мне теперь: девочка была действительно обескровлена?

— О да! Таково заключение врачей. Вы сейчас ее можете увидеть. Ваш друг, известный доктор Z., — указал он на меня, — подтвердит вам это. Все ее тело в проколах.

— Скажите: мать ее ни на кого не заявляла подозрения?

— Ни на кого. Она — бедная вдова, у нее нет ни врагов, ни завистников.

— Губерман, конечно, упорно отрицает свое участие в этом деле?

— Ну, разумеется...

— Вы не узнавали, откуда вдруг разнесся слух о похищении девочки евреями, о риту-

альном убийстве? — быстро задал он вопрос.

Великий сыщик встал и пронизал своего коллегу взглядом своих удивительных проникновенных глаз.

— Вы спрашиваете: откуда взялся слух? Конечно, со стороны русских. На вокзале разыгрался почти скандал. Многие пассажиры были страшно возмущены и возбуждены против евреев.

— Ну, вот и все, коллега. Спасибо. Вы будете так добры, не откажетесь сопроводить нам с доктором по тем местам, куда мы сейчас поедем?

— Что за вопрос, ваше превосходительство? Я так польщен... так горжусь вашим приездом, вашей гениальной помощью... Вы ведь не нам чета, простым смертным.

Путилина передернуло.

Этот редкий человек не выносил открытой, грубой лести.

...Через час мы ехали по улицам Минска.

Теперь уже совершенно ясно в воздухе чувствовалось приближение грозы. Увы, не благодатно-весенней грозы природы, а мрачной, братоубийственной.

Что-то страшное, злое пологом нависло над городом.

Большие толпы народа виднелись на Соборной площади, на улицах, но в этой толпе теперь мало, поразительно мало было видно евреев. Все магазины были наглухо закрыты ставнями.

Доносился возбужденный гул голосов, слышались пьяные песни, звуки гармоник.

Путилин был мрачен, как никогда.

— А этого вы не видели? — сухо обратился он к губернскому Горону.

И он указал на закрытые ставни одного из домов, на которых мелом были начерчены кресты.

— А что это?

— Это грозный предвестник погрома. Держу пари, этот дом с крестами — еврейский. Вы простите меня, но... по-моему, вы поступили очень неосторожно.

— А именно? — обидчиво повернулся к великому сыщику толстяк.

— Вы чересчур уж открыто, явно обнаружили убийство... с ритуальной целью. Тут, принимая во внимание страшность обвине-

ния... пардон! Я хотел сказать — преступления, следовало соблюдать особую осторожность. В горючий материал надо осмотрительнее всовывать легковоспламеняющиеся вещества. Стой! — Путилин резко осадил кучера.

Перед большой толпой простолюдинов стоял высокий человек в черной шинели и фетровой шляпе. Он, сильно размахивая руками, что-то возбужденно объяснял толпе.

Путилин быстро выскочил из кареты и подошел к человеку в черном.

— Да, ужасное преступление! — вслух произнес он.

— Не правда ли? — живо повернулась к нему черная шинель.

Секунда... И Путилин, слегка поклонившись, быстро сел в карету. Вся сцена прошла мимолетно.

«Горячий свидетель». «Ритуальные» проколы. В тюрьме у преступника

Путилин заехал к влиятельнейшему лицу в городе и пробыл у него недолго. Когда он сел в карету, я увидел, как довольная улыбка трогала концы его губ.

— На вокзал! — отдал он приказ кучеру. — Скажите, коллега, ведь там, на вокзале, был составлен первый протокол?

— Да, да, уважаемый Иван Дмитриевич, — ответил глава минского сыска.

— Состав жандармского наряда там одинаков?

— Да. Сменяются на часы, но состав тот же. Я никогда еще не видел моего знаменитого друга в таком резко приподнятом состоянии духа. Глаза его сверкали, он весь был — один порыв.

В жандармской комнате нас встретил тучный, упитанный штабс-ротмистр.

Услышав фамилию Путилина, он рассыпался в комплиментах.

— Скажите, ротмистр, это дело вам памятно все до мелочей?

— Помилуйте, ваше превосходительство, конечно! Всего ведь трое суток прошло...

— На одну минутку, в сторонку... Всего два вопроса...

Мы с местным Лекоком остались в середине комнаты и видели, как Путилин о чем-то спрашивал офицера.

— Да?

— Да.

— Вы хорошо помните?

— Как нельзя лучше.

— Ну, вот и все. Спасибо!

И, пожав руку ротмистру, великий сыщик подошел к нам.

— В путь-дорогу, господа! Ну, помилуй бог, какой горячий свидетель!

Эти последние слова он произнес сам про себя, как бы мурлыкая.

— О каком горячем свидетеле говорите вы, ваше превосходительство? — ревниво спросил моего друга его провинциальный коллега.

— Да вот... о милейшем ротмистре... — ответил Путилин, садясь в карету.

Через минут пять мы были в особом помещении участка, где находился труп несчастной жертвы гнусного, страшного злодеяния.

Путилин отдернул кисейку, которой была прикрыта бедная девочка, и обратился ко мне:

— Твое мнение, доктор?

Бедный ребенок! Я как сейчас его вижу. Головка херувима с длинными белокурыми локонами... Лицо ужасно: выражения такого страшного физического страдания мне еще никогда не приходилось наблюдать.

Я взял труп на руки и поднес его к яркому свету окна. Проклятые проколы были видны до удивительности, и весь труп, обескровленный до капли, казался восковым, прозрачным.

— Мне приходится только присоединиться к мнению моих коллег, — с дрожью в голосе ответил я. — Какое подлое изуверство!

— Эти страшные проколы наносились живой или мертвой девочке?

— Судя по отпечатку на ее лице невыносимых физических мук, мы должны прийти к заключению, что ее истязали живую.

— Чем сделаны эти раны-проколы?

— Каким-нибудь орудием вроде круглого острого стилета, шила...

С невыразимо тяжелым чувством покинули мы эту комнату, где лежал трупик несчастной мученицы. Всю дорогу до тюрьмы, куда мы прямо отправились, перед моими глазами

стояло страшное лицо девочки.

Подойдя к одиночной камере заключенного преступника Губермана, провинциальный коллега великого сыщика сказал ему:

— Вы, высокочтимый Иван Дмитриевич, поболтайте с ним без меня, мне надо навести кое-какие справки в канцелярии.

С протяжным скрипом открылась перед нами дверь камеры.

— Вы стойте в коридоре, у дверей... — обратился Путилин к надзирателю и двум конвойным солдатам.

При нашем входе человек, сидевший в позе глубокого отчаяния на табурете перед привинченным к стене столом, испуганно вздрогнул и быстро встал.

Это был Губерман, тот страшный изверг естества, которому молва и судебное следствие приписали такое жестокое преступление.

Невысокого роста, коренастый, уже пожилых лет, он обладал лицом далеко не симпатичным. Что-то алчное сверкало в его узких глазах, в которых застыл теперь и большой испуг.

— Здравствуйте, Губерман! — произнес великий сыщик, подходя к нему и не спуская с его лица пристального взгляда.

Еврей-дисконтер молча поклонился, с недоумением глядя на Путилина.

— Я — Путилин.

Лишь только мой друг назвал себя, как ростовщик вздрогнул. Его словно качнуло.

— Вы — Путилин?! Знаменитый Путилин? — пролепетал он.

Я заметил, как краска бросилась ему в лицо, но вместе с тем какая-то радость сверкнула в его глазах.

Путилин усмехнулся.

— Оставляя в стороне эпитет «знаменитый», покончим просто на Путилине. Ну-с, а теперь давайте поговорим с вами. Вы догадываетесь или, быть может, знаете о цели моего приезда сюда?

Обвиняемый ростовщик отрицательно покачал головой.

— Нет? Тем лучше. Извольте видеть, ваши сородичи упростили меня взяться за частное расследование вашего дела.

— О, господин Путилин! — рванулся к

нему Губерман. — Спасите меня! Клянусь вам, я не повинен в этом страшном убийстве!

— Я постараюсь сделать для вас все, что могу, но при условии, что будете со мной вполне откровенны.

— Спрашивайте все, что угодно, я ничего не утаю от вас!

— Вы клянетесь, что вы не совершали этого преступления. Допустим, я хочу вам верить. Но можете ли вы убежденно вашей святой Торой поклясться, что никто другой из ваших сородичей не мог совершить *этого*?

— Могу! Могу поклясться, чем хотите. У нас нет, не существует ритуальных убийств. Это страшная клевета на еврейство.

— Скажите, у вас много врагов?

— Больше, чем друзей, господин Путилин.

— Эти враги — на почве вашей профессии ростовщика?

Губермана передернуло.

— Я, видит бог, никого не грабил...

— Позвольте: вы уже забыли и нарушаете ваше обещание говорить мне одну лишь правду. Предупреждаю вас: еще одна ложь — и я бросаю ваше дело. Итак, отвечайте: ваши

враги на почве ваших делаческих операций?

— Да... — не поднимая головы, прошептал ростовщик.

— Вы многих разорили?..

— Я их не разорял. Они, должники, сами себя разоряли... Они брали деньги... Векселя... Неустойки. Опись... продажа с молотка...

— И много, я спрашиваю, таких, которые «сами себя разорили», благодаря знакомству с вами?

— Много.

— Не из евреев?

— Нет.

— Вы помните ваших русских клиентов всех хорошо?

— Нет... Где же упомнить, господин Путилин?..

— Но особенно лютых врагов знаете? С кем за последнее время вы имели столкновение из-за сведения денежных расчетов?

Губерман начал, медленно обдумывая, перечислять фамилии.

— Кто-нибудь из них грозил вам мезтью?

— Ах, господин Путилин, это были обычные фразы о том, что я захлебнусь проклятым

золотом, что мне отольются их слезы...

Ростовщик схватился за голову и вдруг зарыдал.

— Ай-ай-ай... — вырывалось у него с рыданием. — И правда это! Сбылось их проклятье... Золото, кажется, действительно и сгубило меня. Все бы теперь отдал за свободу, за то, чтобы снять с себя такое страшное обвинение.

Путилин с сожалением поглядел на еврея.

— А такого вы не знаете? — тихо спросил он у него.

— Нет, что-то не помню...

— Я вам опишу приметы его.

И когда он описал эти приметы, получил тот же отрицательный ответ.

— В ночь накануне обнаружения трупа в вашей выгребной яме вы не слышали подозрительного шума, лая собаки во дворе?

— Может быть, и лаяла собака, не знаю. Мало ли когда она лает. Я нарочно ее приобрел, чтобы она охраняла двор.

Путилин погрузился в раздумье.

— Неутешительно, — пробормотал он, вставая. — Ну, прощайте, Губерман, а луч-

ше — до свидания.

Домик с двумя окнами

Когда мы подъехали к дому Губермана и вошли во двор, лицо Путилина было мрачно и темно, как и наступающая ранняя ночь.

— Темное дело... темное дело... — бормотал он.

Дом был опечатан. Собаки уже не было на цепи. Великий сыщик принялся за детальный осмотр двора.

Он тщательно осмотрел выгребную яму, собачью будку.

— Смотри, доктор, — обратился он ко мне. — Кто бы мог подумать, что евреи кормят собак костями от свиного окорока!

Он держал, улыбаясь, большую обглоданную кость. Потом, подняв глаза вверх, посмотрел на забор.

— Однако здоровый забор! Чуть не полторы сажени вышины. И с гвоздями наверху. Да, через такой не перескочишь!..

Медленно, шаг за шагом он стал обходить его, пробуя каждую тесину.

— Крепко... крепко... — шептал он.

Вдруг его рука, которой он с силой надав-

ливал забор, провалилась, и он слегка покачнулся, подавшись вперед.

— Что с тобой? — бросился я к нему.

— Ничего особенного. Одна доска в заборе оказалась оторванной. Смотри.

Путилин нажал доску рукой, и она совершенно свободно выдвинулась вперед, держась на верхних гвоздях.

— А ну-ка, не пролезу ли я в сие отверстие? — усмехнулся Путилин. — Попробуй и ты.

Хотя и с трудом, но мы оба протиснулись и вскоре очутились по ту сторону забора.

Перед нами было пустое место — не то поле, не то огород.

Липкая, густая грязь — почва была, очевидно, глинистая — покрывала все это унылое, мрачное место.

Мой друг низко склонился над землей, словно стараясь что-то заметить, отыскать.

— Так... так...

— Ты что-нибудь нашел, Иван Дмитриевич? — тихо спросил я его.

— Кое-что... Иди за мной.

Мы прошли несколько десятков саженей.

Вдруг он остановился и показал мне рукой на небольшой домик в два окна.

— Скажи, пожалуйста, — домик! Я думал, на этом пустыре нет никакого жилья... Темные окна. Интересно знать, обитаем он или нет...

Великий сыщик еще ниже склонился над землей, внимательно во что-то вглядываясь.

— Стой там, где стоишь! — бросил он мне и потонул во мраке темной ночи.

Два раза мне мелькнул свет его фонаря. Прошло минут пять-десять. Тревожно-тоскливое чувство овладело мною. Незнакомый город. Это мрачное место... Это загадочно-отвратительное убийство несчастного ребенка.

— Ну, вот и я! — раздался голос Путилина. — Таинственный домик сейчас пуст, но обитаем. Мне приходит странная фантазия, доктор, проникнуть во внутренность этого жилища. Что ты на это скажешь?

— Как? В чужой дом?

— Именно.

— Но для чего?

— А это другой вопрос, на который я тебе не сумею определенно ответить, ибо... ибо

еще только зондирую почву.

— Но подумай, ведь тебя могут счесть за разбойника?

— Очень может быть. Но я ведь ничего не украду у них. Однако довольно шутить. Дело в следующем. Мы должны составить маленькую диспозицию. Слушай: сейчас же поезжай с моей карточкой к моему почтенному коллеге и скажи, что я прошу его отрядить с тобой двух его агентов для того, чтобы они продежурили часть ночи во дворе губермановского дома.

На его вопрос, где я, ты ответь полным незнанием. Вы втроем будете стоять близ забора. О проходе — ни звука им. Лишь только ты услышишь мой сигнальный свисток, немедленно веди их через отверстие и бросайтесь к этому домику. До свидания, доктор!

— А если свистка не будет?

— Тогда терпеливо ожидайте моего появления.

— Ах, Иван Дмитриевич, не сносить тебе твоей буйной головушки! — в тревоге за моего великого друга вырвалось у меня.

— Ну уж, во всяком случае, не в Минске

мне ее сложить! — тихо рассмеялся он.

Прежде чем рассказать вам о том, как я принимал с двумя агентами участие в этой памятной мне страшной ночи, я приведу вам рассказ моего гениального друга с его слов.

Желтые туфельки. Ритуальная чаша. С глазу на глаз в подвале

— Я, — рассказывал Путилин, — внимательно обошел крохотный домик, стараясь изыскать способ, как бы лучше, незаметнее в него проникнуть. Непреодолимая сила влекла меня туда. Какой-то таинственный голос властно мне шептал: «Иди туда, иди туда!»

Дверь была закрыта на засов, на нем болтался большой висячий замок.

Со мной не было инструментов, которыми я мог бы открыть дверь. Мне не оставалось ничего более, как влезть в таинственный домик через окно. Я так и поступил. Я тихо разбил окно и через секунду очутился в темной комнате. При свете моего фонаря я огляделся. Большая, грязная комната, в которой, кроме стола, трех стульев и постели, не было ровно ничего. Рядом с этой комнатой находилась другая, поменьше, совершенно пустая.

Быстрым взглядом окинув все это, я поспешно спустил над разбитым окном жалкое подобие занавески — кусок выцветшего ситца. Я вновь с удвоенной энергией принялся осматривать две жалкие конуры. Ничего, абсолютно ничего подозрительного. А между тем... между тем ведь мужские следы совершенно ясно были замечены мною от выпертой нарочным путем доски губермановского дома вплоть до дверей этого домика. Кому было надо совершать путешествие этим пустырем? И почему обитатель таинственного жилища проник столь необычайным образом во двор еврея-ростовщика?

Размышляя, выводя мою кривую, я вдруг запнулся ногой о какой-то неровный, скользкий предмет.

Мне мой фонарь осветил его. Это было железное кольцо подпольного люка. Сердце радостно забилося у меня в груди. Победа, победа! Авось там — хоть йота улик.

Я рванул за кольцо и приподнял люк. Лесенка маленькая, узенькая. Не раздумывая ни секунды, я стал спускаться в подполье. Одна, две, три, четыре ступени... Я — на земляном

полу!

Но лишь только я осветил фонарем про странство подполья, как крик ужаса вырвал ся у меня. Моя нога стояла в большом жестя ном тазу-чаше, полном крови. Я выхватил но гу.

С нее сбегала капля за каплей кровь... Дрожь пронизала меня всего. Я низко скло нился над страшной чашей, и тут мне броси лись в глаза маленькие желтые туфельки, бе лое платице, синяя жакетка, шляпка. У меня, старого, опытного волка, видевшего всяче ские виды и ужасы, горло перехватил спазм. Я не мог отвести взгляда от этих вещей. Пере до мной с какой-то поразительной наглядно стью встал образ бедной белокурой девочки с ее страшными проколами. Еще минута, и я разрыдался бы. Я — Путилин, не знавший, что такое нервы, слабость воли!

Страшным усилием я взял себя в руки и стал искать еще чего-нибудь «интересного» для храма богини Фемиды. Рядом с чашей на дощечке лежал блестящий предмет. Я взял его, и он задрожал в моих руках. Это было длинное, круглое, прямое шило, все темное от

запекшейся крови.

И тут меня пронизала мысль: «Так какое же это убийство? Ритуальное, действительно ритуальное или же подделка под него?»

Но сейчас же я осудил нелепость этой мысли. Легенда о ритуальных убийствах гласит, что выпускаемая кровь *употребляется евреями*. А тут... тут целая чаша ее. Стало быть, я был прав, прав!..

Огромная радость охватила меня. Я спасу бедного еврея, над которым тяготеет это страшное обвинение!

— Дзинь... тр-р... тр-р... — донеслось до меня. Я услышал, что дверь проклятого домика уже раскрывается. Быстрее молнии я бросился по лестнице и закрыл над собой дверцу люка.

Она была от ветхости вся в дырах. Потушив фонарь, я приложился ухом к ней.

— А-а, дьяволы, хорошую я вам заварил кашу! — донесся до меня резкий мужской голос. — Будете помнить меня вовеки. Не сегодня, так завтра я вам устрою горячую, кровавую баню! Ха-ха-ха! Белый пух будет летать над городом, а мы будем вас крошить, ре-

зять... Резать, дьяволы, будем вас!..

Никто ему не отвечал. Он, значит, был один — обитатель страшного домика.

— Ха-ха-ха!.. — вдруг опять послышался иступленно-безумный хохот. — Сидишь в остроге, проклятый? Что? Небось весь твой кагал не спас тебя? О-го-го-го! Ловко я тебе отомстил! Будешь помнить, как разорять людей... Всего меня разорил... По миру пустил меня, благородного...

Я услышал приближающиеся шаги негодя-изверга к подполью. Только тут я понял, какой я сделал промах, оставшись так долго в страшном подполье. Что мне с ним сделать, если он спустится сюда? Убить его? О, для меня это было крайне нежелательно... Мертвое тело не расскажет ничего о содеянном им преступлении, и тайна убийства девочки останется тайной. Кто сможет доказать, что Губерман сам не совершил здесь, в этом подполье, ритуального убийства христианской девочки? Один я, но этого мало.

То, чего я так страшился, сбылось. Изверг подошел к подполью и поднял люк. Я прижался в угол, затаив дыхание.

— Страшно... страшно... кровь... целый таз. — В голосе его я уловил нотки неподдельного ужаса. Кровь убиенной замученной девочки вопила об отмщении. Эта кровь, очевидно, душила его, заливала ему глаза багряным светом.

— Надо... надо покончить... сжечь... засыпать... закопать... Страшно мне, страшно.

Чиркая дрожащей рукой спичку, он стал медленно, осторожно спускаться в подполье.

— Я помогу вам, здесь темно! — загремел я, чувствуя, что больше мне ничего не остается сделать, ибо скрыться здесь некуда.

Крик, полный безумного ужаса, вырвался из груди страшного злодея.

Я направил на его лицо фонарь, хотел выхватить револьвер... но его не оказалось. Первый раз в моей жизни я очутился без моего верного друга, столько раз спасавшего мою жизнь!

— Сдавайтесь, любезный, вы пойманы! — не теряя хладнокровия, продолжал греметь я.

— А будь ты хоть сам Сатана, я не отдамся тебе добровольно! — исступленно заревел он, бросаясь на меня.

Между нами началась отчаянная борьба. Спичка, брошенная им, упала на белое платье... Рядом лежала грудка сухого сена и соломы.

Послышался сухой треск, забегали языки пламени. «Все погребло!» — мелькнула у меня мысль. Я напрягал все усилия, чтобы не поддаться злодею, но, увы, чувствовал, что он неизмеримо сильнее меня. Он сдавливал мою грудь железными тисками, но, на мое счастье, моя правая рука была свободна.

Я нажал кнопку фонаря и ударил им по лицу его. Удар пришелся по глазам. Он завыл от боли и на секунду выпустил меня из своих ужасных объятий. Я бросился к лесенке, пробиваясь сквозь пламя. Я чувствовал, что горю. Дыхание спирало от дыма, языки пламени охватили мое верхнее платье. Лишь только я выскочил из страшного подземелья, как он, тоже успевший оправиться от удара, набросился на меня сзади. Я потащил его к выходной двери, но... но в эту минуту пришла помощь.

Два горящих факела

Боясь за участь моего дорогого друга, я

немедленно полетел к минскому Лекоку.

— Скорее! Скорее! Двух агентов!

— Что такое? Что такое? — привскочил он. — Где наш гений Путилин?

В двух словах я передал ему приказ моего талантливового друга.

— Во дворе Губермана будем его ожидать...

Он так приказал.

— Черт возьми, я еду в таком случае сам! — засуетился толстяк.

И вот через полчаса мы уже находились на дворе дома ростовщика.

Время тянулось до темноты медленно. Я все с замиранием сердца ожидал условного сигнала-свистка, но его не было.

Губернский лев сыска относился не без иронии к «сему ночному походу».

— Гм... не понимаю... ровно ничего не понимаю, — насмешливо бросал он своему помощнику. — Но, конечно, раз сам Иван Дмитриевич Путилин этого требует...

— Что это, дым? — вдруг воскликнул помощник.

Я поднял глаза.

Клубы черного дыма неслись с пустыря.

Одним ударом ноги я вышиб замеченную доску в заборе и крикнул:

— За мной, господа! Там — несчастье! — Я пролез первым, за мной — помощник Лекока, а сам он... застрял в узком пространстве забора.

— Черт возьми, я застрял! Протисните меня! Ой-ой-ой! Я задыхаюсь!.. Что за чертова западня...

Но нам, мне и помощнику — славному малому, некогда было высвободить злополучного победителя ритуального дела.

То, что мы увидели, заставило заледенеть кровь в наших жилах.

На фоне темной ночи мы увидели два ярко горящих живых факела. Над домиком клубился дым. Несколько секунд — и мы были около них.

— Держите этого! — гремел Путилин, указывая на обезумевшего от боли и страха человека. — Доктор! Скорее! Помогите мне! Я горю... Направляйте на него револьвер!

Я сорвал с него пальто.

— Туда... туда! Будем тушить!

Минский Лекок, очевидно, благополучно

высвободился.

Под револьверным дулом его помощника убийца замер, затих.

— Сюда, коллега, сюда! Скорее! — пригласил великий сыщик толстяка.

В домишке, куда они вбежали, из подполья несся дым.

— Несмотря на это, я вам достану кое-что! — резко бросил он раннему триумфатору.

— Вы... вы с ума... Ваше превосходительство, остановитесь: там вы задохнетесь... Там горит!.. — в испуге закричал «победитель».

Путилин быстро спустился в подполье.

В ту секунду, когда он в дыму и в искрах быстро выскочил оттуда, мы вошли в страшный дом. Посередине нас, под дулами двух револьверов, шел преступник.

В руках гениального сыщика находились таз-чаша с кровью и желтые туфельки.

— Вот вам результаты моих гастролей, вот вам — ритуальное убийство! Арестуйте этого человека — убийцу Евгении Сенюшкиной.

— Проклятый! Как ты узнал меня?

— Я? Тебя? Так ведь я — Путилин, а ты —

черная шинель с фетровой шляпой.

Минский Лекок хлопал глазами.

Наутро Губерман был освобожден.

Радость его и всех евреев не только Минска, но и всего юго-западного края была безгранична.

Имя Путилина, этого гения русского сыска, сумевшего снять покров с тайны якобы ритуальных убийств, прогремело и покрылось неувядающей славой.

Путилина засыпали цветами, когда он выезжал из Минска.

Евреи хотели выпрячь из коляски лошадей и везти его на себе, но этому воспротивился этот редчайший по таланту и скромности человек.

Убийцей оказался Яков Ридин, мещанин, запутавшийся в тройной бухгалтерии Губермана. Желая ему отомстить, он придумал дьявольски зверский способ: украл у бедной вдовы девочку и, убив ее по легенде ритуальных убийств, то есть варварским способом выпустив из нее всю кровь, труп ее ночью подбросил в выгребную яму своего заклятого врага.

Одиннадцать трупов без головы (Атаманша Груня- «головорезка»)

Страшная посылка

— Это было, — начал доктор, — в 187... году, вскоре после назначения моего друга начальником сыскной полиции. Надо вам сказать, что два последние года перед этим были особенно чреватые зверскими кровавыми происшествиями. Путилин просто с ног сбил. Иногда ночью он посылал за мной.

— Друг мой, мне нужна твоя помощь. Определи, сколько времени, по-твоему, мог жить этот убитый после полученной им раны. Мне это необходимо знать.

Так как Путилин никогда не спрашивал ничего зря, я всегда старался дать ему как можно более точный ответ.

Был февраль. В воздухе уже пахло весной.

Я сидел у Путилина в его служебном кабинете, и мы вели с ним задушевную беседу.

Вдруг в дверь нервно постучали.

— Войдите! — крикнул Путилин. На пороге кабинета стоял старший дежурный агент, взволнованный, бледный.

— Ваше превосходительство, страшные преступления! — заикаясь проговорил он.

— В чем дело? — озабоченно спросил Путилин.

— Сию минуту нам сообщено, что в трех различных районах города найдены три трупа.

— Что же в этом особенно страшного, голубчик? — слегка усмехнулся Путилин.

— Вы не дослушали меня, ваше превосходительство. Дело в том, что все три трупа без головы.

— Как без головы? — привскочил Путилин.

— Так-с. Головы у всех отрезаны. Судя по свежести крови, головы отрезаны совсем недавно и, очевидно, не от трупов, а от живых людей.

Путилина передернуло. Каюсь, и я почувствовал себя нехорошо.

— Вот что, голубчик, сию секунду дайте знать прокурору, судебному следователю и врачу. Я еду сейчас туда. Ты поедешь со мной,

Иван Николаевич?

— Что за вопрос? Разумеется... — ответил я.

— Где трупы? — отрывисто спросил Путилин.

— Один — за Нарвской заставой, другой — близ деревни Волково, третий — близ Новодевичьего монастыря.

— Все — окраины... — вырвалось у Путилина.

Только что мы собирались выйти из кабинета, как в дверь послышался новый стук.

— Ну, что еще там? Кто там? Входите!..

Два сторожа бережно внесли объемный ящик, завернутый в черную клеенку.

— Это что? — удивленно спросил Путилин.

— Посылка на ваше имя, ваше превосходительство! — гаркнули сторожа.

— Кто принес?

— Час тому назад доставлена посыльным. Велено доставить в ваши собственные руки.

Путилин сделал досадливый жест рукой.

— Нельзя терять времени... А между тем...

И Иван Дмитриевич выразительно посмотрел на меня.

— Надо вскрыть посылку, — ответил я ему.

— Живо! Живо! Вскрываюте! — отдал он приказание сторожам.

Ловкими привычными руками те распутали бечевки и разрезали черную клеенку. Под ней — грубо отесанный белый деревянный ящик.

Мы все близко подвинулись к нему. Путилин был впереди.

— Подымай крышку! — нетерпеливо бросил он сторожам.

— Ишь ты... как крепко гвоздями приколочена, — ответили сторожа, стараясь ножами поднять крышку таинственного ящика.

Наконец доски отскочили с треском и характерным сухим лязгом сломанных гвоздей.

— С нами крестная сила! — раздался дико испуганный крик отпрянувших от ящика сторожей. — Головы! Головы!!

Путилина тоже словно отшвырнуло назад.

Старший дежурный агент замер на месте. Лицо его было белее полотна.

В ящике на смоченном кровью грубом холсте лежали рядом, одна к другой, три отрезанные головы.

На что уж я, как доктор, привык к всевоз-

можным кровавым ужасам, а тут, поверите ли, при виде этих страшных мертвых мужских голов задрожал, как какая-нибудь нервная барынька.

— Ваше... ваше превосходительство... — первый нарушил столбняк, охвативший всех, здоровенный детина-сторож. — Тут бумага какая-то лежит!

И, бережно сняв с одной из голов лист в четвертинку плохонькой бумаги, смоченный по краям кровью, он протянул ее Путилину.

С дрожью в руках взял это страшное послание Путилин.

— Вы... вы ступайте пока! — отдал он приказ сторожам.

Те, словно радуясь, что могут избежать дальнейшего лицезрения страшных голов, быстро покинули кабинет.

Путилин начал громко читать:

«Посылаем тебе, твое превосходительство, в дар гостинец — три головы. Жалуем тебя этой наградой за твое усердие, с коим ты раскрыл, накрыл и предал шайку "Стеньки Разина". Исполать тебе, мудрый сыщик! А еще ска-

жем, что таких голов получишь ты еще восемь, всего будет одиннадцать. А двенадцатую голову получить тебе уж не придется, потому голова эта будет твоя собственная. Бьет челом тебе А. Г. Г.»

— Недурно! — вырвалось у Путилина.

— Ловко! — вырвалось у меня.

Я быстро подошел к ящику и, схватив одну голову, низко нагнулся, пристально вглядываясь в нее.

— Что ты делаешь? — испуганно спросил меня сыщик.

Я усмехнулся.

— Разве тебе, Иван Дмитриевич, не известно, что порой в зрачках убитого запечатлевается образ убийцы? Зрачки глаз убиваемого воспринимают, как негатив, черты лица убийцы.

Увы! Как я ни бился, я ничего не мог узреть в мертвых, остекленевших глазах. В них застыли только ужас и невыразимое физическое страдание.

— Ну? — с надеждой в голосе спросил меня мой друг.

— Ничего!

— В таком случае едем, не теряя времени... Я принимаю вызов этой страшной банды. Клянусь, что я или первый из восьми сложу свою голову, или раскрою этих чудовищ!..

Одиннадцатая голова. В мертвецкой. «Хрустальный дворец»

Петербург был объят паникой.

Весть о том, что появилась какая-то страшная шайка злодеев, обезглавливающих обывателей, моментально облетела приневскую столицу.

Стоустая молва преувеличивала, как это всегда бывает, число жертв, и петербуржцы в ужасе кричали:

— Не выходите из домов! Сидите дома! По ночам бродят ужасные люди-звери! Они нуждаются в теплой человеческой крови. Отрезав голову, они выбирают из тела всю кровь для каких-то особенных целей.

Высшим начальством моему другу Путилину было вежливо, но категорически поставлено на вид, что он обязан как можно скорее раскрыть эти неслыханные злодеяния. «Вы, Путилин, большой талант. Окажитесь на

высоте вашего призвания и на этот раз. Население страшно взволновано. Необходимо успокоить общественное мнение».

— Я сделаю все, что в моих силах... — скромно, но твердо ответил Путилин.

Осмотр трупов и местностей, где они были найдены, не дал никаких положительных и интересных результатов.

Районы эти были глухими, кишачими отбросами столичного населения, а трупы — совершенно голые. Моргов тогда у нас не существовало, как не существует и до сих пор. Опознать личности убитых, таким образом, являлось делом далеко не легким.

На ноги было поставлено все: внезапные осмотры всех подозрительных притонов, ночлежек, целая рать опытных сыщиков-агентов дневала и ночевала в разных местах.

Прошло восемь дней. А знаете ли вы, господа, что это были за дни?

Каждый день неукоснительно в сыскное отделение доставлялось по одной свежееотрезанной мертвой голове. Как, каким таинственно-чудесным образом ухитрились страшные злодеи посылать Путилину «в дар

гостинец» эти зловещие презенты, до сих пор осталось нераскрытой тайной.

Теперь Петербург уже не волновался, а прямо замер от ужаса. «Последние времена настали! Близко пришествие Антихриста! Скоро будет светопреставление!»

Я никогда не видал моего друга Путилина в таком состоянии духа, как в эти проклятые дни! Он не говорил ни слова, а по своей привычке все что-то чертил ногтем указательного пальца на бумаге.

— Ваше превосходительство, одиннадцатая голова прибыла!.. — тряхась от ужаса, доложили ему.

Путилин даже бровью не повел.

— Стало быть, дело остается за двенадцатой, то есть за моей?

— Помилуйте, ваше превосходительство, что вы... храни Господь!

В течение этих страшных восьми дней, что прибывали мертвые головы, я сопутствовал великому сыщику во многих его безумно смелых похождениях, иногда с переодеваниями, разумеется.

Особенно любопытными и врезавшимися

мне в память являются два: одно — посещение мертвецкой при Н-ской больнице, куда были свезены все обезглавленные трупы и все отрезанные головы, и другое — посещение страшного «Хрустального дворца», о котором я впервые получил представление.

Столичное население было широко оповещено, что все желающие могут в течение целого дня являться в покойницкую больницы для опознания трупов.

Я приехал туда с моим гениальным другом утром. Он распорядился, чтобы у входа в мертвецкую были поставлены сторожа, которые впускали бы посетителей не более одного человека сразу.

Когда мы первый раз вошли в мертвецкую, я невольно вздрогнул, и чувство неприятного холода пронизало все мое существо.

На что уж, кажется, я по моей профессии доктора должен был бы привыкнуть к всевозможным тяжелым картинам, а главное — к трупам, однако, тут, поверите ли, пробрало и меня.

Тяжелый, отвратительный запах мертвечины, вернее, смрадное зловоние разлагаю-

щихся тел ударило в лицо. Казалось, этот страшный запах залезает всюду: и в рот, и в нос, и в уши, и в глаза.

— Бр-р! — с отвращением вырвалось у великого сыщика. — Не особенно приятное помещение. И если принять еще во внимание, что нам придется пробыть здесь несколько часов, а то и весь день.

— Как?! — в ужасе воскликнул я. — Здесь? В этом аду? Но для чего? Что мы будем тут делать?

— Смотреть... наблюдать, — невозмутимо ответил он. — Видишь ли, несколько раз в моей практике приходилось убеждаться, что какая-то таинственная, непреодолимая сила влечет убийц поглядеть на свои жертвы. Вспомни хотя бы страшного горбуна, Квазимодо церкви Спаса на Сенной.

— Но где же мы будем наблюдать? Откуда?

— Для этого мы должны спрятаться, доктор, вот и все.

— Но куда же здесь спрятаться?

— А вот из этих гробов мы устроим великолепное прикрытие, откуда нам будет все видно и слышно.

Я закурил сигару и стал отчаянно ею дымить. Путилин не отнимал от лица платка, надушенного сильными духами. Но разве все это могло заглушить до ужаса резкий трупный запах?

Пока мой друг сооружал нечто вроде высокой баррикады из гробов, я с содроганием глядел на покатые столы мертвецкой.

Какое страшное зрелище, какая душу леденящая картина!

Рядом, близко друг к другу, лежало восемь голых трупов без голов. Все это были сильные, здоровые тела мужчин, но страшно обезображенные предсмертными страданиями-судорогами. Так, у одного трупа были скорчены руки и ноги чуть не в дугу, у другого — пятки были прижаты почти к спине.

Рядом же лежали восемь отрезанных голов.

Эти головы были еще ужаснее трупов! Волосы шевелились на голове...

Точно головы безумного царя Ииуйи, в которые он играл, как в бирюльки.

У большинства глаза были закрыты, но у некоторых открыты, и в них застыло выраже-

ние смертельного ужаса и смертельных мук.

Тусклый, хмурый свет из высокого оконца покойницкой падал на эту страшную груды мертвых тел.

— Ну, доктор, пора! Пожалуйте сюда! — пригласил меня великий сыщик.

Поверите ли, я был рад спрятаться даже за такое мрачное «прикрытие», лишь бы только не видеть этого зрелища.

По условному знаку в мертвецкую стали по одному впускать посетителей. Кого тут только не было, в этой пестрой, непрерывно тянущейся ленте публики! Это был живой, крайне разнообразный калейдоскоп столичных типов. Начиная от нищенки и кончая расфранченными барыньками, любительницами, очевидно, сильных ощущений; начиная от последних простолюдинов и кончая денди в блестящих цилиндрах.

Они входили и почти все без исключения в ужасе отшатывались назад, особенно в первый момент.

— О, Господи! — в страхе шептали-шамкали ветхие старушки, творя молитвы и крестя себя дрожащей рукой.

Были и такие посетители обоего пола, которые с громким криком страха сию же секунду вылетали обратно, даже хорошенько еще ничего не разглядев.

С двумя дамами сделалось дурно: с одной — истерика, с другой — обморок. Их обеих подхватил и вывел сторож.

— И чего, дуры, лезут? — недовольно ворчал талантливейший сыщик.

Тут, кстати, не могу не упомянуть об одном водевильном, курьезном эпизоде, столь мало подходящем к этому страшному и мрачному месту.

В мертвецкую вошел какой-то хмурый, понурый мещанин. Он истово перекрестился и только собрался начать лицезрение этой «веселенькой» картины, как вдруг я, наступив на край гробовой крышки, потерял равновесие и грянулся вместе с ней на пол.

Крик ужаса огласил покойницкую.

Мещанин с перекошенным от ужаса лицом вылетел, как пуля, крича не своим голосом:

— Спасите! Спасите! Покойники летят, покойники!

Я быстро, еле удерживаясь от хохота, вско-чил и пристроился, как и прежде.

— Это черт знает что такое, доктор! — начал мой друг шепотом строго распекать меня, хотя я отлично видел, что губы его трясутся от сдерживаемого смеха. — Ты, батенька, не Бобчинский, который в «Ревизоре» влетает в комнату вместе с дверью. Эдак ты мне все дело можешь испортить...

Продолжать шепот было невозможно, так как в это царство ужаса вошла новая посетительница.

Меня несколько удивило то обстоятельство, что, войдя, она не перекрестилась, как делали это все, а без тени страха и какого-либо смущения решительно подошла к трупам и головам.

Она стояла к нам вполоборота, так что мне был виден профиль ее лица.

Этот профиль был поразительно красив, как красива была и вся ее роскошная фигура с высокой грудью. Среднего роста, одета она была в щегольской драповый полудипломат, в белом шелковом платке на голове.

Она несколько секунд простояла молча, не

сводя взора с трупов и голов, потом вдруг быстрым движением схватила одну из голов и приставила к обезглавленному туловищу.

Затем через несколько секунд она так же быстро сдернула мертвую голову и, положив ее на прежнее место, пошла к выходу.

Лишь только успела она перешагнуть порог, как Путилин быстрее молнии выскочил из своей мрачной засады, бросился к двери и закрыл ее на задвижку.

— Скорее, доктор, помоги мне расставить гробы на их прежнее место.

Я стал помогать ему.

— Ну, а теперь быстро в путь!

Он высоко поднял воротник шубы, так что лицо его не стало видно, и, отдернув задвижку, вышел из покойницкой.

— А как же ты врешь, что поодиночке пускают? — напустилась на сторожа вереница посетителей. — А их вон там трое было.

Путилин быстро шел больничным двором, направляясь к воротам. Я еле поспевал за ним.

Впереди мелькал белый платок.

— Чуть-чуть потише, — шепнул мне вели-

кий сыщик.

Когда платок скрылся в воротах, мы опять прибавили шагу и вскоре вышли на тротуар Третьего проспекта.

Тут на углу больничного здания, на тротуаре, стояла женщина в белом платке рядом с высоким, дюжим парнем в кожаной куртке и высокой барашковой шапке. Они о чем-то оживленно и тихо говорили.

Когда мы поравнялись с ними, женщина пристально и долго поглядела на нас.

Потом, быстро подозвав ехавшего извозчика, они уселись в сани и скоро скрылись из наших глаз.

— Ну, и мы отправимся восвояси! — спокойно проговорил Путилин.

В тот же день, под вечер, он приехал ко мне переодетый и загримированный под самого отпетого золоторотца.

Обрядив и меня в ужасные отребья, он протянул серебряный портсигар.

— Эту вещь ты будешь продавать в «Хрустальном дворце», если понадобится.

— Где? — удивился я.

— Увидишь... — лаконично бросил он.

И вскоре действительно я увидел этот «великолепный» дворец.

В одном из флигелей большого дома в Тарасовом переулке, рядом с «Ершами», внизу в подвальном этаже висела крохотная грязная вывеска — «Закусочная».

Когда мы подошли к обледенелым ступеням, ведущим в это логовище, нам преградил дорогу какой-то негодяй с лицом настоящего каторжника.

— А как Богу молитесь? — сильным голосом прорычал он, подозрительно впиваясь в нас щелками своих узких, заплывших от пьянства глаз.

— По Ермилу-ножичку, по Фомушке-Фоме да по отвертке-куме! — быстро ответил бесстрашный сыщик.

— А-а... — довольным тоном прорычал негодяй. — Много добыли?

— Кисет с табаком да кошель с пятаком.

Путилин быстро спустился в подвал, я за ним. Когда мы вошли вовнутрь этого диковинного логовища, я невольно попятился назад: таким отвратительным зловонием ударило в лицо.

Несмотря на то что тут было очень много народа, холод стоял страшный. Ледяные сосульки висели на грязных окнах, снег искрился в углах этого воровского подвала. Только бесконечно меткий и злой юмор воров и мошенников мог придумать для этой страшной дыры такое название — «Хрустальный дворец»!

В первой конуре виднелось нечто вроде стойки с какой-то омерзительной снедью.

Во второй «комнате», очень большой, занимающей все пространство подвального помещения, шла целая эпическая комедия из жизни преступного Петербурга. Столов и стульев практически не было. Посередине стояла высокая бочка, опрокинутая вверх дном. Около нее стоял седой старик в продранной лисьей шубе с типичным лицом скопца. Вокруг него полукругом теснилась толпа столичной сволочи, то и дело раздражаясь громким пьяным хохотом.

— Кто еще найдет, что продать? Принимаю все, кроме девичьего целомудрия, как вещи, ровно ничего не стоящей... для меня, по крайней мере, почтенные дамы и кавале-

ры! — высоким, пискляво-бабьим голосом выкрикал скопец-скупщик краденного.

— Ха-ха-ха! Ах, шут тебя дери! — заливалась силыми голосами воровская братия «Хрустального дворца».

— А штаны примешь? — спросил кто-то.

— А в чем же к столбу пойдешь, миленький, когда кнутом стегать тебя будут? Что же тогда ты спустишь?..

Новый взрыв хохота прокатился по подвалу.

Но были и такие, которые с хмурым лицом подходили и бросали на дно бочки серебряные, золотые и иные ценные вещи.

Высохшая рука страшного скопца быстро, цепко, с какой-то особой жадностью хватала вещь.

— Две канарейки, миленький...

— Обалдел, знать, старый мерин? — злобно сверкал глазами продающий. — За такую вещь — и две канарейки?

— Как хочешь, — апатично отвечал скопец.

Я не спускал глаз с лица моего друга. Я видел, что он словно кого-то высматривает.

Вдруг еле заметная усмешка тронула концы его губ.

Я проследил за его взором и увидел высокого парня в кожаной куртке и барашковой шапке.

«Где я видел этого молодчика? Что-то знакомое...» — мелькает у меня в голове.

— А вы чего же стоите, миленькие? — вдруг повернулся к нам отвратительный старик-скопец. — Имеете что обменять на фальшивые государственные деньги, ибо настоящие-то фабрикуете только вы?

На нас сразу обратили внимание.

Не скажу, чтобы я почувствовал себя особенно приятно. Я знал, что, если заметят наш грим, нам несдобровать или в лучшем случае придется выдержать жаркую схватку.

— Ну, ты, сударь-батюшка, Христос из Кипарисового сада, нас не учи, какие у нас деньги. У нас-то деньги кровью достаются, не то что у тебя, обкорналого жеребца!

Глазки скопца засверкали бешенством, но зато эта фраза имела решительный успех среди «отверженных».

— Ловко его! Молодчага! Так его, старого

пса!..

Путилин швырнул на дно бочки серебряные часы.

— Не возьму! — резко взвизгнул скопец.

— А... а ежели в таком случае сумочку твою да на шарапа я пущу? Ась?

— О-го-го-го! — загрохотал подвал «Хрустального дворца».

Трясущимися от злобы руками старик схватил часы и швырнул Путилину пять рублей.

Это была огромная цифра, попросту говоря — взятка. Старый негодяй испугался угрозы переодетого сыщика и хотел его задобрить.

Когда мы выходили из страшного подвала, около дверей стоял парень в кожаной куртке. Он о чем-то тихо шептался с чернобородым золоторотцем.

— Так, стало, сегодня придешь туда?

— Приду...

— Упомни: «Расста...»

В эту секунду он заметил нас и сразу смолк. На девятый день, после довольно обширной прогулки, навестив чуть не двена-

дцать больных, я, усталый, сидел перед горящим камином. Мысль о моем друге Путилине неотступно преследовала меня. Я думал об этом таинственном отрезании одиннадцати голов. Все трупы вместе с полицейским врачом исследовал и я. Меня поразила одна особенность: все одиннадцать людей были обезглавлены одним способом: сначала нож втыкался острием в сонную артерию, а затем сильным и ловким движением производился дьявольский «кружный пояс», благодаря которому голова отделялась от туловища.

Утомленный этими страшными бессонными ночами и дневной практикой, я, согретый огоньком камина, задремал. Это был не сон, а так, какое-то кошмарное забытье. Рисовались голые трупы, кровь, отрезанные головы.

Громкий звонок вывел меня из состояния этого полубреда, полукошмара. Я вздрогнул и вскочил с кресла. Передо мной стоял мой лакей.

— Что такое?

— Так что, барин, какая-то компания подъехала на тройке. Важный, но хмельной купчик молодой желает вас видеть, — доложил

он мне.

— Пусть войдет!

Дверь моего кабинета распахнулась. На пороге в роскошной собольей шубе, отороченной бобрами, стоял красавец — молодой купчик. Сзади него во фраке со значками вытянулись два лакея в летних пальто.

— Что вам угодно? — направился я к собольей шубе.

Лицо красавца-купчика осветилось веселой улыбкой.

— Помощь нам подать, господин доктор!

— Позвольте, господа, в чем дело? Кто из вас болен? Почему вы все трое ввалились в мой кабинет? Там есть приемная.

Какой-то леденящий ужас и страх под влиянием кошмарного забытья охватили меня.

— Не узнаешь? — подошел ко мне вплотную купчик в собольей шубе.

— Позвольте... Кто вы?.. Я вас не знаю...

— Будто бы? Неужели ты, Иван Николаевич, не знаешь, что на свете появляются материализованные духи?

Я обомлел.

— Кто такой, сударь, вы будете?

Саркастический хохот пронесся по моему кабинету.

— Я-то кто? А Ивана Дмитриевича Путилина знаешь?

— Как?! Ты?!!

— Я. Собственной своей персоной, дружнице! Довольно заниматься маскарадом. Едем. Ты, конечно, не откажешься присутствовать при том, как будут снимать «двенадцатую голову», а именно голову с туловища твоего друга?

Затем, переменив шутливый тон на серьезный, он тихо мне проговорил:

— Захвати с собой хирургический набор и все вообще, что требуется для оказания первой помощи. Я боюсь, что дело будет жаркое.

Через несколько секунд мы находились уже в тройке. Розвальни были покрыты красным бархатом.

— Хорошо загримировался? — смеясь, тихо обратился ко мне Путилин.

— Чудесно! — искренно вырвалось у меня. — Но, ради бога, скажи, куда мы едем?

Наступила долгая пауза. Мой друг что-то сосредоточенно чертил пальцем по заинде-

вевшим крыльям саней.

— Прости, ты о чем-то меня спрашивал? — словно пробуждаясь после долгого сна, спросил он меня.

— Куда мы едем, Иван Дмитриевич?

— Ах, куда мы едем? Довольно далеко... может быть, на тот свет. Предупреждаю тебя, если ты боишься, сойди, пока есть время. Потом при неуспехе поздно будет. Ты веришь в меня?

— Верю! — вырвалось восторженно у меня.

— Так о чем же ты спрашиваешь?

— Неужели ты попал на верный след? — спросил я моего друга.

— Тс-с! И уши лошадиные имеют уши! — тихо рассмеялся Путилин.

— Но-но-о-о, ми-лы-е-е! — лихо гаркнул ямщик, привстав с облучка.

Чуть не на тот свет

Чем дальше, тем местность, которой мы ехали, становилась все глуше и глуше. Огромный гранитный город остался далеко позади нас. Потянулись какие-то пустыри, огороды. Изредка мелькали огоньки маленьких домиков.

— Это агенты? — указал я глазами на двух официантов во фраках.

— Конечно, — тихо рассмеялся Путилин. — Теперь слушай меня внимательно. Мы едем в кабачок-трактир «Расставанье». Я богатый загулявший купчик. Эти агенты — лакеи ресторана Бореля, сопровождающие меня как важного клиента их дома. Я не уплатил по крупному счету. Я кучу. У меня десятки тысяч в кармане. Лакеи это знают и хотят пожить-ся. Ты — шулер.

— Благодарю покорно! — расхохотался я.

— Тс-с! Ты в этом грязном притоне будешь предлагать мне играть. Вынешь карты. Я выну деньги. А потом... а потом ты увидишь, что из этого выйдет. На, держи колоду карт.

— Но ведь это безумно смелая игра! — вырвалось у меня.

— Другого исхода нет. Ты знаешь меня: я никогда не отступаю ни перед какой опасностью. Я или выиграю, или проиграю это дело!

На углу двух дорог, с начала одной из которых виднелся пролесок, стоял двухэтажный деревянный домик, ярко освещенный.

— Ну-ну-у, милые, тпр-ру! — дико взвизг-

нул, ухнул и гаркнул ямщик.

Сани тихо подкатили к трактиру, над подъездом которого вывеска гласила: Трактир «Расставанье».

Громкий звон бубенчиков и лихой окрик ямщика, очевидно, были услышаны в мрачном притоне, о котором давно уже ходила недобрая слава.

Дверь отворилась, из нее вырвались клубы белого пара.

Я быстро взглянул на Путилина и не узнал его. Моментально все лицо его преобразилось. Пьяная, глупая улыбка расплылась по лицу, и он сильно качнулся всем телом в мою сторону.

— Ваше сиятельство, купец хороший, приехали! — отстегивая полость троечных саней, громко возгласил ямщик.

В ту же минуту «лакеи» бросились высасывать «его сиятельство».

— Кто такой будет? — подозрительно поглядывая узкими щелками глаз, прохрипел высокий рыжий трактирщик, типичный целовальник былых времен.

— Ха-а-ароший гость! — чмокнул языком

ямщик. Один из «официантов» юрко подлетел к рыжему трактирщику.

— От «Бореля» мы. Они-с — первеющий миллионер. Захмелели малость... ну, и того, по счету забыли уплатить. Мы решили их прокатить, авось очухаются, денежки с лихвой нам заплатят. А только скажите, хозяин, у вас насчет карманного баловства не практикуется? Потому — деньги ба-а-а-льшие при нем имеются... В случае чего нам в ответе придется быть.

— Не бойсь, не съедим, — усмехнулся рыжий трактирщик, — и тебе еще с лихвой останется...

— Хи-хи-хи!.. Сразу видать образованного человека! — восторженно хихикнул «лакей» от «Бореля».

— А это кто с ним рядышком сидит? — ткнул перстом по моему направлению негодяй.

— А так, примерно сказать, лизоблюд. Около их увивается. А коли говорить откровенно — так шулер. Он, шут его дери, ловко из семерки туза делает!

Путилин тихо мне шепнул:

— Да выводи же меня из саней...

— Mon bon! Ардальоша! Да очнись же! — громко начал я, расталкивая Путилина.

— А? Что?.. — глупо хлопал он глазами.

— Помоги ему! — важно процедил содержатель «Расставанья», подталкивая лакея. Но другой «лакей» уже спешил мне на помощь.

— Пшли прочь! — нагло заявил он мне. — Обобрали купца хорошего на сорок тысяч, а теперь сладко поете: «Ардальоша, Ардальоша!» Без вас высадим!..

Путилина поволокли из саней. Он, качнувшись несколько раз, вдруг обратился к рыжему трактирщику:

— А... а шампанское есть у тебя, дурак?

— Так точно-с, ваше сиятельство, имеется для именитых гостей, — поспешно ответил негодяй.

До сих пор, господа, я не могу забыть той страшной усмешки, которая искривила лицо этого рыжего негодяя. Клянусь, это была улыбка самого дьявола! «Что будет? Что будет? Ведь мы идем на верную смерть!» — пронеслось у меня в голове.

В волчьей яме. «Двенадцатая» голо-

ва. На волосок от смерти

В первую минуту, когда мы вошли в ужасный трактир, ровно ничего нельзя было увидеть. Клубы удушливого табачного дыма и точно банного пара колыхались в отвратительном воздухе, наполненном ужасным запахом водочного и пивного перегара и острым испарением — потом массы грязных человеческих существ.

Уверяю вас, господа, это был один из кругов ада! Какое-то дикое звериное рычание, дикий хохот, от которого, казалось, лопнут барабанные перепонки, визг бабьих голосов, самая циничная площадная ругань — все эти звуки, соединяясь в одно целое, давали поистине адский концерт.

— Сюда, пожалуйста, сюда, ваше сиятельство! — предупредительно позвал нас рыжий негодяй к угольному большому столу.

Мало-помалу глаза свыклись с туманом, колыхающимся в этом вертепе.

Огромная комната... Столы, покрытые красными скатертями... Лавки... табуреты... Посередине — длинная стойка-буфет, заставленная штофами водки, чайниками, пивными

бутылками. Почти все столы были заняты.

За ними сидели пьяные, страшные негодяи, вся накипь, вся сволочь, все подонки столичного населения.

Кого тут только не было! Беглые каторжники, воры-домушники, мазурики-карманники, коты тогдашней особенной формации, фальшивомонетчики.

У многих на коленях сидели женщины. Что это были за женщины! Обитательницы «малинника» из Вяземской лавры, молодые, средних лет и старые, они взвизгивали от чересчур откровенных ласк их обожателей.

— Ва-ажно, Криворотый! — стоял в воздухе адский хохот. — Ну-ка, ну-ка, хорошенько ее!

А Криворотый, саженный парень с опившимся лицом, зверски сжимал в своих объятиях какую-то молодую женщину.

— Ах, ловко! Ах, ловко!

— Ох,пусти! Ой, бесстыдник... — кричала женщина.

В другом месте делили дуван.

— Я тебе... голову раскровяню бутылкой, коли ты со мной по-хорошему не поделишься!

— Молчи, проклятый! — хрипел голос. — Получай, что следует, пока кишки тебе не выпустил!

Сначала за общим гвалтом и дымом наше странное появление не было замечено многими.

Но вот мало-помалу мы сделались центром общего изумленного внимания.

— Эй, мошенник, шампанского сюда! — громко кричал Путилин, раскачиваясь из стороны в сторону.

Его роскошная соболья шуба распахнулась, на жилете виднелась чудовищно толстая золотая цепь.

Я с тревогой, сжимая ручку револьвера, следил за аборигенами этой вонючей ямы. Боже мой, каким алчным и страшным блеском горели их глаза!

Я стал прислушиваться.

— Что это за птицы прилетели?

— Диковинно что-то...

— А что, братцы, не сыщики ли это к нам пожаловали?

— А и то, похоже что-то...

— Вынимай скорей карты! — тихо шепнул

мне Путилин.

Я быстро вытащил колоду карт.

— Ардальоша, сыграем партийку? — громко проговорил я на всю страшную комнату.

— Д... д... давай! — заплетающимся языком ответил Путилин. И, выхватив из бокового кармана толстую пачку крупных кредиток, бросил ее на стол.

— Ваше сиятельство, отпустите нас! Извольте рассчитаться... Мы свои заплатили, — в голос пристали к Путилину «лакеи» от «Бореля» — агенты сыскной полиции.

— Пошли вон, канальи! — пьяным жестом отмахнулся от них гениальный сыщик.

Теперь в «зале» воцарилась томительная тишина. Все повставали со своих мест и стали подходить к нашему столу.

Вид денег, и таких крупных, совсем ошеломил их. Только я стал сдавать карты, как Путилин пьяным голосом закричал:

— Н-не надо! Не хочу играть! Кралечку хочу какую ни на есть самую красивую! Нате, держите, честные господа-мазурики!

И он швырнул столпившимся ворами и преступникам несколько ассигнаций.

— Сию минуту, ваше сиятельство, прибует расчудесная краля! — подобострастно доложил рыжий содержатель вертепа-трактира. — Останетесь довольны!

Прошла секунда, и перед нами предстала красавица в буквальном смысле этого слова.

Когда она появилась, все почтительно почему-то расступились перед ней.

Это была героиня путилинского триумфа, среднего роста, роскошно сложенная женщина. Высокая упругая грудь. Широкие бедра. Роскошные синие, удивительно синие, глаза были опущены длинными черными ресницами. Красивый нос, ярко-красные губы, зубы ослепительной белизны. Из-под дорогого белого шелкового платка прихотливыми прядками спускались на прелестный белый лоб локоны.

Это была настоящая русская красавица, задорная, манящая, как-то невольно притягивающая к себе.

Она, насмешливо улыбаясь, подошла к Путилину.

— Ну, здравствуй, добрый молодец!

— Ах! — притворно всхлипнул Путилин.

Пьяно-сладострастная улыбка, блаженно-счастливая, осветила его лицо.

«Как гениально играет!» — невольно подумал я.

— Эй, рыжий пес, ну... ну, спасибо! Разо-должил! И взаправду чудесную к-кралю предоставил. На, лови сей момент сотенную! Эх, за такую красоту и сто тысяч отдать не жалко!

— А есть у тебя эти сто тысяч? — кладя свои руки на плечи Путилина, спросила красавица.

— На, смотри!

Путилин выхватил толстый бумажник и раскрыл его перед красавицей «Расставанья».

— Видишь? Ну все отдам за ласку твою!

Пьяный, гикающий вопль огласил вертеп.

— А вам, брат... братцы, тысячу пожертвую, помните, дескать, о купце Силе Парфеныче, который кралечку в смрадном месте отыскал!

Я не спускал взора ни с Путилина, ни с этой красавицы. Я видел, как Путилин быстро-быстро скользнул взглядом по ее рукам, на пальцах которых виднелись еле зажившие

порезы. Видел я также, каким быстрым, как молния, взглядом обменялась красавица с тремя огромными субъектами в куртках и барашковых шапках.

— В... вот что, хозяин! — чуть качнувшись, выкрикнул Путилин. — Держи еще сотенную и угощай всех твоих с... гостей! Я сейчас с красавицей поеду. Эх, дорогая, как звать-то тебя?

— Аграфена! — сверкнула та плотоядными глазами.

— А я скоро вернусь. Часика этак через три, а может, и раньше. Поедешь со мной, Грунечка?

— Зачем ехать? Мы лучше пешком дойдем. Домишко мой убогий близко отсюда отстоит. Перины мягкие, пуховые, водочка сладкая есть... Эх, да раз, молодчик купец, сладко тебя пригрею! Заворожу тебя чарами моими, обвью руками тебя белыми, на грудях моих белых сладко уснешь ты.

— Га-га-га! Хо-хо-хо! — загремел страшный кабак-трактир.

— Ну что ж! Ехать так ехать! — воскликнул Путилин, грузно поднимаясь из-за стола.

Красавица Аграфена о чем-то тихо шепталась с двумя рослыми парнями с самой разбойничьей наружностью. Обрадованный даровым угощением кабак-притон ликовал.

Отовсюду неслись восторженные клики. Путилин сильным голосом запел:

*Вот мчится троечка лихая
Вдоль по дороге столбовой...*

И между словами песни удивительно ловко шепнул мне:

— Если они опоздают хоть на минуту, мы погибли.

— Кто «они»? — еле слышно проговорил я.

— Агенты и полицейские.

— Ну, в путь-дорожку! — пошла к выходу красавица Груня, пропуская впереди себя Путилина.

Меня словно осенило. Я подошел к ней и тихо ей шепнул:

— Возьми и меня с собою. Если я его обыграю, а обыграю я его наверняка, ты получишь от меня пять тысяч.

— Ладно!.. Идите с нами, господин хороший! — сверкнула она глазами.

— А вы здесь меня дождитесь! — отдал приказ подгулявший купчик-Путилин.

Этого маневра Путилина я не мог понять.

Но теперь уже поздно было спрашивать каких бы то ни было объяснений: с нас двоих «расстанная кралечка» не спускала острого наблюдательного взора.

Мы вышли на крыльцо разбойничьего вертепа.

Взглянули — и, должно быть, одновременно испытали одно и то же чувство леденящего ужаса.

Тройки не было, тройка исчезла!

Прежде чем я успел издать какой-либо звук, я почувствовал, как Путилин незаметным движением сильно сжал мою руку.

— А где же, где моя троечка, разлапушка?

«Расстанная» красотка расхохоталась.

— А я к дому моему направила ее. Тут домик мой ведь недалеко. Вот пройдем лесочком этим, свернем направо — там он и будет. Я так решила: лучше ты разгуляешься, коли пешочком пройдешься, хмель-то с тебя сойдет. А то на что ты похож? Ха-ха-ха!..

— Ах ты умница-разумница моя, — кач-

нулся Путилин.

Мы свернули за угол.

Очевидно, что тройка здесь не проезжала: выпавший пушистый снег был девственно не тронут. Следов полозьев не было и в помине.

Путилин шел несколько впереди. За ним — красавица Аграфена, я — сзади нее.

Месяц светил вовсю, заливая дивный пейзаж своим мертвенно-бледным, таинственно чудным светом.

Вдруг три огромные черные тени вырисовались на снегу.

Я быстро обернулся.

Сзади нас, прикрываясь ветвями придорожных елей, на расстоянии приблизительно саженой десяти тихо крались трое высоких мужчин.

Этого момента, господа, я не забуду никогда, до гробовой доски. Не хвастаясь, скажу, я не из трусливого десятка, но тут я почувствовал какой-то непреодолимый ужас. Вы должны представить себе, где все это происходило. Глухая, отдаленная пригородная местность. Кругом ни души. Только ели в снегу, только бесстрастный месяц. Позади — вертеп пре-

ступников, прямо по пятам — выслеживающие нас, как хищные звери, злодеи. Впереди — неведомая даль темного перелеска, где смерть, неумолимая смерть, казалось, уже заносила над нами свою дьявольскую косу!

«Что он сделал, что он сделал? — молнией пронеслось у меня в голове. — Как мог он, гениальный Иван Дмитриевич Путилин, так попасться?»

Я еще раз оглянулся назад и удивился: трех фигур уже не виднелось.

Зато я ясно увидел нечто неизмеримо более страшное и диковинное: *пушистая белая пелена снега как бы шевелилась все время.* Очевидно, кто-то полз под снегом.

Для меня вдруг стало все совершенно ясно. Очевидно, негодяи, кравшиеся за нами, сообразили, что я их заметил, и придумали этот хитрый маневр: бросились в глубокую канаву, наполненную снегом, и поползли под снегом.

Вдруг Путилин круто остановился.

В ту же секунду, испустив короткий крик, красавица Аграфена одним прыжком бросилась на него.

В руках ее сверкнул огромный нож, которым она взмахнула над шеей Путилина.

— Убирайте того! — громко крикнула она.

Из канавы, как белые привидения, выскочили трое разбойников, и два из них бросились на меня, а третий — на помощь к разбойнице.

Быстрее молнии я выхватил револьвер и выстрелил в негодяев.

Один из них с воем и хрипом раненого кабана грохнулся на снег.

Вслед за моим выстрелом, почти одновременно, гулко прокатился второй.

«Господи! Слава Богу! Стало быть, жив Путилин!» — пронизала меня радостная мысль.

Негодяй с ножом на меня наседавал. Отстреливаясь от него, я обернулся и увидел такую картину: разбойник, бросившийся на помощь к своей страшной сообщнице, корчился на снегу, очевидно раненный, а Путилин с Груней катались по снегу в упорной, ожесточенной борьбе.

— Помоги, друг... Это не женщина, а дьявол! — хрипел Путилин.

— Отрежу! Сейчас отрежу твою поганую

голову! — неистово-дико кричала страшная злодейка.

Я видел, как нож сверкал в воздухе и опускался на Путилина.

Не помня себя, я бросился к нему на помощь, но вдруг страшным ударом рыжего детеныша, по которому делал промахи, былшиблен с ног.

— Попались дьяволы! — захрипел он.

Я закрыл глаза, приготовившись умереть.

— Держитесь! Напрягайте последние силы! — вдруг загрели голоса.

Я раскрыл глаза, потрясенный, недоумевающий, и увидел, как разбойник, уже заносивший над моим горлом нож, задрожал, выпустил меня из своих железных объятий и бросился бежать.

Я быстро вскочил на ноги, не веря произошедшему чуду: со всех сторон из леса к нам бежали полицейские и солдаты.

Груню отрывали от Путилина. Она так крепко и цепко впиалась в него, что потребовались усилия нескольких полицейских, чтобы оторвать ее от моего друга.

— Ты жив? Не ранен? — подбежал я к

нему.

— Кажется, не ранен! — хладнокровно проговорил Путилин.

— Ну и баба! — громко смеялись солдаты и полицейские, обрадованные, что мы живы. — Этакая силища!

Они крепко держали ее за руки. Красавица Аграфена вырывалась из их рук отчаянно. Она волочила за собою то в ту, то в другую сторону четырех здоровых мужчин!

— Ну, здравствуй, Грунечка! — подошел к ней Путилин. — Небось догадываешься, кто я? А? Я — тот самый, которому ты хотела отрезать двенадцатую голову.

— Постылый! Эх, жаль, сорвалось! — иступленно вырвалось у нее.

Лицо ее было страшно. Красивые глаза ее почти вышли из орбит и метали пламя какого-то животного бешенства.

— Ну, а теперь, господа, скорее, скорее к притону! Оцепите всю местность, да, кстати, подберите этих негодяев. Они, кажется, еще живы! А красавицу мою держите крепче!

Мы, сопровождаемые полицейскими и частью солдат, почти бегом бросились к каба-

ку-притону «Расставанье».

Он был темен, как могила!

— Где же мои агенты? Неужели негодяи убили их? — тревожно шепнул мне Путилин.

С револьверами в руках мы поднялись на крыльцо трактира. Ни луча света! Ни звука!

— Стойте здесь, молодцы! — приказал Путилин солдатам. — Охраняйте этот выход, а мы пойдем во двор.

Ворота были раскрыты настежь. Виднелись свежие следы полозьев троечных саней.

— Так и есть: они только что удрали на нашей тройке!

Мы принялись осматривать внутренность двора.

— Васюков, Герасимов! — громко кричал Путилин, обегая двор.

— Скорее! Скорее! На помощь! — вдруг раздались крики из темного вертепа.

Блеснул огонек. Он моментально стал разгораться в яркое пламя, и в ту секунду, когда мы ломились в заднюю дверь, чем-то забаррикадированную, в трактире уже бушевало море пламени.

Вдруг со звоном разлетелась оконная рама,

и один за другим оттуда выскочили наши агенты.

— Живы? — радостно вырвалось у Путилина. — Говорите скорее, что там делается?

Агенты были в крови.

— При ваших выстрелах и при вашем приближении негодяи поняли, что все погибло. Часть их успела удрать, а хозяин, быстро потушив лампы, заметался, как угорелый. Мы притаились за столами. Тогда, очевидно, хозяин и еще несколько оставшихся воров выплеснули керосин и зажгли его, чтобы, пользуясь суматохой пожара, спастись бегством.

Внутри домика все трещало.

— Сдавайтесь! — крикнул Путилин. — Вам не уйти, вы оцеплены. Сдавайтесь или вы сгорите!

Минута, другая... Наконец, задняя дверь распахнулась и из нее прямо в руки полицейским попало человек десять мрачных аборигенов страшного вертепа.

Наступало уже утро этой зловещей ночи, когда мы, разбитые, потрясенные, привезли, вернее, привели нашу славную добычу.

Только у заставы мы нашли подводы ломо-

вых, на которые усадили пленных и сели сами.

Путилин ликовал. Мы все горячо поздравляли его с блестящей победой.

Вся его шуба была в клочьях. Это красавица Груня во время борьбы расплосовала ее своим страшным ножом.

Несмотря на ужасное утомление, Путилин сейчас же по прибытии приступил к ее допросу.

— Слушай, Аграфена, ты попалась. Запираться теперь поздно, глупо. Скажи, неужели это ты отрезала все одиннадцать голов?

— А тебе не все ли это равно? — дерзко ответила она, ни на йоту не смущаясь и хищно оскаливая свои ослепительно-белые зубы. — Что вот тебя не прирезала — про это жалею!

— Скажи, ты догадалась, что это я приехал к тебе в гости? — любопытствовал Путилин.

— А ты полагал нас провести? — цинично расхохоталась Груня.

— Ты что же — атаманша?

— Атаманша.

— Кто же твои сообщники? Предупреждаю

тебя: если ты откровенно сознаешься во всем и выдашь твоих молодцов-удальцов, ты можешь рассчитывать на снисхождение суда.

— А если и не выдам, так дальше Сибири не угоните! — расхохоталась она. — А оттуда — эх, как легко убежать!

Я не буду рассказывать вам всех подробностей длинного, запутанного следствия. Главное мое внимание было сосредоточено, конечно, на яркой, поразительной личности атаманши-головорезки Груни.

Ни до, ни после этого мне не случилось видеть женщины, подобной ей. Это был действительно дьявол в женском образе.

Чтобы вырвать у нее признание, ее подвергли пытке: ей давали есть исключительно селедку и... ни капли воды.

Семь суток — чувствуете ли вы огромность этого срока? — она превозмогала страшную, мучительную жажду.

О, если бы вы видели, какими глазами глядела эта страшная преступница на Путилина!

Наконец она сдалась.

— Пить... Я все расскажу!.. — взмолилась она. И рассказала, выдав главарей шайки.

— На своем веку зарезала я, — показывала она с поразительным хладнокровием, — двадцать восемь человек. Мне это все равно, лишь бы ножик был удобный, острый — по руке. Сначала ткнешь в зашею, потом — раз! — кругом шейки, только хрящики захрустят. Эх, хорошо!

Никто не мог без содрогания слушать эту страшную исповедь.

Я, доктор, привычный ко всевозможным кровавым ужасам, бледнел.

Торжество Путилина, нашедшего этого изверга естества, было полное.

Ее судили и приговорили к бессрочной каторге.

Отравление миллионерши-наследницы

Голос сердца

Около двух часов дня в служебный кабинет Путилина курьером была подана визитная карточка. «Сергей Николаевич Беловодов» — стояло на ней.

— Попроси! — отдал приказ великий русский сыщик.

В кабинет походкой, изобличающей волнение, неловкость, смущение, вошел высокого роста красивый, изящный молодой человек лет двадцати пяти — двадцати шести.

В его фигуре, в манерах видна была хорошая порода.

— Чем могу служить? — обратился Путилин к вошедшему. — Прошу вас, — и он указал на кресло, стоящее у письменного стола.

Молодой человек сел, но, по-видимому, от волнения не мог в течение нескольких секунд проговорить ни слова.

Наконец, сделав над собой огромное усилие, он начал:

— Простите великодушно, что я позволяю себе отрывать вас от занятий... вообще беспокоить вас...

— Но вы ведь, господин Беловодов, явились ко мне по делу?

— Ах, если бы я мог наверняка знать, быть вполне уверенным, что по делу! — вырвалось у молодого человека.

Путилин несколько удивленно и очень пристально поглядел на странного визитера.

— Простите, я не вполне понимаю вас... Скажите, что привело вас ко мне?

— Ваша слава гениального сыщика и репутация гуманнейшего, добрейшего, сердечного человека.

Путилин мягко улыбнулся, наклонив свою характерную голову.

— Спасибо на добром слове, но... к кому же из «меня двоих»: к умному сыщику или к сердечному человеку — привела вас судьба?

— К вам двоим, monsieur Путилин. Я в глубоком отчаянии, и верьте, что вся моя надежда только на вас.

— В таком случае давайте поговорим. Расскажите ясно, подробно, в чем дело.

И Путилин, приняв свою любимую позу, приготовился слушать.

— Рядом с нашим имением Н-ской губернии находилось и находится до сих пор богатейшее имение Приселовых. Владельцем его являлся отставной гвардии ротмистр Петр Илларионович Приселов, человек женатый, имевший всего одну дочь Наталию. Жили они открыто, роскошно, богато. Мы водили домами самую дружескую хлеб-соль. Я был старше Наталии Приселовой ровно на пять лет.

Оба — подростки, мы были настоящими друзьями детства, играли, возились летом в великолепном парке, иногда даже дрались... Частенько до нас долетали отрывистые фразы из бесед наших родителей: «Эх, славная парочка! Впоследствии хорошо бы окрутить их». Вскоре, однако, посыпались несчастья. Скончалась от тифа мать Наташи, госпожа Приселова. Не прошло и года, как Наташа сделалась полусиротой, как вдруг новое горе обрушилось на ее бедную головку: на охоте ее отец, Петр Илларионович Приселов, опасно ранил себя выстрелом из ружья и через четы-

ре дня, в тяжелых мучениях, скончался. Перед смертью он успел сделать духовное завещание такого рода: все свое состояние, движимое и недвижимое, он оставляет своей единственной дочери Наталии. Опекуном ее, и позже — попечителем, он назначает своего родного брата Николая Илларионовича Приселова. Наталия по окончании института должна поселиться в доме дяди-опекуна. Все огромное состояние, свыше миллиона, она имеет право получить от опекуна-дяди не ранее или ее замужества, или достижения совершеннолетия.

В это время Наташа кончала Н-ский институт, я — Н-ское привилегированное учебное заведение. Сначала мы виделись довольно часто: на балах, в спектаклях-концертах. Детская дружба перешла мало-помалу в любовь. Мы полюбили друг друга со всей красотой и силой первой молодости.

Несколько времени тому назад Наталия Петровна, окончив институт, поселилась в доме опекуна-дяди. Я стал бывать там, но с каждым разом замечал, что опекун-дядя относится ко мне явно враждебно. Причина такой

холодности для меня была совсем непонятна. Ведь ему отлично были известны те дружеские отношения, которые связывали наш дом с домом его погибшего брата. Дальше — больше, мне чрезвычайно тонко, но вместе с тем и чрезвычайно категорически дали понять, что мои дальнейшие посещения нежелательны. Для меня это было неожиданным ударом. За Наташей был учрежден удивительно бдительный надзор, так что нам очень часто не удавалось обменяться и двумя словами. Около нас неизменно кто-нибудь торчал. За последнее время я стал замечать, что Наташа выглядит совсем больной. Вялая, апатичная, она произвела на меня несколько раз впечатление человека, пораженного серьезным недугом... На мои вопросы, что с ней, она отвечала, что сама не знает, что с ней делается.

— Так, слабость... головокружение...

— Но отчего же, отчего же? — допытывался я, с мучительной тоской и тревогой вглядываясь в дорогие мне черты лица.

— Право, не знаю, милый... — тихо, чтобы никто не слышал, отвечала она.

А вот недели две тому назад, когда я прие-

хал, меня прямо уже не приняли.

— По случаю болезни барышни никого не принимают, — проговорил лакей, захлопывая перед моим носом массивную дубовую дверь.

И в течение десяти дней я получал все тот же ответ... А вот сегодня я решил приехать к вам.

— С какой целью, мой бедный юный друг? — тихо спросил Путилин, заметив крупные слезы, катившиеся из глаз молодого человека.

— Потому что... потому что вчера мне пришла в голову мысль, может быть, и сумасшедшая, что мою невесту — пока еще только перед Богом...

И, близко наклонившись к великому сыщику, Беловодов что-то тихо прошептал.

Путилин отшатнулся от него, слегка побледнев.

— Почему вы это думаете? На чем основываете вы ваши подозрения?..

— Сам не знаю... сам не знаю... — с отчаянием вырвалось у молодого человека. — Какой-то таинственный голос мне шепчет.

— Этого мало, голубчик.

— Я сам чувствую это, но, однако, этот таинственный голос во мне так силен, что я сегодня утром почти было решил обратиться к властям с формальным заявлением моих твердых подозрений.

— И сделали бы непростительно и неоправдимо опрометчивый шаг, который мог бы исковеркать всю вашу карьеру. Вы по образованию сами юрист. Разве вы не знаете, чем пахнет выдвижение такого обвинения лицу, пользующемуся видным общественным положением?

Путилин потер лоб ладонью и нервно прошелся по кабинету.

— Я очень рад за вас, голубчик, что вы обратились прежде ко мне. Откровенно говоря, все это дело меня очень заинтересовало, и я постараюсь сделать все, от меня зависящее. Скажите, сколько лет мадемуазель Приселовой?

— Двадцать.

— Точнее, точнее! Двадцать лет и сколько месяцев? Вернее: через сколько времени она вступает в совершеннолетие?

— До совершеннолетия ей осталось около

полутора месяцев.

— Так... так. Скажите, из кого состоит семья дяди-опекуна?

— Он, еще далеко не старый, любящий широко пожить и пожуировать, и его сестра, старая дева, ханжа, принимающая монашек со всех монастырей России.

— Последний вопрос: вы не знаете, кто лечит больную? Какой врач?

— Совершенно случайно я узнал его фамилию. Это доктор Z.

При этом имени Путилин вздрогнул и подался вперед.

— Кто? — спросил он в сильнейшем изумлении.

— Доктор Z., довольно известный.

Путилин овладел собою и совершенно спокойно сказал молодому человеку:

— Отлично. Я берусь расследовать неофициально ваше дело. Ждите от меня уведомлений и пока не предпринимайте ровно ничего. Понимаете? Ровно ничего.

Я в роли пособника преступления

Я только что приехал после посещения больных и успел переодеться, как ко мне во-

шел мой знаменитый друг.

— Держу пари, что-нибудь новое, загадочно-необыкновенное? — шумно приветствовал я его. Лицо Путилина было урюмо-сосредоточенное.

— Ты не ошибся. Важно — новое. И новизна заключается в том, что сегодня я приехал к тебе не как ближний друг-приятель, а скорее, как следователь-допросчик.

Я громко расхохотался, почуяв в этом один из тех бесчисленных шуточных трюков, на какие был таким большим мастером Путилин.

— Ого! В качестве кого же ты желаешь меня допрашивать: в качестве обвиняемого или в качестве свидетеля?..

— Скорее, в качестве первого... — невозмутимо ответил Путилин. — Ты не смейся и не воображай, что я шучу. Я говорю вполне серьезно.

Было в интонации моего друга нечто такое, что я сразу понял, что он действительно не шутит, а говорит правду. Глубоко заинтересованный, я выжидательно уставился на него.

— Скажи, пожалуйста, ты хорошо знаешь и помнишь всех своих больных, которых лечишь?

— Ну разумеется. Хотя их у меня порядочное количество, но я знаю и помню всех. Да, наконец, у меня есть мой помощник — записная книжка, в которую я заносу все, что касается их.

— Отлично. В таком случае ты должен знать и больную девицу Приселову?

— Ну конечно! — вырвалось у меня. — Вот уже две недели, что я лечу эту бедную престелстную молодую девушку.

— Положим, не бедную, а очень богатую, — бросил вскользь Путилин. — Скажи, пожалуйста, чем она больна? Что у нее за болезнь?

— В общих словах?

— Нет, пожалуйста, точный диагноз.

— Изволь. У нее припадки *histeriae magnaе*, то есть большой истерии.

— На почве чего?

— Ну, голубчик, тут причин немало. Прежде всего и главное — наследственность. Как сообщил мне ее дядя, весьма почтенный человек, его брат, то есть ее отец, страдал

острой формой алкоголизма и последствиями тяжелой благоприобретенной болезни.

— Мне очень бы хотелось видеть эту сиротку-миллионершу... — задумчиво произнес Путилин. — Более того, мне это необходимо. Поэтому ты должен, доктор, устроить вот что: ты повезешь меня в дом господина Приселова и представишь меня в качестве профессора-невропатолога, которого пригласил для консультации.

Я не без удивления задал вопрос Путилину:

— Признаюсь, ты меня удивляешь... Для чего тебе это надо, Иван Дмитриевич?

— Кто знает... — улыбнулся он. — Быть может, я окажусь более счастливым и мудрым врачом, чем ты, и скорее вылечу твою пациентку, если... если это только не поздно. — Последние слова он особенно подчеркнул. — Итак, ты можешь это устроить?

— Конечно, конечно, — ответил я, сильно озадаченный.

— То-то, доктор. А то я ведь могу тебя и арестовать, так как над тобой тяготеет сильное подозрение.

— Ты шутишь? — вырвалось у меня.

— Нимало. Говорю тебе, повторяю, совершенно серьезно.

— Раз ты вмешиваешься в это дело, стало быть, налицо должно являться что-нибудь криминальное?

— Боюсь, что да. Мне вот и надо прозондировать почву.

Мой гениальный друг рассказал мне о странном посещении его молодым человеком Беловодовым, о той сцене, которую вы уже знаете, господа.

— Что?! Отравление? — произнес я в сильнейшем недоумении.

— Да. Он подозревает, что его «невесту», как он называет мадемуазель Приселову, медленно отравляют.

— Но это вымысел, чистейший абсурд и фантазия! Я лечу ее и могу поручиться, что ни о каком отравлении не может быть и речи.

— Не знаю, не знаю... — задумчиво произнес Путилин.

— А тебе не приходит мысль, что этот господин Беловодов сам отравлен... душевным недугом?

— Очень может быть. Вот ввиду всего этого мне и надо осторожно расследовать дело. Мой долг пролить свет на это заявление. Когда мы можем сегодня поехать туда?

— Да когда хочешь. Я навещаю больную почти ежедневно.

— В таком случае я заеду к тебе через час-полтора.

И действительно, через полтора часа он приехал.

Но даю вам честное слово, я не узнал его! Передо мной стоял совсем другой человек.

Сгорбленный, в длинном черном сюртуке, опирающийся на трость с круглым золотым набалдашником. Волосы, обрамляющие большую лысину, торчали характерными вихрами, как у немецких профессоров — кабинетных ученых.

Грим поистине был великолепно, и я не мог удержаться от восклицания восторженного удивления.

— Ну-с, доктор, едем! Вези известного профессора к твоему доброму дядюшке. Кстати, сегодняшнюю ночь я хочу провести под его гостеприимной кровлей.

— Но как это устроить? — спросил я Путилина.

— Очень просто. Ты заявишь, что я хочу понаблюдать за больной в течение ночи-двух, а может быть, и третьей. Надеюсь, что в доме господина Приселова найдется комната для ночлега?

Путилин — профессор-невропатолог

Через полчаса мы входили с Путилиным в роскошную квартиру Приселовых.

В передней элегантный господин Приселов во фраке собирался уже облачаться в пальто.

При виде Путилина сильное изумление отразилось на его лице.

— А-а, доктор, добро пожаловать, — радушно проговорил он, смотря с недоумением на моего знаменитого друга.

— Позвольте вам представить, господин Приселов, моего старшего и уважаемого коллегу, профессора-невропатолога... Вишневецкого... — начал я, называя Путилина первой попавшей на ум фамилией. — Я пригласил его на консультацию, так как считаю болезнь вашей племянницы довольно сложным меди-

цинским случаем.

Путилин и Приселов обменялись рукопожатием.

— Очень вам благодарен, доктор, за вашу любезность, но... разве действительно болезнь моей племянницы опасна?

— Не скрою, что случай довольно опасный. Силы больной тают с какой-то непонятной быстротой.

— Посмотрим, посмотрим... — потирая руки, проговорил Путилин, входя в залу. — А больная у себя? Она лежит, коллега?

— Сегодня она пробовала встать, но вот недавно, почувствовав сильную слабость, легла, — поспешно ответил Приселов.

Мы втроем направились в комнату больной. В небольшой комнате, роскошно убранной, с массой мягкой мебели, ковров, на кровати лежала моя пациентка. Прелестная молодая девушка, нежная, была сегодня особенно бледна. Глаза горели особым блеском, синие круги окаймляли лентой эти широко раскрытые глаза.

— Ну, как мы чувствуем себя сегодня, милая барышня? — задал я мой обычный вопрос

красавице-девушке.

— Очень плохо, доктор, — тихо слетело с бледных губ ее. — Все кружится голова, и сердце все замирает.

— Ничего, ничего, вот профессор, мой друг, поможет вам, барышня.

Путилин с видом заправского профессора подошел к больной.

Он взял ее за руку, вынул часы и стал следить за ударами пульса.

— Скажите, пожалуйста, мадемуазель, когда вы чувствуете себя особенно плохо?

— По утрам, профессор, — прошептала сиротка-миллионерша.

— Как спите вы ночь?

— С вечера я засыпаю спокойно, хорошо... Но среди ночи я просыпаюсь от какой-то свинцовой тяжести, которая душит мою грудь. Мне как бы не хватает воздуха. И воздух мне кажется особенно странным — густым... сладким...

— Он пахнет чем-нибудь, этот воздух?

— О да, да!.. Ах, этот ужасный запах! — стоном вырвалось у моей пациентки.

Она задрожала и в ужасе, закрыв лицо ру-

ками, забила в истеричном плаче.

— Не надо, Наташа, не надо, — вкрадчиво-ласково обратился к племяннице дядюшка-опекун. Потом он тихо спросил «профессора» — Путилина:

— Что это, галлюцинация обоняния? Я в отчаянии, профессор... Доктор приписывает это истеричности моей бедной племянницы...

— Да, да... Кажется, мой коллега совершенно верно поставил диагноз, — так же тихо ответил Путилин.

Во все время этой сцены я не спускал глаз с его лица и лица Приселова.

Не знаю, почудилось мне или же это было на самом деле, но я видел, как злобная, ироническая усмешка скривила губы последнего. Видел я также, каким пристальным взглядом впивался Путилин в лицо дядюшки-опекуну.

«Тут, очевидно, кроется какая-то мрачная тайна», — проносилось у меня в голове.

— Ну, барышня, я вас скоро вылечу! — улыбнулся больной поощрительной улыбкой великий сыщик. — Скажите, вы испытываете чувство холода в конечностях рук и ног?

— О да, профессор... Под утро я покрыва-

юсь вся холодным потом, руки и ноги немеют, мне кажется, что я умираю...

Через несколько минут мы были в зале. Лицо Путилина было важно-сосредоточенное.

— Вот что, господа, — обратился он ко мне и к хозяину дома Приселову, — у меня намечается мой диагноз болезни бедной девушки, но, для того чтобы поставить его окончательно, мне необходимо присутствовать при пароксизмах болезни. Поэтому я останусь сегодня всю ночь около больной.

— Но, профессор... будет ли с моей стороны удобным так злоупотреблять вашей бесконечной добротой и любезностью? — повернулся к «профессору» Приселов.

— Прошу вас не беспокоиться, — сухо ответил Путилин. — Ни о каком вознаграждении не может быть и речи. Я делаю это для моего коллеги, доктора Z., а также для торжества науки, которая нам, господин Приселов, дороже миллионов этой бедной девушки.

Смертельная бледность покрыла лицо дядюшки-опекуна.

— Я... я... тронут, профессор... Видит Бог, я так бы хотел, чтобы моя дорогая племянница

скорей поправились, — пробормотал он.

— У вас есть комната, смежная со спальней больной? Я с доктором должен провести там ночь, дабы несколько раз в течение ее следить за больной.

— О, конечно, конечно. Рядом маленькая гостиная. Я сейчас распоряжусь. Вы извините меня, я должен ехать в клуб.

— О, пожалуйста, не стесняйтесь. Вы не нужны нам.

И Путилин, слегка поклонившись, быстро направился к комнате больной.

— Отчего вы не предупредили меня, доктор, что вы намерены созывать консилиум? — обратился ко мне великолепный барин-опекун, надевая пальто.

— Это вышло несколько случайно, господин Приселов. Вчера из-за границы приехал мой друг, профессор, и я решил воспользоваться его авторитетным советом.

— Великолепно... очень вам благодарен... Я вернусь часов около двух ночи. Я распорядился, чтобы чай, ужин был сервирован вам там, где вы пожелаете. Ну, желаю от души, чтобы ваша знаменитость, вкуче с вами, облегчила

страдания моей больной племянницы.

Ночь у одра погибающей

Мы сидели в гостиной мавританского стиля, только что окончив ужин.

— Скажи, пожалуйста, Иван Дмитриевич, что, собственно, подозреваешь ты тут? Уверю тебя, как доктор, что об отравлении не может быть и речи. Рвота больной исследовалась три раза, и если бы там находилась хоть йота яда...

Путилин спокойно заметил:

— Кажется, я на этот раз попался на удочку. Но знаешь ведь мой характер — я люблю доводить дело до конца. Пойдем в спальню больной... Я хочу посмотреть, как она...

И мы несколько раз входили.

В углу горели лампы, бросавшие тихий, мирный свет на фигуру спящей девушки.

Ее прелестное личико, окаймленное прядями каштановых волос, было беспокойно... Губы шевелились, словно старались забрать как можно более воздуха.

Моментами из ее бурно подымавшейся груди вылетали тихие, подавленные стоны, бормотания:

— Душно... пустите меня... Господи... зады-
хаюсь... Ах!..

Бормотания переходили в громкий крик. Ее руки судорожно хватались за дорогое плюшевое одеяло, и она вдруг вскакивала с кровати, сейчас же опять бессильно опускаясь на нее.

— Этого ты никогда не наблюдал, доктор? — тихо спрашивал меня Путилин.

— Нет.

— Почему же?

— Да потому, что, когда я навещал ее, с ней ничего подобного не случилось.

— Плохой доктор... плохой доктор... — в раздумье произносил Путилин.

— Иван Дмитриевич! — вспыхнул я. — Может быть, ты желаешь преподавать мне медицину?

— И очень. Но... только судебную медицину, мой друг...

Было около двух часов ночи. Путилин обратился ко мне:

— Вот что, иди и спи. Я побуду около твоей пациентки вплоть до утра. Я вздремну в этом кресле.

Лишь только я собирался выйти из комнаты больной девушки, как в нее вошел Приселов.

Он был, видимо, слегка навеселе. От него несло сигарами и шампанским.

— Как, господа?! Вы не спите? Но, боже мой, дорогой профессор, такое ночное бдение может плохо отразиться на вашем здоровье...

— О, не беспокойтесь, господин Приселов, я привык бодрствовать у одра погибающих, — с еле заметной усмешкой ответил Путилин. — Теперь я попрошу вас отсюда удалиться. Я должен следить за дыханием бедной девушки...

Приселов ушел. Ушел и я. Меня клонило ко сну, и я скоро погрузился в него, прикорнув на великолепной тахте.

Не спалось только Путилину.

Мрачнее тучи ходил он взад и вперед по спальне бедной девушки, над которой отвратительная старуха смерть уже заносила свою костлявую руку.

— Бедный ребенок! — вслух тихо шептал он. — Как мне спасти твою молодую жизнь?.. Для меня совершенно ясно, что я — лицом к

лицу с самым гнусным, с самым подлым преступлением... И враги тут, бок о бок со мной. И тайна совершаемого злодеяния — вот здесь, в этой самой комнате, у меня перед глазами. О, какой это поистине дьявольский трагизм: сознавать смертельную опасность и не быть в силах немедленно ее отстранить, парализовать!

И он, нервно хрустя пальцами, подходил к постели сиротки-миллионерши.

На него глядело прелестное молодое лицо, искаженное мукой неведомых страданий. Моментами по нему молнией проносились судороги, грудь начинала особенно бурно подниматься, конвульсивные движения трогали руки и ноги, и из широко раскрытого рта с воспаленными губами вылетали хриплые бормотания-стоны:

— А-ах, душно мне.

Раз, когда Путилин близко наклонился над умирающей девушкой, она раскрыла глаза и поглядела на великого сыщика долгим жалобно-испуганным взглядом.

— Ну как, дитя мое, вы себя чувствуете? — спросил он.

— Я умираю. Я, наверное, скоро умру, — тихо слетело с ее уст.

— Нет, нет, вы не умрете, я спасу вас. — И этого взгляда, полного жалобной тоски, и этого шепота, в котором звенело столько затаенной грусти, Путилин, как он рассказывал мне позже, не мог забыть всю жизнь.

Больная опять впала в полугошмарное забытьё. Холодное отчаяние охватило Путилина.

— Господи, да неужели мой чудесный дар раскрывать многое тайное изменит мне на этот раз? — опять зашептал он, взволнованно шагая по спальне, тускло озаренной светом лампад и крохотным огоньком ночника.

О, как ему мучительно хотелось быть на высоте своего исключительного таланта именно на этот раз! В его руках, только в его, находилась жизнь юного, молодого существа...

— Ужасно... ужасно... — хрипло вырвалось у него, и он бросился в кресло. — Ведь это не единственный случай в моей практике. Ведь напал же я на верный след страшного отравления старика мужа Никифорова его молодой

женой.

И перед мысленным взором Путилина воскресло это темное дело, словно он раскрыл его только вчера. Воскресли образы, поплыли знакомые лица, фигуры этой мрачной житейской трагедии.

Богатый старик-откупщик Никифоров... Высокий, кряжистый, с некрасивой, почти безобразной головой. На шестом десятке, вдовец, вдруг безумно влюбился в молоденькую красавицу девушку из семьи бедного мещанина Федосью Тимофеевну.

Краля была девица — что и говорить. Высокая, кровь с молоком, походка — лебединая, брови — соболиные, глаза — искрометные. Деньги что не делают? — повенчались.

— Я уж тебя ни в чем стеснять не буду, красавица ты моя! — захлебывался в экстазе последней старческой любви старик-миллионер.

— Ни в чем? — сверкала глазами мещанская дочь-красавица.

Но это уверение было только до свадьбы. Лишь только окрутились, старик из тихого голубя обратился в лютого волка. Он начал

ревновать свою пышную жену до безумия, до болезненного уродства. Уходя куда-нибудь, он запирали ее в роскошном доме на ключ, на «крепкие запоры». Прошло около года. И вдруг старик заболел. Болезнь была диковинно-страшная: день-два — здоров, потом — рвота, мучительные колотья в кишках. Половина медицинского Петербурга перебивалась у экс-откупщика. Доктора взапуски, утирая нос друг другу, старались поставить верный диагноз, дабы сорвать солидный гонорар за исцеление миллионера.

— Вылечите! Ничего не пожалею!.. Бери сколько хошь тыщ! — умолял старик-муж, мучающийся втройне: и физической болью, и ревностью, и сознанием, что он пасует перед молодой женой.

Это была тяжелая картина... Глаза старика вылезали из орбит, он судорожно хватался за руки докторов. Но, увы, ничего не помогало. Страдания все усиливались и усиливались, доктора теряли голову, ничего не понимая.

Случайно ему, Путилину, довелось услышать о страшной болезни Никифорова. Сильно заинтересованный, он учредил негласный

надзор над семейством, домом миллионера.

— Да, да, я помню, что у меня мелькнула мысль, не отравляют ли старика каким-нибудь особенным образом, — вслух прошептал великий сыщик.

Он встал с кресла и прошелся по комнате больной девушки. Что это с ним? Как тяжелы и холодны его ноги, каким неровным биением бьется его сердце, какое сильное стеснение в груди!..

Да, так о чем думал он сейчас? Ах, вот, о старике миллионере. Ну, он и принялся за свое исследование.

После целого ряда розысков ему удалось узнать, что у молодой красавицы купчихи имеется зазноба в лице красавца, молодого мануфактуриста Холщевникова. Это еще более усилило его подозрения об отравлении мужа-старика.

— Да, да, тогда я безошибочно начал выводить мою кривую, — шепчет Путилин, с удивлением замечая, что его недомогание все усиливается и усиливается.

Так же вот, как и теперь, врачи категорически отрицали возможность отравления,

приписывая лютую болезнь старика припадкам острого хронического катара. Но он верил в свой орлиный взгляд, в свой поразительный нюх гения-сыщика. И вспоминается ему эта ночь, когда он спас несчастного старика миллионера. Он, спрятавшись за тяжелую портьеру спальни, провел всю ночь на ногах, не спуская глаз с кровати больного. Старик минутами охал, минутами, когда боли стихали, все звал свою ненаглядную супругу Федосью Тимофеевну.

И она входила, здоровая, сильная, блещущая какой-то плотоядной красотой. С дрожью брезгливости и с выражением ненависти в красивых глазах подходила она к своему мужу.

— Ну, что тебе? Опять все охаешь? — чуть заметно усмехалась она. — Ах ты, а еще молодую жену имеешь.

Эти слова приводили старика в необычайное волнение и в состояние как бы бешенства. Он иступленно схватывал красавицу жену за руки и притягивал ее к себе.

— Фенечка, лебедка моя... Постой, скоро поправлюсь, — раздавался его хриплый ше-

ПОТ.

— Поправишься! — насмешливо бросала она, отстраняясь от старика-мужа. — Как же ты поправишься, когда ты почти ничего не ешь? Ты докторов-то умников поменьше слушай, а ешь побольше, вот тогда скорее оправишься, в силу войдешь. Хочешь, я тебе кашки на курином бульоне принесу?

— Хочу, хочу, неси, — с невыразимой нежностью глядя на молодую жену, отвечал Никифоров.

И она приносила свою «кашку» и сама кормила его. Как эта трогательная заботливость мало гармонировала с дьявольской усмешкой ее грубо чувственного рта!..

— Колет... ой, что-то колет, Фенечка! — жаловался старик муж.

— Это у тебя в горле что-нибудь, — успокаивала она его. — Ну, а теперь спи! До утра я больше уж не приду. Сморила я.

И вот когда она ушла, забыв на ночном столике тарелку со своей «кашкой на курином бульоне», он вышел из своей засады и подошел к кровати больного старика. Тот при виде его испустил подавленный крик ужаса.

— Вор... тать ночной! Господи, кто это ты?.. — заметался в ужасе старик.

— Ради бога, Никифоров, не бойтесь меня! Я не враг ваш, а друг ваш, явившийся спасти вас. Я — Путилин. У меня мелькает мысль, что вас медленно отравляют. Я хочу спасти вас.

— Отравляют? Меня? Кто?.. — схватил он за руку его, Путилина. Глаза его были широко раскрыты от ужаса.

— А вот это я скоро узнаю.

И вот ему вспоминается, с какой трепетной жадностью он принялся в тишине ночи за исследование этой каши. Крик радости вырвался из его груди. Так и есть, так и есть: он не ошибся!

В каше он нашел кусочки истолченного стекла и мелко разрезанной острой свиной щетины, как бы из твердой головной щетки.

— Видите это? — показал он страшную примесь старику миллионеру.

Лицо того исказилось смертельным ужасом.

— Господи, кто ж это? Кто ж злодей-то?

— Вы хотите, чтобы я показал вам этого из-

верга?

— Хочу, хочу, родной, благодетель мой.

И вот эти шаги, шелест шелковой юбки... Должно быть, вспомнив о том, что «кашка» осталась на столе, в спальню торопливо вошла молодая жена-красавица.

— Ну, как ты? — начала было она и вдруг замерла при виде неизвестно откуда взявшегося постороннего человека.

— Ваша кашка, сударыня, приготовлена чудесно! И давно вы ею кормите вашего супруга?

Крик, полный животного страха, прокатился по спальне старика, и красавица грохнулась навзничь.

— Вот кто отравитель ваш, бедный господин Никифоров: ваша собственная жена.

Путилин при воспоминании об этом порывисто вскочил с кресла, но покачнулся, зашатался.

— Великий боже, я, кажется, умираю... Я отравлен так же, как отравлена эта бедная девушка...

Отравленный Путилин

Сколько времени я спал, не знаю. Знаю

только, что вдруг меня разбудило падение на меня какого-то тела.

Я быстро вскочил. Лучи солнца весело играли в гостиной. Смертельно бледный, с посиневшими губами, на краю тахты полусидел, полулежал Путилин.

— Окажи мне медицинскую помощь, доктор, мне очень нехорошо, — услышал я подавленное бормотание Путилина.

— Ради бога, что с тобой, Иван Дмитриевич? — вскричал я в сильнейшем испуге.

— Сам не знаю... Сильнейшее головокружение и удивительная слабость в руках, особенно в ногах... Сердце готово выпрыгнуть из груди.

Я быстро расстегнул сюртук и жилет и стал выслушивать биение сердца моего великого друга.

Оно билось неровно, давая особо характерные неправильные толчки.

Быстро намочив водой и эфиром салфетку, я приложил ее к области сердца гениального сыщика.

— Скорее... скорее... открой форточку! — упавшим голосом произнес он...

Через секунду-другую ему стало, по-видимому, легче. Он глубоко вздохнул и сказал мне:

— Ну, а теперь мы должны подать помощь бедной девушке.

Я бросился в ее спальню.

Девушка лежала с почти посинелым лицом, с широко раскрытыми глазами. Зрачки их были до удивительности расширены. Капли холодного пота покрывали ее лоб, щеки, грудь, руки.

— Форточку открывай, доктор, форточку! — приказал мне Путилин, слегка пошатываясь на ногах.

Однако прежде чем я успел подойти к окну, у него уже был Путилин.

Он схватился за форточку, и в ту же минуту до меня донесся его крик бешенства:

— Проклятие!

— Что? В чем дело? Что случилось?

Я совершенно растерялся. С одной стороны — припадок девушки-миллионерши, с другой — непонятно странное, внезапное нездоровье моего дорогого друга и его более чем странное поведение.

Я положительно не знал, куда броситься.

— Так... так... так, — бормотал Путилин, — я это знал, я это знал...

— Ради бога, что ты знал? В чем дело, повторяю? Я ровно ничего не понимаю.

— Большой гвоздь мне мешает открыть форточку.

— Да зачем тебе открывать форточку? — возясь над больной красавицей девушкой, бросал я Путилину. — Поверь, что и без притока свежего воздуха она скоро придет в себя. У нее один из ее обычных припадков.

Послышался звон разбиваемого стекла. Револьверной ручкой Путилин разбил стекло форточки.

В комнату ворвался резкий, чуть-чуть холодный воздух.

Признаюсь, меня охватила мысль, что мой друг сошел с ума.

— Иван Дмитриевич, в чем...

— Тс-с! Ни звука! Я слышу шаги. Идет дядюшка-опекун.

Я увидел, как Путилин быстро спустил гардину над окном.

Одним прыжком он очутился около боль-

ной и взял ее за руку.

В спальню входил Приселов.

Его лицо, далеко не старое, казалось особенно устало утомленным. Должно быть, клуб его порядочно поизмял.

Около лица он держал платок, от которого несло благоуханием сильных духов.

— Как, господа?! Вы не спите? Неужели всю ночь вы провели около моей бедной племянницы?

— Да, я спал очень мало, господин Приселов, — резко ответил Путилин.

— Не оттого ли вы так бледны, дорогой профессор? — насмешливо спросил дядя-опекун.

— Очень может быть.

— Вы напрасно себя так утомляли, профессор. Доктор, ваш коллега, кажется, очень внимательно следит за течением болезни моей племянницы.

Я не спускал взора с лиц моего друга и Приселова. Совершенно ясно я увидел, как они обменялись взглядом, полным взаимной угрозы и смертельной ненависти.

«Что все это должно означать?» — мельк-

нуло у меня в голове.

После впрыскивания малой дозы морфия больная тихо заснула.

— Могу я вас попросить, господа, в столовую? Я думаю, что чашка крепкого кофе подкрепит ваши силы после почти бессонной ночи.

И с этими словами Приселов быстро вышел из комнаты своей опекаемой племянницы.

Мы пошли за ним следом.

В узком коридоре Путилин мне шепнул:

— Не пей кофе. Не пей ликера. Ничего не пей. Он узнал меня.

— Как?!

— Очень просто. Повторяю тебе, он узнал меня. «Великий», как ты называешь меня, сыщик столкнулся лицом к лицу с не менее великим негодяем... Между нами начинается ожесточенная борьба.

— Ты, стало быть...

— Теперь для меня все ясно: девушку, твою пациентку, действительно отравляют...

— Но чем? — прошептал я, глубоко пораженный.

— Вот это-то и надо расследовать, мой плохой доктор, — шепнул мне Путилин.

Чудеса Индии. *Lilea indica foetida*. Нежный дядюшка-опекун

В роскошной «дубовой» столовой был сервирован утренний завтрак — кофе, по образцу английского ленча.

— Прошу вас, господа! — любезно пригласил нас дядюшка-опекун. — Я, право, не знаю, как благодарить вас за ваше сердечное отношение к моей больной девчурке.

Путилин пристально разглядывал одну бутылку.

— Откуда у вас, господин Приселов, этот редчайший нектар? — быстро задал он вопрос хозяину дома.

— Из Индии... Я путешествовал по ней и вывез оттуда несколько бутылок.

— Давно вы путешествовали?

— Я вернулся несколько месяцев тому назад.

— Когда вы вернулись, ваша племянница была здорова?

И опять я увидел, что Путилин и Приселов обменялись взглядами холодного бешенства.

Точно два врага, готовые броситься друг на друга...

— Да, она заболела несколько позже, хотя еще и раньше она страдала нервозностью.

— Как жаль, что вы не могли предугадать возможность ее заболевания! — покачал головой Путилин.

— Почему? — вырвалось у Приселова.

— Да очень просто: в Индии, в этой стране всевозможных чудес, в этой колыбели человечества, находятся величайшие мудрецы, которые знают замечательные рецепты для исцеления больных от различнейших болезней. Как вам известно, вся европейская медицина началась с Востока...

— А... а вы хорошо знаете, профессор, культуру Востока? — усмехнулся еле заметно Приселов. — Прошу вас, чашку кофе...

— Благодарю вас. Я по утрам ровно ничего не пью, за исключением стакана воды.

— Ого, какая воздержанность! Вы, доктор?

— Благодарю, я предпочел бы стакан чаю. — ответил я.

— Вы спрашиваете, хорошо ли я знаю культуру ядов Востока? — быстро задал во-

прос Путилин.

— Виноват, сколько мне помнится, я ровно ничего не говорил про культуру ядов, — насмешливо ответил дядюшка-опекун.

— А, тысячу извинений, господин Приселов! Я страшно рассеян. Такова уж наша болезнь, ученых-чудаков, — пробормотал Путилин.

Наступило довольно продолжительное молчание.

— Могу я узнать, профессор, ваше мнение о болезни моей племянницы? — нарушил неловкость его хозяин дома.

— Я еще не пришел, господин Приселов, к окончательному выводу. Случай настолько сложный и замечательный, что поставить верный диагноз не так-то легко. Скажу вам только одно, что если мы не распознаем болезнь, то ваша племянница может умереть очень скоро, через несколько дней.

— Может быть, господа, вы желаете пригласить еще кого-нибудь из ваших коллег? Пожалуйста, распорядьтесь по вашему усмотрению. Сзовите консилиум, но только, ради бога, спасите мою бедную девчурку.

— Вы — опекун ее, господин Приселов?

— Да. То есть был им, а теперь — попечитель.

— У вас своих детей нет?

— Нет.

Путилин встал из-за стола, поблагодарил хозяина и направился вон из столовой:

— Я должен взглянуть на больную. Коллега, пожалуйста за мной!

Я быстро поднялся и пошел за ним.

Когда мы очутились в мавританской гостиной, смежной со спальней больной, Путилин схватился с жестом отчаяния за голову.

— Боже мой, если бы только узнать, догадаться, каким ядом, каким ядом!

— Ты твердо в этом убежден, Иван Дмитриевич?

— Как нельзя тверже. Бедная девушка! Еще несколько дней, и ее не станет. Умереть в двадцать лет, обладая красотой, богатством, это ли не насмешка судьбы!

Путилин нервно прошелся по гостиной.

— Но я решился. Если сегодня я не раскрою гнусной и мрачной трагедии, разыгравшейся в комнате бедняжки, я пойду на героическое

средство: я с помощью властей вырву ее из когтей этого дьявола.

— Но где же доказательства? Основываясь на каких данных, ты можешь бросить в лицо этому человеку, родному дяде больной, столь тяжкое обвинение?

— Все равно, все равно... Пусть пострадаю я, зато я спасу, может быть, эту прелестную юную жизнь. А на основании каких данных? На основании моего нюха, моей «кривой» я подозреваю этого господина.

В спальне царил полумрак. Через разбитую форточку, прикрытую шелковой гардиной, в спальню проникал свежий воздух.

— Это опасно. Она может простудиться, — указал я на форточку моему знаменитому другу.

— Оставь это, голубчик. Уверяю тебя, эта опасность — ничто в сравнении с другой.

Девушка проснулась, вернее, очнулась после наркоза морфия.

Ее грудь с жадностью вбирала свежий воздух.

— Как хорошо... как хорошо... — тихо прошептала она.

Мы стояли около ее кровати.

— Вам лучше, дитя мое? — с чрезвычайной нежностью в голосе спросил ее Путилин.

Она доверчиво благодарно взглянула на него.

— О да! Мне лучше... Я могу дышать... Я не слышу этого ужасного сладкого запаха...

Путилин выразительно посмотрел на меня.

— Что это за запах, милая барышня? — спросил я мою горемычную пациентку.

— Я не знаю... Я не могу его точно определить, — слабым голосом пробормотала она.

Путилин между тем обходил всю комнату, пристально во все оглядываясь, словно отыскивая что-то.

Я не сводил с него глаз и видел, как он заглядывал под диван, под мягкие низкие кресла, под зеркальный шкаф.

Он что-то тихо бормотал сам про себя.

— Ведь вы спасете меня? Не правда ли? Я не хочу умирать... Мне страшно умирать, — шептала больная, с мольбой глядя на нас своими прелестными глазами.

— Спасем, спасем, барышня! — проговорил

Путилин. — За вас просил меня об этом ваш милый жених, Беловодов.

— Он?! Он был у вас? — встрепенулась девушка. Лицо ее преобразилось.

Тихая, бесконечно радостная, счастливая улыбка заревом разлилась по ее лицу.

— Что это вы ищете, профессор? — раздался спокойный, насмешливый голос Приселова.

Я вздрогнул и обернулся к двери спальни.

На пороге ее стоял элегантный старый жуир, хозяин дома.

— Брелок, любезный господин Приселов, — ответил невозмутимо Путилин. — С моей часовой цепочки сорвался и упал на пол маленький брелок.

— К чему же вам самим беспокоиться, профессор? Я позову лакея, он найдет.

— Нет уж, я вас попрошу никого сюда не приглашать. Посторонние люди могут обеспокоить больную.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Наташа? — так же вкрадчиво ласково, как и вчера, обратился он к племяннице.

Я заметил, как лицо ее исказилось стра-

ХОМ.

— Очень плохо, — резко ответила она. Обменявшись с нами еще несколькими фразами, джентльмен-опекун покинул спальню, пожелав — с иронией в голосе — Путилину найти его брелок. Больная опять забеспокоилась.

На лице ее вновь появился ужас. Дыхание стало неровным, руки стали судорожно хвататься за одеяло.

— Что с вами? Что вы сейчас чувствуете? — склонился я над ней.

— Душно... Сердце замирает... Опять, опять этот страшный запах... — простонала она.

Я, откровенно говоря, скептически относившийся ко всему этому, вдруг вздрогнул и побледнел.

Совершенно ясно я услышал струю резкого запаха.

Что это был за запах? Как вам сказать... Это было нечто среднее между запахом горького миндаля и гелиотропа.

У меня волосы зашевелились на голове.

— Синильная кислота! — вырвался у меня подавленный крик.

— Что?! — повернулся ко мне тоже побледневший Путилин.

— Я слышу запах синильной кислоты.

— А не этого? — указывая мне на огромный маккартовский букет, произнес ликующий Путилин.

Никогда в моей жизни я не видел такой светлой, радостной, торжествующей фигуры моего великого друга. Честное слово, он был бесподобен!

— Что это? — удивленно вырвалось у меня. — При чем тут этот сухой букет?

— Так что, по-твоему, он не может ничем пахнуть? — продолжал Путилин.

Я хлопал глазами.

— Подойди сюда и посмотри в таком случае.

Я бросился, вне себя от поражения, к Путилину. Он держал в руках вазу с маккартовским букетом.

— Смотри, смотри, доктор...

С этими словами он стал осторожно разбирать сухие цветы и... посредине букета, ловко замаскированный, мне бросился в глаза великолепный живой красный цветок. Это был

дивный экземпляр растения из породы тюльпанов.

Казалось, он был сделан из воска, так были упруги, блестящи, плотны его листки.

Путилин поднес его к моему лицу.

— Нюхай!

Я отшатнулся.

Резкий, сладкий до приторности запах ударил мне в лицо.

— Хотя я и не профессор, доктор, но я тебе скажу, что это за штука. Это страшная *lilea indica foetida*, аромат которой медленно, но верно убивает не только людей, но даже животных. Вот чем отравляется твоя пациентка!

Я бросился к больной. Теперь я знал, что надо было предпринять для оказания ей помощи.

Путилин спокойно стал разгримировываться.

Он снял парик и накладную бороду, которые преспокойно положил себе в карман, и обратился ко мне:

— Сейчас же поезжай за господин Беловодовым, а я пока объяснюсь с дядюшкой-опекуном. Вот его адрес. Вези его сюда.

Я быстро вышел из спальни, за мной — мой гениальный друг.

Он позвонил и явившемуся на зов лакею приказал:

— Попросите сюда барина!

Прошло несколько минут. Послышались шаги, в комнату быстро вошел Приселов, и в ту же секунду мавританская гостиная огласилась страшным криком испуга.

— Что это?.. Что это?.. Кто вы?.. — в ужасе пятясь от Путилина, с бледным, перекошенным лицом прохрипел элегантный негодяй.

— Я — Путилин, любезный господин Приселов. Не делайте мелодрамы, она вас не спасет. Я пригласил вас для того, чтобы объяснить с вами, сказать, что я нашел.. мой брелок. Вы понимаете?

— Виноват... Я вас не понимаю... Что вам угодно? — стараясь оправиться от страшного смущения, пролепетал зверь-человек.

— Что мне угодно? Сказать вам, что вы — гнусный негодяй, убийца-преступник.

— Милостивый государь!.. — прохрипел Приселов, делая шаг по направлению к Путилину.

Путилин стоял, скрестив руки на груди.

— Вы мне еще грозите? Вы? Браво, это забавно, любопытно и нахально до чрезвычайности! Знаете ли вы, что я имею право сию минуту арестовать вас и одеть на ваши холерные руки железные браслетики?

— Но... по какому праву... на каком основании? — совершенно растерянно слетело с искривленных судорогой губ преступника-дяди.

— На основании вот этого, любезный! — загремел Путилин, показывая негодяю индийскую лилию.

Из груди Приселова вырвался крик бешеной злобы.

— Ну-с, теперь вы понимаете, что вы — в моих руках. Вы гнусно, подлым образом отравляли вашу племянницу с целью после ее смерти унаследовать все состояние вашего покойного брата, ее отца. Скажите, сколько вы разворовали из этого состояния?

Приселов бессильно, как мешок, опустился в кресло.

— Около... около трехсот... тысяч, — еле слышно пробормотал он.

И вдруг, быстро поднявшись, он грохнулся

на колени перед великим сыщикомом.

— Не погубите! Пощадите меня, господин Путилин! Во имя неба! Позор... суд... ссылка...

Он пополз на коленях, стараясь схватить Путилина за ноги. Путилин отшатнулся от него с чувством огромной брезгливости.

— Встаньте, господин Приселов... Мне стыдно и страшно за вас. Как вы могли решиться на такое неслыханное злодеяние? Вот что я вам скажу: лично мне ваша гибель не нужна. Ваша судьба зависит от решения вашей племянницы и ее будущего мужа, господина Беловодова.

Как раз в эту секунду я и Беловодов вошли в гостиную, где разыгрался финальный акт этой мрачной трагедии. Оповещенный мною обо всем, Беловодов бросился к Путилину и, схватив его руку, стал осыпать ее поцелуями.

— Дивный человек... Спаситель наш! Спасибо! Спасибо вам!..

Путилин обнял молодого человека.

— Я рад, бесконечно рад, что мне удалось спасти жизнь вашей прелестной невесты, — с чувством произнес он. — Ну, а теперь поговорим о деле. Я предлагаю вот что, господин Бе-

ловодов. Вы немедленно увезете отсюда вашу невесту к вашим родителям или родственникам. Вы сделаетесь ее попечителем и примете от этого господина отчетность по его попечительству. А затем... угодно вам привлекать его к уголовной ответственности? Он сознался мне, что растратил триста тысяч рублей.

— Бог с ними, бог с ними, с этими деньгами! — вырвалось у Беловодова. — Жива бы была моя дорогая Наташа!

Через три месяца в Н-й церкви состоялось бракосочетание Наталии Приселовой с Беловодовым. Как потом мне довелось случайно узнать, старый барин-негодяй кончил плохо: попавшись в шулерском приеме, он пустил себе пулю в лоб.

Петербургские вампиры- кровопийцы

Страшный бальный гость. Драма в буду-
аре графини

Несмотря на поздний ночной, вернее, ран-
ний утренний час (было около пяти часов
утра), у роскошного дома-особняка графа и
графини Г. царило большое оживление.

Один из их частых и блестящих балов кон-
чался. Начался разъезд гостей, сплошь при-
надлежащих к петербургскому высшему све-
ту, к самым отборным сливкам его.

— Карета его сиятельства князя В.! — зыч-
но кричал огромный швейцар в расшитой ли-
врее с булавой.

— Сани ее сиятельства графини С.!

— Карета барона Ш.!

Выкрики шли непрерывно.

К подъезду, ярко освещенному, подкатыва-
ли экипажи.

Из подъезда, закутанные в богатые собо-
льи ротонды, шубы, шинели, выходили вели-
косветские гости и, поддерживаемые ливрей-

ными лакеями-гайдуками, усаживались в кареты и сани.

— Пшел! — раздавался приказ, и лошади, застоявшиеся на морозе, дружно подхватывали.

Разъезд затихал.

Все реже и реже сверкали рефлекторы каретных фонарей у подъезда роскошного особняка, и скоро их уж совсем не стало видно.

Разъезд окончился, резная, с зеркальными стеклами дверь закрылась.

В морозной зимней ночи воцарилась удивительная тишина.

Некоторое время еще из окон графского особняка вырывались волны яркого света от золоченых люстр, бра, канделябр, но мало-помалу огни стали притухать то в одном, то в другом окне.

Блестяще-феерическая «иллюминация» вечно пирующего в утонченных празднествах-оргиях российского барства погасла.

Дом-дворец погрузился во тьму.

Но там, внутри этого палаццо, жизнь еще не совсем замерла.

Еще сытые, вернее, пресыщенные, раз-

вратные лакеи в своих смешных камзолах и гамашах спешно свершали, доканчивали свою работу: крали объедки и опивки с барских столов и приводили в порядок анфиладу роскошных зал и гостиных, стараясь оставить себе поменьше труда на утро, к которому все должно было принять свой обычный вид.

— Довольно, ступайте спать... В девять часов утра dokonчите все остальное! — внушительно отдал «ордонанс» тучный, упитанный мажордом.

И все разошлись.

...Графиня встретила со своим великолепным супругом у дверей своей половины.

— Ах, Надин! Всегда, всегда — царица бала! — восторженно поцеловал он руку жены.

— Но как я устала! Спокойной ночи, впрочем, утра? — томно улыбнулась она, целуя его в лоб.

Вот и ее будуар, такой нарядный, красивый, весь пропахший запахом ее любимых духов.

— Скорей, скорей в постель! До смерти устала!

И, упоенная сознанием своей красоты, мо-

лодости, блестящего положения в свете, своим сегодняшним триумфом, она направилась через будуар в спальню.

Но лишь она успела сделать несколько шагов, как вдруг остановилась, вся задрожав и похолодев от ужаса.

— Боже мой... Что это?!

Она пробовала крикнуть, но голоса не было. Она пыталась броситься бежать, но ноги, ее изящные прелестные ножки в бальных туфлях, словно приросли к пушистому ковру ее будуара.

Высокие китайские ширмы, прикрытые развесистыми листьями пальмы, зашевелились, заколыхались и из-за них показался яркий свет двух огненных огромных глаз, напоминающих собой круглые фонари.

Миг — и что-то страшное, бесконечно страшное стало подниматься, расти и одним прыжком ринулось к ней.

Это «что-то» была фигура какого-то отвратительного чудовища — не то зверя, не то человеческого существа.

Обезумевшей от ужаса графине бросились в глаза черная мантия-крылья, развевающая-

яся вокруг чудовища. Голова — почти совершенно круглая. Но какая голова!

Широко раскрытая пасть с толстыми, красными губами, из которых высовывался красный язык, нечто вроде змеиного жала. Огромные круглые глаза чудовища горели багровым светом. Но руки, готовые вот-вот схватить ее, были как бы человеческие.

— Ни с места, графиня! Ни одного звука, ни одного движения, иначе вы погибнете, — раздался в роскошном будуаре хрипло-свистящий шепот страшного чудовища.

Какой поистине дьявольской насмешкой звучали эти слова: «Ни одного звука! Ни одного движения!»

И без предупреждения об этом несчастная великосветская красавица не могла, благодаря смертельному страху-столбняку, ни крикнуть, ни двинуться.

А страшное крылатое чудовище с лицом вампира все ближе и ближе подходило к ней.

— Я — последний гость вашего бала, но и самый страшный, графиня. Что? Вы боитесь меня? О, не бойтесь, я не страшнее тех напудренных, раздушенных лживых господ, кото-

рые с лестью на устах, но со смертельной завистью и ненавистью на сердце скользили вот сейчас по паркету вашего дворца. Я — кровопийца-вампир.

— Господи... — еле слышно слетело с побелевших уст графини.

— Да, я — вампир. Вы никогда не слышали о существовании этих существ, которые так любят прижиматься к теплым грудям людей и медленно, с наслаждением высасывать капля по капле всю их кровь?.. Но слушайте меня. Я принадлежу к породе особых вампиров: я не щажу мужчин, но всегда щажу женщин... таких красивых, как вы, графиня.

Голос, несомненно, человеческий, несколько привел в себя великосветскую львицу.

— Я... я, кажется, сплю, брежу... или схожу с ума... Что вам надо? Пощадите меня... кто вы?

Она говорила как бы в припадке сомнамбулизма, тихо, не сводя устранных глаз с отвратительного призрака-чудовища.

— Кто я? Вы уже знаете. Что мне надо? Вас. Пощадить вас? Хорошо. Я пощажу вас, но с одним условием.

— С... каким... условием?..

— Вы должны принадлежать мне, или вы погибнете. К утру найдут ваш труп. Он будет белее вашего платья. Я люблю вас, вы должны быть моей. Клянусь вам, вы не знаете, что такое любовь существ особого мира, сверхчеловеческой области!

И чудовище сделало шаг по направлению к графине.

— Ах... во имя неба, спасите меня! — громко крикнула она. — Кто там... спасите...

Но крик ее был заглушен тяжелыми портьерами, мягкой мебелью, пушистым ковром...

А вампир все ближе, ближе... Уже его цепкие страшные руки-лапы касаются ее... Уже свет его багровых глаз впивается в ее искаженное ужасом лицо, уже слышно у самых щек, у самых губ его горячее, прерывистое дыхание.

— Ах! — пронесся последний вопль-крик бедной жертвы. Высоко взмахнув руками, она покачнулась, зашаталась и грянулась навзничь, во весь рост.

Граф Г. у Путилина. Видение будочника

— Теперь вся надежда на вас, дорогой господин Путилин! Вы одни только можете расследовать это непостижимое и страшное приключение ночью в будуаре моей жены.

Таковыми словами окончил свой рассказ сильно взволнованный граф Г., приехавший к Путилину в два часа дня, стало быть, очень скоро после злополучного бала.

Признаться откровенно, я, присутствовавший при этом объяснении графа с великим сыщиком, был поражен и озадачен немало.

— Как чувствует себя теперь графиня? — спросил Путилин.

— Теперь несколько лучше, хотя все еще в сильно нервном возбужденном состоянии. Около нее — целый консилиум докторов. Утром же ее нашли лежащей на ковре в глубоком обмороке.

— И когда графиня была приведена в чувство, она рассказала вам о страшном ночном приключении?

— Да, господин Путилин.

— Скажите, граф, ваша супруга не страдает нервами?

— О нет! До сих пор она не имела понятия

ни об истериках, ни об обмороках. Всегда веселая, живая, полная силы, молодости.

Мой друг погрузился в раздумье.

— Конечно, вы были страшно потрясены, граф, но, однако, вы не заметили ли случайно, не произведено ли какое-нибудь хищение из будуара вашей супруги?

— Мне кажется, что нет. Все драгоценности, надетые на ней: диадема, кольцо, серьги, браслеты, кольца — в целости.

— Вы произвели допрос вашей прислуги — не слышали ли они какого-нибудь шума, не видели ли они кого-нибудь выходящим из дома?

— О да. Они клянутся, что ничего не слышали и ничего не видели.

— А, кстати, штат вашей прислуги весь налицо? Ни один человек не исчез сегодня поутру?

— Все налицо. У меня у самого мелькнула мысль, не является ли это гнусной проделкой какого-нибудь своего, домашнего негодяя.

— Я сделаю все от меня зависящее, граф, чтобы пролить свет на это загадочное приключение, — с чувством проговорил Пути-

лин. — Помилуй бог, какие страсти завелись у нас в Петербурге — вампиры-кровопийцы!

— Спасибо, большое вам спасибо!

Граф распротился с нами и уехал. Когда мы остались одни, мой друг повернулся ко мне и быстро спросил:

— Что ты скажешь на это, доктор? Не правда ли, случай чрезвычайно интересный?

— Совершенно верно, Иван Дмитриевич, но при этом и чрезвычайно загадочный.

— Твое мнение?

— Как врачу, мне является мысль, не имеем ли мы дело с любопытным явлением, известным в медицине под определением психоневрозной галлюцинации. У барыньки от всех этих шумных балов могли скрытым, незамеченным образом разыгаться нервы настолько, что ее хватил припадок молниеносного помешательства. Ну, а как не врачу, а твоему другу, другу знаменитого сыщика, мне приходит в голову такое соображение: не замешан ли во всей этой драме самый обыкновенный любовный адюльтер... Наши чопорные матроны на этот счет грешат, ей-богу, не менее чем деревенские Матрены.

— Браво, доктор! — оживленно воскликнул мой друг. — Твое последнее соображение мне нравится...

— Ваше превосходительство! — раздался голос агента в дверях кабинета. — Какой-то будочник-полицейский домогается вас видеть.

— Так впустите его, голубчик.

В кабинет в своей классически знаменитой форме былых полицейских-будочников почтительно-робко вошел саженный детина. Вошел и вытянулся, руки по швам.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! — гаркнул он.

Путилин улыбнулся. Он сам, вышедший из маленьких полицейских чинов, любил этих наивных, бравых служивых и всегда относился к ним мягко, сердечно и в высшей степени доброжелательно.

— В чем дело, голубчик? По какой надобности ко мне пожаловал?

— По необыкновенной!

— Почему же ты в квартал свой не обратился, если у тебя необыкновенный случай?

— Так точно, ваше превосходительство,

мы обращались с донесением, а нам, как бы сказать, по шее наkostenяляли.

— Нам? — расхохотался Путилин. — Кому же «нам» — тебе и мне?

Будочник даже засопел от страха.

— Ну, ну, выкладывай, что с тобой стряслось.

— Так что, примерно, ваше превосходительство, по городу нечистая сила разъезжает! — с какой-то отчаянной решимостью выпалил он.

— Что такое? Нечистая сила?

— Так точно-с! Стою это я позавчерась у моей будки, вдруг гляжу, несется, словно вихрь какой, тройка, чуть не прямо на меня. Я, стало быть, еще ямщику крикнул: куда, дескать, дьявол, прешь? Поравнялась со мной, глянул я на седоков, кои в санях сидели, да так и присел наземь. Мать Пресвятая Богородица, страсть-то какая! Не люди в санях сидят, а нечистая сила, черти! Вот как перед Богом говорю, ваше превосходительство! Закутаны-то они в шубы человечьи, а лики-то у них сатанинские, дьявольские.

— Какие же именно?

— А так, примерно сказать: глаза круглые, навывкате, будто шары какие, и горят это они огненным огнем. Стра-а-ась, голова круглая, губищи — во какие! — оттопырены, и из них тоже будто огонь идет. Ахнул я, а тройка уж мимо меня промчалась.

— Сколько людей, то бишь чертей сидело в ней? Один?

— Никак нет, только не один... Три будто, а то — четыре.

— А тебе все это не причудилось? Пьян ты не был?

— Никак нет, ваше превосходительство.

— И больше чем один был в санях?

— Больше.

— И тебе это не со страху в глазах утроилось?

— Никак нет-с!

— Один только раз видел заколдованную тройку?

— Вчера-с опять видел!

— Что же сказали тебе в квартале, когда ты рассказал о своем диковинном видении?

— Что будто я пьян, а потом... того... накостыляли.

— Ступай. Запишись у агента: кто ты, где твоя стоянка.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — лихо гаркнул будочник и вышел из кабинета.

— Однако, — задумчиво произнес Путилин, — надо, доктор, действовать и действовать поспешно. Помилуй Бог, первый раз в жизни мне придется иметь дело с существами из оккультических наук! Вампиры-кровопийцы... Гм... Так как я не имею удовольствия принадлежать к разряду красивых женщин, которых они, эти вампиры, милуют, то... то мне грозит смертельная опасность. Так ведь, доктор?

— Так, если тебя не вывезет твоя знаменитая «кривая»... — серьезно ответил я.

Драма в карете княгини В. Петербург в панике

Прошли сутки, в течение которых я не видел моего друга. Под вечер я получил экстренную записку от него:

«Приезжай, доктор, немедленно. Помимо общего интереса, требуется твоя медицинская помощь. Вампиры не на шутку шалят!

Путилин».

Говорить ли вам, с какой быстротой мчался я к Путилину? Скажу только, что ровно через двадцать две минуты я ураганом влетел в его кабинет.

— Что такое? — начал было я. И... осекся. На широком диване в сильнейшей истерике билась элегантная красивая дама. Роскошная ротонда на белом тибете свесилась с ее плеч. Черный бархатный лиф был расстегнут.

— Аха-ха... ха! А-а-а! — вырывались из ее прекрасного рта спазматические выкрики.

— Доктор, скорее окажи помощь княгине! — взволнованно обратился ко мне Путилин.

«Княгине? — удивился я. — Час от часу не легче: то графиня, то княгиня...»

Лицо ее было бледно, с легким синеватым оттенком. Очевидно, это был припадок сильной истерии (*hysteria magna*).

— Был кто-нибудь из докторов?

— Никого, никого... Скорее, доктор! — нетерпеливо прошептал мой друг.

Барынька, очевидно, была в корсете. Прежде всего надо было ее расшнуровать.

Я подошел к ней, шепнув Путилину:

— Покуда я буду оказывать помощь княгине, расскажи хоть в нескольких словах, в чем дело.

— Сейчас мне донесли, что у подъезда нашего остановилась карета, что случилось какое-то несчастье. Я, словно предчувствуя что-то недоброе, бросился вниз. Действительно, у подъезда стояла щегольская карета с гербами. Я быстро распахнул дверцу и увидел эту даму, лежавшую в глубоком обмороке. Противоположная дверца была раскрыта.

— Не подходите! Ах! Пощадите! — вдруг раздался дико испуганный крик в кабине. — Вампир! Вампир! Кровопийца! Что вы со мной делаете?! Вы хотите высосать мою кровь! Спасите!

Путилин не закончил начатого рассказа, подошел ко мне и княгине.

— Сударыня... княгиня... Ради бога, придите в себя, успокойтесь, — прошептал я, стараясь разорвать шнур от ее корсета. — Не бойтесь меня: я не вампир, а доктор.

— Нет, нет, вы лжете... вампир, вампир!.. Аха-ха-ха! — забила у меня под руками бедная княгиня.

Благодарю покорно! Я — доктор, и вдруг — кровопийца- вампир!

— Иван Дмитриевич, давай скорее из моей сумки морфий и шприц, — отдал я приказ великому сыщику.

Путилин подал мне то и другое, продолжая хладнокровно рассказывать далее:

— Со слов насмерть перепуганного кучера я узнал следующее: когда карета почти поравнялась с нашим подъездом, до него, кучера, донесся из кареты подавленный крик. Он взглянул в окно кареты и увидел, как из нее быстрее молнии выскочила какая-то черная фигура. Его госпожа лежала, опрокинувшись навзничь. Предчувствуя несчастье, он круто остановил лошадей. Два дежурных агента внесли ее в мой кабинет. Узнав от кучера, кто его госпожа, я послал с ним агента за князем. Он сию минуту должен прибыть сюда.

Наполнив шприц слабой дозой морфия, я решил сделать новой жертве вампира подкожное впрыскивание, но лишь только я коснулся шприцем ее руки, как опять она вздрогнула, широко раскрыв испуганные глаза, и голосом, полным ужаса, закричала:

— Чудовище!!! Спасите!.. Выпивает кровь!

Она стала рваться с такой силой, что я — при всем моем желании — не в силах был сделать укола.

В эту минуту, к счастью, явился князь В. Узнав, в чем дело, он принялся горячо благодарить Путилина, произошла трогательная сцена с женой, приглашение-просьба «расследовать» дело, и... и, поддерживаемая своим мужем, вторая жертва вампира благополучно покинула кабинет великого сыщика.

Путилин, смеясь, развел руками.

— Вот и все, мой дорогой доктор, что дало мне предварительное следствие.

— Да, немного! Зато я попал в сонм кровопийц-вампиров. Вечно ты, Иван Дмитриевич, подведешь меня под какую-нибудь пакость! — шутливо ответил я.

Весть о таинственных приключениях с двумя высокопоставленными дамами каким-то чудом с быстротой молнии разнеслась по Петербургу.

Прошло два дня — и столица была объята паникой.

Начиная от фешенебельных гостиных и

кончая «улицей», только и было разговоров, что о каких-то извергах, высасывающих кровь из груди живых людей.

Даже огненную тройку, запряженную дьяволами, с Сатаной на козлах видели!

— И гляжу это я, матушка, и только молитву творю: несется это, матушка, огненная колесница, а в ней — не к ночи будь помянуто! — красные хари.

— Да неужто? Ахти нас, грешных! — испуганно прерывали «очевидицу» уstraшенные слушатели и слушательницы.

— Хорошо! Едет эта самая колесница, вдруг — стоп! Выскакивают хари звериные — и прямо ко мне шасть. «Крови, — кричат, — крови давай, Анфиса Кузьминична!» Сомлела это я со страха...

— И что же, матушка, высосали?

— Кровь-то? Высосали, окаянные, почитай, штофа два из меня крови высосали.

— А ты как же кровь-то двумя штофами вымерила? Ась? — смеялись иные скептики.

В великосветских гостиных таких разговоров, конечно, не было, но зато там шло великолепное и тонко язвительное шушуканье о

приключениях с двумя их сиятельствами. Однако вскоре, дня через два, и эти злословия прекратились, ибо... ибо за этот срок мой друг уже насчитал шесть новых жертв неведомых чудовищ, в число которых попали и некоторые из шушукающих великосветских львиц.

Тогда паника приняла огромные размеры.

Немногочисленные газеты того времени захлебывались в истерично-выгодном (для розницы) негодовании.

«Еще новая жертва неслыханных таинственных существ.

Вчера на груди (левой) графини уже совершенно ясно были видны укусы-проколы. Из графини выпущена вся кровь... Вампиры летают и пьют кровь массы жертв. Где же прославленный гений нашего начальника сыскной полиции господин Путилина?! Наши жены и дочери в смертельной опасности, а наши Лекоки спят...»

— Ну не дураки ли, доктор? — со смехом обращался ко мне Путилин, читая эти газетные «ламентации». — Во-первых, никто из репортеров никогда и не видел «левой груди» графини, княгини, баронессы, а во-вторых...

как может обыкновенный смертный поймать «таинственных», «летающих» вампиров? Экие болваны, помилуй бог!

— Ты попал на какой-нибудь след?

— Я начинаю выводить мою «кривую»...

Вчера я беседовал с некоторыми пострадавшими, но... откровенно говорю тебе, доктор: это — одно из наиболее темных дел, какие только мне приходилось раскрывать.

— Старая песня, Иван Дмитриевич! — улыбнулся я. — С этого ты всегда начинаешь, выводя свою кривую.

Двойное превращение Путилина

Часов около девяти вечера я услышал знакомый звонок.

Я отстранил лакея и сам открыл дверь. Открыл — и все-таки спросил, не доверяя своим глазам:

— Неужели это ты?

— Я... — прозвучал в передней голос Путилина.

Лакей, стоявший близ меня и отлично знавший моего гениального друга, сотворил крестное знамение, в ужасе шарахнувшись в сторону.

Перед нами стояла страшная фигура какого-то легендарного чудовища: черная мантия и — великий Боже! — какое страшное лицо... Это было именно то знаменитое лицо вампира, которым бредил до смерти напуганный Петербург.

В моей полутемной передней сверкала пара круглых огненных глаз.

— Ты, верно, не ожидал посещения к себе вампира, доктор? — тихо рассмеялся Путилин.

— Ваше превосходительство, да неужто это вы на самом деле? — почтительно-робко спросил его мой верный лакей, которого очень любил Иван Дмитриевич.

— Я, я, Игнат! Однако, доктор, нам надо торопиться. Идем в твой кабинет, мне надо побеседовать с тобой кое о чем.

И когда мы вошли в кабинет, он обратился ко мне:

— Смотри, доктор, как у тебя чадит лампа. Подверни огонь.

Покуда я нагнулся над лампой и убедился, что она вовсе не коптит, прошло не более нескольких секунд.

— Откуда ты это взял? — обернулся я к моему другу.

Обернулся и попятился от удивления: передо мной уже не было страшного вампира, а стоял совершенно мне незнакомый денди, в безукоризненном фраке, в высоких воротниках, туго стянутых черным галстуком.

Я глупо уставил глаза на это чудесное превращение.

— Что это... как же так...

Признаюсь откровенно, у меня забегали мурашки по спине. Мне мелькнула мысль: да на самом деле, кому я открыл дверь — Путилина или настоящему вампиру?

— Как же так? Очень просто. Смотри, — великий сыщик указал на скинутые мантию и страшную маску.

— Но, ради бога, что это за маскарад?..

— А вот садись и слушай.

Я сел. На меня глядело совсем иное лицо: за исключением глаз — ничего похожего на Путилина!

— Случай, как тебе известно, играет большую роль в удачных разрешениях самых мудреных проблем. Так вот, случай дал мне в ру-

ки маленькую путеводную нить, с помощью которой, быть может, мне удастся размотать запутанный клубок дела о вампирах.

— Какая же это нить? — страшно заинтересованный, спросил я.

— Эта вот штучка. — И Путилин показал мне золотой брелок-жетон. — Что там написано, я пока тебе не объясню, ибо... ибо могу ошибиться. Скажу тебе только, что все эти дни я с мучительной страстностью отыскивал одно помещение и, кажется, его нашел. Я еду сейчас туда.

— А я? — живо вырвалось у меня.

— Увы, доктор, я не могу тебя взять туда. Кстати, ты видишь перед собой барона Ш.

И он назвал очень громкую фамилию.

— Видишь ли, в чем дело: так как я не могу тебя взять с собой, а между тем мало ли что может случиться со мною, ты должен занять известный наблюдательный пост. В случае, если бы я не вышел оттуда, из этого помещения до двух-трех часов ночи, дай знать властям. Вот тебе моя карточка с моим предписанием.

— Стало быть, тебе грозит серьезная опас-

ность? — тревожно осведомился я.

— Опасность всегда серьезна, — отшутился Путилин.

— Но куда же ты это денешь? — спросил я, указывая на проклятую мантию и страшную личину вампира.

— Я все это оставлю в шубе, — невозмутимо ответил он.

Минут через пять мы уже ехали в карете.

Не скажу, чтобы я был спокоен. Тревога за моего друга, с которым мы были неразлучны во многих делах, копошилась в моей душе.

«Один... едет неизвестно куда... Почему-то меня не берет с собой... А если он попадетя в какую-нибудь дьявольскую ловушку?»

Я не удержался, чтобы не высказать своих опасений.

— Брось, доктор!.. Брось хныкать! Все обойдется. Бог даст, благополучно.

Мы проехали массу улиц, и наконец карета замедлила ход.

— Слушай, кучер, — кстати, это ведь Х., — подвезет меня к подъезду этого вот дома. Лишь только я скроюсь в подъезде, Х. поедет дальше, и вы остановитесь вот на том углу.

Оттуда — ваш наблюдательный пост. Понял?

Я утвердительно кивнул.

Карета подъехала к красивому темному особняку.

Путилин быстро выскочил из кареты и постучался в дверь особняка.

Прошло несколько секунд.

— Je prends mon bien... — донесся до меня его внятно-уверенный голос.

Дверь распахнулась, и он скрылся в подъезде.

Адамов клуб. Двойник барона Ш.

Массивная дубовая дверь захлопнулась за Путилиным.

Он очутился в великолепной прихожей — вестибюле из мрамора «дикого» цвета, украшенном высокими темно-бронзовыми канделябрами.

Путилин небрежно сбросил на руки открывшему ему дверь человеку в синем камзоле и белых гамашах свою шубу. На лице того отразилось сильнейшее удивление.

— Так рано сегодня, господин барон? — проговорил таинственный прислужник таинственного помещения.

— Еще из наших никого нет? — процедил сквозь зубы Путилин.

— Никого... — ответил синий камзол.

— Теперь слушайте меня, любезный, — протягивая ему крупную ассигнацию, сказал Путилин. — Кто бы ни приехал, вы не должны никому говорить ни слова, что я уже в клубе. Понятно? Никому!

— Слушаюсь, господин барон... Покорнейше вас благодарю.

Путилин стал подниматься по отлогой, широкой мраморной лестнице.

Помещение, однако, у них комфортабельное... Сейчас видно, что имеешь дело с аристократами... — прошептал светило русского сыска, иронически усмехаясь. Стены всюду были расписаны искусной живописью, но какого-то странного характера.

Особенно бросался в глаза огромный плафон-картина декоративного письма, находящийся на стене первого зала, как раз против лестницы.

— «Гибель Содома», — прочел Путилин крупную надпись над плафоном.

На нем, на первом плане, была изображе-

на фигура красивой женщины, заломившей в отчаянии руки. А там, далее, шла возмутительная оргия, приведшая библейский город к страшному концу — «огненному дождю». Завеса стыдливости была сорвана с самых интимных сторон содомского греха. Впечатление получалось поистине отвратительное для всякого неизвращенного человека.

Облако изумления отразилось на лице Путилина.

«Как же это совместить?» — пронеслось у него в голове.

Залы были прибраны, но пока безлюдны. Путилин с интересом осматривался по сторонам. Над некоторыми комнатами красовались надписи вроде, например, следующих: «Чистилище», «Преддверие к блаженству», «Месса Содома», «Бассейн живой воды» и т. п.

В некоторых местах ему бросилась в глаза одна и та же надпись:

«Не поддавайтесь соблазну женщины, ибо через женщину мир потерял райское блаженство».

В глубокой задумчивости присел Путилин на один из золоченых стульев гостиной, отку-

да ему были видны анфилады комнат и вход в них с лестницы.

— Так вот он, этот знаменитый Адамов клуб! — с дрожью в голосе прошептал он.

О, он давно уже слышал кое-что о нем! До него секретным образом доходили слухи о том, что пресыщенное, жуирующее барство в лице его представителей — аристократов-мужчин основало какой-то орден-союз вкупе с клубом, где проводит вечера и часть ночи.

Ему доподлинно было известно, что несколько раз в неделю часов до одиннадцати-двенадцати ночи к подъезду клуба подкапывают щегольские экипажи, из которых выскакивают великосветские денди. Что именно это за клуб, он не знал, да и мало интересовался. Так, думал он, прихоть, фантазия какая-нибудь, блажь на почве или невинного масонства, или простого оригинальничанья. Правда, иногда мелькала мысль, не является ли этот клуб сколком (только в другом роде) со знаменитого Евина клуба, основанного графиней Растопчиной, известной поэтессой? Но и эта мысль его не тревожила: раз налицо не

имеется подозрения о мошенническом или же о политически неблагонадежном сообществе, его роль кончается. Какое он имеет право вмешиваться в «забавы» и «развлечения» частных лиц, да притом еще таких высокопоставленных? «Пусть себе дурят», — решил он. Но теперь, когда у него мелькнуло одно серьезное подозрение, подкрепленное вещественным доказательством, он решил проникнуть в таинственный особняк. Проник — и большое недоумение тревожит теперь его душу.

«Что же это такое: неужели я ошибся? В этом отвратительном месте все кричит о ненависти к женщинам. Судя по всему, вплоть до надписей, это какой-то сектантский корабль, только не хлыстов, скопцов или иных изуверов-сектантов, а какой-то особенный... Всюду — напоминание о Содоме. Но как же из Sodoma могли появиться женолюбцы? Ведь, по Библии, в Содоме не было ни одного праведника».

Путилин провел рукой по лбу.

— Темно... темно... — вслух прошептал он. Вдруг он вздрогнул, насторожился. До него до-

неслись мужские голоса, громкий смех, и в ту же секунду он увидел, как в зал вошли три лица. Один был в военной форме, два других — в бальных костюмах.

«Куда они направятся?» — прошептал Путилин. И, заметив, что они, о чем-то оживленно беседуя, идут в ту гостиную, где он находится, Путилин быстро спрятался за широкую шелковую портьеру.

— Да брось, барон, чего ты так разволновался? — мягким, насмешливым голосом грассировал один денди другому.

— Но позвольте, господа, это ведь необыкновенно. Вы слышали, что сказал сейчас наш Игнат? Вы видели ужас, который отразился на его физиономии при виде меня? «Никого еще нет?» — спросил я его. Вдруг он выпучил на меня глаза, затрясся весь и с трудом, заикаясь, пролепетал: «Никого-с... за исключением вас». — «Как за исключением меня, когда я только что приехал, болван?» — дал я на него при вас окрик. «Никак-с нет, вы... вы давно уж приехали». И в ужасе вытаращил на меня глаза, чуть не крестясь. Что вы на это скажете?

— Да, это очень странно, — взволнованно прошептал военный.

— Пустяки! Просто болвану или причудилось, или хлопнул остатки нашего шампанского. А вот что ты брелок-жетон свой потерял — это скверно, барон. И где это тебя угораздило?

Барон схватился за голову.

— Ей-богу, не знаю... Очевидно, в последний раз... тогда, с княгиней...

— Это вот посерьезнее твоего двойника.

— Я думаю, господа, что нам следует бросить эту затею. И мне, и тебе, барон, и тебе, граф, — нервно вмешался в разговор военный. — Пошутили — и баста. Во-первых, здесь на нас косятся. Мы не присутствуем на наших мессах Содома. Идет уже шушуканье. Нас могут заподозрить в ренегатстве. Во-вторых, можно попасться. А в-третьих, мне очень не нравится потеря тобою жетона и особенно твой двойник.

Барон побледнел.

— Ах, Жорж, ради бога, не пугай меня этим проклятым двойником! Я боюсь, не к смерти ли это?

— Ну, как не стыдно, господа, так бабничать? — резко проговорил жизнерадостный денди. — Один-другой бокал шампанского, и ваши страхи рассеются, как дым от сигар. Впрочем... впрочем, хорошо. Я согласен на время превратиться вновь в правоверного члена нашего клуба, но с условием, что сегодня ночью мы предпримем последнюю экскурсию в область царства женщин. Идет?

— Н... не знаю, — нерешительно пробормотал военный. — Как ты думаешь, барон?

— Что ж... Если в последний раз, пожалуйста... Да к тому же, откровенно говоря, у меня сегодня кошки на сердце скребут. Какое-то отвратительное предчувствие.

— *Allez donc, mon bon!* Пустяки! Итак, через час — в путь.

— По обыкновению, мы выедем вместе, а потом разъедемся, — возбужденно проговорил тот, кого называли графом. — У вас назначены визиты?

— Да... — в один голос ответили барон и князь-военный.

— Отлично! Ну, а теперь, князенька, идем выпить бокал шампанского. Ты, барон?

— Нет, уволь, Вольдемар. Идите, я побуду немного здесь один... Мне надо прочесть письмо.

Те ушли. Барон остался один.

Портьера тихо зашевелилась, и из-за нее, скрестив руки на груди, вышел Путилин.

— Ну, барон, теперь мы можем побеседовать друг с другом без свидетелей, — по словам отчеканил великий сыщик.

Подавленный крик ужаса вырвался из груди элегантного великосветского жуира.

Лицо его перекопилось от страха. Глаза, широко раскрытые, готовые, казалось, выскокить из орбит, были прикованы к его страшному двойнику.

— Что это... что это... привидение?! Мой двойник?.. Кто ты? — И барон простер руки вперед, словно желая защититься от зловещего призрака.

— Вы спрашиваете, кто я? Нет, я не ваш двойник, а ваша совесть, облеченная в плоть и кровь, любезный барон. Я — карающий призрака, карающая Немезида.

Со лба барона падали капли холодного пота. Он, близкий к обмороку, бессильно опу-

стился на софу.

Путилин подошел к обеим дверям и запер их на ключ.

— Ну-с, теперь будем говорить серьезно. Прежде всего, успокойтесь, придите в себя и — Боже вас сохрани! — не кричите, ибо последствия этой тревоги могут быть роковыми для вас. Я — Путилин, начальник сыскной полиции.

— Вы? Путилин?! — вскочил, как ужаленный, барон.

— С вашего позволения. Терять времени нельзя. Я буду краток. Вы попались, любезный барон, в преступлении, которое вам должно быть известно.

— Позвольте! — пришел в себя вероломный член Адамова клуба. — Я вас не понимаю... Что значит весь этот маскарад? Какое вы имеете право...

— Потрудитесь взглянуть на это. — И Путилин невозмутимо спокойно показал барону небольшой золотой жетон.

— Я нашел его... вы догадываетесь где?

— Я погиб! — прошептал жуир, закрывая лицо руками.

— Нет. Пока вы еще не погибли. Вы в моих руках, как сами понимаете, ибо я могу сию минуту вас арестовать. Но я вам предлагаю следующее: вы должны поменяться со мною ролями, и за это я обещаю вам не вмешивать вас в это некрасивое дело.

— То есть как это поменяться ролями, господин Путилин?

— Очень просто: вы останетесь здесь или можете уехать домой, но только не туда, куда вы собирались сейчас, а я вместо вас — видите, как я похож на вас? — прокачусь на вашей заколдованной тройке вместе с графом и князем — вашими приятелями. Вы согласны?

Вся краска бросилась в лицо барону.

— Вы предлагаете мне бесчестие! Это ведь предательство с моей стороны!

— Называйте, как угодно.

— Ни за что!

— Очень жаль. В таком случае я вас арестую. Завтра ваше имя прокатится по Петербургу. Вы погибнете и... ровно ничем не сможете этим вашим сообщникам по... шалостям, ибо одновременно с арестом вас я арестую и тех двух джентльменов, которые толь-

ко что вышли отсюда. Выбирайте. Но скорее. Я смотрю на часы. Через две минуты — ваш ответ.

И Путилин стал смотреть на золотую луковичу. Страшная внутренняя борьба происходила, очевидно, в попавшемся бароне.

— Время прошло. Ну?

— Я... я лучше застрелюсь! — с отчаянием в голосе воскликнул барон.

— Стреляйтесь. Но тоже скорее. Или... «именем закона»...

— Постойте... погодите... Ну, хорошо, я согласен... Вы даете мне честное слово, что я не буду вмешан в эту историю?

— Даю.

— Что же вы от меня требуете? Что я должен делать?

— Слушайте внимательно. Сейчас мы спустимся вниз вместе с вами. Ваши страшные атрибуты у вас в шинели?

— Да.

— Где вы перевоплощаетесь?

— Да тут же в каморке, рядом с вестибюлем. Игнат — наш верный человек.

— Отлично. Я переоденусь в ваш плащ и

маску и надену вашу шинель, вы облачитесь в мою шубу, затем вы прикажете Игнату оповестить графа и князя, что ждете их уже в санях. А сами отправляйтесь домой... нет, впрочем, лучше спрячьтесь тут же, в вашем клубе. Этим вы снимете с себя подозрение в измене. Поняли? Вы не будете виноваты ни в чем.

При виде двух баронов Ш., спускающихся по лестнице, человек в синем камзоле чуть не упал в обморок.

Огненная тройка. Путилин погиб. Гибель Содома

Время тянулось до удивительности медленно.

Если вообще ожидание — вещь не из приятных, то наше ожидание было вдвойне таковым, так как мы оба — я и милейший агент Х. — тревожились за участь Путилина, скрывшегося в подъезде неведомого дома.

— Что это может быть за дом? — тихо переговаривался я с Х.

— Судя по нескольким экипажам, подъехавшим к нему, я думаю, что это клуб или какое-нибудь иное общественное собрание. В такой поздний час в гости ездить не принято.

— Но что там делает Иван Дмитриевич?

— Будьте покойны, доктор, наш орел зря не прилетел бы сюда.

— Однако... один... ночью... в неизвестном помещении, — пробормотал я. Х. усмехнулся.

— Ну, за Ивана Дмитриевича особенно тревожиться не приходится.

— Однако, любезный господин Х., и орлы попадают. Смотрите, что это?

Мы ясно увидели, как из подъезда вышла фигура, закутанная в шинель, и села в поджидавшую тройку. Спустя несколько минут вышли еще две фигуры, так же быстро уселись, ямщик гикнул, и тройка, дружно подхваченная лихими конями, понеслась по направлению к нам. Я, сообразив, что она пронесется мимо нас, напряг все зрение, чтобы лучше рассмотреть таинственных ездоков. В эту секунду, когда она поравнялась с нами, у меня вырвался подавленный крик испуга.

За исключением ямщика, в санях сидели не люди, а какие-то безобразные чудовища с круглыми головами и огромными огненными глазами.

— Огненная тройка! Вампиры! — прошеп-

гал я. — Вы видели, видели, Х.?

— Видел, — спокойно ответил он.

— И вы говорите это таким спокойным тоном?

— А чего же волноваться, доктор? Мы ведь получили от Ивана Дмитриевича инструкции-приказания.

— Да, да... Стало быть, там, в этом доме, обитают эти дьяволы! И там один — наш друг!

— Подождем назначенного часа. Если он не явится, ну, тогда мы начнем действовать.

Несмотря на кажущееся спокойствие Х., я, однако, уловил в его голосе тревожные нотки.

Вот и этот назначенный час. Путилина не было. Путилин не являлся.

— Ну, теперь быстрым аллюром и — к властям! — отрывисто бросил Х.

Мы мчались с бешеной быстротой. Вот и Управление, к начальнику которого мне дал карточку мой знаменитый друг.

Генерал еще не спал. Мой взволнованный вид и заявление, что я по важнейшему делу от Путилина, сделали то, что я немедленно был принят генералом.

— Что такое? Что случилось? — даже при-
вскочил он.

— Путилин погиб!

Я подал ему карточку, рассказывая отрывисто, что сейчас произошло.

— И вы видели, доктор, эту заколдованную тройку с тремя вампирами-седоками?

— Видел, вот как вижу вас, генерал.

— И она отъехала от этого дома?

— Да. Ради бога, торопитесь, генерал. Каждая секунда дорога.

— Успокойтесь, я еду сейчас туда сам.

Генерал позвонил и начал отдавать целый ряд приказаний.

Через полчаса по требованию «именем закона» дворца подъезда таинственного дома открылась и в помещении Адамова клуба резко зазвенели жандармские шпоры. Переполох и смятение произошли необычайные. Изумленным властям предстали многие дикие картины из библейской истории о грешном городе. Изумление и конфуз усугублялись еще тем обстоятельством, что участниками «шалостей» являлись высокопоставленные лица.

Путилина в клубе не оказалось.

Последний вампир

— Не скажу, чтобы я чувствовал себя хорошо, усевшись на эту «дьявольскую» тройку... — рассказывал нам Путилин в шесть часов утра этой памятной ночи. — Я не боялся почтенных вампиров, но боялся того, что голосом могу выдать себя и этим самым испортить эффект финального акта курьезно-мрачной трагикомедии. А ты ведь знаешь, доктор, что я люблю работать чисто, доводя дело до бесспорного конца.

Мы мчались, устрашая прохожих своей диковинной маской. Честное слово, это была забавная история! Я, Путилин, начальник сыскной полиции, — в роли пресыщенного савраса, пугающего мирных обывателей столицы! Но нечего было делать: чтобы не выдать себя, надо было поступать так же, как поступали эти титулованные идиоты.

— Ты куда, Жорж? — обратился граф к князю.

— На бал к Я-вым. Ты разве забыл пари наше? Я дал слово, что проделаю такую же историю, какую ты проделал с графиней Г., но

только... может быть, успешнее...

— Смотри не попадись! Теперь все в панике...

— Увидим! — хвастливо процедил сквозь зубы князь. — А ты?

— Потом узнаешь. Стой! Ну, я покидаю вас. Bonne chance, полного успеха!

И с этими словами граф выскочил из саней. Я остался вдвоем с князем.

— А ты, барон?..

— М... м... не знаю... Я, может быть, поеду домой, — промолвил я «неопределенным» голосом.

— Нет, ты сегодня невозможен! — недовольно ответил князь.

Мы подъезжали к ярко освещенному подъезду.

— Ну, я сюда. Ты поедешь дальше? — срывая с себя маску и пряча ее в карман, спросил князь.

— Нет, я пройду пешком, — опять промычал я, вылезая из саней.

Князь скрылся в подъезде.

Минут через пять я входил в роскошную переднюю — вестибюль дома Я-вых.

Тут дежурили ливрейные лакеи-гайдуки в ожидании выхода своих господ.

Наскоро сбросив шинель упитанному лакею, я быстро поднялся по лестнице и стоявшему у первой площадки лестницы лакею приказал:

— Пойди и немедленно вызови ко мне господин Я-ва. Скажи, что барон Ш. просит его по экстренному делу.

Лакей посмотрел на меня с удивлением, но сейчас же бросился исполнять мое приказание.

Прошло несколько минут, и ко мне подошел элегантный господин средних лет, во фраке.

— Господин Я-ов? — спросил я.

— Да.

Облако недоумения лежало на его холодном, надменном лице.

— Я — Путилин, начальник сыскной полиции. Мне необходимо переговорить с вами по важному делу. Не найдется ли у вас уголка, где я мог бы объяснить вам причину моего приезда к вам?

— Пожалуйста... Сюда вот... — отвечал он,

сильно пораженный.

Мы вошли в небольшую комнатку.

— Признаюсь, я поражен, господин Путилин... В чем дело? — начал он.

— Вы слышали про появление в Петербурге каких-то вампиров, про их жертвы?

— Как же, как же...

— Ну, так вот, я боюсь, что сегодня, через час, а может быть, и раньше один из них может смертельно напугать вашу супругу. Я приехал избавить ее и вас от этого потрясения. Предупреждаю вас, «вампир» уже в вашем доме.

— Что?! — побледнел, как полотно, Я-ов. — Вампир у меня?! В моем доме?! Вы... вы шутите, господин Путилин?

— Не имею этой привычки, особенно с незнакомыми мне людьми, — отрезал я. — Скажу вам более, я даже знаю, кто этот страшный «вампир». Вам угодно, чтобы он был пойман?

— О, господин Путилин! — взволнованно произнес Я-ов, схватывая меня за обе руки. — Спасите нас от этого ужаса! Как нам благодарить вас! Я теряю голову... Я ничего не пони-

маю...

— В таком случае мы поступим вот так. — И я начал диктовать ему мой план.

Он, растерянный, пораженный, кивал головой:

— Хорошо... хорошо...

— А супругу вы предупредите, чтобы она не пугалась. Идемте, господин Я-ов.

Будуар тонул почти во тьме. Карельская лампа была почти совсем подвернута.

Дверь будуара тихо раскрылась, и в него вошла высокая фигура дамы в белом платье.

— Слава богу, бал кончился, — слышался вздрагивающий женский голос.

В ту же секунду два ярко-огненных глаза вспыхнули во мраке будуара.

— Ни с места, сударыня, я — вампир! Вы должны быть моей, иначе вы погибнете страшной смертью.

Перед белой фигурой женщины появилась высокая, черная фигура со страшным лицом неведомого чудовища.

— Ах! — вскрикнула в испуге женщина.

«Чудовище» бросилось и схватило ее в свои объятия.

— Моя! Моя!

— Разве? — вдруг загремел я, выскакивая из-за портьеры. — Вы думаете, любезный князь, что госпожа Я-ва принадлежит вам? А как же супруг госпожи Я-вой? Господин Я-ов, пожалуйста сюда!

С зажженным канделябром в будуар во-
рвался господин Я-ов.

— Мерзавец! Негодяй! — прохрипел он, бросаясь на князя-«вампира».

Крик ужаса вырвался из груди великосветского «шалуна».

— Ну, князь, довольно маскарада! Потрудитесь снять вашу страшную маску. Мы с вами отлично прокатились на тройке, ха-ха-ха!

Маска слетела с его лица. Он в ужасе уставился на меня.

— Что это... барон?

— Двойник его, любезный князь, Путилин к вашим услугам!

Наутро князь-«вампир» застрелился. Барона Путилин не тронул, а графу не поздоровилось. Его карьера была окончена. Ввиду многих щекотливых причин дело об Адамовом клубе было замято. Но Содом все-таки погиб,

благодаря не... огненному дождю, а таланту
гениального русского сыщика.

Тайны Охтенского кладбища

Видения кладбищенского сторожа

Как-то сидели мы с Путилиным в его кабинете и вели оживленную беседу на тему о таинственных явлениях загробного мира, о привидениях, о проблемах теософической науки.

Путилин был всегда большим позитивистом, а я, каюсь, несмотря на мою профессию доктора, был склонен допускать «то, что и не снилось нашим мудрецам», как великолепно говорит Гамлет своему другу Горацио.

Как раз в разгар нашего страстного спора в дверь кабинета постучались, и на приглашение войти на пороге появилась фигура старшего дежурного агента.

— Что вам, голубчик? — обратился к нему Путилин.

— Довольно странный случай, Иван Дмитриевич, — начал он. — Сейчас явился сторож Охтенского кладбища и сильно домогается вас видеть. На мой вопрос, зачем вы ему требуется, он заявил, что решил обратиться к вам, «так как у него на кладбище не все благо-

получно, покойники шалят», как он выразился.

Путилин чуть заметно вздрогнул.

Это было действительно удивительно странное совпадение: мы говорили сию мину-ту о явлениях с того света, а тут вдруг сейчас же подтверждение, что покойники ведут себя «неспокойно».

Я торжествующе поглядел на Путилина.

— Что? Видишь? — бросил я ему.

— Пока, положим, я ровно ничего не вижу, — улыбнулся он кончиками губ. Затем повернулся к агенту: — Скажите, а этот кладбищенский сторож в своем уме? Не пьян? Не в припадке белой горячки?

— Кажется, нет ничего подобного, но вид у него — растерянный, испуганный.

— Что же, впустите его сюда.

Походкой, изобличающей бывшего солдата, в кабинет вошел среднего роста старик со щетинистыми усами и большим сизо-багровым носом и встал во фронт.

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

— Здравствуй, любезный. Ты — кладби-

ценский сторож?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Зовут тебя?

— Петр Оковчук.

— Так вот, Оковчук, что такое стряслось у тебя на кладбище?

— Примерно сказать, и сам понять не могу, а только — большие страсти...

— Ого! Даже «большие страсти»? Расскажи, что это за страсти. Впрочем, скажи сначала, тебя послал кто-нибудь к нам, в сыскное, или ты сам удумал?

— Я сначала докладывал кладбищенскому духовенству, что так и так, дескать, не все у нас благополучно на кладбище, а отец протоиерей и дьякон на меня напустились. «Ты, — говорят они, — верно, до того залил глаза вином, что тебе всякая нечисть стала чудиться». Я оробел, а опосля рассказал обо всем приятелю моему, мастеру-монументщику. Тот мне и сказал: обратись, говорит, в сыскную полицию, они разберут все, мало ли что быть тут может. Ты — сторож, ты — отвечать будешь...

— Отлично. Ну, а теперь рассказывай о

твоих страстях и чудесах, — улыбнулся Путилин.

Старик сторож откашлялся в руку и начал:

— Примерно дней десять тому назад вышел я поздней ночью из своей сторожки, чтоб посмотреть, все ли спокойно на кладбище. Обогнув церковь и идя мимо крестов и памятников, вдруг увидел я красный, огненный свет, как бы от фонаря. Он был далеко от меня и словно передвигался с места на место. Оторопь меня взяла. Кто, думаю, в такую глубокую ночь с фонарем на кладбище путается? Однако, осмелев, я пошел на диковинный свет, тихо стуча в деревянную колотушку. Вдруг только что, значит, сделал я несколько шагов, как закричит кто-то, как захохочет жалобно таково: «Охо-хо-хо! А-ха-ха-ха!» Волосы заходили под картузом у меня. Творя молитву, бросился я к сторожке моей и всю ночь, вплоть до утра, стучал зубами со страху.

— А утром не обходил кладбище?

— Как можно, ваше превосходительство, обходил.

— И ничего подозрительного не усмотрел?

— Как есть, ничего. Все в порядке: венки,

значит, лампадки, образа.

— Продолжай дальше.

— На следующую ночь вышел я опять обходом. Этот раз порешил колотушкой не стучать. Дай, думаю, втихомолку погляжу, что за чудо такое с красным огнем, будет он али нет. Хорошо. Иду это я вторым разрядом, что близ первого, ан опять свет, только уж не красный, а зеленый... Увидел я его, и вот, поверите ли, ноги к земле приросли... Пошел я на него, вдруг задрожал весь и упал со страха. Между памятниками стояла белая фигура высокого покойника. Покойник махал белыми руками и жалобно стонал. Память у меня отлегла. Сколько времени провалялся около могил, так что не могу определить. Очухался, когда уже светать зачинало. Встал, перекрестился и — прямо к батюшке и дьякону. Рассказал им, а они меня, значит, и шуганули. «Пьяницы вы все, вот что!»

— Скажи, Оковчук, а ты в самом деле не переложил ли?

— Вот как перед истинным, ваше превосходительство. Ни капли во рту, почитай, уж месяц не было, потому зарок дал не пить.

— Скажи, ты видел красный и зеленый свет и покойника, вставшего из гроба, в одном и том же месте кладбища или в разных?

— Нет, ваше превосходительство, почитай, в одном самом.

— Ты, конечно, хорошо знаешь это место и все памятники, которые там находятся?

— Как нельзя лучше. Столько лет я ведь сторожем при кладбище... Каждую могилку знаю.

— Но точно указать тот памятник, где ты увидел страшное привидение, можешь ты или нет?

Старик сторож сокрушенно развел руками:

— Этого вот не могу, потому со страха плохо уж и видел я.

Путилин на минуту задумался.

— Вот что, Оковчук, пожалуй, ты хорошо сделал, что обратился ко мне. Сегодня я лично приеду к тебе под вечер. Ты карауль меня и проведи в свою сторожку. Но помни: о моем приезде — никому ни гугу! Ни слова! Будь нем, как те могилы, которые ты охраняешь...

Когда мы остались вдвоем, Путилин с улыбкой обратился ко мне:

— Ну, доктор, тебе везет: таинственное приключение совсем в твоём излюбленном духе.

— А что ты думаешь, Иван Дмитриевич, обо всем этом?

— Пока ещё ничего. А ты вот лучше, как доктор, скажи мне, не являются ли все эти видения почтенному сторожу как галлюцинация, как последствия того обстоятельства, что он вдруг сразу круто бросил пить? Очевидно, он выпивал изрядно. Переход от пьянства к трезвости не мог ли вызвать известного мозгового явления, шока?

— Очень может быть. Медицина знает массу таких явлений, недаром алкоголизм даёт такую поразительно огромную цифру душевных заболеваний.

— Что же, во всяком случае, проверить эту загадочную историю не мешает. Кстати, я пока свободен. Ты, разумеется, не прочь прокатиться со мною на Охтенское кладбище?

— О, с наслаждением! — вырвалось у меня. — Когда?

— Сегодня, под вечер, я заеду за тобой. Поджидай меня.

«Медный змий»

Падали ранние сумерки холодного осеннего петербургского дня, когда мы подъехали к Охтенскому кладбищу.

Свинцовое небо низко-низко повисло над ним и плакало холодными редкими слезами.

Было пронизывающе сыро, угрюмо, тоскливо.

С печальным шумом проносился ветер по почти обнаженным верхушкам кладбищенских деревьев, срывая последние желтые мертвые листья.

«Царство мертвых» навевало невыразимую печаль...

У ворот кладбища нас встретил старик сторож.

При виде моего знаменитого друга огромная радость засветилась в его полувыцветших старческих глазах.

— Изволили пожаловать, ваше превосходительство! — бросился он почтительно высаживать Путилина из экипажа.

— Не трусь, не трусь, старина, всех покойников твоих успокою, они не будут у меня бунтовать! — похлопал рукой по плечу сторо-

жа. — Ну, веди нас к тому таинственному месту, где тебя так напугал загробный свет и мертвец...

На кладбище было совершенно безлюдно.

Раз только, покуда мы шли узкими дорожками между рядами могил, нам встретился могильщик с железной лопатой в руках.

Он слегка приподнял картуз и безразлично поглядел на нас.

— Вот, ваше превосходительство, примерно в этом месте, — повернулся к Путилину старик сторож.

Тут, в этом пространстве, указанном им, находилось могил около пятнадцати... Скромных крестов было только два, остальные — все дорогие памятники.

— Здесь, верно, места подороже, для богатых? — спросил Путилин кладбищенского сторожа.

— Так точно-с...

Путилин стал обходить их, внимательно вглядываясь в памятники и вчитываясь в их надписи.

— «Отставной гвардии ротмистр...»,
«Потомственный почетный гражданин...»,

«Девница Любовь...» — бормотал он.

Вдруг услышал я его возглас:

— Смотри, доктор, какой интересный памятник, вернее — странный!

Я поднял глаза, и при виде этого памятника какое-то неприятно-тоскливое чувство овладело мною.

Передо мною был род широкого, большого металлического бассейна, у бортов которого находились небольшие отверстия, круглые дырки. Посередине его вздымался очень высокий, тонкий медный крест не общего могильного типа крестов, а какой-то особенный, странный. Высоты он был сажени в две. Ближе к верхушке его находилась узкая перекладина, с которой спускалась вниз по стволу медная змея с широко раскрытой пастью, с вытянутым из нее тонким змеиным языком.

— Что это? Это настоящий «медный змий» из Библии? — вырвалось у меня с дрожью страха и отвращения. — Как могли разрешить поставить такой памятник? При чем на могиле изображение змия?

— Это точно изволите говорить, ваше высокоблагородие, — угрюмо произнес кладби-

ценский сторож старик. — Нехороший это монумент, не христианский. Недаром его все обходят, хотя спервоначала многие приезжали из любопытства на него поглядеть.

— «Любезной матери и любезному отцу от их любящего сына», — громко вслух прочел Путилин надпись на узкой медной дощечке, находящейся как раз под свесившейся головой змеи.

— Давно стоит этот памятник? — задал он вопрос сторожу.

— Года два-три примерно.

— А ты не знаешь ничего больше про него?

— Без меня все это случилось, ваше превосходительство... Я в это как раз самое время уезжал на пять месяцев в деревню свою. Мне опосля, как я вернулся и стал о нем спрашивать, рассказывали, что похоронены тут богатеи большие — старуха-купчиха с мужем своим. Почитай, чуть не в один день померли они. Потом, слышь, такая история вышла, что сын евойный начальство упросил разрыть могилу и выкопать гроба, а для чего — уж я не знаю. Только что, значит, стали могилу

разрывать, а оттуда гады-змеи так и стали вы­ползать. Страшная сила их! Так и лежат, клубками свернувшись, так и шипят! Жуть взяла всех. Отскочили от могилы и могиль­щики, и начальство кое было, и духовенство. Скорей стали опять засыпать ее, отслужили панихидку — и крышка. Спустя, значит, ма­лое время сынок-то вот и поставил монумент сей.

Путилин, как мне казалось, рассеянно слу­шавший рассказ сторожа, вдруг опустился на колени и приложился ухом к одной из дыр в бассейне-памятнике. Он слушал что-то несколько секунд, потом встал и очень при­стально, внимательно стал осматривать бас­сейн-постамент «медного змия».

— Ого, как непрочно работают наши монументных дел мастера! — усмехнулся великий сыщик. — Крест стоит так недолго, а уж шата­ется.

— Да им что: им бы только деньги со­рвать, — философски заметил старик сторож.

Путилин еще минут десять повозился око­ло отвратительного памятника.

— Ну, а теперь, старина, веди нас к себе в

гости, в твою сторожку.

Старик сторож повел нас.

— Мы долго останемся здесь, Иван Дмитриевич? — спросил я моего друга.

— Да, порядочное количество времени. Ранее глубокой ночи мы не выберемся отсюда.

— Так для чего же мы забрались в такую рань?

— Для того чтобы при дневном еще свете полюбоваться некоторыми памятниками. Ночью при фонаре это было бы не совсем удобно.

— Гм... Признаюсь, не особенно приятная перспектива торчать в этом мрачном месте столько часов, — недовольно пробурчал я. — Что мы будем тут делать?

— Разве? — рассмеялся Путилин. — Обстановка как раз по тебе, мистику и оккультисту. А время мы как-нибудь уьем в продолжении нашего спора, который был так неожиданно прерван.

В сторожке кладбищенского сторожа

А обстановка была действительно на редкость необычайная, такая, в какой я еще никогда не бывал с моим другом, талантливей-

шим русским сыщиком.

А куда только, как вам известно, не заносила нас судьба! Бывали мы в самых страшных вертепах Сенной и иных столичных притонах, где заседали воры, убийцы, проститутки, бродяги; попадали мы в самые тайно заповедные уголки сектантских изуверских «кораблей» (скопцов и хлыстов); доводилось нам дневать и ночевать в монастырских коридорах, подвалах и кельях; попадали мы на ослепительно блестящие рауты-балы петербургской знати, где величайшие мошенники и шулеры были облачены во фраки от Тедески.

Но сегодняшнее наше пребывание, честное слово, было особенно любопытно!

Ночь... Глухое, отдаленное кладбище... Крошечная хибарка кладбищенского сторожа...

И в ней — великий сыщик в генеральском чине и ваш покорнейший слуга, доктор медицины.

И по какому делу? По какому поводу? Абсолютно по совсем непонятному, по крайней мере, для меня...

— Ну, старина, — ласково обратился Пути-

лин к старику сторожу, — если уж ты назвал гостей, так будь и любезным хозяином. Не соорудишь ли ты самоварчик? Признаться, я чертовски прозяб, да и доктор тоже.

— О, Господи, да с радостью, ваше превосходительство! Честь такая... Только не обессудьте: чайшко плохонький у меня, — засуетился донельзя смущенный старик.

И вот вскоре в убогой конуре на колченогом столе появился и запел свою заунывно-тоскливую песню старый-престарый, кривобокий самовар.

— Ну, доктор, распоряжайся, а я немного подумаю. — И, скрестив руки на груди, низко склонив голову, Путилин погрузился в продолжительное раздумье.

Необычайность обстановки взвинтила мои нервы, и я, подобно Путилину, не притрагивался к налитому стакану чая.

Злобные порывы осеннего ветра с воем проносились над сторожкой, словно хотели сорвать и унести ее старую крышу.

Мелкие, но частые капли дождя били в стекла маленького окна. Пламя крохотной жестяной лампочки вздрагивало.

Путилин по своей всегдашней привычке что-то тихо бормотал сам про себя.

Несколько раз до меня долетало:

— А если так... нет, нет... но кто?

— Да, кто, доктор? — вдруг громко спросил

Путилин.

Я от неожиданности вздрогнул.

— Что такое, Иван Дмитриевич? О чем ты говоришь?

— Я тебя, мистика и оккультиста, спрашиваю, кто появляется в белом на могиле?

— Бог с тобой, Иван Дмитриевич, я-то почему знаю? — ответил я.

— Кто из этих мертвецов выходит из гроба и нарушает зловещий покой этого последнего пристанища мятущегося человечества?

— Свят, свят, свят! — донеслось до меня испуганное шамканье-всхлипывание старика сторожа. Его всего трясло от страха.

Путилин посмотрел на часы. Было начало одиннадцатого часа. Он стал надевать пальто.

— Куда ты? — с удивлением спросил я его.

— Надо, почтенный доктор, еще раз осмотреть кое-что, — спокойно ответил он.

— Как?! Ты один собираешься идти в эту

тьму в глубь кладбища? — вскричал я.

— Да. Ни ты, ни этот почтенный страж не нужны мне сейчас. Что касается тьмы — у меня, как тебе известно, есть отличный помощник.

И он указал на свой знаменитый потайной фонарь.

— Но мало ли что может случиться? Ты — один. Тут такая глушь... Разреши мне идти с тобой.

— Не надо. Мертвецов, выходцев из гроба, я не боюсь, а живых людей — тоже. Как тебе известно, я умею недурно стрелять из револьвера.

И он ушел.

Тревожное чувство не покидало меня.

Чтобы как-нибудь рассеяться, я втянул старика-сторожа, предложив ему стакан чая, в оживленный разговор. Но — увы! — вся тема разговора опять сводилась чудесным образом к кладбищу, покойникам, к тем разным случаям и происшествиям, вплоть до заживо погребенных, свидетелем которых довелось быть старику.

Правда, порассказал он мне немало любо-

пытного.

Особенно врезался мне в память рассказ его о девушке, похороненной в состоянии летаргического сна.

Заживо погребенная

— Дело это, значит, было по весне. Утром прибыла на кладбище богатейшая погребальная процессия. Карет, венков — страсть! Господа все важные, сейчас видать, что похороны благородные. Узнал я, что хоронят генеральскую дочь, барышню восемнадцати годов. Плачу сколько было — и-и! Особенно мамаша убивалась. Хорошо похоронили барышню, щедро всех оделили, мне даже трешку дали. Я в те поры — нечего греха таить — задувал изрядно, пил, значит. На радостях-то я важно помянул покойницу с могильщиком Кузьмой. Вернулся в сторожку свою, вот в эту самую, и завалился спать. Проснулся — вечер, ночь почти. Вдруг это, значит, дверь моей сторожки с треском распахнулась и вошел, а почитай, вбежал офицер. Молоденький такой, статный, красивый. Лицо — белее полотна, трясется весь. Прямо ко мне.

— Ты, — говорит, — кладбищенский сто-

рож?

— Я, ваше благородие.

— Хоронили сегодня дочь генерала, девицу?

— Хоронили.

— Знаешь, где могила ее?

— Знаю. Как не знать!

Говорит это он так тяжело, словно вот душил что его. Чуть не плачет.

Что, думаю, за диво такое? Кто это, примерно, он, что так убивается, с чего это он ночью ко мне пожаловал? Признаться, за нос себя ухватил: не с угощенья ли, мол, все сие снится мне?

Вдруг схватил это он меня за руку.

— Слушай, — говорит, — яви ты божескую милость, пойдем скорей туда, к этой могилке, и раскопаем ее поскорее!

Я, как бы сказать, обалдел даже.

— Как, ваше благородие, раскопать? Могилку-то? Да зачем это? Да разве позволяют могилы раскапывать?

А он все сильнее трясет меня за руку.

— Ах, — говорит, — ничего ты не понимаешь! Нельзя могилы раскапывать, а живых

людей хоронить можно?

Оторопь, жуть взяли меня.

— К-как так, ваше благородие, живых людей? Нешто живых людей хоронят?

А он, бедненький, аж руки заломил.

— Хоронят, хоронят, хоронят! — закричал он. И как зарыдает, заголосит!

— Слушай, — говорит, — старик. Я любил эту девушку, скоро думал женихом ее сделаться. Она болезненная немного была, в забытье часто впадала. Однажды она мне сказала: если я умру, погодите меня хоронить, потому, может, это не смерть, а сон длительный будет. Теперь вот я в отлучке был, в дальнем городе. Приехал сейчас вот, вдруг узнаю, что сегодня уж она похоронена.

Офицер, значит, забегал по моей сторожке.

— Живую похоронили! Живую закопали! — Бросился он ко мне опять, руки на плечи положил мне и, точно безумный, стал кричать:

— Скорее, скорее, старик, идем туда, отро-ем могилу, может, Бог даст, не поздно еще, может, она не проснулась еще в гробу!

Отшатнулся я от него.

— Нет, — говорю, — ваше благородие, от этого ослобоните, на такое дело я не пойду.

— Отчего?! — кричит, а сам меня трясет.

— Оттого, значит, что за это меня не только со службы сгонят, а еще под суд предадут. Какое я имею полное право чужие могилы раскапывать? За это в Сибирь угонят.

— А крест у тебя на вороту есть? А ежели христианская душа в лютых муках погибнет?

— А вы, — говорю ему, — бегите, ваше благородие, к батюшке, к отцу настоятелю. Ему про все расскажите. Коли он разрешит, так мы в минуту могилку раскопаем, всех могильщиков скличем.

А он как заломит опять руки, аж пальцы захрустели.

— Да не согласятся, — кричит, — они без разрешения властей разных, а время идет! Господи! Господи!

И вдруг это бац мне в ноги:

— Смилуйся! Пойдем! Помоги!

— Не могу...

— Денег тебе дам... хочешь триста рублей?

— Нипочем, ваше благородие.

— Хочешь тысячу? Две? Только скорее,

только скорее!

Трясет это его всего, аж жалостно глядеть.

— Встаньте, — говорю, — ваше благородие, не тревожьте себя: не пойду я на такое дело.

Вскочил это он. Лицо — темное, глаза сверкают.

— Убийца ты, вот кто! — закричал он и вдруг заметил лопату.

Схватил это он ее и выскочил из сторожки моей. Я — за ним. Что ж бы вы думали? Только что выскочили мы из сторожки, как на могильщика Кузьму наскочили. Он это ко мне шел опохмелиться. Офицер мой к нему. Быстро-быстро стал ему растолковывать, одной рукой лопату в руки сует, другой — сотенные билеты. Смотрю: Кузьма соглашается!

— Кузьма, в уме ли ты своем? — крикнул я ему.

— Ничего, — говорит, — Евсеич! Могилку живо откопаю да так же быстро и закопаю. До утра далече. Никто, окромя тебя, и знать про то не будет. А коли что случится — ты в стороне. Бог ее знает: может, его благородие и правду говорит. Неужто христианской душе погибать?

И принялись это они за свою страшную работу. А у меня вот, поверите ли, зубы со страха щелкают.

Чем, думаю, дело это страшное кончится? Могилка-то барышни неподалеку от сторожки моей находилась. Хоть не видно мне было, а слышно очень хорошо. Сколько уж времени прошло, не помню теперь. Вдруг это как закричит кто-то таково страшным голосом! Ноги подкосились у меня! Побежал я, спотыкаясь, на крик и вот теперь, поверите ли, не могу вспомнить спокойно, что увидел я.

— Что же вы увидели, старина? — спросил я, сильно заинтересованный рассказом кладбищенского сторожа.

— Эх! Лучше бы не вспоминать... Могила, значит, разрыта. У ямы с побелевшим лицом стоит Кузьма, трясется, крестится. А в могильной яме, у гроба, крышка которого открыта, бьется, ревет, кричит, головой о землю и гроб колотится офицер.

— Живую! Голубка моя! Живую тебя схоронили!..

Глянул я, Кузьма фонарем могилу осветил — и захолодел весь: барышня-то лежит в

гробу спиной кверху. Ноги вытянуты, руки-то все в крови, искусаны...

Свист «медного змия». Привидение

В эту минуту вернулся Путилин. Я облегченно вздохнул и внимательно посмотрел на него. Лицо его было бесстрастно-спокойно.

— Скажи, в котором часу приблизительно ты видел свет на могилах и белое привидение?

— Так что, ваше превосходительство, примерно около часу ночи.

— Отлично. У меня, значит, есть еще время. Доктор, налей мне чаю и давай беседовать.

Наученный горьким опытом, что от моего друга ровно ничего не добьешься, пока он сам не захочет чего сказать, я не стал его расспрашивать ровно ни о чем.

Мало-помалу мы втянулись в продолжение нашего неоконченного спора о материализации душ и проболтали с час.

Старик сторож тихо похрапывал, прикорнув на лавке, служившей ему постелью.

— Однако, кажется, пора! — произнес Путилин. Старик сторож проснулся и вытянул-

ся.

— Надеюсь, теперь-то ты меня возьмешь с собой? — живо спросил я Путилина.

— Нет. Сегодня ты... можешь чересчур испортить свои нервы, и притом совершенно бесполезно. Еще неизвестно, появится ли сегодня таинственный свет и выходец из гроба. Слушай. Я отлично изучил топографию местности кладбища. Я вас со сторожем размещу неподалеку от сторожки, откуда вы, если что явится, отлично будете все видеть.

— Но, мой друг, я, кажется, делил с тобой немало походов до конца! — запротестовал я.

Путилин усмехнулся:

— О, до конца еще далеко, доктор!.. Тут, дай бог, с началом справиться... Во всяком случае, даю тебе слово, что при конце ты будешь присутствовать...

— Ты, стало быть, что-нибудь уже наметил?

— Кто знает, кто знает, — загадочно произнес он.

Мы вышли втроем из сторожки.

Осенняя непогода улеглась. Затих ветер,

дождь перестал. Но тьма стояла, что называется, кромешная. Не было видно ни зги.

Мы молча, шлепая по лужам, шли за Путилиным, уверенно шагавшим в этой непроглядной тьме.

Что за гениальная способность была у этого замечательного человека быстро ориентироваться во всех обстоятельствах.

— Остановитесь вот здесь, — тихо прошептал он. — Если ночные видения повторятся и сегодня, вам будет отсюда отлично все видно. Я ухожу.

И с этими словами Путилин покинул нас.

Старик сторож шептал слова какой-то молитвы.

Прошло несколько минут, томительно тяжелых.

И вдруг мертвенную тишину кладбища пререзало какое-то тоскливо-страшное завывание. Казалось, кто-то не то плачет, не то хохочет. Звуки были настолько зловещи, ужасны, что у меня мурашки пробежали по коже.

— Барин, слышите? Слышите? — дрожащим голосом проговорил кладбищенский сторож, хватая меня за руку.

«У-у-у... а-ха-ха! У-у-у!» — продолжал проноситься по кладбищу вой, от которого кровь леденела в жилах.

Честное слово, я чувствовал, что у меня волосы поднимаются дыбом.

Прошло еще несколько минут, и холодный «белый» ужас овладел мною еще с большей силой: я совершенно ясно увидел синевато-фиолетовый свет...

— Свят! Свят! Свят! — дрожал старик сторож.

Вопреки приказанию моего гениального друга, я, собрав все свое мужество, пополз по направлению таинственного света. Какая-то непреодолимая сила влекла меня туда.

Но мне, не спускающему глаз с этого света, недолго пришлось ползти. Вскоре я испустил подавленный крик ужаса и замер, близкий к обмороку.

Около высокого креста я увидел... мертвеца.

Это была белая высокая фигура, плавно размахивающая руками.

Несколько секунд страшный призрак стоял, вытянувшись во весь рост, затем медленно

но стал опускаться к земле, словно уходя в нее, возвращаясь в свое мрачное жилище — гроб.

Одновременно погас и таинственный свет. Снова наступила непроглядная тьма, и только зловеший свист-вой продолжал нестись с того места, где только что было это страшное видение.

Не помня сам себя от ужаса, я пополз обратно и вскоре налетел на сторожа.

Сторож даже икал от страха.

— В-видели? В-видели? — прошамкал он.

Я бросился бегом к сторожке, вбежал в нее и, покрытый каплями холодного пота, бес- сильно опустился на лавку.

Минут через пять дверь распахнулась.

На пороге стоял Путилин.

Я быстро взглянул на него, и чувство огромного удивления и искреннего восхищения охватило меня: он был так же невозмутимо спокоен, как и всегда, как будто ровно ничего не случилось!

— Ты слышал? — подошел я к нему.

— Слышал.

— И видел?

— Что именно?

— Этот таинственный огонь и этого призрака в белом?

— Видел. И на более близком расстоянии, чем ты.

— И ты... ты совершенно спокоен?! Ты говоришь об этом таким тоном...

— А что же мне прикажешь делать? Падать со страха в обморок? Да? Браво, хорошо бы я был «великий», как иные меня называют, сыщик! Нет уж, это я предоставлю лучше вам — нервным докторам, любящим заниматься чертовщиной и прочими оккультными благоглупостями.

— Позволь, Иван Дмитриевич, — вспыхнул я, задетый за живое. — Есть мера всякому неверию и всякому все отрицанию. То, что сейчас произошло, есть факт реальный. Или, быть может, ты и это будешь опровергать? Быть может, у всех нас троих явилась моментальная массовая галлюцинация слуха и зрения?

— Вот что, доктор, этот спор мы закончим с тобой завтра, так как опять оба приедем сюда. А пока... пора по домам! Я устал и страшно

хочу спать.

И Путилин, заявив дрожавшему от страха старику сторожу, что мы приедем завтра (вернее, сегодня, ибо был уже третий час в начале) к ночи и, дав ему ассигнацию, взял меня под руку.

Мы вышли через кладбищенскую калитку.

— Экипаж наш я оставил в расстоянии полуверсты отсюда. Придется шлепать по грязи.

Было около четырех часов утра, когда мы расстались, условившись, что сегодня к ночи Путилин заедет опять за мной.

То, что страшнее всего

Путилин, по обыкновению, спал очень мало. В одиннадцать часов утра он уже вошел в свой служебный кабинет.

— Вот, ваше превосходительство, карточка. Этот господин дожидается вас.

Путилин взглянул на карточку и поморщился.

Сергей Иванович Разудайлов («Укус»)

Хроникер газеты «Петербургские сплетни»

— Что ему надо? — недовольно вырвалось у Путилина.

— По всей вероятности, жаждет каких-ни-

будь сведений для газеты, — усмехнулся дежурный агент.

— Укус... И псевдоним-то поистине богомерзкий. Ох уж эти репортеры! Никуда от них не спрячешься: кусают они, точно песьи мухи, сколопендры. Впустите его.

Через минуту в кабинет вбежал рысцой какой-то юркий господин в черном сюртуке с вылезшим из-под воротника галстуком.

Путилин нарочно принял чрезвычайно суровый вид.

— Господин Кусайлов? — отрывисто спросил он.

— Не Кусайлов, а Разудайлов, ваше превосходительство. А Укус — мой псевдоним.

— Виноват. Что вам угодно?

— Видите ли, ваше превосходительство... Наша газета ставит своим девизом не только описывать события, но стараться их предугадывать, так сказать, предвосхищать.

— То есть как это предвосхищать? — с удивлением поглядел на бойкого репортера Путилин.

— А очень просто. Тут все дело в нюхе. Допустим, пожара еще нет или убийства. Номер

газеты может выйти бледным, скучным. Как сделать, чтобы угодить публике, редактору, издателю и заработать одну-другую трешку? Очевидно, выход только один — надо предугадать пожар или убийство.

— Позвольте, сколько мне известно, пожары и покойников «предугадывают» только... собаки своим воем... — еле удерживаясь от смеха, серьезно проговорил Путилин.

— Хе-хе-хе! Ха-ха-ха! — почтительно рассмеялся репортер, стараясь замаскировать кислое выражение лица. — Честное слово, ваше превосходительство. Это очень остроумно.

— Однако я вас попрошу перейти к делу. Еще раз, чем могу служить?

— Виноват, продолжаю... Так вот, вчера, вернее, сегодняшней ночью я мог не только предвосхитить необычайное происшествие, но дать вполне правдивое описание того, что я видел, узнал.

«Что он, рехнулся, что ли? Что он за чепуху мне несет?» — с досадой подумал Путилин.

— Слушайте, господин Кусайлов... виноват, Разудайлов! Во-первых, если вы могли что-либо описать правдивое, то почему вы

этого не сделали, а во-вторых, какое до всего этого мне дело?

— Вам-то, ваше превосходительство?

— Да, мне-то! — уже раздраженно вырвалось у Путилина.

Репортер хитро прищурился:

— А что вы думаете, ваше превосходительство, если бы сегодня в газете появилась трескучая статья под таким канальским заголовком: «Путилин — на Охтенском кладбище! Страшная ночь! Таинственные видения! Путилин среди выходцев из могил отыскивает страшного преступника!» Да, что вы думаете относительно этого?

Путилин был поражен донельзя.

Он даже привстал, с суеверным ужасом глядя на хроникера.

— Вы... вы откуда же это узнали?

Лицо репортера сияло торжеством.

— Что, правда это? Видите, ваше превосходительство, я доказал вам, что иногда можно предвосхищать события.

— Бросьте болтать ерунду! — резко проговорил Путилин. — Скажите лучше, как вы проследили меня?

— Очень просто: я слежу за вами так ревностно, как ни один агент не следит за преступником. Что поделаешь: жена, дети, пять человек детей. Надо пятаками зарабатывать кусок насущного хлеба.

— Нет, честное слово, вы — молодец. Я был бы доволен, если бы у меня все агенты походили на вас! Что же, вы были на кладбище?

— Был. Мы приехали туда втроем.

— Как втроем? Кто же еще двое?

— Я, вы и доктор, ваш приятель.

— Где же, черт возьми, вы находились?!

— Позади... на рессорах... хотя, откровенно говоря, путешествие было не из приятных, так я весь был облеплен грязью, но зато выгодное: оно не стоило мне ни пятиалтынного!

— И что же вы видели на кладбище?

— Откровенно говоря, со страха — я ужасно боюсь кладбища ночью — я мало что видел. Что-то дьявольски завывало, мелькал какой-то огонь. Ей-богу, я боялся, как бы вы с вашим доктором не угодили в преисподнюю.

Путилин хохотал до слез.

— Ну-с, вернувшись, я бросился в редакцию писать сенсационную статью, но тут ме-

ня взяло раздумье, а что, дескать, если этим я разрушу какой-нибудь гениальный план, ход Путилина? И я скрепя сердце бросил в корзину начатую статью.

— Ну, за это большое вам спасибо. Вы — молодец. Вы правы, если бы вы поместили статью, вы оказали бы мне и правосудию обратительную услугу. Что же в награду вы хотите получить?

— Сведения, самые подробные.

— Хорошо, когда это будет возможно, я вам их дам. Вам — первому.

— Вы позволите, ваше превосходительство, навещать вас?.. Что вам стоит дать иногда какой-нибудь материалаец...

— Что с вами делать — приходите! — улыбнулся Путилин. — От вас ведь никуда не скроешься.

Когда сияющий «Укус» вышел из кабинета, Путилин схватился за голову:

— Честное слово, вот то, что страшнее всего!

Объяснение «ужасов» и «тайн»

Действительно, в начале одиннадцатого часа вечера ко мне вошел Путилин.

— Признайся, доктор, тебе не особенно улыбается мысль вторично испытать ужас перед мрачными тайнами Охтенского кладбища? — здороваясь со мной, шутливо спросил он. И рассказал о визите репортера.

— Откровенно говоря, да. Но, с другой стороны, — мое любопытство сильно подстегнуто. Имей, Иван Дмитриевич, однако в виду, что я еду с тем условием, чтобы сегодня находиться бок о бок с тобой. Я предпочитаю всякой опасности, всякому ужасу глядеть в глаза, а не находиться от них на почтительном расстоянии.

— Ладно, ладно, мой храбрый доктор, — улыбнулся Путилин. — Я помню свое обещание, и сегодня ты будешь вместе со мной очень близко наблюдать таинственный свет и страшный призрак.

Чем ближе подъезжали мы к кладбищу, тем неприятно тоскливое чувство овладевало мною все с большей и большей силой.

То, что я видел и слышал вчера, вставало передо мною с поразительной наглядностью. Вот и оно, это унылое, мрачное кладбище. Как и вчера, нас встретил у ворот старик

сторож.

— Ну, что, старина, свет и призрак еще не показывались? — обратился к нему Путилин.

— Никак нет, ваше превосходительство, — угрюмо, с дрожью в голосе ответил сторож. — А выть — воет.

— Ну, вой — не беда. Это не так страшно.

И действительно, пока мы шли до сторожки, все тот же отвратительный унылый, печальный вой-свист проносился по царству мертвых.

— Кстати, я забыл тебе сказать, какая случилась непонятность, — обратился ко мне в сторожке мой друг. — Оказывается, знаменитый Домбровский, который проделал со мною такую хитроумную шутку с гробом о двух днах, бежал из пересыльной тюрьмы. Мне почему-то сообщили об этом только вчера. Наши милые порядки... Вчера я получил от него опять письмо. На, прочти...

«Мой великий друг! Я снова на свободе и очень бы хотел Вас повидать. Где бы только нам с Вами встретиться? Ваш *Домбровский*».

— И вот вместо того чтобы ловить этого негодяя, по которому давно уж плачет висе-

лица, я трачу время на это глупое дело.

— Положим, оно, это дело, довольно загадочное, — ответил я.

Путилин сделал рукой жест досады.

— А, все ерунда. Слушай, как я объясняю себе все эти кладбищенские «ужасы» и «тайны». Свист-вой, который ты слышал, происходит по весьма простой причине: ветер попадает в отверстия какого-нибудь памятника и производит эти «страшные» звуки. Это нечто вроде фокуса с пустой открытой бутылкой, подвешенной на ветер.

— Ну, а таинственный свет?

— Это блуждающие огни. Как тебе известно, блуждающие огни есть не что иное, как фосфорическое свечение гниющих органических веществ, чем и объясняется появление их преимущественно на болотах и кладбищах.

— Гм, — задумчиво вырвалось у меня. — Твоя гипотеза довольно правдоподобна и остроумна. Но остается самое главное: появление призрака. Это-то ты как объяснишь?

— Да почти так же просто, друже, основываясь на тех же физических законах и явле-

ниях природы. Страшный призрак — есть явление чисто фантазмагорическое, миражное. Белый пар — туман, поднимаясь с сырой, полной мертвого тлена земли, начинает колыхаться. Мало-помалу он принимает причудливые очертания. В данном случае газообразный пар-туман принял фигуру человека. Разве тебе не известны случаи так называемой фантазмагорической игры тумана?

Я был поражен.

— Стало быть... стало быть, тут, во всей этой истории, нет ничего необычайного?

— Ровно ничего, — твердо произнес Путилин.

— Так для чего же мы тогда сюда приехали?

— Откровенно говоря, так... для очистки совести. Хочу еще раз понаблюдать это любопытное явление и... разубедить тебя в возможности появления покойников с того света.

Путилин снял пальто.

Я взглянул на него и попятился в страхе.

— Что это?

Он был одет в длинный белый хитон-саван

и казался выходящем из гроба.

— Что это, ты спрашиваешь? — усмехнулся он. — Маленький маскарад, доктор, с целью тебя попугать. Ты довольно меня пугал твоими оккультическими ужасами, позволь и мне отплатить тебе тем же.

И с этими словами он надел на лицо и голову сплошную маску черепа.

— Свят, свят, свят! — в ужасе попятился старик сторож, вошедший в эту секунду в свою хибарку. — Б... б... батюшки...

— Не бойся, старина, это я! — рассмеялся Путилин, сдергивая с себя страшную маску. — Ну, а теперь идем, доктор!

Мы вышли из сторожки и пошли вчерашней дорогой.

Несмотря на простое разъяснение Путилиным таинственных явлений, я не скажу, чтобы был вполне спокоен.

Сердце билось несколько неровно, моментами замирая.

Вскоре мы подошли к группе памятников.

— Ну, вот и памятник «медного змия», доктор, — шепнул мне великий сыщик.

Я пристально взгляделся в ночной темно-

те и увидел этот бассейн, этот высокий страшный крест со спускающейся по нему медной змеей.

И опять, как и в первый раз, чувство какого-то холодного ужаса пронизало все мое существо.

— Иди сюда... за мной... нам надо войти сюда, чтобы отсюда удобнее наблюдать.

Я услышал тихий скрип железа. Пристально всмотревшись, я увидел, что Путилин открыл дверь склепа-часовни памятника, находящегося рядом со зловещим памятником «медного змия».

— Осторожнее спускайся, здесь ступени... Вот так, сюда...

В склепе

Мы находились в наружной части склепа. Признаюсь откровенно, меня охватила нервная дрожь.

Посещение ночью чужого могильного склепа — вещь не из особенно приятных...

— Сейчас я подниму крышку люка, и мы спустимся вниз, — уловил я еле слышный шепот Путилина.

— Как?! Вниз? В самый склеп? К гробу?

— Тс-с!.. Ни звука!

Крышка люка поднялась, и мы стали спускаться. Путилин подпер крышку рукой и проговорил:

— Стоп. Ниже не надо идти. Мы останемся здесь, на лесенке, и в это узкое отверстие склепного люка отлично будем все видеть...

Невероятно тяжелый, спертый воздух могильного склепа ударял мне в лицо.

Прошло порядочное количество времени. От неудобного положения голова и ноги затекли.

Вдруг до моего чутко напряженного слуха донесся какой-то шорох. Все ближе... ближе...

Получалось впечатление, будто кто-то тихо, осторожно подкрадывается...

Миг — и около памятника «медного змия» вспыхнул ярко-красный огонь, и в тот же момент на бассейне, прислонясь к высокому кресту со змеей, появилась высокая белая фигура.

Несколько секунд призрак махал белыми рукавами, затем свет погас.

— Ради бога, ни звука... затаи дыхание, — зашевелились губы Путилина. — Смотри...

смотри...

Я увидел, как белая одежда призрака вдруг отлетела в сторону...

Теперь на могиле копошилась черная фигура. Она низко-низко наклонилась над бассейном-памятником, и вдруг часть медного бассейна приподнялась.

Высокий крест со змеей закачался.

Невообразимый ужас охватил меня. Такого ужаса я еще никогда не испытывал в моей жизни...

— Скорей спускайся вниз! — шепнул мне Путилин, быстро отпуская руку от дверцы люка.

Мы очутились в полнейшей тьме в могиле-склепе, точно заживо погребенные.

Спустившись вниз, я почувствовал под ногами каменный пол и налетел на какой-то большой твердый предмет.

— Что это? — в испуге вырвалось у меня.

— Гроб владельца сего склепа, доктор, — невозмутимо ответил Путилин.

На одну секунду мелькнул свет его потайного фонаря.

— Ну, скорей, прячься за гроб!

Не прошло и нескольких минут, как я услышал, что дверца люка приподнимается.

Мысль, что призрак лезет к нам, наполнила мою душу невыразимым трепетом.

Раз! Раз!.. Раз!.. — услышал я падение комьев земли.

Земля сыпалась в склеп, попадая на гроб, на мою голову, руки, плечи.

«Великий Боже! — пронеслось у меня в голове. — Что же это такое? Нас заживо хоронят?!»

Крышка люка захлопнулась.

Я услышал, что Путилин скидывает пальто и вынимает потайной фонарь.

— Слушай, сейчас я поднимусь по лестнице и буду у самой крышки люка. Лишь только ты услышишь мой возглас, бросайся за мной!

Минута, другая... И вдруг до меня донесся громовой голос Путилина:

— Зачем ты, негодяй, нарушаешь мой мертвенный сон?!

Ужасный крик, полный смертельного страха, раздался вслед за этими словами.

Ничего не понимая, дрожа всем телом, я бросился вверх по ступенькам склепа и вы-

скочил из отверстия люка.

Моим глазам представилась следующая картина.

Путилин, во всем белом, с головой черепа, направлял свет фонаря на черную фигуру высокого мужчины.

Фигура мужчины была полна непередаваемого ужаса! Лицо перекосилось, глаза готовы были выскочить из орбит, руки были простерты вперед, словно защищаясь от чего-то бесконечно страшного.

— А-а-а!.. А-а-а!.. — вылетало из его искривленного рта.

— По мертвецам заходил, негодяй! Живых людей мало тебе? — не своим, а каким-то загробным голосом продолжал греметь Путилин.

И вдруг, быстро сорвав с себя маску черепа и белый хитон-саван, он громко расхохотался и направил на обезумевшего от ужаса человека блестящее дуло револьвера.

Могильный крот

— Ну, господин Домбровский, как вы себя чувствуете? Нашла коса на камень? Да? Вы спрашивали меня в письме, где мы с вами

увидимся? Видите — где, в самой таинственной обстановке, у двух гробов, в двух могилах, с той только разницей, что мы находились действительно у гроба, а вы... вы еще не докопались до двух гробов, лежащих «под медным змием».

— Черт... вы?! Путилин?! — раздался бешеный вопль знаменитого мошенника-убийцы, короля воров.

— Я, как видите, собственной своей персоной, а это — друг мой, доктор... Ну, а теперь — ручки ваши позвольте, господин таинственный призрак, пугающий кладбищенских сторожей и собирающийся обворовывать гробы мертвецов! Предупреждаю вас: одно движение — и я убью вас, как собаку. Таким негодьям давно было бы пора покоиться в гробу... только не с двойным дном.

Понимая, что выхода, спасения нет, король мошенников протянул великому русскому сыщику обе руки, на которые тот и надел ему железные браслетки.

Я был так поражен всем случившимся, что не мог выговорить буквально ни одного слова.

Через два часа страшный преступник был заключен под усиленную стражу.

Триумф Путилина был полный.

— Скажи, пожалуйста, Иван Дмитриевич, — спросил я его на другой день наших страшных походов, — зачем ты плел мне всю эту абракадабру о блуждающих огнях, о фантазмагорической игре тумана и так далее? Ведь, очевидно, ты уже подозревал кое-что?

Путилин рассмеялся.

— Конечно, подозревал. А говорил я тебе это для того, чтобы уготовить тебе неожиданный эффект. Ты знаешь мою слабость. Я люблю эффектные концы моих розысков-походов.

— Как ты дошел до отыскания ключа к этой таинственной истории?

— Видишь ли, доктор, — начал он после паузы. — Ни на одну минуту я не верил, что тут замешаны таинственные явления загробного мира. Я ведь, как ты меня называешь, позитивист чистейшей воды, да и профессия моя приучила меня считаться с фактами реальной жизни, а не оккультно-мистической.

Мне сразу пришла мысль о том, что я имею дело с типами «воров-могильщиков» или же... впрочем, об этом после. Памятник «медного змия» сразу обратил мое внимание. Нужно тебе сказать, что история его мне хорошо была известна, и я старика сторожа расспрашивал о ней с целью узнать, как легенда разукрасила ее. В общих чертах он передал историю страшного памятника верно. Представь себе, что действительно и змеи были. Сын настаивал на том, что его родители упростили старика-приказчика положить все их огромное состояние в их гробы, дабы ничто не досталось их сыну, которого они прокляли за «безбожие», «разврат» и воровство. И вот у меня мелькнула догадка, не замешан ли в таинственных видениях сын, то есть не он ли желает дорыться до гробов, якобы хранящих сокровища. Я, как ты видел, очень внимательно осмотрел памятник и вдруг заметил поперечный разрез медного бассейна. Очевидно, стоило только приподнять одну из половин его, как весьма легко можно было начать подкапываться к могиле.

Осматриваясь по сторонам, я увидел в ре-

шетке склепа комья земли. Решетка была закрыта старым ржавым замком. Я попробовал его открыть, и... он оказался взломанным. Спустившись в склеп, где стоит гроб, я увидел свеженабросанные кучки земли. Для меня стало несомненным, что могилу под памятником «медного змия» подкапывают. Но кто? Вот вопрос.

Этот таинственный свет, это появление призрака был фокус, устраиваемый с целью устрашить сторожа и иных, дабы никто не решился ночью подходить к страшной могиле и тем самым мешать страшной работе. Вчера, вернее, сегодня я навел справки о сыне погребенных под «медным змием». Оказывается, десять месяцев тому назад он умер от тифа в одной из больниц. Вчера я получил письмо от Домбровского.

«Не он ли?» — мелькнула у меня мысль. И, как видишь, я угадал...

Калиостро XIX века

Великосветские посетители

Как-то в разгаре зимы 18** года, особенно памятной мне по массе трудных дел-розысков, выпавших на голову моего гениального друга И. Д. Путилина, сидели мы с ним в его кабинете и вели задушевную беседу.

Разговор, в котором мы вспоминали удачные и жаркие схватки с только что пойманными мошенниками и страшными злодеями-преступниками, вдруг перешел на масонство, на массу лож тайных обществ.

Путилин оживился.

— Знаешь, доктор, с каждым днем наше высшее петербургское общество все более и более увлекается масонством, этим иноземным фруктом.

— Помилуй бог, Иван Дмитриевич, — шутливо заметил я, — уж не собираешься ли ты сам вступить в какую-нибудь ложу масонов?

Путилин рассмеялся.

— Благодарю тебя за столь важное мнение о состоянии моих умственных способностей! Нет, доктор, дело не во мне, а в том, что все

эти тайные общества «белых», «красных», «фиолетовых» братьев, с их таинственными ритуалами, с их Великими Жрецами и Великими Магистрами, кажутся мне гораздо опаснее победного шествия скопческого и хлыстовского учений. Эти последние — более явны, и цель их — прямее. Не то — масонские ложи. Ясно, что все эти «белые» и «фиолетовые» братья таят в себе какую-то невысказанную тайну, и, каюсь, меня это сильно интригует.

— Но позволь, Иван Дмитриевич, ведь все эти «братья» у нас, в Петербурге, — представители хорошего общества, набросившиеся просто на эту модную забаву-игрушку с таким же несерьезным, легкомысленным жаром, с каким они вообще набрасываются на все, что идет с пленительного Запада, начиная с модных брюк, духов, перчаток и кончая французскими романами.

Путилин задумчиво покачал головой.

— Боюсь, что ты не прав, доктор... Наши «братья» — винтики, поршни и иные части очень сложной масонской машины. Но... кто главная пружина? Где та сила, которая пи-

тает и приводит в движение эти винтики, поршни?..

— Учение. Известный культ. Абстрактная теория.

— Не облеченная в плоть и кровь? Не на двух ногах?

— Ну, разумеется, есть более яркие, сильные прозелиты, адепты-фанатики, организующие все эти различные тайные ложи-общества.

Путилин не успел ответить мне, как в кабинет вошел агент и подал визитную карточку.

— «Граф Александр Сергеевич С.» — прочел вполголоса Путилин.

Это была громкая фамилия известного аристократа-богача.

— Попросите графа! — отдал он приказ агенту и пошел навстречу важному посетителю.

Вошел граф С.

Это был блестящий тип истого аристократа, холодного, надменного и, разумеется, самовлюбленного до конца своих холеных ногтей, лет сорока пяти-шести.

— Я к вам, любезный господин Путилин, — начал он, небрежно подавая руку моему другу, и вдруг осекся.

Взгляд его красивых, холодных серых глаз остановился на мне.

— Это, граф, неофициальный, но неизменный и энергичный мой помощник, доктор Z. Если вам угодно было пожаловать ко мне по делу, вы можете не стесняться доктора и говорить так же спокойно и откровенно, как если бы его не было, — невозмутимо проговорил Путилин.

— А-а, — процедил сквозь зубы великолепный экземпляр из породы тех господ, которые верят в преимущество белой кости и голубой крови.

Он слегка кивнул мне головой и, сев в кресло у письменного стола, обратился к Путилину:

— Да, я к вам по делу...

— Я — весь внимание, ваше сиятельство.

— В сегодняшнюю ночь из моего письменного стола неизвестно каким таинственным образом исчезли восемьдесят тысяч рублей, — начал граф С. — Около часу ночи я

приехал из клуба, прошел на свою половину, вернее, в свои три комнаты: кабинет, спальню и умывальную. Графиня еще не спала. Она пришла ко мне, рассказала, как дивно сегодня пел Тамберлик, и скоро ушла. Я по своей всегдашней привычке запер дверь кабинета на ключ и остался один, впрочем, не совсем один, а с моим верным догом Ральфом. Мне понадобилось письмо. Я открыл ящик письменного стола. Деньги лежали так, как я их положил: четыремя пачками поверх бумаг. Я пришел в спальню, разделся и скоро заснул. Проснулся я довольно рано, встал и сел за письменный стол, чтобы проглядеть отчет управляющего одного из моих имений. Открыл ящик стола, и крик удивления вырвался из моей груди. Деньги исчезли. Тщетно я перерыл все до последней бумажки, денег не было, они пропали.

— Скажите, граф, ваша половина имеет только один вход, именно ту дверь, которую вы заперли на ключ?

— Только одну.

— И в нее ночью никто не мог войти?

— Безусловно, никто. Нужно вам сказать,

что мой чуткий дог Ральф охраняет меня превосходно. Если бы кто-нибудь из прислуги или воров попытался бы даже пошевелить ручкой двери, он поднял бы такой громовой лай, что я, конечно, сейчас бы проснулся.

— Где спит ваша собака?

— Как раз в кабинете, на ковре у письменного стола.

— Ваша собака здорова сегодня? Вы ничего не заметили в ней болезненного?

— Абсолютно ничего. Ральф весел и радостен, как всегда.

— А вы не допускаете мысли, что кто-нибудь... ну, хотя бы из вашей прислуги спрятался с ночи в вашем кабинете или в иных комнатах?

— Нет, не допускаю. Во-первых, дог учуял бы врага, а во-вторых, я после страшного убийства австрийского военного агента при нашем дворе, преступления, раскрытого вами же, господин Путилин, взял себе за правило, прежде чем ложиться спать, внимательно осматривать все, буквально все в моих комнатах. Я осматриваю гардины, заглядываю под шкафы, под кровать. Все это проделал я и

вчера.

— Вы сообщили в вашем доме о случившемся?

— Никому, за исключением жены.

— Графиню, конечно, это поразило?

— О да! С ней чуть дурно не сделалось. Вы, конечно, понимаете, господин Путилин, что мы взволнованы не пропажей этой незначительной суммы, а таинственностью этой пропажи. Мы, стало быть, не защищены в нашем доме от появления неведомых злодеев, проникающих через запертые двери. Вот я и решил обратиться к вам с большой просьбой расследовать это темное дело.

Путилин несколько минут помолчал, что-то обдумывая.

— Хорошо, граф, — нехотя проговорил он. — Я не считаю себя вправе по долгу службы отказывать вам в этом, хотя...

— Что «хотя»? — удивленно поднял брови граф С.

— Хотя... я страшно занят в настоящее время. Я должен посетить ваш дом, чтобы лично осмотреть место преступной кражи. Вы позволите приехать к вам вдвоем с доктором?

— О, пожалуйста! — вставая и прощаясь, ответил аристократ.

Когда мы остались одни, я обратился к Путилину:

— Не правда ли, случай не из обыкновенных?

— Сверхъестественный, доктор, — усмехнулся он.

Не прошло и полчаса, как тот же агент подал Путилину новую карточку.

На ней стояло: «Князь Владимир Андреевич Д***».

— Ого! — вырвалось у Путилина.

— Что это сегодня за сиятельные посещения? — прошептал я, сильно заинтересованный.

Вошедший князь Д. являлся полной противоположностью графу С. Чрезвычайно милый, любезный, с добрым, открытым лицом, живой до удивительности, несмотря на изрядную толщину.

— К вам, дорогой господин Путилин, к вам — краса и гордость русского сыска! — затрубил он, протягивая руку сначала Путилину, а потом мне. — Черт знает что такое!

— Садитесь, князь. Успокойтесь... В чем дело? Что случилось?

— Да пакость, говоря откровенно, преизрядная. Сегодняшней ночью...

— Вас обокрали, князь?

Симпатичный толстяк вытаращил на Путилина глаза.

— А... а вы почему это знаете?

— Я должен знать всего понемногу. Что же у вас похищено, князь?

— Собственно, не у меня, а у моей жены. У нее украдены бриллианты и другие драгоценности на очень солидную сумму.

— Благоволите, князь, рассказать мне, как было дело, все подробно.

— Вчера мы возвратились с бала около трех часов ночи. Жена направилась к себе, я — к себе. Вдруг я вспомнил, что забыл ей передать одно важное известие. Когда я вошел в будуар, камеристка уже помогла жене раздеться и облачиться в пеньюар. Я застал жену за тем, как она складывала свои драгоценности в футляры. Передав ей то, что было надо, я пожелал ей покойной ночи и ушел. Я слышал, как она заперла изнутри дверь на ключ.

Утром, часов в двенадцать, только что я собирался ехать на экстренное заседание Совета, как вдруг является ко мне княгиня. Она была страшно взволнована, бледна, растеряна.

«Мой друг, — сказала она мне, — у нас несчастье. У меня исчезли бриллианты». — «Как? — воскликнул я. — Когда? Каким манером?» — «Я проснулась и, прежде чем позвонить камеристке, подошла к туалетному столу... футляры были пусты».

Толстяк князь в волнении прошелся по кабинету Путилина.

— Так как ночью войти к моей жене никто не мог, ибо дверь была заперта на ключ, то выходит, что единственным человеком, на кого может пасть подозрение в похищении бриллиантов.

— ...Являетесь вы, князь, — улыбнулся Путилин.

— Честное слово, дорогой господин Путилин, это так! — с шутливым пафосом воскликнул симпатичный князь Д. — Но так как все-таки бриллианты своей жены я не похищал, то...

— ...То я должен помочь отыскать настоя-

щего вора. С большим удовольствием сделаю это для вас, князь.

По уходе князя я обратился к своему славному другу:

— Однако какое странное совпадение: в одну и ту же ночь две такие крупные кражи.

— Две? Я не поручусь, что сегодня или завтра ко мне не поступят новые заявления, — усмехнулся он.

— Признаюсь, тебе предстоит трудная задача — раскрыть эти преступления. Сколько я понимаю, они совершены чертовски ловко, таинственно.

— Ты прав, но только отчасти, доктор. Самое легкое в этом деле — отыскать похитителей...

— Как?! — перебил я Путилина. — Ты находишь очень легким делом отыскать похитителей?

— Прошу не перебивать меня, доктор... Да, говорю я, самое легкое — отыскать воров, но самое трудное — отыскать то место, то лицо, куда попали деньги и бриллианты.

Я ровно ничего не понял из этого объяснения моего друга.

— Бог с тобой, друже, ты постоянно любишь угощать меня загадками!..

О кабинете и будуаре

Надменный аристократ граф С. провел нас в свой роскошный кабинет.

Прежде чем войти в него, Путилин стал внимательно осматривать дверь.

— Я попросил бы, ваше сиятельство, дать мне какой-нибудь высокий стул.

Рука графа потянулась к сонетке.

— Нет, в ваших личных интересах я предпочел бы, чтобы вы не звали прислугу, а дали стул мне сами, граф. Вы ведь говорили, что пока никто еще в доме, за исключением вашей супруги, не знает о случившемся. Зачем же нам посвящать прислугу в наши предварительные розыски?

Великолепный граф передернул плечами и из соседней залы принес дорогой палисандровый стул.

Честное слово, я хохотал в душе! Наверно, этот гордый барин впервые подает стул мужчине.

Путилин встал на него и стал что-то осматривать в верхней части высокой двери.

Через несколько секунд он слез со стула, и мы вошли в кабинет.

— Деньги похищены из этого письменного стола? — спросил он.

— Да.

— Покажите, пожалуйста, из какого ящика. — Граф С. указал на верхний правый ящик. Путилин открыл его и низко-низко наклонил к нему свое лицо, так что его нос касался края ящика. Прошло несколько секунд.

— Скажите, пожалуйста, граф, какими духами вы душились? — вдруг задал он быстрый вопрос графу.

Тот удивленно поглядел на моего друга.

— Пардон, господин Путилин, — иронически произнес граф, — но... неужели это имеет какое-либо отношение к исчезновению денег?

— Я никогда не задаю пустых и ненужных вопросов, — холодно ответил Путилин. — Если я вас спрашиваю об этом, граф, стало быть, для меня это важно знать.

— Мои постоянные духи — «Опопонакс».

— Других вы никогда не употребляете?

— Нет.

Путилин захлопнул ящик письменного стола.

— Теперь, граф, я попросил бы вас дать мне возможность повидать вашу супругу, чтобы задать ей несколько вопросов.

Облако неудовольствия пробежало по лицу надменного аристократа.

— Вам это необходимо, господин Путилин?

— Необходимо, граф.

— Мне очень неприятно впутывать мою жену в какие-то полицейские допросы, дрязги.

В голосе графа С. слышались брезгливые ноты.

Путилин вспыхнул.

Этот пренебрежительный, презрительный тон взорвал его.

— Я совершенно не понимаю, для чего в таком случае вам угодно было обратиться за моей помощью, — почти резко отчеканил он. — Если допросы, как вы изволили их назвать — «полицейские», вас так коробят, то мне остается только откланяться. Имею честь кланяться.

И Путилин, сделав сухой полупоклон, на-

правился к двери.

Граф опешил.

— Ради бога, вы, кажется, обиделись... вы не так меня поняли... Я хотел только сказать, что графиню может все это расстроить... она такая нервная... Я сейчас узнаю, дома ли она, и попрошу ее сюда.

— Пожалуйста, — холодно бросил Путилин.

— О, мы скоро поменяемся ролями, голубчик! — тихо прошептал он вслед графу.

Минут через пять в сопровождении своего великолепного супруга, шурша шелком роскошного выездного туалета, в кабинет вошла графиня С., высокая, стройная красавица с холодным лицом античной камеи.

— Вот, *Lili, monsieur* Путилин, звезда сыска, был так любезен, что согласился помочь моей маленькой неприятности, — проговорил граф.

Графиня любезно протянула руку «звезде сыска».

— Это так мило с вашей стороны, *monsieur* Путилин...

Путилин пожал крошечную аристократи-

ческую руку.

— Я хотел, графиня, задать вам всего два вопроса, — начал он. — Скажите, пожалуйста, когда вчера ночью, после концерта, вы входили кабинет графа, вы не заметили случайно, раскрылась ли вся дверь, то есть обе ее половины, или же только одна?

— Право, не помню... Это такая мелочь, на которую я не обратила внимания...

— Мерси. Теперь последний вопрос: ваши драгоценности все целы?

— Все. У меня ничего не пропало, — холодно ответила графиня.

Путилин поклонился и, прощаясь, бросил графу:

— Лишь только что выяснится, я не премину уведомить вас.

От графа С. мы тотчас отправились к князю Д.

Тут ожидал нас совсем иной прием.

Князь Д. шумно и радостно приветствовал моего замечательного друга.

— Спасибо, большое спасибо, что приехали.

— А княгиня дома? — спросил Путилин.

— Нет. Она уехала часа два тому назад.

— Могу я осмотреть будуар вашей супруги, князь?

— Ну, конечно, конечно!

Пройдя анфиладу роскошных комнат, мы очутились перед дверью будуара княгини.

Путилин опять проделал ту же таинственную и непонятную для меня операцию со стулом и дверью, что и у графа С.

Князь глядел на Путилина, взгромоздившегося на высокий стул, с выражением искреннего недоумения и любопытства.

— Помилуй бог, господин Путилин, какие акробатические кунштюки изволите вы проделывать!

— Что делать, князь? — рассмеялся Путилин. — Для блага правосудия приходится еще не то откалывать.

В то время когда мы находились в будуаре, где мой друг чрезвычайно рассеянно и невнимательно скользил глазами по различным предметам этого утонченно изящного гнездышка великосветской барыни, у дверей будуара раздался испуганный женский крик.

Мы все обернулись.

На пороге стояла с бледным, испуганно-взволнованным лицом очаровательная блондинка, напоминающая собою хорошенькую кошечку.

Князь бросился к ней.

— Marie, mon ange, как хорошо, что ты вернулась! — целуя ее руки, воскликнул князь.

— Что... Что это значит? Кто эти господа? — дрожащим голосом спросила княгиня Д., указывая на нас. Князь пояснил.

— А-а, — произнесла она и рассмеялась как-то нервно. — Простите, господа, но приключение с бриллиантами этой ночью так расстроило мои нервы, что я не могла удержать крика испуга при виде вас в моем будуаре.

— Уж не приняли ли вы, княгиня, меня и моего друга за воров? — ответил ей в тон Путилин.

Затем он задал ей несколько незначительных вопросов: крепко ли она спала, не слышала ли какого-нибудь подозрительного шороха и т. д.

Княгиня отвечала односложно, нервно.

— Ну, я не буду больше беспокоить вас,

княгиня, расспросами. Вы, как я вижу, сильно взволнованы, потрясены.

— Почему вы это думаете, monsieur Путилин?

— Во-первых, потому, что вы мне сами только что сказали про это, а во-вторых... посмотрите, как дрожат ваши руки. Скажите мне только одно, княгиня, желаете вы или нет, чтобы я употребил все старания для отыскания вора и бриллиантов?

— Что... что за вопрос?.. Ну, конечно, конечно, — ответила она.

Путилин поклонился и вышел из будуара.
Бал-маскарад. Монах-капуцин с золотой цепью

Прошло два дня, в течение которых я ни разу не видел моего друга.

Наконец, на третий день, под вечер, он приехал ко мне.

— Держу пари, доктор, ты ни за что не догадаешься, куда сегодня поздно вечером я повезу тебя! — оживленно проговорил Путилин.

— Да, действительно, догадаться трудно, Иван Дмитриевич. Ты ухитрился засовывать меня даже в могильный склеп.

Путилин расхохотался.

— Успокойся. Сегодня таких ужасов не будет. Наоборот, сегодня я хочу развлечь тебя, и поэтому мы отправимся на роскошный бал-маскарад светлейшей княгини Г. Что ты на это скажешь?

— Но как же мы попадем туда?

— Ты насчет приглашения? Не беспокойся: две пригласительных карточки у меня в кармане.

— В чем же ехать?

— Мы облачимся в домино и маски, вот и все.

...Около двенадцати часов ночи мы поднялись по дивной беломраморной лестнице княжеского дворца, тонущей в зелени и живых цветах.

С тихим смехом, с шутливыми возгласами, большей частью на французском языке, нас обгоняли мужские и женские фигуры великосветских замаскированных.

Из огромного вестибюля-атриума мы попали в бальный зал, весь залитый морем света, весь наполненный звуками великолепного струнного оркестра, скрытого на хорах зала.

От массы движущихся фигур, одетых в яркие фантастические костюмы, у меня в первую минуту зарябило в глазах. Но мало-помалу мы присмотрелись к этим сверкающим волнам газа, кружев, лент, ярких мант и т. д.

Кого тут только не было!

Точно в волшебной сказке здесь причудливо-прихотливо перепутались, переплелись все народы, все века, все стили, все периоды мировой истории.

Рядом с жизнерадостной Колумбиной стояла христианская мученица в белой рубашке-хитоне, опоясанной грубой веревкой; около непорочной весталки сверкала фигура вакханки с виноградным венком на голове, с кубком в руках; за огромным гладиатором шла фарфоровая куколка из vieux saхе французской маркизы.

Я прислонился к беломраморной колонне и глядел, действительно, и с удовольствием, и с интересом на эту чисто феерическую картину.

Несколько раз я различал в толпе фигуру моего великого друга.

С большой ловкостью он лавировал в этой массе замаскированных и, подобно другим, сыпал направо и налево, очевидно, шутиливо-маскарадные замечания, потому что какая-то пастушка со смехом ударила по его плечу веером.

Маскарад был в полном разгаре.

Проходя мимо меня, Путилин мне шепнул:

— Да не стой ты, как изваяние, все время у колонны. Смешайся с толпой... Еще привлечешь на себя чье-либо особенное внимание.

Я внял приказу моего друга и скоро очутился в самом маскарадном водовороте.

Запах духов, цветов и тонкой дорогой косметики заставлял кружиться голову и замирать сердце.

Мой друг стоял перед высокой, стройной женщиной, одетой Марией Стюарт.

— Какой мрачный костюм у вас, прелестная маска! — шутиливо заговорил Путилин.

— Мрачный? Вот это любопытно. Почему вы находите его таким, почтенное домино?

— Разве очаровательной маске неизвестна участь несчастной шотландской королевы? Ее прелестная головка скатилась с ее цар-

ственных плеч.

Тонкий веер из слоновой кости хрустнул в руках «Марии Стюарт».

— Нельзя сказать... нельзя сказать, чтобы вы были на высоте маскарадной болтовни. Ваши темы чересчур мрачны.

— А мне почему-то кажется, что вы, ваше величество, сами настроены сегодня несколько тревожно.

Сквозь разрез маски сверкнули глаза.

— В самом деле? Вы уж не прорицатель ли, любезное домино?

— Вы угадали, ваше величество. Я занимаюсь тайными науками, и для меня нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.

— Ого! — насмешливо вырвалось у «королевы». — Нельзя сказать, чтобы вы были очень скромны... Что же, может быть, вы можете отгадать и причину моей тревоги?

— Могу.

— Я вся внимание, господин чародей.

— Вы боитесь одного человека, боитесь мучительно, страшно.

Веер вторично хрустнул в руках «королевы».

— Но... вы напрасно боитесь *этого* человека. Бойтесь *другого*, который может довести вас если не до эшафота, то, во всяком случае, — до крупного скандала.

Проговорив это и низко поклонившись маске, великий сыщик отошел от нее и смешался с нарядной толпой гостей.

В эту минуту я увидел, что в зал вошел новый замаскированный гость.

Это был очень высокого роста монах-капуцин с поднятым на голову капюшоном и, кроме того, с маской на лице.

Под складками капуцинской рясы чувствовалось и обрисовывалось стройное, гибкое и, по-видимому, очень сильное тело мужчины.

Особенно интересна была походка монаха: это была походка мягкая, гибкая, подкрадывающаяся — зверя, большого хищного тигра.

Что особенно бросилось мне в глаза, так это великолепная золотая цепь, сверкающая драгоценными камнями, одетая на шею капуцина и спускающаяся ему на грудь.

— Иди налево в одну из гостиных за мной! — услышал я около себя шепот моего друга.

Мы прошли целым рядом гостиных и остановились в одной.

— Скорее, доктор, снимай свое домино и одевай мое. Мы должны обменяться ими.

— С нами крестная сила, Иван Дмитриевич! Что это: маскарад в маскараде?

— Браво! Это остроумно! Именно так. Но торопись!

Мы быстро переоделись и скоро опять входили в большую залу.

Мимо нас прошел высокий монах-капуцин, которому сопутствовала «королева Мария Стюарт».

Я ясно заметил, как она вздрогнула при виде меня и взяла под руку капуцина с великолепной цепью на шее.

Они скрылись в анфиладе тех роскошных, уютных гостиных, откуда мы только что вышли.

— Ты хорошо заметил эту красавицу в костюме Марии Стюарт?

— Да. Ты с ней ведь вел маскарадную интригу, мой великий друг? — шутливо ответил я. — Я не ожидал от тебя такого легкомыслия...

Путилин тихо рассмеялся.

— *Маскарадную* интригу? Гм... гм... Ты чертовски проникателен, мой знаменитый доктор. Так вот, если она подойдет к тебе и вступит с тобой в разговор, называя тебя чародеем, прорицателем, ты, уклоняясь от прямых ответов, неси какую-нибудь загадочную чушь, скажи, что сегодня же под утро сделаешь ее гороскоп и тому подобное. Только, ради бога, не ляпни какую-нибудь несуразность! Ты ведь поразительно рассеян, доктор.

Прошло минут пять-десять.

На пороге зала появились «Мария Стюарт» и монах-капуцин.

Я поглядел на них и заметил, что «королева», что-то тихо шепча монаху, не спускает с меня глаз и как бы показывает ему на меня.

«Что за оказия? Что надо этой особе от меня? Дался я ей, чтоб ей пусто было!» — пронеслось у меня в голове.

Непривычный ни к балам, ни к маскарадам, да в особенности таким блестяще великосветским, я чувствовал себя отвратительно.

К тому же домино, которое мне всучил мой друг-мучитель, оказалось изрядно длин-

ным. Я путался в его подоле и, того гляди, рисковал растянуться на зеркально скользком паркете.

— Хорошенькое, черт возьми, удовольствие, — бормотал я, вспоминая обещание Путилина «развлечь» меня. — Нет, я предпочел бы сидеть в склепе, где угодно, но только не тут.

Вдруг я, к ужасу, увидел, что королева, оставив капуцина, направляется прямо ко мне.

— Ну, таинственный чародей, не продолжим ли мы столь интересно начатую беседу? — услышал я подле себя серебристый голос.

— Сделайте одолжение, сударыня, — ответил я.

— Отчего вы меня не называете теперь «ваше величество»?

— Ваше величество? — удивленно спросил я. — С какой стати я буду вас так называть?

— Но, однако, всего несколько минут тому назад называли же вы меня так?

«Попался!» — ожгла меня мысль.

— Простите, ваше величество, я забыл, —

обливаясь потом, пробормотал я.

— Скажите же мне, кого же именно я должна бояться, дабы избежать эшафота?

«Час от часу не легче! Эшафота! Какой эшафот? Что за дичь несет эта барынька!»

— Гм... гм... Кого бояться, спрашиваете вы? И эшафот? Ну, разумеется, надо бояться палача! — выпалил я.

— Кого?! Палача?! — удивленно-испуганно вырвалось у «Марии Стюарт».

— Ха-ха-ха! — хрипло расхохотался я. — Не бойтесь... я... я пошутил. Видите ли, ваше величество, прежде чем ответить на ваш вопрос, кого вам следует бояться, я устрою ваш гороскоп, и тогда для меня все будет ясно. Да, да, уверяю вас...

— Но как же я узнаю предсказание гороскопа?

— А я вам письменно сообщу, — ляпнул я.

— Письменно? Вы? Мне? Но разве вы меня знаете?

— Вы забываете, сударыня, что для чароде-ев нет тайн, — нашелся я.

Она вздрогнула и порывисто отошла от меня. В это время Путилин подошел к высокому

монаху-капуцину.

— Однако, святой отец, несмотря на рясу, вы, кажется, большой поклонник хорошеньких женщин! — шутливо обратился к нему Путилин.

Монах пристально всматривался в маску его, словно стараясь прозреть за ней черты лица говорившего.

— Наш монастырь не гнушается женщин, ибо в Святом Писании нет ссылки на то, что женщин следует избегать, — раздался звучный, резкий, насмешливый голос капуцина.

— Честное слово, вот мудрый монастырь! — продолжал Путилин. — Быть может, такой справедливый взгляд царит у вас и на иные блага жизни?

— На какие, например?

— Ну, на деньги, на золото, на драгоценности.

— Почему вы думаете так, сын мой? — еще насмешливее спросил монах.

— Я сужу по драгоценной цепи, которую вижу на вашей груди, святой отец! — ответил ему в тон Путилин.

Рука монаха вздрогнула и как-то невольно

схватила за цепь.

— Удивительная цепь! Замечательная цепь! — как бы не замечая жеста капуцина, продолжал Путилин. — Быть может, святой отец, вы уделите мне минутную беседу... Пройдемте в одну из гостиных... Там так хорошо... прохладно... журчат фонтаны... зимний сад... поют птички.

— В этом я не могу отказать вам, сын мой, — все так же резко ответил монах.

— Вот здесь, например. Уединенно и сокровенно, — проговорил Путилин, входя в тонущую в полумраке гостиную.

Они сели на низенький, маленький диван-козетку.

— О чем же вы хотели беседовать со мною, сын мой? — первый нарушил молчание монах-капуцин.

— О многом, святой отец. Мне хотелось бы спросить вас, могу ли, например, я, если бы захотел, поступить в ваш монастырь, в ваше братство?

Резкий смех вырвался из-под капюшона и из-под маски.

— Вы как это: серьезно или же в шутку, по-

маскарадному, спрашиваете?

— Совершенно серьезно.

— Но, послушайте, дорогой мой, не находите ли вы, что это курьезно до последней степени? Мы оба на балу-маскараде, где все в костюмах. Почему вам пришла мысль, что я действительно монах-капуцин, словом, какое-то духовное лицо? А если я — офицер?

— Нет, вы — не офицер, — твердо отчеканил Путилин. — Офицер не может носить так ловко монашескую сутану.

— Дальше?

— А дальше то, что я согласен был бы при вступлении в ваше братство внести вклад. Я очень богатый человек. Не порывая связей со светом, я жажду постичь умом и сердцем те премудрости, какие ведомы вам. Двести, триста тысяч, сколько хотите, но... устройте мне вступление в ваш орден. Кстати, ваше братство какое: «белое», «красное» или «черное»? — быстро спросил Путилин.

Ваза с цветами упала со столика-козетки, так быстро вскочил монах-капуцин.

— Что с вами? — удивленно вскрикнул великий сыщик.

— Я... я нахожу, что наш разговор зашел слишком далеко. Маскарадная шутка имеет свои границы, пределы. Прощайте, сын мой! — насмешливо прозвучало под капюшоном.

— Нет, не прощайте, а до свидания, святой отец! — так же насмешливо ответил Путилин.

Некоторые уже уезжали.

Начался ранний разъезд. Мы быстро спустились по лестнице. Впереди, не замечая нас, шел высокий монах-капуцин.

В ту минуту, когда он вышел, вышли и мы из роскошного подъезда княжеского дворца.

Прошло несколько секунд, я обернулся, чтобы сказать что-то моему другу, как вдруг испустил возглас удивления.

Путилина не было. Путилин исчез на моих глазах!

Прождав и проискав его с полчаса, я один поехал домой, ломая голову над разрешением вопроса, куда он мог деться.

Эликсир вечной молодости и красоты

Было около десяти часов утра, когда я почувствовал, что кто-то толкает меня в бок.

Я протер глаза и увидел около себя Путилина.

— Ты?! Слава Ббогу, я не знал, что и подумать о твоём внезапном исчезновении. Куда ты провалился вчера, словно сквозь землю?

— Проваливаться я не думал, а просто мне пришла фантазия прокатиться на рессорах кареты.

— Это для чего еще? — спросил я, торопливо одеваясь.

— Чтобы продолжить маскарадную интригу, любезный доктор, — усмехнулся Путилин. — Я заехал к тебе на минутку, чтобы предупредить тебя, что я приеду к тебе часов в восемь вечера.

— По этому делу?

— По этому самому.

— Есть надежда на успех, Иван Дмитриевич?

— Кто знает, кто знает, — своей любимой поговоркой ответил Путилин, покидая меня.

Около восьми часов вечера я услышал знакомый звонок и поспешно открыл дверь.

К моему удивлению, Путилин был в своём естественном виде.

— Что это значит? Без переодевания, без грима?

— А ты полагаешь, что я постоянно должен щеголять в маскарадных костюмах? Торопись, нас ждет карета.

У подъезда моей квартиры стояла большая карета.

Когда я влез в нее, то испустил возглас удивления. Там сидела элегантно одетая дама с вуалью на лице. Напротив нее помещался высокий мужчина в меховом пальто.

Путилин вошел в карету, дверца захлопнулась, и карета понеслась быстрым аллюром.

— Ну, господа, позвольте вас познакомиться, — начал Путилин. — Доктор Z., моя барынька-агентша У, а это — мой верный агент Х.

И он громко расхохотался.

— Как? — воскликнул я в сильнейшем удивлении. — Может ли быть? Это вы, мои бесстрашные друзья?

— Мы, мы, дорогой доктор! — в голос ответили они.

— Помилуй бог, господа, это напоминает мне наше знаменитое похождение за ловлей

страшного горбуна-Квазимодо! Помните, нас было тогда тоже четверо?

Путилин довольно потирал руки.

— Интересно знать, на кого теперь мы устраиваем облаву! Иван Дмитриевич, скажи что-нибудь, наконец.

— Терпение, мой друг, — ответил Путилин. — Я — человек, а поэтому могу и ошибаться.

Карета свернула на одну из фешенебельных улиц столицы. Она стала замедлять ход и вскоре остановилась перед воротами, железными, решетчатыми, из-за которых был виден небольшой сад, разбитый полукругом. Прямо от ворот, посередине сада, широкая асфальтовая аллея вела к небольшому подъезду двухэтажного барского особняка.

В эту минуту, когда наша карета подъезжала к воротам, из них выехало щегольское купе, запряженное парой кровных рысаков.

— Так... так... тигр сосет кровь бедных жертв, — услышал я шепот Путилина.

Мы дали проехать карете, окна которой были наглухо закрыты шелковыми шторами, и въехали в ворота, направляясь к подъезду

особняка.

— Ну, княгиня, вылезайте! — шепнул Путилин агентше. — А ты, доктор, делай то, что будем делать мы.

Агентша-«княгиня» быстро выпорхнула из кареты и нажала кнопку звонка.

Путилин и агент Х. стояли полусогнувшись в карете, словно собираясь каждую секунду броситься из нее.

Дверь таинственного особняка полуоткрылась.

— Великий принимает? — услышал я голос агентши.

Теперь дверь распахнулась.

— Пожалуйста, ваше сиятельство! — донесся до меня вкрадчивый голос мужчины, стоящего у двери.

Не успел я опомниться, как в ту же секунду Путилин быстрее молнии выскочил из кареты, за ним — Х., и они оба бросились на отворившего дверь.

Ничего не понимая, я устремился к ним и увидел, как железная рука агента Х. сжала горло небольшого, худощавого человека, одетого во все черное.

— Ни звука, негодяй! Ни одной попытки поднять крик, вызвать тревогу! Если ты сделаешь хоть одно движение, я прикажу задушить тебя! — прошептал Путилин.

— Смилуйтесь!.. Пощадите!.. — взмолился черный человек.

— Теперь отвечай на вопросы. Где твой «великий»?

— Там, наверху, у себя.

— Он один?

— Один.

— Кто сейчас был здесь?

— Баронесса В.

— Княгиня Д. была вчера или сегодня?

— Нет.

Черного человека колотило от ужаса.

— Теперь слушай, любезный, — резко проговорил Путилин. — Ты проведешь нас в ту комнату, где твой повелитель принимает своих посетительниц. Вы заперли дверь, Х.?

— О да! — ответил любимый агент Путилина.

— Идемте, господа, а ты помни: малейший звук или обман с твоей стороны — и ты получишь пулю в лоб.

И Путилин направил на человека в черном блестящее дуло своего револьвера.

Мы тихо стали подыматься в бельэтаж по лестнице, убранной поистине более чем диковинно.

Длинный ковер был из черного сукна с изображением мертвых костей и черепов. По бокам лестницы стояли треножники, откуда вился тонкими струйками какой-то противно сладкий дымок.

При каждом шаге тихий звук какой-то незримо-таинственной музыки проносился и замирал где-то в отдалении.

— Ловко, ловко... молодец! — слышал я бормотание Путилина.

— Скажи, — тихо обратился он к нашему пленнику, — когда кто-нибудь приезжает к твоему «великому», как ты даешь ему об этом знать?

— Я... я подаю ему снизу условный звонок... Тогда он выходит и встречает...

— Ну, веди!

Мы прошли двумя темными комнатами и остановились перед аркой, закрытой черной драпировкой с такими же изображениями,

что и на ковре лестницы.

Путилин тихонько раздвинул ее и заглянул во внутренность таинственной горницы.

— Никого! Отлично...

Мы вошли в нее, и неприятно жуткое чувство овладело мною. Комната была вся задрапирована черным сукном.

У одной из стен ее стоял высокий, огромный черный аналой, позади его — какой-то замысловатый треугольник с тремя зажженными свечами и черепами, а сбоку — жаровня, в которой сверкали горячие уголья.

Свечи пылали багровым светом. Полосы его ложились на черные стены, давая иллюзию лужи крови.

Путилин зорко огляделся по сторонам.

— Гм... дело скверно. Комната пуста до удивительности.

Он быстро подошел к огромному аналою и попробовал его приподнять.

Аналой поднялся свободно, как легкий деревянный предмет.

— Нечего делать, придется... Ну-с, вот и все. Вы, Х., ведите негодяя вниз и по его указанию дайте звонок. В случае, если он обманет

нас, — пристрелите его. Ну, а вы, барынька, знаете, что вам надо делать? После звонка подымайтесь по лестнице, и... там все будет видно.

Мы остались одни.

— Нет, там мы рискуем или задохнуться, или ничего не видеть, — проворчал мой гениальный друг. — Ба! Да о чем я думаю? Мы отлично спрячемся под широкими складками спадающего с аналоя покрывала. Живо, живо, доктор!

Едва мы успели задрапироваться черным сукном, как резкий, какой-то переливчатый звонок пронесся по комнатам этой проклятой квартиры.

Прошло несколько секунд, и до нас донеслись голоса: мужской и женский.

Портьера раздвинулась, и в страшную комнату вошла высокая фигура мужчины, одетого в темно-фиолетовую сутану.

Черты лица его были резки, суровы.

На груди сверкала, переливаясь блеском драгоценных камней, большая золотая цепь.

— Ну, княгиня, что скажете? — прозвучал голос таинственного хозяина.

— Я... я в отчаянии, великий! — хрипло ответила «княгиня».

— Что с вами? Я не узнаю вашего голоса! — удивленно произнес «великий».

— Ах, я больная, я совсем простудилась. Я приехала к вам сказать, что нам... что мне угрожает смертельная опасность.

— Какая? — прозвучал насмешливый голос.

— За нами следит Путилин. Я погибла.

— Я это знаю. Но почему вы считаете себя погибшей?

— Но, боже мой, вы не знаете, что это за гениальный сыщик! Ни одно дело не остается нераскрытым, раз он за него принимается.

— Вы так думаете? Но вы, дитя мое, забываете одно: с таким противником, как я, вашему прославленному сыщику не приходилось еще бороться. Или вы не верите в меня?

Голос «великого» прозвучал резко, властно.

— Не знаю, не знаю, — с отчаянием воскликнула княгиня. — Я знаю только одно, что у меня под ногами точно наклонная плоскость... Я чувствую, что я лечу по ней... Мне

страшно, мне страшно!

— Вы не верите в то, что я обладаю чудесной силой и властью дать человеку вечную жизнь, вечную молодость и красоту? Вы усомнились в этом, несчастная?

Голос чуждедея теперь гремел.

— Если обнаружится... если он, этот страшный сыщик, раскроет все, я погибла... Ах, что вы со мною сделали!

«Княгиня» закрыла лицо, вернее, вуаль обеими руками и зарыдала.

— Это ни на что не похоже! — гневно вырвалось у «великого». — Неужели вы полагаете, что я, вновь возродившийся Калиостро, слабее какого-то сыщика? Ну, успокойтесь, княгиня, успокойтесь, мое милое дитя! Я вас не узнаю совсем... Будьте покойны, верьте мне, что о бриллиантах никто никогда не узнает. Вы ведь отлично знаете, на что мне нужны они. Вы знаете, как делается тот чудесный всемогущий эликсир, с помощью которого вы можете быть вечно любимы, вечно молоды, прекрасны? С помощью расплавленных бриллиантов. Целые века люди ломали голову над разрешением этой величайшей

тайны жизни, и вот наконец я разрешил эту проблему. Из горсти бриллиантов и других драгоценных камней получается несколько капель, всего несколько капель эликсира жизни. Эти капли пропускаются не через уголь, а через золото.

— Не знаю... Я начинаю сомневаться... мне все это непонятно...

— Как?! — загремел опять воскресший Калиостро. — Вы бросаете мне в лицо обвинение в шарлатанстве? Мне? Вы с ума сошли, княгиня!

— Я... я умоляю вас, оставьте меня в покое... Мне не надо вашего эликсира, мне ничего не надо, сделайте только так, чтобы это осталось в тайне.

Несколько секунд царило молчание.

— А вы... вы привезли деньги? — нарушил его кудесник.

— Нет, нет! Я не пойду на это! С меня довольно и одного ужаса.

— Дело нельзя останавливать на полпути. Я настаиваю, чтобы вы завтра привезли ту сумму, которую я назначил.

— Ни за что! — истерично выкликнула

«княгиня». — Вы — плут!

— А, вот как?!

В голосе «Калиостро» послышались гнев и затаенная угроза.

— Вы это сделаете, любезная княгиня, ибо вы в моих руках. Я вас попросил бы вспомнить о той пачке писем, которую вы передали мне и над которой я обещал произвести известные заклинания, дабы вернуть вам любовь вашего некогда пламенного друга сердца, вдруг охладевшего к вам.

— Я погибла! — простонала «княгиня». — Негодяй! Вы воспользовались моей глупостью... Я поверила вам, как святому отцу.

— Ха-ха-ха! — насмешливо расхохотался «Калиостро». — Но разве святых отцов просят быть пособниками в романтических похождениях-адюльтерах? Слушайте, бросьте всю эту комедию, и все пойдет отлично. Привезите завтра эти деньги, и вы получите от меня и эликсир, и пачку ваших писем, замороженных, ха-ха-ха, мною!

— Что мне делать? Что мне делать? — воскликнула «княгиня».

— Вам делать теперь больше нечего, те-

перь буду делать я! — загремел громовым голосом Путилин, выскакивая из аналоя.

Крик ужаса, смертельного страха огласил страшную комнату.

С перекошенным, побелевшим лицом отпрянул к стене и замер Калиостро девятнадцатого века.

Руки его были протянуты вперед, словно он хотел защититься от страшного привидения, от самого Сатаны.

— Что это?.. Кто это?.. — лепетал негодяй в фиолетовой сутане.

— Что это, спрашиваете вы, святой отец? Это последний акт маскарада, и не вчерашнего только, а того маскарада, который вы проделывали так долго. Кто я? Извольте, я вам скажу: я — Путилин.

Яростный вопль бешенства прокатился под черным потолком таинственной комнаты.

— Ни с места, «великий брат» — Кржинецкий! Эта штучка будет пострашнее ваших черепов и аналоев.

И великий сыщик направил на «мага» и «волшебника» револьвер.

— Ну-с, ведите теперь нас в ваш кабинет, господин Калиостро.

Послушно, покорно, как автомат, пошел впереди нас мошенник-масон.

Сзади него шел Путилин с револьвером в руке.

Когда мы вошли в кабинет его, Путилин указал на кресло.

— Ну-с, садитесь, брат Кржинецкий и давайте поговорим. Скажите, кроме графини С. и княгини Д., многих еще других пощипали вы «ad majorem Dei gloriam» — «для вящей славы Бога»?

Взгляд смертельной ненависти был ответом на этот вопрос.

— Я советовал бы вам, почтенный святой отец, не играть со мной в молчанку. Я вам объясню, почему. Если вы чистосердечно покаетесь во всех ваших проделках и возвратите то, что награбили, то... по всей вероятности, я поверну дело так, что вас просто вышлют из Петербурга. В противном случае — берегитесь! Я вас упрячу туда, где не помогут вам все ваши ордена и братства. Прежде всего потрудитесь отдать бриллианты и письма

княгини и деньги графа. Да, ну, живет, живет!..

Изрыгая проклятия, столь мало идущие к духовному одеянию, негодяй направился к вделанному в стене потайному шкафику.

Через полчаса мы везли «Калиостро» и его черного слугу. Агент Х. остался до прибытия властей в «таинственном» доме.

Две воровки

На другой день в 11 часов дня мы входили в квартиру графа С.

Он встретил нас со своей обычной надменностью.

— Что нового, господин Путилин?

— Это ваши деньги, граф? — показывая ему четыре пачки кредитных билетов, сухо спросил Путилин.

Возглас удивления вырвался из груди аристократа.

— Как? Да неужели вы отыскали их? Да, да, это они, мои деньги. О, поистине, вы — звезда сыска, господин Путилин! Но где они отыскались? Кто же украл их?

— На эти вопросы позвольте мне не ответить вам... Могу я видеть графиню?

— Да вот она сама, — проговорил граф. — Представь, Lili, деньги нашлись!

На пороге зала стояла графиня бледнее полотна. Ее глаза, широко раскрытые, были в ужасе устремлены на великого сыщика.

Путилин подошел к ней, пристально смотря на нее, поклонился и сказал:

— Советую вам, графиня, теперь быть очень осторожной и осмотрительной с деньгами и драгоценностями. Появился мошенник в лиловой сутане, который чрезвычайно ловко производит хищения даже... у королев.

— Lili! Что с тобой? Тебе дурно? — бросился граф к жене, которая вдруг зашаталась...

...Князь Д., как и в первый раз, встретил нас более чем радушно.

— Ну, князь, радуйтесь: я нашел бриллианты вашей супруги! — весело проговорил Путилин. — Позвольте мне лично вручить ей.

— Батюшка! Да неужели! Великий вы человек, дорогой господин Путилин!

Путилин вошел в будуар княгини, плотно прикрыв за собой дверь.

При виде его (как он потом рассказывал) княгиня замерла, жалобно-умоляюще глядя

на него.

— Успокойтесь, княгиня... Я не враг ваш, а друг. Берите с богом ваши драгоценности, а кстати и эту пачку писем.

Княгиня в ужасе закрыла лицо руками.

— Боже мой... Боже мой, — вырвалось у нее с отчаянием.

— Даю вам слово, что никто про это не узнает. Но да послужит вам это жестоким уроком на будущее время. Я рад, что мог спасти вас от позора.

Княгиня вдруг вскочила с кресла и со слезами радости и благодарности схватила руку великого сыщика, пытаясь ее поцеловать...

Во избежание скандала дело было замято и не дошло до суда.

— Как ты дошел до своей «кривой»? — спрашивал я потом моего Путилина.

— Видишь ли, до меня уже давно доходили слухи о том, что «прозелиты» масонских лож в России далеко не бескорыстно вербуют членов в свои ордена, братства. Что еще более мне было известно, так это то, что главное свое внимание они обратили на женщин как на материал-воск, из которого они могут ле-

пить все, что им угодно. «Загадочность» исчезновения денег у графа С. — первый плюс.

— Какой? — воскликнул я.

— Принимая во внимание его разъяснения о предосторожностях и собаке, я решил, что украсть деньги мог только свой человек. Какой? Да самый близкий, такой, чье приближение и вход в кабинет не вызвал бы лая собаки. Очевидно, жена. Я недаром влезал на стул и осматривал дверь. Мне надо было убедиться, не были ли шпингалеты двери с вечера открыты. И один взгляд убедил меня в этом. Оказывается, граф запер открытые дверцы дверей. Простое усилие извне — и запертая дверь отперлась совершенно свободно. Ласковый голос хозяйки — и страшный дог молчал.

О втором «преступлении» не стоит и говорить. Оно симулировано детски наивно. Но... у меня мелькнула мысль: не замешаны ли в этих сиятельных хищениях любовники? Я стал следить и... дошел до костюмированного бала. На нем, как тебе известно, я встретил и графиню «Марию Стюарт», и «великого». Его я проследил, в первый раз в моей жизни сидя

на рессорах кареты. Отсюда, увидев несколько экипажей, остановившихся у подъезда «таинственного особняка», я решил играть ва-банк... беспроигрышный. Остальное ты знаешь.

Поцелуй Бронзовой Девы (тайны варшавских иезуитов)

Бурная исповедь

— С скромный служитель алтаря приветствует вас, сын мой. Исповедь — великое дело, — ласково проговорил тучный, упитанный настоятель-ксендз N-го варшавского костела, когда перед ним — за исповедальными ширмами — предстала высокая, стройная фигура молодого красавца-графа Болеслава Ржевусского, сына местного магната. — Облегчите свою душу чистосердечным покаянием.

— Я прихожу к вам, отец мой, в последний раз... — несколько неуверенно начал молодой граф...

— Почему в последний раз?

— Потому что я люблю и скоро собираюсь жениться.

— Но разве женатые не исповедуются, сын мой? — удивленно вырвалось у служителя католической церкви.

— Вы не дали мне докончить. Я люблю рус-

скую, я собираюсь жениться на православной.

Лицо ксендза как-то сразу потемнело и сделалось угрюмо-суровым.

— Что ж, — усмехнулся он. — Таких случаев, к прискорбию, немало... Это дело вкуса и известного влечения. Но, конечно, вы сами будете пребывать в лоне святой католической церкви?

Молодой граф отрицательно покачал головой.

— Нет, — твердо произнес он.

— Как?! Вы...

Ксендз-исповедник даже отшатнулся от молодого человека.

— Я перехожу в православие. Родители моей невесты ставят непременно условием нашего брака мой переход из католичества в православие.

— И вы? — сурово, гневно спросил один из верных слуг ордена Игнатия Лойолы.

— И я принял это условие.

Какие-то хриплые звуки вырвались из груди духовника-иезуита.

— Я... я не верю своим ушам... Я не хочу, не

могу этому верить, вы шутите...

— На исповеди не шутят, отец мой, — серьезно ответил молодой граф.

— Вы, вы — единственный отпрыск высокочтимого рода Ржевусских, самых пламенных и верующих католиков, переходите в иную, чужую веру?!

— Чужая вера? Что это за странное определение, отец мой? Разве Бог — не один и тот же? Разве есть специально православный Христос и специально католический Христос?

— Не смешивайте Господа с церковью! — гневно прошептал исповедник.

— Я вот именно и не смешиваю, это делаете вы, разделившие Христа на разные алтари разных церквей, — в тон ему ответил взволнованно граф.

— Берегитесь! Вы богохульствуете. — Глаза фанатика-ксендза загорелись огнем бешенства.

— Я? Вы ошибаетесь. Если бы я переходил в магометанство, в иудейство — я мог бы понять взрыв вашего негодования, вашей духовной скорби. Но я перехожу в ту веру, кото-

рая высоко чтит Бога — Христа. Что же это вас так устрашает, отец мой?

— Вы переходите в веру тех, которые являются врагами вашего народа, ваших отцов, матерей, сестер и братьев.

— Позвольте, отец мой, вы затрагиваете уже ту область, которая менее всего может касаться вопроса веры, религии: вы переходите на политику. Но разве это уместно здесь, в храме, на исповеди, перед святым распятием? Или католическое духовенство отлично совмещает в себе служение политическим интригам со служением Богу?

Лицо ксендза стало багрово-красным.

— Еще раз повторяю вам: берегитесь! Вы начинаете издеваться над священнослужителями католической церкви. Вы с ума сошли! О, я узнаю в этом проклятое влияние православных изуверов... Сколько вы получили наставление от их попов?..

— Мне стыдно за вас, отец мой, — отчеканил молодой граф. — Вы — слуга Милосердного Бога, — позволяете себе предавать проклятию в святом месте таких же правоверных христиан, таких же христианских священно-

служителей, как и вы сами.

О, подлый орден Игнатия Лойолы живуч! Вы, оптом и в розницу торгующие Богом, вы остаетесь верны проклятому, вовсе не христианскому, завету: «Цель оправдывает средства». И вы, славшие людей на костер *ad maiorem Dei gloriam* («для вящей славы Бога»), действительно, не брезгуете никакими средствами. Я — не ребенок, отец мой... Мне отлично известны проделки католического духовенства, менее всего думающего о догмах христианского Евангелия. Прощайте. Я уйду отсюда примиренным с Богом, но не с вами.

И, поклонившись, граф повернулся, чтобы выйти из исповедальни.

Секунду — ксендз-исповедник стоял пораженный, словно оглушенный... Потом он вздрогнул и резко крикнул:

— Стойте, граф! Я вас предупреждаю, что сегодня же я сообщу об этом вашему отцу. Посмотрим, как он отнесется к вашему ренегатству.

— Вы сообщите? Но разве духовник имеет право рассказывать кому бы то ни было о том, что ему говорилось на духу?

— Для спасения погибающей души... для торжества церкви, — залепетал ксендз-иезуит.

Молодой граф рассмеялся.

— Ну, разве я не прав, когда только что сказал, что у вас «цель оправдывает средства»? Вы вот готовы быть клятвопреступником, дабы выслужиться перед вашим орде- ном, а заодно... и перед знатным, богатым магнатом. *Salvete*, падре!

— Погодите... стойте! — иступленно схватил за руку графа верный прислужник католической церкви. — Я умоляю вас именем Бога отказаться от вашего безумного решения!

— Нет! — резко ответил Ржевусский.

— Но вы забываете одно, что Бог иногда очень сурово карает вероотступников. Знаете ли вы это, безумец? — свистящим шепотом пронеслось по исповедальне вопрос фанатика- ксендза.

Глаза его сверкали. Что-то молчаливо угрожающее было видно в этом сверкании, было слышно в этом шепоте.

— А-а, — отшатнулся от него молодой граф. — Я вас понимаю, святой отец: вы грозите

те мне мезтью не Бога, а мезтью Его служителей? Что ж, я и этого не боюсь... Работайте, старайтесь, но не забывайте, что теперь — не средние века, что ужасы святой инквизиции отошли в область мрачных, отвратительных преданий. Прощайте!..

«Спасите графа!»

Перед Путилиным в его служебном кабинете сидел посетитель с дорожной сумкой через плечо. Это был красивый, моложавый старик, очень симпатичный, с манерами старого барина былых годов.

— Сколько же прошло уже дней, как исчез молодой граф, господин Ракитин? — спросил посетителя Путилин.

— Около недели.

— А почему вы полагаете, что он исчез?

— Потому что никогда не бывало, чтобы он не являлся так долго к нам. В последнее время, когда он попросил у меня руки моей единственной дочери и сделался ее женихом, он приезжал к нам ежедневно.

— Скажите, пожалуйста, господин Ракитин, а в замке графа Ржевусского, его отца, вы не узнавали о молодом человеке?

— Нет, господин Путилин. Вот уже несколько месяцев как мы прекратили знакомство домами.

— Для пользы дела мне необходимо знать причину этого разрыва.

— О, это не составляет ни тайны, ни секрета... Причиной окончательного разрыва послужил резкий спор о России и Королевстве Польском. Граф Сигизмунд Ржевусский, гордый, надменный магнат, высказал такую непримиримую ненависть ко всему русскому, что меня взорвало. Мы расстались врагами.

— Предполагаемый брак его сына с вашей дочерью, конечно, не мог встретить согласия и сочувствия старого графа?

— Безусловно. Я говорил об этом Болеславу, на что он ответил, что личное счастье ему дороже вздорных прихотей его отца.

— Вы не знаете, он имел все-таки объяснение по этому поводу с отцом?

Не знаю. До последнего дня нашего свидания он ничего не говорил об этом.

— Не можете ли вы рассказать мне что-нибудь о вашем последнем свидании с молодым графом?

— Он приехал к нам к обеду. Как и всегда был бесконечно нежен с моей дочуркой, но я заметил, что он находится в несколько приподнятом состоянии духа.

— Ого, он был взволнован? Вы не спрашивали его о причине?

— Он сам, со смехом, бросил вскользь, что его страшно разозлил духовник.

— По какому случаю он виделся с ним?

— Он отправился на исповедь. Затем, уезжая, он сказал мне, что ему хотелось бы ускорить свадьбу, обещал приехать на другой день, но — увы! — с тех пор мы его более не видели. Мы в отчаянии, дорогой господин Путилин. Горе моей дочурки не поддается описанию. Она все время твердит, что с ним, наверно, случилось, какое-нибудь несчастье. Откровенно говоря, у меня самого появляются тревожные мысли.

— Скажите, старый граф любит своего сына?

— Безусловно. Но, как однажды с горечью вырвалось у молодого человека, старый надменный магнат любит не его душу, не его сердце, а в нем — самого себя. Он, Болеслав, в

глазах отца — единственный продолжатель «знаменитого» рода Ржевусских, он блестящий представитель, он тот, кем можно кичиться и гордиться в своем великолепном «гоноре». Если вы знакомы с поразительной спесью польских магнатов, с их фанатизмом, вам будет ясна и понятна любовь старого графа к своему сыну. И вот я решил обратиться к вам. Вы, только вы одни, господин Путилин, можете пролить свет на это загадочное исчезновение бедного молодого человека, которого я люблю, как родного сына. Спасите его!

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Какая-то тревожная мысль пробежала по его симпатичному, характерному лицу.

— Неправда ли, ваше превосходительство, вы не откажете нам с дочуркой в этой горячей просьбе?

Путилин поднял голову.

— Я нахожусь в очень щекотливом положении, господин Ракитин: вмешиваться официально в это дело мне не только неудобно, но я даже не имею права. У меня нет никаких данных для подобного вмешательства, во-первых, заявление об исчезновении молодого

графа должно исходить от отца, а не от частного лица, каким в данном случае являетесь вы, а во-вторых... в Варшаве имеется своя сыскная полиция.

— Значит, вы отказываетесь? — с отчаянием в голосе воскликнул старый барин.

Путилин опять задумался.

— Ну, ладно, хорошо. Я попытаюсь. Ваше дело меня очень заинтересовало.

— Слава богу! Как мне благодарить вас, — рванулся Ракитин к Путилину.

Путилин в Варшаве. В замке старого магната

Всю дорогу до Варшавы мы ехали в отдельном купе первого класса, Путилин не спал.

Он был окружен целым рядом толстых фолиантов.

— «Pater noster! Qui es in Coelum», «Credo in aeternam vitam»...[1] — бормотал великий, благороднейший сыщик.

— Что это, Иван Дмитриевич, никак ты — на старости лет — за изучение латыни принялся? — спросил я в сильном изумлении.

— Спи, спи, доктор! — невозмутимо отвечал он.

Вот и гордая, пышная столица бывшего Польского Королевства. Мы приехали в Варшаву в те достопамятные дни, когда она глухо волновалась.

В роскошном номере Центрального отеля, где мы остановились, Путилин принялся спешно переодеваться.

Он облачился в безукоризненный длинный черный сюртук, надел крупный орден.

— Что значит этот парад, Иван Дмитриевич? — спросил я не без удивления.

— Я еду сейчас с визитом.

Это был настоящий дворец, замок графа Сигизмунда Ржевусского.

Немудрено, что за такими стенами аристократы Речи Посполитой чувствовали себя маленькими царьками.

В великолепной — с белыми колоннами — зале граф Ржевусский заставил очень долго ожидать себя Путилина, пославшего ему свою визитную карточку.

Наконец, послышались шаги, в зал вошел старый магнат. Не подавая руки, слегка лишь наклонив свою полуседую, гордую голову, он холодно спросил:

— Чему обязан видеть у себя пана... пана... Путилина! — Он поднес визитную карточку Путилина к самому своему носу, обидно небрежно вчитываясь в то, что на ней написано.

— Сейчас я буду иметь удовольствие объяснить пану... пану Ржевусскому цель моего визита, — ответил ему в тон «пан» Путилин.

Это простое «пана Ржевусского» вместо «пана-графа», по-видимому, было для старого магната равносильно удару хлыста. Огоньки гнева вспыхнули в его глазах. Голова надменно откинулась назад.

— Я не знаю «пана Ржевусского», я знаю графа Ржевусского, — резко проговорил он с сильным акцентом.

— Равно как я не знаю «пана Путилина», а знаю его превосходительство Путилина, начальника петербургской сыскной полиции, — насмешливо ответил ему Путилин.

— Попрошу вас ближе к цели. Что вам угодно?

— Прежде всего сесть. Не знаю, как принято в Варшаве, но у нас, в Петербурге, я это любезно предоставляю каждому из моих посети-

телей-гостей.

Магнат побагровел от неловкости и гнева.

— Прошу вас, — сделал он величественный жест рукой, точно феодальный герцог, принимающий своего ленного вассала.

— Изволите ли видеть, граф, возвращаясь из-за границы и очутившись в Варшаве, я случайно узнал об исчезновении вашего сына, молодого графа Болеслава Ржевусского, — начал Путилин, не сводя пристального взгляда с лица старого магната.

— Случайно? Должен сознаться, что случайность играет большую роль в вашей профессии, — саркастически прервал его граф.

— Вы правы: в деле раскрытия массы преступлений и поимки многих негодяев случай — могущественный пособник правосудию.

— Ну-с?

— Узнав об этом, я решил проверить справедливость этих слухов и с этой целью явился к вам.

— Прошу извинить меня, но... для чего?

— Для того, чтобы предложить вам свои услуги, если эти слухи справедливы.

Путилин чувствовал на своем лице острый, пронизывающий взгляд надменного магната.

— Могу я узнать, ваше превосходительство, откуда до вас донесся слух об исчезновении моего сына, графа Болеслава Ржевусского.

— Случайно, в зале первого класса вокзала до меня долетели обрывки разговора компании молодых людей, принадлежащих, по-видимому, к лучшему обществу Варшавы.

— Прошу извинить пана... pardon! генерала, но мне было бы любопытно узнать, отчего вы так заинтересованы участью пропавшего, как вы говорите, графа — моего сына.

— Если вам угодно, я скажу вам совершенно откровенно. Еще совсем недавно судьба помогла мне спасти от смертельной опасности исчезнувшего таинственным образом сына петербургского миллионера-купца Вахрушинского.

— Я знаю этот блестящий ваш розыск, — почему-то очень взволнованно проговорил старый граф.

— Тем лучше. Так вот, услышав об исчез-

новении вашего сына, у меня мелькнула мысль: а что если и в данном случае мы имеем дело с каким-нибудь тайным преступлением? Я поспешил приехать к вам, граф, и признаюсь, ожидал с вашей стороны более любезного и сердечного приема. Прошу вас не забывать, что я действую совершенно бескорыстно.

Старый магнат взволнованно поднялся с золоченого кресла и нервно стал ходить по залу.

Видимо, какая-то упорная, глухая борьба происходила в душе этого гордого, надменного человека. Моментами он останавливался, словно хотел подойти и что-то сказать своему непрошеному гостю, но то, что боролось в нем, противилось этому.

Путилин сидел бесстрастно спокойный, скрестив руки на груди.

Вдруг старый граф круто остановился перед Путилиным и хрипло произнес:

— Да, мой сын, мой единственный сын действительно исчез бесследно, вот уже девять дней...

— И вы не тревожитесь этим исчезновени-

ем, граф?

Горький смех, в котором зазвенели сарказм, гнев, обида, тревога, пронесся по роскошной зале замка старого магната.

— А, будь вы, кто хотите: пан-генерал, черт или святой, а я вам скажу, что я не тревожусь особенно потому, что я знаю, где находится мой сын!

Граф хрустнул пальцами.

— Вы... вы знаете, где находится ваш сын? — в сильнейшем изумлении даже привстал Путилин.

— Да. Лучше, чем кто-либо, лучше, чем сыскная полиция всего мира.

— Вы простите меня, граф, но — ради бога! — почему же вы не пытаетесь отыскать его, выволить из того плена, куда он попал по неосторожности или по неосмотрительности? Еще раз повторяю: мои, может быть, непрошенно нескромные вопросы продиктованы только чувством искреннего желания помочь вашей беде.

— Га! — бурно вырвалось у старого Ржевусского. — Вы спрашиваете: почему я не делаю попытки спасти моего сына, мою гордость,

мою единственную утеху в жизни. Извольте, я вам скажу тоже откровенно: потому, что это бесполезно, потому что этого плена сам желал и добивался мой сын.

— Я вас не понимаю, граф, — искренно вырвалось у Путилина.

Жилы напряжились на шее и висках старого магната.

— Его сгубила проклятая любовь! — иступленно вырвалось у него. — Исчезновение Болеслава — дело рук проклятых Ракитиных. Это они, папаша с дочкой, спрятали моего сына, чтобы скорее сострять свадьбу.

— Что?! — переспросил Путилин. Он провел рукой по лбу, словно стараясь привести свои мысли в порядок.

Граф Ржевусский с удивлением поглядел на него.

— Что с вами?

— Вы... вы даете мне честное, благородное слово графа Ржевусского, что все, что вы сказали сейчас — святая правда?..

— Я никогда не лгал! — гордо ответил один из варшавских феодалов.

— В таком случае... я боюсь, что ваш сын,

действительно, или уже погиб, или на краю гибели.

— Во имя Пречистой Девы, что означают ваши слова?! Вы что-нибудь знаете?

Как изменилось это холодное, надменное лицо! Сколько чисто отцовской любви и страха засветилось в глазах!..

— Знаю. Слушайте, граф.

И Путилин, шаг за шагом, начал рассказывать ошеломленному графу о приезде Ракитина, о том, как этот человек умолял его спасти молодого человека.

Лицо графа было смертельно бледно. Пот проступил на его лбу.

— Это... это — правда? — с трудом пробормотал он, дослушав рассказ великого добровольного сыщика.

— Правда, граф.

Маленький золоченый столик, на который опирался магнат, упал на блестящий паркет зала.

— Так... так где же мой сын, ваше превосходительство? — с ужасом прошептал он.

— Вот для того, чтобы узнать это, я и приехал к вам в Варшаву. Как видите, ваше сия-

тельство, моя профессия не всегда заслуживает такого обидно-пренебрежительного отношения, каким вы одарили ее.

Граф взволнованно подошел к Путилину.

— Простите меня. Вы, как умный человек, отлично поймете те чувства, которые обуревали мной. Я — против этого брака. Кто может осудить меня за это? Разве каждый отец не относится любовно-ревниво к своему детищу?

— Простите, граф, теперь нам некогда говорить об этом. Надо спасти вашего сына.

— Да, да! — рванулся польский магнат к своему врагу-начальнику русской сыскной полиции. — Теперь и я вас умоляю, спасите Болеслава! Я весь к вашим услугам. Угодно вам переехать из гостиницы в мой замок? Распоряжайтесь, как вам угодно.

— Благодарю вас, но как раз этого не надо делать. Если вам угодно, чтобы я спас вашего сына — если это только не поздно — я вас попрошу держать мой приезд в Варшаву в полной тайне. Я буду являться к вам, когда мне потребуется. Мой пароль — «Pro Christo morior» — «умираю за Христа».

Путилин, сопровождаемый графом, направился к двери. В ту секунду, когда он взялся за дверную ручку, послышался голос:

— Libertas, serenissime?[2]

— Amen! — ответил граф. — Аминь!

Быстрее молнии Путилин прикрыл рукой свой орден и, когда отворилась дверь и на пороге ее показалась фигура толстого, упитанного патера-ксендза, громко, по-польски обратился к магнату:

— Имею высокое счастье откланяться вашему ясновельможному сиятельству...

Тайный трибунал св. отцов. Смертный приговор

Низкая, сырая комната со сводчатым потолком тонула в полумраке. В этой тьме скрывались очертания каких-то странных, непонятных предметов: высокой лестницы, жерновов, жаровень, колодок.

Чем-то бесконечно унылым, страшным веяло от всей обстановки этого непонятного помещения.

Колеблющийся свет длинных толстых свечей, вставленных в высокие подсвечники-канделябры, бросал багровые блики на ка-

менные стены, на сводчатый потолок, с которого порой сбегали капли воды и падали со стуком на плиты комнаты.

За длинным столом, на котором горели эти странные свечи, сидели семь человек, все с характерными лицами католических служителей церкви — иезуитов, в обычных рясах-сутанах.

— Итак, — начал сидящий посередине стола высокий худощавый человек в фиолетовой сутане с резко очерченным лицом, к которому особенно почтительно относились все иные присутствующие. — Нам предстоит, святые отцы, сегодня постановить окончательный приговор по делу молодого безумца.

— Так, ваша эминенция, — слышался почтительный ответ заседающих.

— Вы, конечно, все осведомлены о причине нашего конклава в этом печальном, но необходимом для пользы святой церкви месте? Вам известно, со слов тайного донесения достопочтенного духовника графов Ржевусских, о преступлении молодого графа? Да? Bene. Теперь, стало быть, мы можем перейти ad consultationem. На совещание я ставлю два

вопроса: виновен ли безумец в преступлении *ad ferendam*, то есть в таком, которое он собирается совершить, и, если виновен, то какое наказание он за это должен понести. Ваши аргументы, святые отцы?

— Виновен... Виновен... Виновен, — раздались голоса.

— Более мотивированно? — отдал приказ его эминенция.

— Переход в лоно проклятой православной церкви... Поношение святой католической; издевательства и насмешки над нами, скромными ее служителями. Это — *maxima culpa*[3], это — измена Христу.

— И, взвесив все это, какое наказание?

Минуту в комнате со сводчатым потолком царило молчание.

— *Mors*... Смерть! — погребальным эхом пронеслось по помещению, где заседал тайный трибунал святых отцов.

— *Sic*. Так. Но все это было *contra*... «против» обвиняемого. Не найдется ли голос и *pro*, «за» него?

— Прошу благословения святых отцов во главе с вами, ваша эминенция, но я думал бы,

это наказание не соответствует преступлению, которое юноша собирается совершить.

— Как?! — в один голос воскликнули заседающие.

— Виноват, я не так формулировал мою мысль, — смутился престарелый служитель католического Христа. — Я хотел сказать, что тут — *juventas*... молодость... Любовь... легкомыслие... кроме того, ради высокочтимого графа Сигизмунда Ржевусского нам бы следовало пощадить жизнь его единственного сына... Он оказывал столько услуг нашей святой церкви...

— Ваши ответы? — обратился к святым отцам его эминенция.

— Отдавая должное любвеобильному сердцу моего сослужителя во Христе, я считаю, однако, необходимым резко разойтись с ним во мнениях, и вот по каким причинам, — послышался ележно-сладкий голос доносчика-предателя, исповедника Н-го костела. — Во-первых, *primo*: в то политически смутное время, которое мы переживаем, нам нужны верные католики, а не перебежчики-ренегаты. Если сегодня ради прекрасных глаз «москальки»

обвиняемый готов переменить религиозную веру, то... поручитесь ли вы, святые отцы, что на завтра, ради еще более прекрасной наружности новой еретички, он не променяет и свою *политическую* веру, свое народное *credo*? Где же наш политический патриотизм?

— Верно... Верно, — прокатилось под мрачными сводами.

— Я продолжаю, *secundo*, во-вторых: допустим, юноша раскается... Ужас объял его душу... Он будет просить о помиловании. Но... Откуда мы его выпустим? Это вы приняли в соображение? Разве это наше тайное прибежище под рекой Вислой, где мы укрепляем веру и тайно собираемся для важнейших решений, уже не должно составлять величайшего секрета для наших врагов? А если выпущенный безумец — граф предаст нас?.. В таком случае для чего же было изобретать название «*Unum est hoc iter ad mortem...*»[4]

— Верно... Верно! Смерть, смерть! — слышались теперь уже возбужденные голоса.

— Но какая?

— Я полагал бы... мы думали бы... Поцелуй

Бронзовой Девы!

Тот, кто заступился за обвиняемого, в ужасе закрыл лицо руками.

— Это — чересчур жестоко, — еле слышно вылетало из-под капюшона.

— Приведите сюда обвиняемого! — бесстрастно отдал приказ старший из судей — духовных лиц.

Прошло несколько минут. Где-то послышался резкий скрип двери, раздались гулкие шаги по каменным плитам коридора, дверь в судилище распахнулась и на пороге вырисовалась высокая стройная фигура молодого человека.

— Потрудитесь приблизиться к столу, граф Болеслав Ржевусский! — сурово проговорил иезуит в фиолетовой рясе.

Голова молодого человека гордо откинулась назад. В глазах засверкало бешенство. Он сделал несколько шагов по направлению к своим неведомым судьям и резко спросил:

— Кто вы? На каком основании и по какому праву вы смеете мне приказывать? Честное слово, я начинаю думать, что имею дело с бандой каких-то негодяев.

— Вы слышите? — прошептал настоятель Н-го костела.

— Меня обманным образом — по подложной записке — залучают в пустынное место, хватают, везут и, точно преступника, заключают в каземат какого-то проклятого подземелья. Что вам надо от меня? Что должна означать вся эта подлая комедия? Если вам угодно денег, выкупа, — извольте. Я вам их дам, подавитесь проклятым золотом, но потрудитесь немедленно меня выпустить на свободу!

— Вы спрашиваете, кто мы. Мы — тайный трибунал, блюдуший высшие интересы святой церкви, — еще более сурово проговорил его эминенция.

— Это... что же такое, нечто вроде Совета Десяти великой, святой инквизиции? — насмешливо спросил молодой граф.

Но, помимо его воли, смертельная бледность покрыла его лицо.

— Вы можете богохульствовать, перед смертью у вас еще хватит времени раскаяться в ваших страшных грехах.

— Перед... смертью? — вздрогнул Ржевуский. — Вы шутите, святой отец?

— Увы, бедный безумец, мои уста еще никогда не произносили шуток. Мы обсудили ваше преступление. Оно ужасно: вы изрекли величайшую хулу на церковь. Нашим совместным решением вы приговариваетесь к смертной казни через поцелуй Бронзовой Девы. Вы обручитесь с ней на вечную жизнь.

— Что?! — воскликнул молодой человек и пошатнулся.

«Героическое» средство. Письмо к каштеляну Н-го костела

Я провел первую ночь в Варшаве отвратительно. Вы поймете причину этого, если я вам скажу, что Путилин, уехав вечером к графу Ржевусскому, вернулся только... в шесть часов утра!

При виде его вздох радости вырвался у меня из груди.

Путилин шаг за шагом ознакомил меня со своим визитом к старому магнату.

— Скажу тебе, доктор, откровенно, что случившееся явилось для меня полной неожиданностью: у меня ведь было нешуточное подозрение на участие в деле исчезновения молодого графа самого отца.

Лицо Путилина было угрюмо-сосредоточенное.

— И если я прежде не тревожился за его жизнь, то теперь я уверен, что жизнь его висит на волоске. Это дело куда серьезнее дела об исчезновении сына миллионера Вахрушинского с «белыми голубями и сизыми горлицами».

— Как? Опаснее даже этого?

— Безусловно. Там, несмотря на весь ужас, который мог произойти с молодым человеком, он все-таки остался бы жив. А тут смерть, и наверное, лютая, мучительная.

— Прости, Иван Дмитриевич, но я не вполне тебя понимаю. Ты говоришь об опасности, угрожающей молодому графу с такой уверенностью, точно ты знаешь, где он находится.

— Да, я это знаю.

— Как?! Ты *это* знаешь?

— Еще раз повторяю, знаю. Знаю так же, как знал на второй день розысков, где находится молодой Вахрушинский.

— Так, ради бога, в чем же дело?

— В том, чтобы найти способ проникнуть туда, где он находится.

— Разве это так трудно?

— Поразительно трудно. Не забывай, что не всегда приходится иметь дело с наивными сектантами-изуверами из простолюдинов, или же из мещан — купцов российской закваски. Случается нарываться на дьяволов в шелковых одеяниях.

Я, каюсь, хлопал глазами.

— Всю эту ночь я выслеживал их.

— Кого? Этих дьяволов?

— Да. Среди них я заметил необычайное волнение: они, кажется, приготавливаются к кровавому каннибальскому пиру. В поисках я чуть не утонул в этой проклятой Висле... Однако я еле стою на ногах. Я засну на два часа, а затем мне придется прибегнуть к героическому средству.

— Ты думаешь обратиться к содействию властей?

Мой друг усмехнулся, отрицательно покачав головой.

— Нет, доктор, это было бы самое нежелательное. К этому прибегнешь ты, если... если со мной случится несчастье.

— Ну, что? — взволнованно спросил граф

Сигизмунд Ржевусский Путилина, приехавшего к нему с условленным паролем «Pro Christo morior». — Но, боже мой, что с вами, ваше превосходительство? Вас не узнать... Вы ли это?

Перед магнатом стоял человек с круглым одутловатым лицом без бакенбард.

— Мои бакенбарды, до времени, спрятаны, граф, — усмехнулся Путилин. — Дело, однако, не в них, а в вашем сыне.

— Вы узнали что-нибудь?

— Да, кое-что и очень невеселое. Ваш сын в смертельной опасности.

Граф побледнел.

— Но где он? Что с ним?

— В точности я не могу вам этого сказать, да и некогда. Сейчас вы должны предпринять нечто.

— Я?

— Да. Садитесь и пишите письмо.

— Кому? — пролепетал совсем сбитый с толку надменный магнат.

— Вы это сейчас узнаете. Прошу писать, ваше сиятельство, следующее:

«Любезнейший падре Бенедикт! Чувствуя

себя очень скверно, прошу Вас немедленно посетить меня.

Граф *С. Ржевусский*».

— Як Бога кохам, я ничего не понимаю! Зачем мне приглашать настоятеля N-го костела?

— Вы желаете спасти вашего сына? — резко проговорил Путилин, пристально глядя в глаза графу.

— О! — только и вырвалось у магната.

— В таком случае я вас попрошу беспрекословно следовать моим распоряжениям.

— Но что я буду с ним делать?

— Вы, разыгрывая из себя больного, настойчиво попросите его остаться в замке и провести с вами всю эту ночь... во всяком случае, до того времени, когда я приеду к вам.

— А... а если он не согласится, ссылаясь на свои важные нужды?

— Тогда вы употребите насилие над «святым отцом», то есть, попросту не выпустите его из замка, хотя бы для этого вам потребовалось вмешательство вашей челяди.

— Помилуйте, господин Путилин, вы требуете невозможного! — воскликнул испуган-

но граф. — Ведь это скандал, преступление, разбой. Какое я имею право производить насилие над человеком, да к тому же еще духовным?

— В случае чего, ответственность я приму на себя. Впрочем, если вам не угодно, мне остается покинуть вас.

— Хорошо! — с отчаянием махнул рукой старый граф.

Через час перед его замком остановилась карета, из которой вышел католический священник. Прошло минут сорок — и он вышел из замка обратно.

Очевидно, старый магнат не исполнил приказания Путилина.

Ночная процессия

Два багровых высоких факела и несколько зажженных свечей в церковных канделябрах тускло освещали странную процессию, двигавшуюся по мрачным, длинным коридорам. Тут царил такой зловещий густой мрак, что этого света едва хватало только на то, чтобы не споткнуться, не удариться о стены коридора.

Вслед за двумя фигурами в черных рясах

шел высокий, худощавый человек, за ним, попарно, шесть лиц.

— Не думал я, что мне придется совершать это печальное путешествие, — раздался под мрачными сводами резкий, властный голос.

— Что делать, ваша эминенция. *Sic Deus vult*. Так хочет Бог.

— Осужденный предупрежден, что казнь произойдет сегодняшней ночью?

— Пока еще нет. *Misericordiae causa...* ради сострадания к юному безумцу-святотатцу час искупления греха не торопились сообщать ему заранее.

И опять жуткое безмолвие, молчаливое шествие таинственной процессии.

Но вот пол коридора стал как бы покатым, словно он спускался вниз.

— Осторожнее, ваша эминенция, здесь так скользко, — слышались вкрадчиво-льстивые голоса.

Воздух сразу изменился. Повеяло невероятной сыростью, точно от болота. Пол стал влажным, откуда-то сверху падали крупные капли холодной воды.

Свет факелов и свечей заколыхался вздра-

гивающими языками, словно под порывом ворвавшегося воздуха. Лязгнули замок и засов железной двери, пахнуло еще большей, отвратительной сыростью, и процессия стала осторожно спускаться вниз.

Казалось, точно неведомые существа-призраки, появившись на земле, вновь устремляются в ее таинственные недра.

— Однако с последнего раза сколько воды прибавилось здесь! — прозвучал опять тот же резкий голос.

Страх и тревога послышались в нем.

— Вода ведет свою проклятую работу. Она просачивается сквозь своды. Но не беспокойтесь, ваша эминенция, они еще так крепки, так надежны, опасности нет никакой.

— Да, это было бы большим несчастьем, большой потерей для нас.

Ноги хлюпали в воде. Багровый свет факелов, отражаясь в ней, делал ее изумительно похожей на кровь.

Летучие мыши с протяжным свистом крыльев проносились над головами идущих.

— Что с вами, отец Бенедикт? — тихо спросил шедший рядом с настоятелем N-го косте-

ла иезуит.

Отец Бенедикт что-то глухо пробормотал, указывая на щеку, завязанную черным шелковым платком.

— О, это — неприятная вещь! — слышался сочувственный шепот. — А вы бы — liquor monastorum?..[5]

Тот сокрушенно покачал головой, закутанной в капюшон сутаны.

Стало суше, светлее.

— Мы подходим. Amen.

Последняя ночь осужденного

В маленькой низкой камере со сводчатым потолком было полутемно. Какой-то ночник странной формы робко мигал, распространяя неприятный запах прогорклого масла.

В камере метался высокий, стройный молодой человек.

Это сын графа, Болеслав Ржевусский.

Его бледное лицо было искажено невыразимой мукой... Порой он в отчаянии заламывал руки — и из его груди вырывались крики, в которых звучало столько тоски, столько страха и гнева.

— Как они смеют! Как они смеют!

Бешенство овладевало им. Он бросался к железной двери и принимался что есть силы колотить в нее руками и ногами.

— Пустите меня! Вы — преступники, палачи — слышите ли вы меня?

Ни звука. Ни шороха. Точно в могиле. Тогда он бросался к окну и каждый раз в ужасе отшатывался от него.

Через толстые прутья железной решетки на него глядела своей страшной массой мутная вода.

— Господи! Да где же я? И что со мной?

И вдруг ему вспомнились рассказы о существовании потайных ходов из многих варшавских костелов, о ходах-коридорах даже под Вислой.

Значит, это правда? Значит, он действительно попал в страшные лапы иезуитов, и угроза смерти, к которой они приговорили его, — не шутка, а лютая, зловещая правда?

Холодный ужас объял его душу, пронизал все его существо.

Смерть... Почему? За что? Смерть — в его годы, когда весь мир разворачивается перед ним во всех своих чудесных дарах... Когда он

любит, любим, молод, силен, красив, знатен...

— О, нет, нет! Этого быть не может. Я не хочу умирать, я не могу умереть! Неужели всемогущий Бог может допустить совершиться такой вопиющей к нему несправедливости?!

И вспомнились ему угрожающие слова:

«Смотрите! Бог иногда мстит вероотступникам...»

Но ведь он не отступился от Христа. А какой же есть еще Бог?

«Вы приговариваетесь к смерти через поцелуй Бронзовой Девы» — погребальным звонком гудит в его ушах приговор его судей-палачей.

Болеслав Ржевусский громко, жалобно зарыдал. Вдруг он вскочил и с каплями холодного пота на лбу стал прислушиваться.

— Что это? Голоса? Шаги? Да, да, все яснее, ближе... Вот уже у самых дверей его каземата.

Он задрожал всем телом, выпрямившись во весь рост.

С протяжным скрипом раскрылась дверь. На пороге со свечами в руках стояли несколько фигур, одетых в рясы-сутаны.

— Так как вам трудно говорить, отец Бене-

дикт, то позвольте мне вместо вас напутствовать на смерть и поддерживать дух преступника, — донеслось точно откуда-то издалека до несчастного молодого графа.

Два монаха-иезуита торжественно внесли какое-то белое одеяние.

— Что это... Что это значит? Что вам надо? — в ужасе попятился Болеслав Ржевуский от вошедших.

— Сын мой! — начал торжественным голосом старый монах-иезуит. — Вы уже выслушали смертный приговор, произнесенный вам тайным трибуналом святых отцов. Соберитесь с духом, призовите на помощь Господа. Этот приговор будет приведен в исполнение сейчас.

— Что?! — дико закричал граф.

— Сейчас вы искупите ваши страшные грехи.

— Вы лжете! Слышите: вы лжете! Я не хочу умирать, вы — палачи, убийцы! Вы не смеете меня умертвить!

— Сын мой, все напрасно: еще ни один наш приговор не оставался без исполнения.

Два монаха приблизились к осужденному.

— Оденьте вот это одеяние, а свое скиньте. Это последний наряд приговоренных.

И они протянули обезумевшему от ужаса молодому человеку белый балахон с широкими разрезными рукавами, веревку и белый остроконечный колпак.

— Прочь! — иступленно заревел граф, отталкивая от себя служителя палачей. — Спасите меня! Спасите меня!

Безумный крик вырвался из камеры и прокатился по коридору.

— Я должен предупредить вас, сын мой, что если вы не облачитесь добровольно, придется прибегнуть к силе. Возьмите же себя в руки: вы умели бесстрашно поносить святую церковь, умейте же храбро умереть. Я буду читать, а вы повторяйте за мной: «Pater noster, qui es in coelun...»

— Помогите! — прокатился опять безумный крик ужаса, страха.

Но веревка уже была ловко накинута на руки осужденного.

Граф рванулся, но руки были связаны. Его повалили на соломенный матрац и насильно стали облачать в страшный предсмертный

наряд.

— Свяжите ноги! — отдал приказ иезуит. — Готово? Поддерживайте его с двух сторон и ведите!..

И скоро из камеры вышла белая фигура мученика-осужденного со связанными руками и спутанными ногами.

Поцелуй Бронзовой Девы

Шествие открывал престарелый па-тер-иезуит с распятием в руках.

За ним, поддерживаемый двумя в черных сутанах, шел осужденный граф.

Теперь он не кричал, не сопротивлялся. Столбняк предсмертного ужаса, неведомых страданий властно овладел им. Не было голоса, не было языка. Сознание как бы совсем покинуло его.

Когда процессия поравнялась с той таинственной комнатой-судилищем, где осужденному был произнесен смертный приговор, из нее вышла новая процессия, во главе которой подвигался «его эминенция». У всех в руках были зажженные свечи.

При виде новых лиц граф Ржевусский словно пришел в себя.

С раздирающим душу криком он рванулся из рук державших его иезуитов и чуть не упал, благодаря спутанным ногам.

— Во имя Бога, спасите меня! Пощадите меня!

— Вы призываете имя Бога?.. С каких пор вы, еретически поносившие Христа и святую церковь, уверовали в него? — раздался резкий, суровый голос.

— Неправда!.. Неправда! Клянусь крестом, я не поносил ни Бога, ни святой церкви!

— Вы лжете! Вы говорили, что служители католической церкви, отцы иезуиты, торгуют Христом оптом и в розницу.

— Но разве иезуиты равносильны Христу? — с отчаянием в голосе прокричал граф.

— Вот видите, вы поносите тех, которые служат его величию... Довольно. В этом мире уста ваши не будут больше произносить хулы. Вы предстанете сейчас на суд Его самого.

По знаку, поданному старшим духовным лицом, мрачные своды страшного коридора огласились пением процессии.

— *Moriturus laudare debet Deum*[6], — слышались торжественно-заунывные звуки

реквиема.

Процессия медленно подвигалась по коридору. Теперь, поняв, что все окончено, что спасения нет и не может быть, граф стал точно безумным.

Грозовым голосом он старался заглушить страшное заживо похоронное пение.

— Негодяи! Убийцы! Палачи! Вы оскверняете алтари, ваши руки, которыми вы держите распятие, обагрены кровью! Умру, но моя смерть жестоко отомстится вам. Ваши проклятые гнезда будут разрушены!..

— ...*Ad misericordiam Christi ac santissimae Virginis Mariae*[7], — все громче и громче гремит процессия.

— И они еще произносят Имя Христа! О, подлые изуверы-богохульцы!

Лицо осужденного сделалось страшным. Колпак еретика слетел с его головы.

— Будьте вы прокляты! — исступленно вырвалось у него.

Процессия стала замедлять шаги.

Осужденный взглянул — и к облаку смертельной тоски, лежавшей на его лице, примешалось облако изумления.

В конце коридора (в нише) виднелась бронзовая статуя Богоматери.

Спокойно скрещенные руки, печать святой благодати и любви на святом челе.

— Что это... Что это такое? — громко обратился осужденный к важному духовному лицу.

— Статуя святой Девы.

— Но вы... вы приговорили меня к смерти через поцелуй Бронзовой Девы?

— Так.

— Так... как же я могу умереть через поцелуй святых бронзовых уст? Да не мучьте меня! Говорите! Я с ума схожу, палачи!

— Вы это узнаете, — загадочно ответил добровольный палач. — Где отец Бенедикт? Он должен дать последнее напутствие осужденному.

Произошло движение. Все с недоумением отыскивали фигуру отца Бенедикта.

Его не было, он исчез.

— Что это значит? Где же он? — строго спросил его эминенция.

— Не знаем... Может, отлучился... Он, кажется, болен.

— Тогда исполните эту обязанность вы, отец Казимир.

Молодой граф пошатнулся. Красные, синие, желтые, фиолетовые круги и звезды замелькали, закружились в его глазах.

«Кончено... Все кончено... Смерть... идет... вот сейчас... Господи, спаси меня... Страшно... что со мной будут делать?»

Его глаза с ужасом, тоской и мольбой были устремлены на кроткий лик Бронзовой Богоматери.

— Спаси меня! Спаси меня! — жалобно простонал он.

— Вы должны покаяться в ваших грехах, сын мой. Скоро вы предстанете перед Вечным Судьей.

— Не хочу! Пустите меня, пустите! — забился несчастный осужденный.

Но к ужасу своему, он почувствовал, что его уже крепко держат и все ближе и ближе подводят — подталкивают к бронзовой статуе.

В груди — все захолонуло. Волосы шевелятся на голове...

Перед глазами — все, все прошлое, вся

жизнь, молодая, кипучая, радостная, с песнями, с любовью, цветами, с воздухом, с солнцем.

— Говорите, повторяйте за мной, сын мой: «Обручаюсь я с тобою на жизнь Вечную, святая Дева Мария».

«Salve, o, Santissima...» — грянули иезуиты, но в эту секунду громовой голос покрыл голоса певших:

— Стойте! Ни с места, проклятые злодеи!

Быстрее молнии из-за колонны выскочил Путилин и одним прыжком очутился около осужденного.

— Вы спасены, вы спасены, бедный граф! Мужайтесь!

Крик ужаса огласил своды инквизиционного логовища иезуитов.

Они отшатнулись, замерли, застыли. Подсвечники со звоном выпали из рук палачей. Лица... нет это были не лица, а маски, искаженные невероятным ужасом.

Путилин быстро разрезал веревки. Граф чуть не упал на плиты в обмороке.

— Ну-с, святые отцы, что вы на это скажете?

Оцепенение иезуитов еще не прошло. Это были живые статуи.

Путилин вынул два револьвера и направил их на обезумевших от страха тайных папачей святого ордена.

— Итак, во славу Божию, вы желали замарать себя новой кровью невинного мученика? Браво, негодяи, это недурно!

Первым пришел в себя его эминенция.

— Кто вы? Как вы сюда попали? — пролепетал он дрожащим голосом.

— Кто я? Я — Путилин, если вы о таком слышали.

— А-а-ах! — прокатилось среди иезуитов.

— А попал я сюда вместе с вами, участвуя в вашей процессии.

— К-как?!

— Так. Я ведь не только Путилин, но и отец Бенедикт! — злобно расхохотался великий сыщик.

— Негодяй... предал!.. — бешено вырвалось у монахов.

— Вы ошибаетесь. Отец Бенедикт и не подозревает о моем существовании. Он преблагополучно беседует с графом Сигизмундом

Ржевусским.

Молодой человек целовал руки Путилину.

— Что вы? Что вы? — отшатнулся Путилин.

— Вы спасли меня от смерти. Но от какой? Я ничего не мог понять.

— Вы... вы ошибаетесь, граф! — вдруг ласково обратился его эминенция к графу. — Все это была святая шутка, чтобы попугать вас... Мы и в мыслях не имели убивать вас... Вас решили наказать за ваши дерзости по адресу духовных лиц.

— Шутка? Вы говорите: шутка? Ха-ха-ха! Хороша шутка! Я вам сейчас покажу, какая это шутка. Не угодно ли вам поцеловать Бронзовую Деву?

— Зачем... к чему, — побледнел важный иезуит, отшатываясь от статуи.

— А, вы не хотите? Вы трясетесь? Ну, так смотрите.

И Путилин шагнул, подняв с полу длинный факел, к статуе.

— Не ходите! Не смейте трогать! — закричал иезуит, бросаясь к Путилину.

— Ни с места! Или даю вам слово, что я

всажу в вас пулю.

Он сильно нажал факелом бронзовые уста статуи, в ту же секунду произошло нечто страшное, чудовищно страшное и безобразное. Руки Бронзовой Девы стали расходиться и из них медленно стали выходить блестящие острые ножи-клинки. Но не только из рук появилась блестящая сталь. Из уст, из глаз, из шеи — отовсюду засверкали ножи. Объятия раскрылись, как бы готовые принять в свой страшный обхват несчастную жертву и затем быстро сомкнулись.

— Великий Боже! — схватился, шатаясь, за голову молодой граф.

— Вот какой поцелуй готовили вам ваши палачи! В ту секунду, когда вы прикоснулись бы к устам Бронзовой Девы, вы попали бы в чудовищные объятия. В ваши глаза, рот, грудь, руки вонзились бы эти острые клинки и вы бы медленно, в ужасных мучениях, испустили дух.

Под угрозой револьверов Путилин выбрался со спасенным графом из мрачного логовища иезуитов.

Негласное секретное расследование уже не

обнаружило статуи Бронзовой Девы. Очевидно, ее немедленно куда-нибудь убрали или совсем уничтожили.

Преступление в Иверской часовне

Ночные паломники

Шел двенадцатый час ночи.

Москва, жившая в то время несравненно более тихой мирно-буколической[8] жизнью, чем теперь, забывалась уже первым сном.

Тем более странным и непонятным могло показаться человеку, не знакомому с Первопрестольной, то обстоятельство, что в этот поздний ночной час на тротуарах виднелись фигуры людей, спешно идущих по одному направлению, очевидно, к одному и тому же месту.

Эти фигуры людей, составляя порой небольшие группы, выплывали из сумрака ночи с Моховой улицы, с Тверской, с Театральной площади.

Внимательно вглядываясь в фигуры спешивших куда-то людей, можно было немало подивиться разношерстности этой толпы. Рядом с дряхлой, ветхой старушкой, одетой по-

чти в рубище, шел блестящий цилиндр; там — бок о бок с бедно одетой девушкой в продранном жакетике и стоптанных сапогах — выступала-плыла утиной походкой тучная, упитанная купчиха с Замоскворечья или с Таганки с чудовищно огромными бриллиантами в ушах; рядом с нищим-калекой виднелась шинель отставного военного. Какая поразительная смесь одежд и лиц! Только огромный город-столица мог умудриться составить такой причудливо прихотливый калейдоскоп.

Куда же направлялась эта толпа? Какая притягательная сила влекла ее, оторвав от отдыха, сна?

Для незнающих Москвы, повторяю, это могло бы показаться мудреной загадкой, а для обывателей Первопрестольной это было обычным, знакомым явлением.

В одних из кремлевских воротах, Иверских, скромно приютилась знаменитая часовня — святыня с высокочтимой чудотворной иконой Иверской Божьей Матери. Вот на поклонение-то ей и стекаются со всех сторон Москвы, днем и ночью, богомольцы- палом-

ники.

Над этой часовней как бы горят незримые слова:

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою Вы...»

Это своего рода московская христианская Мекка, православный Лувр.

Разбитые жизнью, все те, кто изнемогает под бременем горя, ударов судьбы, спешат в эту часовню, где в жарких молитвах перед любимой иконой жаждут найти облегчение, исцеление.

Но не всегда чудотворная икона находится в часовне. Большой частью икона в разъездах, так как москвичи — по разным случаям и обстоятельствам — любят принимать икону на дом.

В особой большой карете, сопровождаемая священником и монахом, переезжает икона из дома в дом по заранее составленному маршруту, основанному на предварительной записи, делаемой в конторе часовни.

На время отсутствия чудотворной иконы в часовне красуется, так сказать, ее копия.

В тех случаях, когда самой чудотворной

иконы нет в часовне, религиозные москвичи-богомольцы терпеливо, целыми часами ожидают ее прибытия. Но вот подъезжает знаменитая карета. Нужно видеть, с каким священным трепетом, высоким порывом бросаются паломники к своей святыне! Икону вносят, устанавливают на ее обычное место, перед ней совершаются краткие молебны, богомольцы прикладываются к ней, а потом икона вновь начинает совершать свое святое путешествие.

Так было и в эту памятную ночь, принесшую столько волнений духовенству и богомольцам Белокаменной.

Около часовни виднелась порядочная толпа. Часть ее сидела на паперти часовни, часть — стояла, часть — прогуливалась взад и вперед.

— А что, миленькие, Царица-то Небесная еще не прибыла? — шамкала ветхая старушка, охая, крестясь.

— Нет, бабушка, видишь, сколько народу дожидаются Ее.

Тут, в ночном весеннем воздухе слышался тихий говор.

Богомольцы, особенно женщины, такими понурыми голосами рассказывали друг другу о своих муках, страданиях, заботах.

Они облегчали душу — по русской отличительно характерной черте — во взаимных излияниях.

«И ничего, милушка, не помогает?» — «Ничего, родимая... Ко всем докторам обращалась: помирать, говорят они, придется тебе. Вот я удумала к Царице Небесной за помощью обратиться». — «И хорошо, матушка, истинно мудро придумала. Давно бы так»... Кто-то плакал нудными, тяжелыми слезами... Кто-то кричал страшным истеричным криком.

«Что это? Кто это?» — спрашивали друг друга ночные паломники. — «Девушку-кликушу привезли».

Время тянулось в нетерпеливом ожидании особенно медленно.

Но вдруг толпа заволновалась.

— Едет! Едет! — раздался чей-то взволнованный голос.

Все вскочили, насторожились.

Действительно, с Тверской быстрым аллю-

ром мчалась большая синяя с позолотой карета, знакомая каждому москвичу. Все ближе, ближе... И вот — она уже перед часовней. Толпа бросилась к ней.

Ограбленная риза. Паника

— Господа, господа, попрошу вас, не толпитесь, не торопитесь... Позвольте внести икону, — мягко обращался монах к богомольцам.

Милая, чуткая, религиозная толпа послушно отстранилась.

— Царица Небесная! Матушка! — раздался восторженный шепот.

Икону внесли в часовню.

Вслед за ней в часовню хлынула толпа ночных паломников.

Небольшая, вся залитая светом восковых свечей, она не могла вместить сразу всех жаждавших как можно скорее приложиться к святыне.

Одни покупали свечи. Другие, опустившись на колени, уже ушли в сладостный трепет жаркой молитвы.

— Радуйся, Пречистая, — начал молебен престарелый симпатичный священник, и вдруг голос его задрожал, пресекся.

Молебен прекратился.

— Что с вами, отец Валентин? — испуганно прошептал монах, склоняясь к священнику.

Лицо того было белее полотна. Широко раскрытые глаза в ужасе были устремлены на высокочтимую чудотворную икону.

— Смотрите... смотрите, — лепетал старый иерей заплетающимся языком, простирая по направлению к иконе дрожащую руку.

— Что такое? В чем дело? О чем вы говорите, батюшка?

— Святотатство... святотатство...

В той тишине, молитвенно-религиозной, какая царила в часовне, слова священника и монаха несмотря на то, что они были произнесены шепотом, были ясно расслышаны молящимися.

«Что случилось? О чем говорят батюшка и монах? Господи, что такое?» — слышались испуганные возгласы.

Всем бросилась в глаза смертельная бледность, покрывшая лицо священника, всех поразило внезапное прекращение им акафиста Божьей Матери.

Толпа ближе притиснулась к духовным лицам. Какая-то взволнованная дама выско-чила из часовни и истеричным голосом бро-сила тем, кто толпился на паперти:

— Чудо! Чудо!

Это слово, как электрический ток, пронзи-ло толпу. Она опять заколыхалась, заволнова-лась.

— Чудо! Чудо! Новое чудо! — прокатилось по ней.

А между тем это «чудо» было очень пе-чального свойства...

Монах, проследив направление дрожащей руки остолбеневшего священника, бросился к иконе, и в ту же секунду часовня огласилась испуганным криком:

— Икону ограбили! Ризу ограбили!

Это было до такой степени неожиданно, что все замерли.

На несколько минут в часовне воцарилась удивительная тишина.

— О ужас! О горе! — бросилось духовенство к святыне.

Часть стекла, прикрывающего икону, была разбита. Венчик-корона ризы, усыпанный

огромными бриллиантами, рубинами, изумрудами и другими драгоценными камнями, исчез.

Теперь это страшное известие о возмутительном святотатстве быстрее молнии разнеслось по толпе богомольцев.

— Да быть не может... Как же это так? Кто этот изверг?

Толпа, оскорбленная в своем лучшем религиозном чувстве, скорбя за поношение святыни, стала страшной.

Гнев засверкал в ее глазах. Раздался плач, послышались истеричные выкрики:

— Злодей! Тать дьявольская!..

— Поймать бы злодея! Мы показали бы ему, как надругиваться над драгоценной святыней!

А перед иконой, в ужасе глядя друг на друга, стояли престарелый священник и монах.

— Как же это... Где же? Когда? — лепетал иерей.

— Может, здесь, сейчас?

— Да как же это быть может, когда мы только что поставили Царицу Небесную?

— Так где же? Я... я еще недавно видел ри-

зу в полном благолепии.

Воцарилась нудная тишина.

Ее нарушил пришедший в себя священник:

— Мои возлюбленные во Христе братья! Мы присутствуем при событии огромной и печальной важности: на наших глазах произведено неизвестными злоумышленниками дерзновеннейшее святотатство: украден венчик-корона нашей величайшей московской святыни. О горе нам, о горе проклятому Иуде-сребренику! О сием важном происшествии обязаны мы немедленно оповестить высшее духовное начальство. А посему, прекращая молебен, прошу вас, христолюбивая братия, с печалью и скорбью в сердцах разойтись.

И толпа, охваченная паникой, ужасом, безмолвно разошлась...

Наутро вся Москва была взволнована святотатственным грабежом. Паника среди духовенства, в ведении которого находилась высокочтимая икона, была колоссальна.

Шли непрерывные заседания духовных отцов, обсуждавших на все лады страшное происшествие.

С несомненностью было установлено одно: в момент, когда икона выехала, на ней драгоценная риза была в полном порядке. Это клятвенно подтвердили лица, сопровождавшие икону: священник и монах.

Светские власти с кипучей энергией вмешались — по просьбе духовенства — в раскрытие неслыханного злодеяния. Прошло около двух недель. Ни один луч света не проник в это темное дело.

Телеграмма Путилину. Путилин в Москве

— Тебе, доктор, известно московское происшествие с ограблением драгоценной ризы чудотворной иконы Иверской Божьей Матери? — обратился ко мне Путилин.

— Как же, как же, Иван Дмитриевич. Что ж, нашли московские ищейки святотатца?

Мой талантливый друг усмехнулся той улыбкой, которой он, порой умел придавать характер особой загадочности.

— Прочти! — протянул он мне депешу.

Вот что стояло в ней:

«Несмотря на все старания московской сыскальной полиции разыскать злоумышленников-святотатцев по делу ограбления ризы

Иверской иконы, она не напала ни на малейший след преступления. Мы обращаемся к вашему превосходительству с покорной просьбой взять на себя раскрытие неслыханного злодеяния. Все ваши условия будут приемлемы. Ваш блестящий розыск хлыстовско-скопческого корабля порукой успеху. Благоволите о вашем согласии почтить уведомлением».

Под телеграммой стояли подписи двух крупных иерархов московской церкви — епархии.

— И что ты ответил?

— Я еду. Ты, конечно, поедешь со мной?

— Что за вопрос, Иван Дмитриевич? Однако, браво: это твоя вторая московская гастроль!

— Но будет ли она столь же успешна, что и первая? — задумчиво произнес Путилин.

— Ты считаешь это дело сложным?

— И очень. Раз мои московские коллеги потратили две недели на расследование его совершенно бесплодно, безрезультатно, значит оно — не из обычных.

На этот раз Путилин не занимался в вагоне никакой диковинной зубрежкой, а отлич-

но спал почти всю дорогу до Москвы.

Когда мы приехали в Белокаменную, он был бодр, полон энергии, силы.

Остановившись в Н-ской гостинице, переодевшись, он поехал к московским собратьям — сыскным властям.

Он был встречен с самой горячей предупредительностью и отменным почтением, хотя... хотя на лицах многих прочел выражение завистливого недовольства, глухого раздражения. Очевидно, его блестящая гастроль по делу «белых голубей и сизых горлиц», когда он одним ударом отыскал пропавшего сына миллионера и открыл хлыстовский и скопческий «корабли», больно задела по самолюбию московских знаменитостей сыска. Увы, как и во всякой профессии, и здесь существует ревность.

— Ну как, коллега, подвигается у вас дело с ограблением ризы высокочтимой иконы? — спросил он шефа сыскной полиции.

— Не скрою, что пока еще определенных нитей у меня не имеется в руках, но есть надежды скоро напасть на верный след.

— Ну, вот видите, я так и думал. Говоря от-

кровенно, я не считаю это дело сверхзагадочным. Я вовсе и не думал впутываться в него, будучи уверен, что вы обойдетесь без всякого сотрудничества... хотя бы моего. Но вот эта депеша принудила меня приехать к вам... Как-то неловко было отказать...

И Путилин показал московскому собрату полученную им телеграмму.

Краска не то смущения, не то досады и обиды бросилась тому в лицо.

— Помилуйте, Иван Дмитриевич, я... мы все так рады, польщены, что вы согласились помочь нам... хотя меня несколько удивляет фраза: «Несмотря на все усилия московской сыскной полиции». Почему они полагают, что мы уже употребили все усилия?

Путилин улыбнулся.

— Знаете, голубчик, их горячку? Они полагают, что это так просто. Вынь да положь им преступника или преступников. Психология известна. Ну-с, перейдем к делу. Что вы предприняли? Я спрашиваю это для того, чтобы нам, то есть мне, не идти уже по одному и тому же пути.

— О, ваше превосходительство любит вы-

водить, сколько мне известно, особые «кривые», — вскользь заметил «московский Путилин». — Извольте видеть, прежде всего важно было установить, хотя бы приблизительно, когда и где могло совершиться это святотатственное преступление.

Чуть заметная ироническая усмешка тронула губы Путилина.

— Совершенно верно.

— Икону увезли с целым венчиком, а привезли без него.

— Стало быть, произойти это могло только или в самой карете, или там, где пребывала икона.

— Ничего не может быть вернее.

— Относительно первого предположения, то есть кареты, сомнения и подозрения отпадают, ибо лица, сопровождавшие святую икону, лица — не новые, пользующиеся общим уважением. Горе и отчаяние их не поддаются никакому описанию.

— Стало быть, остается второе предположение: святой венчик ризы сорван в каком-нибудь частном доме, куда прибыла Царица Небесная.

— Да.

— Великолепно. Вы, конечно, дорогой коллега, ознакомились со списком тех мест, куда в эти злополучные часы приезжала святая икона?

— Ну, разумеется, Иван Дмитриевич. — Даже нотки обиды слышались в голосе московского начальника сыска. Неужели петербургский прославленный гастролер намерен учить его даже азбуке сысканого дела?..

— Вот он, этот список.

Путилин углубился в него. «Половина седьмого — Тверская, дом Олсуфьева, квартира 23, господин Шаронов. Восемь часов и десять минут — Никитские ворота, дом Севастьянова, госпожа Стахеева...» Путилин бормотал очень долго.

— И что дал вам этот список? — вопросительно посмотрел он на собрата.

— За многими из этих мест назначен тайный надзор.

— Он принес что-нибудь положительное?

— Предпоследним местом была убогая квартира ремесленника Иванова с женой. На другой день они, не отметившись, выбыли

неизвестно куда. Что вы на это скажете?

— Гм... подозрительно, — неопределенным тоном ответил Путилин.

— Так вот, мы энергично и разыскиваем эту исчезнувшую супружескую чету. О таких мелочах, как о надзоре за ссудными кассами и иными местами, я не буду вам говорить, ибо это альфа розысков.

— Конечно, конечно. Но скажите, а как вы представляете себе возможность похитить драгоценности с иконы, которая находится под стеклом, во время краткого молебна, в присутствии священника, монаха? — вдруг быстро огорошил коллегу Путилин.

Тот смутился, замялся и после недолгого раздумья развел руками.

— Это признаюсь вам, Иван Дмитриевич, является для меня загадкой.

— Которую, однако, нам надо разрешить. Ну, пока — до свидания, коллега. Чуть что — или я к вам, или вы ко мне.

— А... а вы наметили какой-нибудь ход? — якобы безразлично, а на деле с ревнивой тревогой в голосе спросил он Путилина.

— Пока еще ничего. Скажу вам только од-

но, не в комплимент, что вы — на верном пути...

Полотенце, вышитое шелком

— Добро пожаловать, достоуважаемый господин Путилин! Большое, низкое вам спасибо, что поспешили на помощь нашей беде. — Таким радушным, сердечным приветствием был встречен Путилин духовными лицами, собравшимися для обсуждения необычайного происшествия.

Тут было несколько почтенных иерархов церкви, в числе их и престарелый настоятель-игумен Н-ского монастыря, в ведении которого находилась высокочтимая московская святыня.

— Это мой священный долг простого христианина, — скромно ответил Путилин.

Сюда он взял и меня с собой, по моей настойчивой просьбе. Ко мне также отнеслись ласково, приветливо.

После целого ряда оханьев и аханьев духовных лиц Путилин с своей мягкой улыбкой приступил к допросу:

— Скажите, пожалуйста, в ту достопримечательную ночь, когда было совершено дер-

зостное святотатство, икона не получила никаких даров-приношений?

На лицах духовенства отразилось недоумение.

— Простите, Иван Дмитриевич, мы не совсем ясно понимаем. О каких дарах-приношениях изволите вы говорить?

— Я не говорю о деньгах, которые платятся за посещение, я говорю вот о чем: сколько мне известно, религиозные богомольцы имеют обыкновение благоговейно возлагать на икону — по обещанию или просто по порыву души — различные предметы, большинство которых плоды трудов их рук. Воздухи, пелена, полотенца и тому подобное. Так ведь это?

— Совершенно верно. Многие жертвуют. Случалось, кольца, серьги приносили в дар, дабы камни с них шли на украшение ризы или на благолепие часовни.

Путилин наклонил голову.

— Об этом я и говорю. Так вот, спрашиваю, не было ли какого-нибудь приношения святой иконе в ту ночь, когда произошло исчезновение драгоценностей с ее венчика?

Ответить сразу на этот вопрос не могли.

Решили обратиться к тем лицам, которые сопровождали икону и которые, по их личной просьбе, впредь до выяснения загадочного случая, были отстранены от обязанностей.

Когда они, смущенные и понурые, представили, Путилин мягко обратился к ним с этим же вопросом.

— Как же, как же... Полотенце, вышитое шелком, на икону одели, — уверенно произнес старый священник.

— А кто одел, батюшка? Где? Помните?

Старый иерей сокрушенно посмотрел на всех.

— А как, что, не помню. С такого происшествия память всю отшибло.

— Э-эх! Как же это вы так, отец Валентин? — укоризненно покачали головами духовные лица.

— А вы не помните? — обратился Путилин к монаху.

— Я помню, что это полотенце было положено на киот иконы или на предпоследнем, или на последнем месте, — твердо проговорил монах.

— Почему вы упираете на эти два послед-

ние места?

— Потому что до посещения их на иконе ничего не было.

— Скажите теперь: молебны везде протекали быстро, без всяких инцидентов?

— А именно?

— Не было ли больных, которых бы подводили или подносили к иконе?..

— Как сказать? Плакали... жарко молились... Прикладывались многие... Особенного ничего не происходило.

— А могу я осмотреть последние приношения чудотворной иконе? — вдруг быстро задал вопрос Путилин.

— О, конечно, конечно, уважаемый Иван Дмитриевич! — хором последовал ответ.

Но я ясно видел, что почтенное духовенство немало удивлено расспросами и желанием моего талантливого друга. Им ли, впрочем, было не удивляться, когда Путилин ставил порой в тупик искушенных деятелей на почве преступления или сыска?

...И вот пред ним целая гора всевозможных доброхотных даров святой иконе.

Чего тут только не было!

Рядом с бархатными, шитыми золотом пеленами находились скромные дешевенькие полотенца из грубого холста; там — жемчужом унизанная сумочка для святой ваты лежала бок об бок с дешевеньким ситцевым платочком.

Путилин продолжал внимательно разглядывать приношения.

«Что может найти он здесь, в этих предметах? Какое они могут иметь отношение к возмутительному злодеянию?» — копошилась в голове мысль-догадка.

Вдруг я заметил, что он взял в руки широкое белое шелковое полотенце, расшитое цветными шелками, стал особенно пристально рассматривать его.

Все, в том числе и я, выжидательно и недоумевающе уставились на него.

— Помилуй Бог, какое странное полотенце! — громко произнес он.

— Чем? — быстро спросил я.

— В самом деле, что такое? — ближе придвинулись к Путилину духовные лица.

— Да... да так... рисунок узора занятный, —

бесстрастно ответил он. И повернулся к духовным властям: — Вы позволите мне оставить его у себя на некоторое время? Заинтересовался я им, очень уж небрежно и спешно заканчивали вышивание на нем. Смотрите, какие несуразно большие, неправильно кривые крестики выводили по канве на нем!

— Сделайте милость... хотя это и чужое приношение, но ради пользы дела...

— Да, да. Я вам верну его скоро, если... если оно...

И, распрощавшись, Путилин уехал со мной в гостиницу.

Там, в номере, он опять принялся за осмотр полотенца.

— Как хорошо начато. Удивительно искусная работа! И вдруг такие скачки, прыжки, — бормотал он вполголоса.

— Скажи, пожалуйста, Иван Дмитриевич, что ты так пристал к этой вещи?

— Пристал? Браво, доктор, первый раз в своей жизни ты угадал, изрек истину! К этому полотенцу я действительно пристал, как муха к клею. И для того, чтобы отстать, мне надо даже вымыть руки.

И к моему изумлению, Путилин стал мыть руки у мраморного умывальника.

Когда в два часа я проснулся, номер был пуст. Путилина не было.

— Началось! — вырвалось у меня.

Золотое царство Москвы

Если еще и теперь Замоскворечье полно самобытного уклада жизни, являя собою как бы городок в огромном городе-столице, то в те, сравнительно отдаленные, годы оно было поистине особым царством.

И имя этому царству было — «заповедное», «золотое», «темно-купецкое».

Здесь все, начиная от высоких богатых домов еще старинной, теремной архитектуры, окруженных высокими-высокими заборами, с садами, с голубятнями, с дубовыми амбарами и кончая запахом постного масла, чудовищно-толстыми рысаками, длиннополыми сюртуками «самих», несуразно-огромными бриллиантами и «соболиными» ротондами-шубами «супружеских жен и дочерей», — все говорило о глубоко своеобразном укладе.

Здесь было гнездо величайшего благочестия и величайшего самодурства, суровой

скромности и дикого загула, когда ничем не сдерживаемая широкая душа-натура имени-того купца прорывалась во всей своей порой неприглядной дикости.

Здесь жизнь начиналась и оканчивалась рано.

Когда еще «другая» Москва сладко почивала на белых пуховых перинах, Москва Замоскворецкая уже скрипела высокими, дубовыми воротами, говором приказчиков-молодцов, покрякиванием «самих», торопившихся на открытие своих складов — торговых заведений. Но зато и вечер наступал рано. Еще «та» Москва была полна движения, суеты, а тут уже наступало царство сна. Лишь порой из-за высоких заборов доносился злобный лай-вой цепных собак, да раздавался подавленный шепот вперемешку с поцелуями у ворот, куда тайком удирали от хозяев молодцы и молодницы, горячая кровь которых бурлила, тосковала в суровых купецких домах-монастырях.

Среди них особенно выделялся обширностью и богатством дом, принадлежавший богатейшему купцу-суконнику Охромееву. Это

было целое поместье, где все говорило о могуществе заколдованной золотой кубышки.

Сам он был далеко уже не молод, ему шел шестой десяток. Крутой «ндравом» до лютого самодурства, то скупой до гаргантюанства, то показно щедрый, как Крез, он был несчастлив в семейной жизни. Первая жена умерла, а о красоте ее вся Москва говорила; вторая жена попалась хилая, болезненная, рано состарилась и ударилась в ханжество; дочь единственная — неудачно была выдана замуж; один сын — спился, другой — плохо привыкал к их старинному делу — торговле.

И только «сам» не сдавался, безумно любя это дело, топя порой тоску, злобу, недовольство в целых потоках зелена вина в заведениях, где машина так чудесно играет, хватая за сердце, «Лучину-лучинушку» и «Не белы снега».

Как и всегда, Охромеев в семь часов утра был уже на выезде из дома.

Сегодня он был особенно понур, угрюм, зол; вчера его «прорвало». Он рвал и метал, наводя ужас и трепет на молодцов и на всю дворню и только что собирался выехать, как

увидел направляющуюся к нему фигуру седого человека, степенно благообразного, одетого солидно-скромно.

— Имею честь говорить с господин Охромеевым?

— Я-с самый. Что угодно? — далеко не приветливо рявкнул он.

— Мне необходимо переговорить с вами по важному делу.

— По какому такому делу? Некогда-с мне. Коли что надо — прошу в склад ко мне пожаловать... Да вы кто будете?

— Я вас попрошу немедленно уделить мне беседу, — властно проговорил прибывший. — Я не привык говорить о делах на дворе.

— А ежели я не желаю? — вскипел задетый за живое купец-самодур.

— Так я вас заставлю.

— Что?! Что ты сказал? Ты меня заставишь?

— Да, я *тебя* заставлю.

И тихо добавил:

— Я начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции, Путилин. Так что вы, господин Охромеев, погодите меня тыкать. Если у вас, в

Москве, это расчудесная любезность, то у нас, по-петербургски, это называется свинством. Поняли?

— Прошу извинить, ваше превосходительство. По какому случаю?.. — смущенно и хмуро усаживал нежданного гостя миллионер в своей парадной гостиной.

— Скажите, господин Охромеев, вы принимали у себя недавно икону Иверской Божьей Матери?

На лице миллионера купца, с которого уже соскочил последний угар тяжелого похмелья, выразилось сильное недоумение:

— Как будто принимали.

— Что это значит: как будто?

— А то-с, что чудотворная икона частенько бывает у нас. При этом я не всегда бываю. Занят, как можете сами полагать, по торговым делам.

— Кто же принимал икону?

— Супружница моя... Женщина она сирая, болезненная, молиться любит очень.

— А вы не помните: такого-то числа была у вас чудотворная икона?

— Была-с. Это я помню, потому что на дру-

гой день дерзостный случай ограбления ее по городу разнесся.

— Вы присутствовали при приеме иконы?

— Нет-с. Не мог-с. По торговому обсуждению был занят. А вы, извините меня, ваше превосходительство, по какому случаю... по какой причине вы меня о сем случае допытываете?

— Сейчас я вам объясню, а пока... вам не знакомо это полотенце?

И Путилин, вынув полотенце, вышитое шелком, развернул его перед удивленным купцом.

— Нет-с... Понятия не имею о сем предмете.

— Кто в вашем доме может заниматься рукоделием? Ваша супруга, конечно, нет?

— Нет-с. А девушка у нее есть. Глаша, та, кажись, затейница по этой части.

— Кто эта девушка, господин Охромеев?

— Сиротка одна. Супруга моя — женщина сердобольная, приютила ее, она у нас пятый год живет... Лицом хоть не вышла, а девушка умная.

— Поведения она безупречного? Балов-

ством не занимается?..

Замоскворецкий воротила даже руками развел.

— Слышать — ничего не слышал, а поручиться — как могу? Ноне, ваше превосходительство, народ баловаться начал. Примерно сказать, за дочь свою — и то не ответишь по совести. А все же, в чем дело-то именно у вас до меня?

Путилин, помолчав, вдруг встал и пожал руку толстосуму.

— Вот что, молчать вы умеете?

— Умею-с, когда требуется. Какие же мы были бы купцы, ежели языком звонили?..

— Верно. Ну, так вот что я вам скажу: у меня мелькнуло подозрение, что ограбление ризы иконы могло произойти в вашем доме.

— Что-с?! — даже отшатнулся от Путилина Охромеев. Нет слов описать его изумление, граничащее со страхом, ужасом.

— К... как-с? Что-с? В моем доме... в моем доме ограбили икону?! Да вы как это, примерно: шутите аль взаправду говорите?

— Боюсь, что правду, хотя поручиться тоже не могу, — твердо произнес благородней-

ший сыщик.

Лицо купца-суконника стало страшно. Оно побагровело, жилы напряжились на лбу.

— Что ж это такое?.. Такое поношение... такая поганая мерзость на мой дом... Да я к митрополиту пойду! Да я все власти на ноги поставлю! Да как же это вы так мой дом грабительским называете?

Охромеев хватался за косой ворот рубашки, словно его душило.

— Успокойтесь, голубчик. Придите в себя и слушайте меня внимательно. Я пришел к вам не как враг, а как друг, чтобы избавить ваш дом от гласного позора. Вы — ни при чем, кто же в этом может сомневаться? Но вы сами сказали, что за других ручаться нельзя. А что, если эта самая девица-сиротка устроила эту штуку?

— Кто? Она? Эта девчонка — Глашка?!

— Именно если она? Вот мне и необходимо тайком, без шума и огласки понаблюдать, разнюхать, проследить. Я предлагаю вам следующее: я останусь у вас в доме на некоторое время. Вы представите меня вашей супруге, как своего старинного друга-приятеля, купца.

Долго я вас не утружу своим присутствием, будьте покойны. Если я ошибся, тем лучше для вашего дома; если я окажусь прав, то это тоже будет лучше, чем если бы я начал действовать строго официально. Будет гораздо меньше шуму, огласки. Ну-с, вы согласны?

— Что ж... спасибо вам, коли так... Вижу, человек вы чувствительный, с сердцем... Ах, черт возьми, вот не было печали.

У купца даже руки дрожали, и на этот раз — не от перепоя.

Орел, ворона и коршун

— Так вы, стало быть, ближний друг Поликарпа Силыча? Очень приятно. — Рыхлая, словно водой налитая, еще не очень старая, но рано состарившаяся купчиха безразлично глядела на Путилина своими круглыми, навывкате глазами.

— А это вот сиротка-девушка, Глаша. Глашка, да что это ты, мать моя, словно чурбан, стоишь, гостя не приветствуешь? Необразованность, уж не взыщите! — извиняюще заковыхалась в широком кресле «сама».

— Простите, Феона Степановна... Здравствуйте, — раздался неприятный, скрипучий

голос.

Путилин впился глазами в произнесшую эти слова. Перед ним стояла некрасивая, угловатая девушка, со впалой грудью, с угреватым лицом. Волосы неопределенного, какого-то пегого цвета, были гладко прилизаны на пробор. Скромненькая ситцевая кофточка, темная...

Но разительный контраст со всей той убогой, некрасивой внешностью составляли ее глаза: большие, черные, в которых светились ум, хитрость, огоньки какой-то непоколебимо твердой воли.

— Мое почтение, Аглая... Аглая... А вот как по батюшке? — ласково улыбаясь, проговорил Путилин.

— И-и, батюшка, ни к чему вам это знать: чести ей много будет. Глаша она — и все тут!

Путилин увидел, как из-под опущенных ресниц вырвался неуловимо быстрый взгляд, полный злобы, ненависти.

«Ого! Девушка умеет, кажется, кусаться», — пронеслось у него в голове.

А девушка поспешно села за столик и принялась за вышивание.

— Да-с, ну и чудеса творятся у вас, уважаемая Феона Степановна, в Белокаменной! — вступил он в разговор с «самой», быстро охватывая глазами эту комнату с киотами образов, перед которыми горело чуть не двадцать лампад.

— А что такое? — заколыхалась купчиха.

— Да как же: икону-то высокочтимую ограбили. Шутка сказать, эдакое злодеяние.

— Ах, уж и правда! И кто это изверг такой отыскался? А знаете ли вы, что мы как раз в тот самый вечер Царицу Небесную принимали?

— Да неужто?

— А ей-богу? Правда, Глаша?

— Правда, — слышался глухой, еле слышимый ответ.

— Прикладывались? — круто повернулся к некрасивой девушке Путилин.

Послышался звук упавших на пол ножниц.

— Да-с...

— А позвольте полюбопытствовать, что это вы рукодельничаете?

И с этими словами Путилин подошел и низко склонился к работе Глаши.

— Хорошо-с! Искусная вы мастерица, барышня! Ишь как ровно вышиваете. А вот некоторые небрежно к сему относятся...

— Бывает-с.

— Видел я вот на чудотворной иконе Иверской полотенце одно. Шелковое, цветным шелком расшитое... Поглядел на него, аж диву дался: начато хорошо, а окончено плохо. Крестики эти самые равно как танцуют, хе-хе-хе, вкривь да вкось идут... Видно, торопилась рукодельница дар иконе принести. Что это, барышня, ручки у вас дрожат? А? Ишь, как прыгают, хе-хе-хе.

— Заторопилась! — недовольно окрикнула «сама».

— Рука... устала, — еле слышно слетело с бескровных губ девушки. — А вы... вы нечто видели это полотенце? — вдруг сразу сорвалось у нее.

— Какое? — удивился Путилин.

— Да... вот... вы говорили... плохо вышито полотенце...

— А ежели бы не видел, так как бы про то знал? — тихо рассмеялся Путилин. — А оно что же вас так заинтересовало?

Путилин увидел на себе взгляд девушки, полный ужаса, страха.

— Я... я так спросила, — пролепетала она.

— Глаша, а ты бы позвала Васю кiot от образа исправить. Вы не обессудите, гостюшка, коли при вас явится молодец? Такое дело вышло: плинтус от божницы отвалился... Приклеить надо.

— Что вы, матушка, Феона Степановна, пожалуйста, пожалуйста...

И когда Глаша скрылась, Путилин быстро спросил купчиху.

— А кто таков этот Вася?

— Молодец у нас. Ловкий паренек, на все руки. И столярит, и слесарничает... Золотые руки, да только ветрогон сам.

— А чем же? В чем именно?

— Головы девчонкам кружит... Жалились уж на него многие... А я этого не люблю... известно дело, молод. Жениться бы пора ему... Прогнать жалко, пропадет парень... Ловкий, красивый.

И когда в этой комнате, пропахшей ханжеством, росным ладаном и хворью водянистой купчихи, появилась фигура Васи, Путилин

должен был сознаться, что он, действительно, и ловкий, а главное, изумительно красивый парень. Невысокого роста, стройный, с могучей грудью, с красивой посадкой головы на широких плечах. Темные вьющиеся волосы. Иссиня-черные глаза, плутовские, «вороватые», такие глаза, по которым с ума сходят девушки и женщины. Хищный оскал грубо чувственного, красного рта со сверкающими белозубыми зубами. Небольшие усы и вьющаяся бородка обрамляла это дерзкое, вызывающе красивое лицо.

— Здравствуйте, Феона Степановна! — низко поклонился он каким-то фамильярно-плутоватым поклоном.

— Ну, ты... ветрогон... лясы все точишь, — как-то всхлипнула старая купчиха. — Гости что же не приветствуешь?

Странное дело: в ее голосе вместо желаемой строгости послышались как бы ласковость, приторно-противная нежность опасного периода заката бабьей второй молодости.

«Ого, однако, этому молодчику живется здесь, очевидно, тепло...» — усмехнулся про себя Путилин.

Вася вежливо низко поклонился Путилину, скользнув по его фигуре подозрительным взглядом своих «воровских» глаз.

— Киот-с поправить-с, Феона Степановна? Можно-с! Сей минутой... Это мы можем, это мы живо устроим-с.

И, вынув из принесенного мешка целый ряд инструментов, он ловко и решительно приступил к работе.

Путилин не спускал глаз ни с него, ни с угреватой, некрасивой Глаши. Несколько раз он подмечал взгляды девушки, устремленные на красавца-парня, взгляды, в котором светились восторг и немое рабье обожание, преклонение.

— Ну ты, матушка, зенки-то не пяль, а работу делай! — сердито окрикнула Глашу «сирая» купеческая жена.

Путилин подошел к Васе.

— Однако, паренек, работаешь ты ловко! Ишь, в руках у тебя так все и кипит.

— Ничего-с, ваше степенство, по малости справляемся, — усмехнулся тот.

— Ловко! Прямо первому мастеру за тобой не угнаться. Где это ты так, паренек, навост-

рился?

— Помаленечку, слету, ваше степенство, набил руку.

— Доходчив же ты! А ко мне на окончательную выучку поступить не хочешь?

— А куда это к вам? — в упор посмотрел на Путилина красавец-парень.

— Дело у меня большое есть, слесарное... Стекла давить... Золото перепиливать, щипцами открывать...

— Нет, батюшка, вы его от нас не перемаивайте: он в дому нам нужен, — недовольно проговорила сама.

— Чудное ваше дело, ваше степенство! — сверкнул глазами Вася. — Не слыхивал я о таком слесарном ремесле...

Роковая любовь

Тихая весенняя ночь спустилась над запоевным замоскворецким царством и над домом миллионера-суконника. Но не всем эта благодатная ночь принесла с собою желанные отдых, покой.

В небольшой горенке, убранной более чем скромно и незатейливо, кроткий свет лампы бросал отблеск на некрасивую, угловатую

фигуру девушки.

Она, словно пойманная и запертая в клетку птица, рвалась и металась по этой комнате-конуре.

Несколько раз она бросалась на колени перед иконой и, заломив в отчаянии руки, тихо шептала жаркие слова молитвы:

— «Прости... Смилуйся, Владычица»...

Потом, словно не в силах молиться, она порывисто вскакивала и, бесшумно подходя к двери, прислушиваясь к чему-то с мучительной страстностью.

Каким огнем жгучего ожидания горели ее большие глаза, как бурно подымалась ее некрасивая грудь!

— Господи, кажется, идет?.. Да, да, скрип...

Кто-то, действительно, тихо, крадучись, пробирался по закоулкам охромеевского дома к горенке сиротки Глаши, — и вскоре мужская фигура предстала перед ней.

Девушка так и рванулась к нему.

— Ты? Вася, милый мой...

В воздухе уже мелькнули белые худые руки и обвились вокруг мужской шеи.

— Пусти, надоедая. Эк ведь схватывает те-

бя! — раздался злобный, насмешливый голос.

— Вася! Васенька мой, — забила на груди вошедшего девушка.

— Вася! Вася! — передразнил ее красавец-парень. — И где только стыд-то твой бабий?.. Говорил ведь тебе: обождать теперь надо свиданьица устраивать, потому что опасно теперь, аккуратность всяческую соблюдать надо. Ну, говори, зачем звала, что важное передать хотела?

— Не сердись, голубь ты мой!.. Ты видел этого противного старика, что у нас загостил?

— Сама знаешь, видел, — угрюмо ответил Вася. — Дальше что?

— А то, что страшен он мне очень... подозрительный какой-то... Сегодня о полотенце говорил.

— О каком? — привстал с края кровати разудалый купеческий молодец.

— Ну, о том... знаешь...

Вася схватил за руку девушку.

— И ты... молчала до сей поры? Ты не упредила? Ты еще меня сюда к себе заманила?

Злоба и страх зазвучали в голосе парня.

— Затем и зазвала, чтобы сказать тебе: бе-

жим, Васенька, бежим!

Тихий смех, полный бешенства, прозвучал в горенке «сиротки».

— Бежим, говоришь? Так... умно придумала... И с тобой, конечно, вместе.

— А то как же? Или меня оставить хочешь? Так ты... того, Вася, не забывай все же, что вместе дела делали, вместе и ответ, участь разделять. Понял ты?

— Как не понять... понял! — злобно усмехнулся тот.

— Тебя ради, ради любви моей к тебе пошла я на это страшное дело. Неужто ты думаешь, что зря я душу свою загубила? Великий грех связал нас теперь на всю, всю-то жизнь, Васенька... Ну, не гляди на меня так страшно... Бежим, Вася! Повенчаемся, а там опосля камни-то сбудем и лихо заживем.

— А ты... ты не подумала, постылая, что бегством сами себя выдадим?

— Постылая? — вырвалось стоном из груди Глаши.

— Да, да, постылая! — исступленно ответил ей в тон красавец-парень. — Побаловался с тобой, а ты, как пиявица присосалась ко

мне... Слышь, не люблю я тебя... противна ты мне! Ослобони ты меня от себя!

— Никогда! Лучше убью тебя, лучше руки наложу на себя...

— Ру-ки на-ло-жишь на себя? — вдруг задумчиво, членораздельно произнес Вася.

Какая-то глубокая борьба, по-видимому, происходила в нем.

Он опять встал и подошел к Глаше. Обняв ее сильной рукой, низко склонившись к ней своим вызывающе красивым лицом, он глухо зашептал:

— Слушай. Последнее предлагаю тебе, я уеду на побывку в деревню: ты останешься здесь... Я месяца через два выпишу тебя... тогда мы окрутимся. Идет, Глаша?

— Нет! Нипочем на это не согласна... Ты, знаю я тебя, — вор-парень. Сам говоришь: опостыла я тебе... Обманешь! Убежишь, а там ищи ветра в поле. Ловкий ты, Васенька! Ха-ха-ха!.. Прости меня! Либо сейчас бежим вместе, либо...

— Либо что? — свистящим шепотом спросил охромеевский молодчик.

— Либо хоть на каторгу, хоть в петлю, все

едино!

— На каторгу? Ну нет, змея постылая, на каторгу не хочу... А вот в петлю... *тебя* можно!

— Что ты?! Пус... пусти... пом... помо... помогите!.. — жалобно вырвался подавленный крик некрасивой девушки. Вырвался — и замер, потонув в горенке.

Одной рукой зажимая рот Глаше, другой красавец парень схватил полотенце и стал обматывать его вокруг ее шеи.

— Стой... стой... Шалишь, не вывернешься, змея! Да не кусайся, дьявол, не выпущу! Руки на себя наложить захотела? Ну, вот и наложишь, на этом вот крюке покачаешься... Добром не хотела — околевай, постылая, — хрипел он, затягивая полотенце мертвым узлом.

— Не тем полотенцем, негодяй, душишь, этим вот надо! — загремел в горенке «сиротки» громовой голос Путилина.

Он выскочил из-под кровати и, зная «лихость» преступного парня, с револьвером в руке бросился на него.

Тот, в ужасе и страхе, выпустил девушку из своих крепких объятий, отшатнулся, за-

стыл, замер.

— Попался! — бешеным воплем вырвалось у него.

Одной рукой Путилин угрожал Васеньке револьвером, другой — распустил полотенце с шеи несчастной соучастницы преступления.

— Да, ты попался, Васенька, — невозмутимо спокойно ответил Путилин. — Понял теперь, куда я приглашал тебя давеча, когда ты киот купчихи исправлял.

— Как не понять... Понял! — с перекошенным от злобы лицом проговорил он с поразительным самообладанием. — Почуял ваш проклятый дух.

— Что же этот дух: лучше или хуже ладана пахнет?

Красавец-парень молчал.

Путилин подошел к нему вплотную.

— Слушай меня, Василий, теперь внимательно... Хочешь ты впутывать в эту историю эту девушку или не хочешь?

— А то как же? — нагло сверкнул он глазами. — Вместе, чай, икону ограбили.

— Ты лжешь, она была только твоей по-

корной, безвольной соучастницей. Она действительно вышила полотенце, но ведь это ты намазал его патокой и в ту минуту, когда она вешала его на икону, ты, прикладываясь, под ее прикрытием быстро выдавил стекло и железными острыми зубцами сорвал, «срезал» кончик с драгоценными камнями. Потом она этим широким полотенцем прикрыла икону... Ничего не было видно, заметно. Так?

— Так.

— Так зачем же тебе ее впутывать? Ведь ты ее натолкнул на это святотатственное дело? Ведь ради любви к тебе она пошла на него?

— Нет уж, *вместе*, господин сыщик, — злобно тряхнул кудрями Васенька.

— Хорошо. Но помни, что в таком случае ты будешь судиться и за покушение на убийство. Ты ведь удавить ее сейчас хотел. Так вот решай: забирать ее или нет. Неужто она мало наказана. Ведь ты ее обесчестил.

— Сама отдалась, — понуро ответил красавец-парень.

— Ну, Василий? Я жду. Камни при тебе?

— Зарыты...

— Укажешь?

— Э-эх! — исступленно заревел он, точно бык, ведомый на заклание, и вдруг грянулся перед иконой на колена. — Грех попутал... Дьявол соблазнил! От Бога уйти захотел. Вяжите меня, господин начальник, тяжело мне, тяжело...

И нудно, мучительно нудно зарыдал.

— Что ж, братъ и ее, твою горемычную любовницу Глашу?

— Нет... Бог с ней... сама, знать, судьба развязала нас... Эх, жизнь-то свою ни за что погубил!..

Только один Охромеев присутствовал при том, как из ямки в саду вытаскивались зарытые драгоценные камни.

— О господи! — шептал он. — В моем доме — и этакое грабительство!

Два преступника

— Где вы пропадали, уважаемый Иван Дмитриевич? — взволнованно бросился начальник московского сыска к приехавшему Путилину.

— А что, разве есть что важное? — спокойно спросил Путилин.

— Да как же: преступника выследили! Иванов арестован в деревне. Я бросился вчера к вам. Ваш чудак-доктор ровно ничего не мог мне объяснить, где вы находитесь. Он страшно взволнован...

— Досадно! — усмехнулся Путилин.

— Что именно? — насторожился «московский Путилин».

— Досадно, что арестовал и привез вам же-преступника. Я — попался. Вы — посрамили меня, коллега... Хотя камни...

— Что?! Вы привезли преступника? Камни? Какие камни?!

— Вот эти.

И Путилин положил на стол венчик с крупными драгоценными камнями.

— Господи, да как же это?! Откуда?

— Ай-ай! Стало быть, налицо два преступника? Дело усложняется.

Московский шеф сыска побагровел от бешенства и гнева.

— На... нашли?

— Как видите...

В кабинет под конвоем вводили Васеньку.

Почтенное духовенство захлебывалось в

выражениях глубокой признательности.

Когда я, этот «чудак-доктор» (так меня окрестил московский обер-сыщик!), спросил моего талантливую друга о том, как он дошел до путеводной нити этого криминального клубка, тот рассмеялся и ответил:

— Видишь ли, доктор... Я почти не сомневался, что ограбление могло произойти только в одном из тех домов, куда святая икона прибывала в этот вечер. Для меня было ясно, что ограбить икону могли только с «отводом глаз», то есть пользуясь тем временем, когда на нее возлагали какое-либо приношение. Я и обратил на эти приношения особое внимание. Случайно мне бросилось в глаза белое шелковое полотенце. Когда я взял его, оно приставало к рукам. Это было клейкое вещество, вроде клея, патоки, меда. Как тебе известно, с помощью этих веществ можно бесшумно выдавить стекло, часть его. Вышивание показывало руку, работу хорошей мастерицы.

Где отыскивать ее? Уж, во всяком случае, не в квартире ремесленника Иванова с его женой — грубой деревенской бабой.

Я повел свою «кривую» смелее, чем мой московский коллега, и остановился на доме купца Охромеева, одно имя которого внушало тому почтение. «Как это, дескать, можно заподозрить такой богатый дом?»

Часть вечера и ночи я следил за охромеевским домом, а наутро — я уже вошел в него. Остальное ты знаешь.

Похитители невест

Богатая свадьба

В Н-ской столичной церкви заканчивались спешные приготовления к богатому венчанию.

Одни служители расстилали нарядный, но уже значительно потертый ковер, другие — устанавливали аналой, осматривали паникадило, люстры, смахивали пыль, что-то чистили тряпками.

— Старайся, Егор, сегодня, кажись, нам хорошо перепадет! — вполголоса говорил один сторож другому.

— Нешто очень уж богатые?

— Чего богаче: миллионы венчаться будут.

— Как так миллионы? — глупо переспросил служитель.

— А так, невеста — первеющая богачиха, единственная дочка купца первой гильдии Сметанина, жених — тоже страшный богач будет, сын купца Русанова. Вот и выходит, что миллионы на миллионы пойдут!

— Ой ли!

— Дурак, правду говорю.

Это известие окрылило Егора. Мысль о щедрых чаевых утроила его старание, и он с каким-то зверским удовольствием плевал на тряпку и обтирал ею перила и карнизы иконостасов.

На клиросе — справа и слева — уже толпились певчие в парадном одеянии.

Регент особенно суетился и волновался.

— Вы, Колюченко, кажется, опять уже «того»? Успели уж! Насвистались? Эх, что с вами и делать!.. Сегодня ведь трудный концерт предстоит...

В голосе регента слышалась укоризна.

— Не беспокойтесь, Иван Елпамидонтович, как известно вам, октаве необходимо подкрепление. Какая же мыслимая октава без водки! Конфуз один выйдет... А я вот как гряну: «Гря-а-ди, гряди, голубица-а-а!..»

И он грянул действительно так, что у регента выпал из рук камертон, а долговязый сторож вздрогнул и чуть не изрек ругательство.

— Эх ведь его как пробирает!

Тенора, дисканты, альты пробовали «верхи» по тону.

В церкви были уже и батюшка, и отец диакон.

— Хорошая свадьба! — убежденно крякал отец диакон.

— Душеспасительная, — соглашался батюшка.

Кое-кто из публики, толпившейся около церкви, проник во внутренность ее.

Это поставило в тупик церковный причт.

— Как отнестись к сему? Пускать народ, жадный до таких зрелищ, в церковь или не пускать?

— Распоряжений особых не было... Стало быть, можно, — решил батюшка. — Как в храм Божий не пускать публику?

— Э-х! — злобно и сокрушенно ворчали сторожа, взирая на «любопытных», наполняющих храм. — И что это они прутся?

— Ну, вы, почтенные, не лезьте, не толпитесь, не закрывайте проход... Не для вас, чай, ковер разостлали! Становитесь в сторонку!

— Известно дело, не для нас... Где нам на бархатных коврах стоять, — шипели достойные «цикорки», обожающие лицезрение богатых венчаний. — А храм-то, чай, не для

одних-то толстосумов...

— Ну, ну, ладно... Не прохлаждайтесь, а пожалуйте в сторонку! — окрысивались сторожа.

В церковь уже начинали съезжаться приглашенные на церемонию венчания. То и дело подкатывали экипажи, все — собственные, из которых выходили представители и представительницы именитого петербургского купечества, разодетые в шелка, бархаты, сверкающие массой драгоценных камней.

— Гляди... гляди... Ишь как сияет!.. — доносилось из толпы.

— Чего им не сиять при эдаких деньжищах...

— А что, жених-то еще не приехал, миленькие?

— Нет. Сейчас, должно, прибудет... А ты что, перехватить его у невесты хочешь, тетка?

В толпе, запрудившей собою место перед церковью, паперть и сени ее, прокатывается здоровый, веселый смех.

— Тьфу, тьфу! — плюется, негодует тетка. — Во-первых, какая я тебе тетка, а потом

от живого мужа нешто можно за другого выходить?

— А небось хотела бы за такого миллионщика пойти? — не унимается досужий балагур-зубоскал. — Эх, жалко, что ты замужняя, непременно влюбился бы в тебя жених.

Кругом смех усиливается... Тетка в пылу благородного негодования и оскорбленной гордости начинает уже ругаться.

— Господа! Потише, без безобразий! — решительно изрекает будочник, следящий за порядком перед церковью. — Потеснитесь! Не прите!

Экипажи, привезшие своих богатых владельцев, отъезжали в сторону.

Сквозь узкий проход между двух стен толпы-публики проходила нарядная вереница свадебных гостей.

Церковный староста, видя, что любопытных прибывает все более и более, крикнул сторожам:

— Протяните канаты! Живо, живо!

— Па-а-ди! Берегись! — доносились громкие, жирные окрики чудовищно толстых кучеров.

— Ах, милушки, уж не жених ли?

— И то как будто.

— Чего вы врете, какой это жених...

Шумит, волнуется, жужжит, судачит и злословит толпа.

— Едет! Едет! — прокатилось в ней волной.

Действительно, из роскошной кареты вышел жених, окруженный щегольскими шаферами, под руку с посаженным отцом.

— Ах, молодой, красивый! — заволновалась толпа.

— И такой миллионщик!..

В церкви уже зажжены люстры, паникадило, вся она сверкает морем огня. Блеск свечей переливается радужным светом в бриллиантах нарядных дам и девиц богатого купеческого царства.

Теперь началось ожидание невесты. Любопытство и нетерпение толпы достигли крайнего напряжения.

Прерванное венчание. Невеста с усами.

Ее похищение

Почти одновременно к церкви подъехали две кареты, запряженные дивными рысаками.

Из первой кареты вышла невеста, окруженная «подругами», вторая карета отъехала в сторону.

Те, кто ожидал прибытия невесты, чтобы посмотреть, какова она, были жестоко разочарованы: из-за плотного шелкового тюля-газа фаты лица совсем не было видно. К тому же невеста не отнимала от лица кружевного платка.

— Что это она так закрылась?

— Стыдится, может...

— Да чего ей стыдиться-то? Говорят, красавица писаная. Сопутствуемая посаженной матерью, рыхлой купчихой в богатейшем наряде, невеста вошла в храм.

Навстречу ей спешил жених, кудрявый молодой человек, во фраке, с глупой, бараньей физиономией.

— Дорогая, — тихо шепнул он ей.

«Гря-а-ди, гряди, голубица!» — грянул хор приветственный концерт.

На одну секунду невеста остановилась, вздрогнула, словно страхась идти дальше, но потом, очевидно, взяв себя в руки, она — под руку с женихом — направилась к аналою.

— Что это она платок держит у лица? Плачет, что ли?

— А как же не плакать, последний девичий денек, чай.

Сотни глаз, жадных, любопытных, устремлены на пару, которую сейчас будут венчать.

Священник, мягко, ласково улыбаясь, встречает жениха и невесту, устанавливает их у аналоя. Шафера занимают свои места за женихом и невестой. Заливаются тенора, гудит октава.

Гря-а-ди, гряди, голубица...

— Как она волнуется!

— Зато как ликующе весел и победоносен жених!

Венчание началось.

Но не успел еще священник произнести несколько слов, как вдруг церковь огласилась безумно-страшным криком жениха:

— Ай! Господи, что это?

Храм вздрогнул. Все, как один человек, направили свои взоры на венчающихся, и то,

что они увидели, заставило и их испустить возгласы, полные не меньшего страха:

— Глядите! Глядите! Что э-это такое?

Невеста стояла, откинув с лица венчальную фату.

— Усы! Мужчина!

Батюшка отшатнулся. Жених окаменел.

На лице невесты красовались весьма изрядные усы!

— Что это... кто это?.. — бормотал жених, бледный, как полотно, с выпученными глазами.

— Что такое? Что случилось?

— Мужчина... усы... невесту подменили...

Пользуясь общей паникой, вернее, общим оцепенением, невеста с усами быстро направилась к выходу.

В «сенях» храма к ней бросилась высокая мужская фигура, закутанная в широкий плащ, и схватила невесту на руки.

— Скорее! Моя! Моя! — прозвучал громкий, ликующий голос.

Все как бараны шарахнулись в сторону. Держа невесту на руках, похититель выбежал на паперть, сбежал по ступенькам и крикнул:

— Семен, давай!

Карета лихо подкатила и, когда в ней скрылся похититель со своей добычей, быстро понеслась и скрылась за углом следующей улицы.

— Держи! Держи! — раздался чей-то испуганный крик.

То, что произошло затем в церкви и перед ней, не поддается описанию.

Когда миг столбняка, овладевшего всеми, прошел, начались сцены, сделавшие бы честь любой трескучей мелодраме.

— Что же это такое? — дрожащим голосом спросил донельзя пораженный священник, обращаясь к жениху, которого уже окружала толпа родственников и знакомых, как его, так и его невесты.

Тот бессмысленно хватался руками за голову.

— Ничего... ничего не понимаю... не знаю.

И бросился вдруг к посаженной матери невесты.

— Как же это так?! Кого вы привезли?!

За ним наступал и его посаженный отец:

— Стыд! Позор! Бесчестие! Кого вы привез-

ли, матушка?

— Как кого? Глашеньку Сметанину, — лепетала обезумевшая от всего происшедшего посаженная мать.

— Это — с усами-то?.. Это у Глашеньки в одну ночь усы выросли?! Да это бунт, заговор.

Купчиха, посаженная мать, сомлела и опрокинулась навзничь. Ее подхватили. Это еще более усилило общую панику.

— К родителям невесты!

— Дать знать полиции!

— Вот так история! Невесту с усами выкрали!

Жених ломал в отчаянии руки и громко плакал. Его утешали шафера, родственники, знакомые.

— Да в чем дело? Как же так могло это произойти? Таких чудес еще не бывало!

— А я почему знаю, я откуда знаю? — захлебывался злосчастный жених с бараньим лицом. — Осрамили, ославили!..

— Да откуда у нее усы выросли?

— Наваждение... Дьявольское наваждение и искушение. Может, это и не невеста, а оборотень?

— Так зачем же этого оборотня стали похищать?

— Скандал! Скандал! На какую свадьбу нас пригласили?

— Н-да... можно сказать, красивенькая история!.. — Батюшка уныло смотрел на диакона.

— Тридцать пять лет священствую, а такого чуда не видывал, — сокрушенно бормотал он.

— Что говорить, «душеспасительная» свадьба, отец Александр, как вы соизволили ее назвать, — насмешливо отвечал диакон. На клиросе шло не меньшее волнение:

— Вот так «голубица»! — ужасной октавой гремел бас. — У этой голубицы усы чуть-чуть поменьше моих. А еще регент говорил: и зачем это вы, Колюченко, насосались вином? А ежели я предчувствовал, может, сие церковное поношение? А? Иван Елпамидонтович, как же вы полагаете: прав был я или нет, взявши подкрепление загодя?

Регент только руками разводил.

— Ну-ну... Пропала мзда за концертное пение...

Перед церковью шло не меньшее волнение.

— Невесту украли! Вот так фунт изюму с кисточкой!

— Слышь, паря, у невесты под венцом усы выросли!

— Ври больше...

— А ей-богу! Усы — во какие!

— А как это он ее ловко, братцы, слямзил!

Молодчина!

— Это по-нашенски: орел!

— Матушки! Святители! — шамкала какая-то ветхая старушка с костылем. — Неужто правда? А где ж у ней, у поганой, усы-то выросли?

— На губе, бабушка, на губе!.. — с хохотом отвечали ей голоса зубоскалов.

Паника росла, увеличивалась.

К вечеру весь Петербург кричал о необыкновенном приключении с венчанием двух отпрысков известнейших миллионеров-купцов. Стоустая молва, конечно, разукрасила все это, и многие невесты-девицы со страхом бросались к зеркалу:

— Господи помилуй, уж не выросли ли и у

меня усы?

«Отыщите невесту, господин Путилин!»

Новое похищение

Я сидел у Путилина в его служебном кабинете, беседуя с ним о необычайном происшествии, имевшем место в Н-ской церкви. Было часов около девяти часов вечера.

— Хочешь держать пари, доктор, что они явятся ко мне? — улыбаясь, задал мне вопрос мой талантливый друг.

— Кто «они», Иван Дмитриевич?

— Ну, потерпевшие, конечно... Честное слово, если бы я был на их месте, я сделал бы это!

— Ты говоришь о трагическом венчании?

Путилин улыбнулся еще более широкой улыбкой.

— Трагическом... Ах, мой скверный доктор, как ты любишь сгущать краски. По-моему, тут гораздо более налицо комического, чем трагического, элемента.

— Но ведь это — необычайно, как хочешь...

— Совершенно верно. И наперед тебе скажу, дело это очень трудное, но... но не мрачное...

— Что ты за удивительный человек, Иван Дмитриевич! — искренно-восторженно вырвалось у меня. — Неужели ты уже сейчас что-нибудь проводишь?

В дверь кабинета раздался стук.

— Ваше превосходительство, вас желают видеть...

— Господа Русановы? — спокойно спросил великий сыщик.

— Да-с, — удивленно ответил дежурный агент.

— Пусть войдут.

В кабинет вошли два посетителя, один — уже старик, красивый, важный, упитанный, другой — молодой человек в пиджаке, с грустным бараньим лицом.

— Господа Русановы? — обратился к вошедшим Путилин.

— Да-с, ваше превосходительство, — ответил старик.

— Прошу покорно. По делу неудачного венчания?

Миллионер Русанов-отец удивленно вскинул глазами.

— А вы... вы уже знаете?..

— Я, голубчик, начальник сыскной полиции, поэтому я все должен знать.

И, повернувшись к молодому человеку, неудачному жениху, шутливо проговорил:

— Эх, молодой человек, молодой человек! Нехорошо: из рук невесту выпустили! Проворонили!..

Молодой Русанов густо покраснел, с досадой мотая кудрявой бараньей головой.

— Как же-с... помилуйте...

— Усов испугались? Подумаешь, какая невидаль!

— Как, ваше превосходительство?! — оба в голос воскликнули они. — Как? Вы находите неудивительным, что у девушки вдруг под венцом выросли большие усы?!

— Совершенно верно: ровно ничего удивительного не вижу в этом, — бесстрастно, с улыбкой ответил мой гениальный друг.

Оба Русанова в сильнейшем изумлении уставились на Путилина. Каюсь. Я сам с не меньшим удивлением поглядел на него. «Что он говорит?» — пронеслось у меня в голове.

— Усы у девушки?!

— Усы у девушки.

— Вы как это, всерьез или в шутку, ваше превосходительство? — В голосе старика миллионера послышалась досада.

— Я не имею обыкновения шутить, любезный господин Русанов. Ну-с, в чем дело? Невеста вашего сына, дочь купца первой гильдии Аглая Сметанина действительно исчезла? Вы, конечно, из церкви бросились в дом ее родителей и что вы узнали от отца и матери?

— Да-с, поехали туда... С самой дурно сделалось... Отец — волосы рвет на голове. А узнали мы, что дочь их, Аглая, невеста моего сына, отбыла, честь честью, с подружками и с посаженной матерью в карете в церковь. А вот что дальше произошло, это так непостижимо...

— Усов у вашей невесты не было? — повернулся Путилин к жениху.

— Что вы-с... Помилуйте... да ежели бы у нее были усы — разве я предложил бы ей руку и сердце? Слава богу, мы и безусых девиц, при нашем капитале, найдем сколько угодно...

Фигура, физиономия молодого Русанова были настолько потешны, что я не выдержал

и расхохотался.

— Кому-с — смех, кому — слезы, — недовольно пробурчал старик миллионер.

— Простите, я вовсе не смеюсь над вами... но, согласитесь, такое необыкновенное приключение, — смешался я.

— Итак, невеста вашего сына бесследно исчезла? И вы желаете...

— Чтобы вы, ваше превосходительство, помогли нашему горю, распутали эту необыкновенную историю.

— Вы никаких особых подозрений не имеете?

Старик-миллионер взглянул на сына.

— Ты как, Васенька, ничего не примечал? А? — Васенька отрицательно покачал головой.

— Ничего-с особенного-с...

— Она была влюблена в вас, ваша невеста?

— Как-с сказать-с... Девушки конфузятся высказывать свои чувства.

В дверь кабинета раздался стук.

— Входите! — крикнул Путилин.

В кабинет бомбой влетела толстая купчиха, расфранченная, но со шляпой, съехавшей

набок.

За ней еле поспевал помощник Путилина.

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! — завопила она.

— Ради бога? Что такое? Что случилось? — попятился мой талантливый друг.

— Украли! Украли! Выкрали!

— Что украли? Да вы успокойтесь, сударыня, придите в себя, объясните толком.

— Как я приду в себя, когда я из себя вон вышла?! — еще больше завопила купчиха, бросаясь в кресло.

— В чем дело, Виноградов?

— Почти одинаковый случай... сейчас у госпожи Сосипатровой исчезла дочь-невеста. Выкрадена из кареты во время следования к венцу в церковь Спаса.

— Что?! — привскочил даже старик Русанов. — Слава те, Господи!

Радость, ликование послышались в голосе миллионера. Он даже перекрестился широким, размашистым крестом.

Это неожиданное восклицание привело в ярость прибывшую купчиху.

Она бросилась как разъяренная тигрица к

Русанову:

— Как?! — взвизгнула она. — Что это вы сказали, батюшка? Слава Богу? Это слава Богу, что у меня дочь из-под венца похитили?! Да как вы, старый пес...

— Именно, слава Богу, потому, значит, не я один в конфузе, что у моего сына невесту скрали, — с чувством удовлетворенного купеческого самолюбия произнес Русанов.

Путилину пришлось вмешаться, дабы предотвратить сцену грубой перебранки взволнованных родителей.

— Что произошло?

— А то, господин начальник, что когда ехала карета с моей дочерью-невестой, вдруг поравнялась с ней другая. Не успели опомниться посаженная мать и шаферицы, как дверца той проклятой кареты распахнулась, в нашу карету впрыгнул злодей и, схватив на руки мою дочь, исчез...

— С кем должна была венчаться ваша дочь?

— С откупщиком К-вым, — всхлипнула купчиха.

— Хорошо, господа, я сделаю все, что мо-

гу, чтобы раскрыть похитителей ваших невест.

Когда мы остались одни, Путилин шутливо спросил меня:

— Скажи, доктор, медицина не знает таких случаев, когда у барышень вдруг моментально вырастают усы?

— До сих пор, мой друг, таких чудес не бывало.

— Однако видишь, они, эти чудеса, существуют...

Путилин погрузился в продолжительное раздумье.

— Помилуй бог, забавный случай! — оживленно вырвалось у него.

— Ты считаешь это дело серьезным?

— В каком смысле смотря. Если насчет крови-убийства — этого в данных случаях не имеется, но сами по себе похищения совершенны ловко, и, может быть, не так-то легко будет их раскрыть.

Начало «кривой» Путилина

В доме Сметанина, отца невесты с усами, нас встретили не особенно приветливо. «Сама» заболела, слегла в постель, а «сам», тем-

нее тучи, рвал и метал, рыча аки лев...

— Вот дочку вашу хочу попытаться разыскать, любезный господин Сметанин, — проговорил Путилин.

— Чувствительно благодарен, а только можно бы и без этого обойтись, — угрюмо ответил старый купец.

— Как?! Вы не хотите отыскать свою дочь?

— Совершенно верно, особого желания не имею.

— Почему же?

— А потому, ваше превосходительство, куда же она годится после такого сраму? На всю столицу ославилась и фамилию мою обесчестила.

— Ну, какое тут бесчестие, — утешил миллионщика Путилин. — Меня вот Русанов-старик просил отыскать невесту его сына — вашу дочь.

— Да ну? Неужто? Значит, не вполне прогневался? — В голосе Сметанина послышалась радость.

— Да ведь я бы и вам рекомендовал подождать гневаться на вашу исчезнувшую дочь. А что, если в этой необыкновенной оказии

скрывается преступление?

Купец побледнел.

— А именно?

— А то, что вашу дочь могла похитить какая-нибудь банда негодяев. Знаете ли вы, что произошло почти одновременно с исчезновением вашей дочери?

И он поведал ошеломленному миллионеру о похищении дочери-невесты купчихи Сосипатровой.

— И у нее! Что же... что же это такое, ваше превосходительство?..

— А вот это-то и надо расследовать.

— Явите такую милость! Вовеки благодарен буду.

— Где комната вашей дочери? Укажите мне. Надо ее осмотреть.

Сметанин провел нас анфиладой комнат, убранных с поражающей купеческой роскошью.

— Вот ее комнаты, ваше превосходительство.

Они, как и все жилые помещения тогдашнего купечества, были меблированы очень просто.

На диване, на стульях, на креслах — всюду в беспорядке валялись различные принадлежности женского туалета.

— С момента одевания к венцу вашей дочери эта комната не прибиралась? — спросил Путилин.

— Нет. До того ли было? Это страшное известие как громом поразило нас всех.

— Вы не помните, в каком платье была ваша дочь до венчального наряда?

Сметанин руками развел.

— Ей-богу, не упомяну. Все из головы вышибло!

— Скажите, кто прислуживает вашей дочери?

— Девушка, Паша.

— Она, то есть ваша дочь, хорошо к ней относится? Любит ее?

— О да! Дочь моя — не гордячка, добрая, приветливая, так уж воспитана.

— Пригласите эту девушку сюда.

Через несколько минут перед нами стояла хорошенькая девушка с бойким, плутоватым лицом, несколько смущенным.

— Вы слышали, милая, какое несчастье

приключилось с вашей барышней? Ее похитили из-под венца.

— Да-с, слышала, — не подымая глаз, пролепетала она.

— Вам жалко барышни?

На миг, еле уловимый, в лукавых глазенках горничной промелькнул какой-то огонек.

— Очень-с...

— А она ведь нашлась! — вдруг быстро выпалил Путилин.

— Да неужто? — отпрянула девушка. Странное дело, в этом возгласе слышалось больше испуга, чем радости.

Путилин усмехнулся.

— Ну-с, милая, а теперь покажите, в каком платье была ваша барышня до одевания в подвенечный наряд. В этом?

И он взял с кресла тонкое батистовое платье.

— Ах нет, не в этом! Позвольте мне это... я уберу... тут такой беспорядок, — в сильном смущении залепетала горничная.

— Теперь можете идти! — властно приказал Путилин. Еще растерянный взгляд — и она ушла.

В платье Путилин отыскивал карман.

— Помилуй бог, чего только не приходится делать! — шутливо бросил он нам.

Через несколько секунд в руках его находилась розовая бумажка. Он подошел к окну и углубился в чтение.

— Вы что-то нашли, кажется, ваше превосходительство? — спросил Сметанин.

— Так, пустяки... А вот вы лучше скажите мне, ваша дочь шла под венец с Русановым не по любви?

— Как сказать... она плакала, просила пообождать со свадьбой, но перед моей волей смирилась. У нас, в купечестве, еще слава богу, дети отцов слушаются.

— И... пропадают, как пропала ваша дочь? — насмешливо бросил Путилин.

Миллионера-купца передернуло.

— Так что, ваше...

— Так что, любезный господин Сметанин, дочь вашу я поищу и, быть может, найду, но что она не будет женой Русанова — в этом могу поручиться вам.

— Это-с почему?

— Потому. Пока прощайте. Лишь только

что узнаю, скажу вам.

Путилин сухо попрощался с хозяином дома, и мы уехали. Сидя в коляске, Путилин раздраженно заметил:

— Экие мастодонты каменного века! Сами калечат жизнь, счастье своих детей и сами же первые поют Лазаря.

— Ты что-нибудь узнал, Иван Дмитриевич?

— Только то, что я и предполагал. Но где находится эта красавица Глашенька, я не знаю, доктор.

— А как же с делом Сосипатровой?

— Видишь ли, если моя «кривая» не обманет меня в этом деле, то она вполне приложима и к похищению сей купеческой дочери. Решив первое уравнение, мы быстро и легко решим и второе.

Необычайное ночное путешествие

Около двенадцати часов ночи я услышал знакомый звонок.

«Неужто Иван Дмитриевич? — радостно подумал я. — Верно, случилось что-нибудь новое, экстренное».

Не успел я выскочить из спальни, смеж-

ной с моим приемным кабинетом, как в него вошел, громко звеня шпорами и пристукивая саблей, гусарский полковник.

Я попятился даже.

— Что вам угодно? — в чрезвычайном удивлении спросил я.

— Попросить вас, господин доктор, немедленно одеваться, чтобы следовать вместе со мной.

С нами крестная сила! Голос Путилина, моего талантливое друга!

— Иван Дмитриевич, да неужто это ты?!

Путилин — это был он — громко расхохотался.

— Что — удивлен? Таким меня еще никогда не видел?

— Черт знает, что такое... Ты, кажется, твердо решил сводить меня с ума своими сюрпризами.

— Однако, живо, живо! Нам нельзя терять времени, доктор! Мы должны ехать.

— Куда?

— Далеко. В Колпино.

— Что? В Колпино? Сейчас? Ночью? Зачем? Да сейчас уже и поезда нет.

Моему изумлению не было границ.

— Когда ты только избавишься от твоей постоянной привычки засыпать меня вопросами? А относительно того, как мы доберемся туда, не беспокойся: нас ожидает лихая тройка.

Через несколько минут мы уже находились в коляске.

— Ну, лихо валяй, Николай! — возбужденно крикнул кучеру мой друг.

По интонации голоса его я понял, что он находится в том отличном состоянии духа, какое у него всегда бывает, когда он напал на верный след.

Признаюсь, сильное любопытство разбирало меня. «Что за история? Зачем мы ночью катим в Колпино?» Но, наученный горьким опытом, я знал, что все расспросы бесполезны до тех пор, пока мой гениальный друг не сочтет нужным сам объяснить.

Я только кряхтел, ожесточенно курия сигару.

— Любопытно? — вдруг спросил меня Путилин, лукаво поглядывая на меня.

— Ничуть, — с притворным равнодушием

ответил я.

— Ой, врешь, доктор! — тихо рассмеялся он. — Вижу по тому, как ты дымишь сигарой... Признайся, что моя форма тебя смущает.

— Отчасти... если хочешь...

— С чего, дескать, Иван Дмитриевич обратился в гусарского полковника? Правда?

— Правда.

— Ну, так знай, что я тебе еще не такой сюрприз приготовил.

— Ого!

— Знаешь ли ты, куда и зачем мы едем?

— Понятия не имею, за исключением того, что мы едем в Колпино.

— Мы, — Путилин сделал паузу, — мы едем в церковь венчаться с тобой.

Как ни был я искушен всевозможными трюками гениального сыщика, я не поверил своим ушам.

— Что такое? Венчаться? Мы с тобой?!

— Венчаться. Мы с тобой. Вот в этом чемодане и твой подвенечный наряд.

Я не мог выговорить ни слова от изумления.

— Ты шутишь?

— Нимало, — ответил Путилин, раскрывая чемодан и вынимая из него белое платье, белые туфли, фату, флердоранж. — Помилуй бог, если в фешенебельной петербургской церкви могла венчаться купеческая дочь с гусарскими усами, то почему в скромной колпинской церкви не может случиться такая же оказия?.. Прошу покорно, доктор, скинуть с себя все, что полагается, и облечься в наряд невинной голубицы.

— Иван Дмитриевич, не рехнулся ли ты?! — воскликнул я.

Путилин передернул плечами.

— Честное слово, доктор, ты заставляешь меня сожалеть, что вместо тебя я не взял с собою мою агентшу, твою знакомую по делам «Квазимодо» и «Калиостро». Но я хотел доставить тебе удовольствие... Ну, ну, мой старый друг, облачайся. Ты не рискуешь простудиться, так как ночь на редкость тепла. Я помогу тебе...

И... не прошло и пяти минут, как рядом с Путилиным сидела невеста, не скажу, чтобы очень изящная, так как она была — ваш по-

корный слуга, доктор медицины.

— Скорей! Потрогивай, Николай! — покрякивал на кучера Путилин.

Мы ехали по шоссе, тянувшемуся параллельно полотну железной дороги, очень быстро. Верстовые столбы мелькали. Душная июньская ночь, когда еще заря с зарей сходится, кончалась. Вот-вот — и должно было появиться солнце во всем своем сверкающем великолепии.

— Что же я должен делать? — обратился я к моему «жениху».

— Молчать. Больше ничего. Остальное предоставь мне, — невозмутимо ответил Путилин.

Вот из-за леса уже брызнули первые лучи восходящего солнца. Мы подъехали к Колпину.

В гостях у колпинского священника

Колпино в то время было совсем маленьким, глухим посадом с церковью, с небольшими деревянными домишками, пользовавшимся далеко не лестной репутацией.

Несколько раз там были обнаружены тайные притоны фальшивомонетчиков, во-

ров-рецидивистов и даже убийц. Когда мы въехали в него, он спал еще, этот посад. Ни души, ни звука. Даже собаки не лаяли.

— К дому священника, около церкви! — отдал Путилин приказание кучеру.

«Святители! Да никак Иван Дмитриевич на самом деле думает о венчании?» — с изумлением подумал я.

Мы проехали несколькими узкими улицами — если только эти закоулки между домишками можно так назвать — и остановились около одноэтажного деревянного домика, потонувшего в зелени сада.

— Ну-с, вот мы и приехали, — пробормотал мой талантливый друг. — Теперь прошу тебя опустить вуаль на лицо, особенно тщательно закутать ею лицо и не произносить ни слова.

Он вылез из коляски.

— А я?

— Пока погоди.

Подойдя к высокому крылечку и поднявшись по ступеням его, Путилин постучал в дверь.

Из сада донесся неистовый лай собаки.

— Кто там? — раздался из-за двери недо-

вольный женский голос.

— К батюшке приехали, — ответил Путилин.

— Да кто вы будете?

— Отворите, тогда увидите.

— Как бы не так! А если вы разбойники?

— А вы сами кто будете? — со смехом в голосе спросил Путилин.

— Я-с матушка попадья.

— Так вы вот что, матушка, пойдите к вашему супругу... Он спит?

— Почивает...

— Будите его скорей, скажите, что из Петербурга гусар приехал с барышней... Он знает, по какому делу...

Но будить матушке батюшку не пришлось: очевидно, он или кого-нибудь поджидал, или же сон его был очень чуток.

Дверь распахнулась.

— Иди, иди! Не твоего ума тут дело, — бросил старый-престарый священник своей попадье.

Та, однако, терзаемая, по-видимому, злейшим любопытством, выглянула и всплеснула руками.

— Военный! Невеста! Батюшки святы! — И быстро скрылась.

На лице священника, вышедшего в одном подряснике, изобразилось некоторое удивление при виде Путилина.

— Ну вот, батюшка, доставил вам невесту. Позвольте представиться: однополчанин моего друга, полковник Путилин.

— Весьма приятно-с... Польщен честью. Изволили сказать: Путилин? Не родственник нашему замечательному начальнику сыскной полиции, Ивану Дмитриевичу Путилину, проникновенно раскрывающему самые тщательные дела?

Путилин усмехнулся.

— Нет-с, батюшка, не состою в родстве.

Я, несмотря на все мое необычайное положение в роли и костюме невесты, еле удержался от смеха.

— Простите уж великодушно, что стою перед вами в столь неприглядном виде, — пробормотал престарелый иерей. — А скажите, пожалуйста, какую же из двух невест изволили вы привезти?

— Как которую из двух? — в сильнейшем

изумлении вырвалось у Путилина.

На этот раз в голосе моего друга я ясно различил нотки не притворного, а искреннего удивления.

«Что все это означает?» — пронеслось у меня в голове.

— Так-с, ведь сейчас двух будем окручивать, — улыбнулся престарелый иерей.

Путилин провел рукой по лбу (этот жест он всегда употреблял, когда его что-либо сильно озадачивало) и вдруг громко рассмеялся.

— Невесту первого обратившегося к вам, батюшка! — Хохот Путилина был настолько заразительно-веселым, что батюшка сам тихо рассмеялся.

— Девицу Сметанину, значит? Ах, бедокуры вы, бедокуры! Эдакие вы фортели выкидываете! Нагорит мне здорово за ваши гусарские проделки...

Путилин расхохотался еще пуще.

— Однако, батюшка, я думаю, что коляску следовало бы ввести во двор... Неравно, кто увидит... хоть и рано еще, всего четвертый час в начале, а вдруг кто проснется.

— Верно, верно, — смущенно залепетал иерей. — А невестушка?

— Я ее сейчас высажу, и мы подождем здесь, у крылечка, вас.

— А в горницы? Милости просим, в горницы.

— Нет, не беспокойтесь. Мой друг ведь говорил вам, когда мы приедем? Когда назначено венчание?

— Да часов в пять утра, а может, и раньше. Они ведь, как вам известно, вместе приедут.

— Да, да... Но он просил меня прямо привести невесту в церковь. Уж вы будьте добры, батюшка, одевайтесь скорее. Времени терять нельзя...

— Да, да... сейчас... сию минуту... Ах, Господи. — Путилин подошел ко мне, помог мне высадиться из коляски и накинул на меня мою шинель. — Въезжай в ворота! — отдал он приказ кучеру. — Сейчас их откроют.

— Иван Дмитриевич, голубчик, хоть одно слово... В чем дело?

— Я знал одно, но не ожидал другого. Помилуй бог, вот нежданность, погонишься за одним зайцем — поймаешь двух.

Вскоре ворота раскрылись. Коляска въехала туда. На пороге домика появился священник с дряхлым тоже стариком в подряснике.

— А это пономарь — псаломщик мой. Пожалуйте!..

В церкви, в ожидании свадебного поезда

— Ну, Кузя, отворяй с богом!

Кузя, которому было лет за семьдесят, отпер большой замок на железной двери, раскрыл ее, и мы вошли во внутренность церкви. Миром, покоем, святой тишиной повеяло на нас.

Церковь была маленькая, бедная. Тут не сверкали золотом и драгоценными камнями скромные ризы икон, тут не было нарядных копьев, серебряных паникадил... Но зато тут была масса воздуха, света.

Лучи солнца врывались через окна и заливали храм золотыми потоками.

— Ну, Кузя, приготовляй, — обратился к псаломщику батюшка.

Путилин посмотрел на часы.

— Да, теперь надо скоро ожидать.

— Мне-то не долго облачиться... Скажите,

барышня, вы, конечно, по доброй воле идете под венец? — вдруг обратился старенький священник ко мне.

Я, твердо памятуя приказание моего друга, молчал.

— Вы не удивляйтесь, батюшка, что невеста молчит... Сами понимаете, волнение... тревога... утомление... А только Сметанина идет, безусловно, по доброй воле. Да, впрочем, кто же таким романтическим образом, уводом, венчается не по любви?..

— Это вы точно сказали, господин полковник, — мягко, тихо рассмеялся старый батюшка. — А вы, извините, как полагаете, почему я решился на такое венчание?

— Чрезвычайно добро и любезно с вашей стороны... хотя и рискованно, — пробормотал Путилин.

— Вы, может, полагаете, что я на деньги польстился? Нет, полковник, из-за денег я не пошел бы на это дело. А вот случай был со мной один в моей долгой священнической службе.

Лицо симпатичного иерея омрачилось.

— Какой же случай, батюшка?

— А такой, изволите видеть. Вот как бы теперь, к примеру сказать, обратился ко мне один молодой человек. «Повенчайте, — говорит, — ради бога, нас, батюшка, без бумаг невесты. Свадьба, — говорит, — уводом. Мы любим друг друга, а родители невесту мою за другого прочат». Я наотрез отказался. Ни за что, говорю, нипочем! Он аж в слезы. «Что ж, — говорит, — нам делать? Так взять жить — ее только ославишь, сраму предашь; ждатель — за другого волоком потащут в церковь. С деньгами да с бумагами в порядке — кто же не окрутит?» Так я и отказался. Ушел мой бедный молодой человек, а через неделю я в газете прочитал, что он застрелился. Поверите ли, оторопь, жуть, тоска взяла меня. Мой, думаю, ведь это грех. Повенчал бы я их, ничего этого не случилось. Долго мучился я и тогда же решил, что ежели ко мне когда кто иной еще обратится с такой же просьбой, уважить сию просьбу, обвенчать. И вот-с, спустя столько-то лет случай и выходит с вашими знакомыми. Я даже обрадовался: грех старый сниму с души. А денег мне не надо: нам со старухой моей попадъей жить немного оста-

лось, хватит...

Путилин, человек чрезвычайно добрый, чувствительный, был растроган рассказом старого священника и с чувством пожал ему руку.

— Вот какие светлые личности попадают среди духовенства, — бросил он мне. — Позвольте, я слышу топот лошадей. Кажется, едут.

— И то, и то!.. — засуетился симпатичный батюшка. — Что ж, встречу бедокуров!

И с этими словами он засеменял старческими ногами к выходу из храма.

Три невесты и... два жениха

Путилин, схватив меня за руку, потянул назад, шепнув:

— Тут вот выступ притвора... Спрячемся здесь. Любопытно послушать их объяснение. Играть уж комедию — так до конца!

Не прошло и нескольких секунд, как слышались шаги, звон шпор, раздались голоса:

— Ну, батюшка, вот и мы!

И вслед за этим веселым, звучным мужским голосом раздался трясущийся, вздраги-

вающий голос батюшки:

— Позвольте, а кто же эта вот девица в подвенечном уборе?

— Как кто? Моя невеста, батюшка! — удивленно воскликнул другой мужской голос.

— Как-с ваша невеста? — заикнулся старый священник.

— Очень просто, моя невеста. Да что с вами, батюшка?

— Позвольте, сколько же невест-то всего? Три, значит? — Голос священника дрожал. В нем слышались не только изумление, но и испуг.

— Как — три? Откуда вы взяли третью? Вот моя невеста, вот невеста моего приятеля. Вы простите меня, батюшка, я вас не понимаю.

В голосе офицера звенело несказанное удивление.

— Нет-с, вы уж дозвольте мне вас не понять! — взволнованно проговорил престарелый иерей. — Я еще по милости Божией из ума не выжил и до трех считать не разучился и трех невест на двух женихах повенчать никак не могу-с...

— Il est devenu fou! Он сошел с ума! — с отчаянием в голосе воскликнул по-французски один из прибывших.

— Эта невеста — раз, та невеста — два, а эта девица — уже три. Как ни считайте, выходит три.

— Да какая *та* невеста?.. О ком вы говорите? — звякнули шпоры.

— Та-с, которая приехала сейчас с вашим приятелем. Ваша невеста.

— Что! Что такое?! Моя невеста приехала с моим приятелем?! Да вы... вы, извините, с ума сошли, батюшка! Вот моя невеста, она стоит перед нами.

— Коля, ради бога, что это значит? — слышался испуганный женский голос.

— Да, с вашим приятелем, Путилиным... Девица Сметанина, — продолжал батюшка.

— С Путилиным?! — слышались испуганные возгласы.

— Да-с.

— С каким Путилиным?

— С полковником гусарским...

— Нет, батюшка, вы ошибаетесь: не с гусарским полковником, а с начальником

Санкт-Петербургской сыскной полиции! — громко проговорил Путилин, выходя из-за прикрытия.

Его внезапное появление было подобно неожиданному удару грома. Громкий крик испуга, изумления вырвался из четырех уст: двух офицеров гусарского полка и двух барышень в подвенечных нарядах.

— Ах! — прокатился и замер под высокими церковными сводами этот крик.

Барышни пошатнулись и, наверное бы, упали, если бы их не подхватили офицеры. Бедняжка-священник остолбенел, замер, застыл.

Первым опомнился высокий, стройный офицер. Он сделал шаг по направлению к Путилину и гневно крикнул:

— Что это за мистификация, что это за маскарад? Кто вы, милостивый государь, и по какому праву вы одеты в этот мундир?

— Кто я, вы уже слышали: начальник сыскной полиции Путилин, а по какому праву я в мундире, я не обязан вам давать ответа. Я имею право наряжаться так, как мне угодно для пользы дела. А вот мне было бы интерес-

но знать, по какому праву вы изволили облачиться в какой-то плащ, ворваться в церковь и похитить невесту... с усами? — отчеканил гениальный сыщик.

Офицер растерялся, опешил.

— Так как вы предпочитаете невест с усами, господин Неведомский, то я и захватил для вас таковую. — С этими словами Путилин вывел меня за руку и сорвал вуаль с моего лица, которое в эту трагическую минуту было, по всей вероятности, в высокой степени глупо. — Рекомендую, девица Сметанина, ваша невеста с усами и даже с бородой!

Раздался новый крик испуга и изумления. Батюшка, взглянув на меня, затрясся.

— Свят, свят, свят! — дрожащим голосом вырвалось у него.

Нет слов описать выражение лиц нашей странной группы, того столбняка, который овладел всеми, за исключением меня и Путилина.

— Ну-с, господа, что же мы будем теперь делать? Как мне прикажете поступить со всеми вами? По закону я могу вас не арестовывать, — обратился Путилин к офицерам, —

так как это — дело вашего военного начальства... Но ваших невест я обязан арестовать вследствие заявления их родителей.

Обе невесты плакали.

— И вы это сделаете? — вырвалось у обоих офицеров-женихов.

— Я обязан.

— Честное слово, мы этого не допустим!

— Вы окажете сопротивление? Но не забывайте, господа, что это уже явится тяжким преступлением, за которое вас по головке не погладят.

Взбешенные офицеры были белее полотна.

И вдруг, к моему глубокому удивлению, Путилин громко и весело расхохотался.

— Вы еще смеетесь?! — рванулся один из женихов, Неведомский.

— Ну да! И знаете, почему? Потому что я нашел счастливый выход для всех вас.

— Какой?

— У вас шаферов нет?

— Вы продолжаете издеваться, господин Путилин?

— Я вас спрашиваю: у вас шаферов нет?

— Нет.

— Ну, так вот позвольте нам с доктором заменить их вам. Живо к аналою, господа, живо! Батюшка, пожалуйста!

— Как-с?.. Венчать?! — пролепетал не могущий все еще прийти в себя священник.

— Господин Путилин! Да неужто? Вы не шутите?! Правда? — Оба офицера радостно бросились к Путилину и схватили его руку.

— Да что же с вами поделаешь теперь? Не везде ведь найдется такой добрый, милый батюшка... Бог с вами, валяйте, но только помните, что о моем шаферстве — ни гугу никому, а то мне нагорит по шапке!

Оба офицера душили моего благородного друга в своих медвежьих объятиях.

— Спасибо вам! Ах, дорогой господин Путилин! Голубчик!..

— Ну, ну, довольно, хорошо! Пустите... А знаете ли вы, что из-за вас Путилин первый раз в своей жизни оскандалился.

— Как так?

— Очень просто. Родителям ваших невест я обещал разыскать сих барышень и вернуть их им.

— Да вы ведь и разыскали! — радостно-воз-

бужденно ответил офицер.

— Разыскать-то разыскал, да вернуть-то уж их я *не смогу*. Теперь это уж ваше дело будет.

И вот через несколько минут у аналоя началось необычайное венчание первой пары: шафером был Путилин, выследивший и накрывший «преступников-похитителей»!

Так же повенчали и вторую пару.

После венчания Путилина окружили и пристали к нему с расспросами.

— Иван Дмитриевич, дорогой, как это вы унюхали?

— По обстановке решил сразу, что похищение — романического свойства, по дерзкой смелости и отваге предполагалось, что сделано это людьми военными. У вас, молодая моя красавица, в кармане вашей юбочки записку нашел. Ах, какая вы неосторожная барынька! Разве можно такие записки не уничтожать? Ай-ай-ай!

Путилин вынул розовый листок бумаги и прочел:

«Голубка моя! Посылаю тебе наши гусарские усы. Другого выхода нет, следят за тобой так, что выкрасть тебя можно только из церк-

ви. Поступи, как я тебя учил. Пробудешь немного у меня, потом поедем в Кол. Священник согласился. Целую тебя, твой *Владимир Н*.»

— Ах! — закрыла лицо руками «молодая».

— Ну-с, имея в руках сие, остальное узнать было не так трудно, — весело смеялся Путин. — А вот вас тут захватить еще я не ожидал, — обратился он к другой повенчанной паре. — Я пока выследить успел только ваших друзей, а на вас точил еще зубы.

Претендент на болгарский престол (Корнет Савин)

Граф Тулуз де Лотрек в Константинополе

Прежде чем начать повествование о замечательном деле «претендентства корнета Савина на болгарский престол», деле, в котором гениальный авантюрист столкнулся с гениальным сыщиком и где оправдалась поговорка «нашла коса на камень», скажем несколько слов о корнете Савине.

По своему общественному положению, по дерзкой отваге, по изумительному блеску выполнения своих смелых «похождений», по полету фантазии из всех русских авантюристов, бесспорно, первое место принадлежит корнету Савину.

Свою славу он распространил далеко за пределы своего отечества, прогремев за границей.

Блестящий офицер, молодой, красивый, ловкий, с ума сводивший женщин одним

взглядом, лихой танцор, безукоризненно владеющий несколькими иностранными языками, он «свихнулся» с прямой дороги и покатился по наклонной плоскости.

Пытаясь сначала стоять только на грани гражданского и уголовного права, он перешагнул в область уголовщины.

Тут и началось! Одна безумно-смелая авантюра следовала за другой, и скоро послужной список экс-корнета обогатился массой громких деяний, не только изумлявших, но даже и восхищавших наше и заграничное общество «чистотой работы» и, я бы сказал, аристократичностью ее.

Если можно вообще в бездне человеческого падения найти красоту, то этой уголовно-преступной красотой обладал в полной мере Савин. Поистине, он был велик и в падении!

Но едва ли не самым замечательным в характере этой недюжинной личности являлась его *уверенность* в своем самозванстве.

Он мало-помалу так претворял в себе свою ложь, так свыкался с ней, что потом не на шутку начинал верить в нее, не отделяя вы-

мысла от правды.

Это любопытное явление в области гипноза, самообмана было отмечено многими прозорливцами духа человеческого.

Так, у Гоголя есть замечание, что в знаменитой сцене вранья перед городничим и его присными Хлестаков *искренно* верит в ту ерунду, которую несет о «лабардан» и тридцати тысячах курьеров.

У Пушкина растрига Гришка Отрепьев увлекается до того, что опять-таки *искренно* считает себя русским царевичем Димитрием.

Были моменты, когда Емелька Пугачев, «срванными ноздрями», в состоянии длительного «аффекта лжи», говорил сам себе, что он — подлинный император Петр Федорович...

Константинополь — гордая столица Ближневосточной Порты, был залит горячими, яркими лучами солнца. Как красив, дивно хорош был он, купаясь в этом море света, со своими высокими, белоснежными минаретами, со своим очаровательным видом на Босфор.

В роскошном отеле нарядного европейского квартала, где помещаются иностранные посольства, консульства, вот уже несколько

дней проживал молодой богатый знатный граф Тулуз де Лотрек со своей супругой.

До сих пор существовал закон, что жены приобретают новые фамилии и титулы по мужу, а вот граф Тулуз де Лотрек взял да и изменил этот старый обычай, ибо... сделался графом «по жене».

— Как?! — удивитесь вы. — Да разве это возможно?

— Возможно, — отвечу я вам, — так как граф Тулуз де Лотрек был не кто иной, как экс-корнет Савин. А Савину, как известно, никакие законы не писаны, он сам создавал их.

Сманив безумно влюбившуюся в него графиню Тулуз де Лотрек с ее миллионами, он решил, что, будучи теперь ее «супругом», он имеет право не только на ее деньги, бриллианты, но и на ее титул.

По гостиной отдельного отделения, убранной с комфортом и изысканной роскошью, нервно ходила графиня, молодая, очень красивая женщина.

«Граф», наш знаменитый корнет Савин, сидел в кресле, заложив ногу за ногу. Одной рукой поигрывая своим страшным бичом (этот

бич был из какой-то особенной кожи и с ним Савин не расставался почти никогда), другой держа сигару, он невозмутимо спокойно глядел на свою взволнованную супругу.

Ирония, насмешка сверкали во взгляде его удивительных глаз.

— Итак, мы взволнованы?

— Я попросила бы тебя обойтись без насмешек! — резко выкрикнула графиня.

— Ого!

— Да, да! Ты должен знать причину моего волнения.

— А именно? — прищурился Савин.

— Я совершенно не понимаю, зачем, для чего мы торчим здесь, в этом отвратительном Константинополе. Вместо того, чтобы пребывать теперь на каком-нибудь курорте, мы вдыхаем отравленный пылью воздух, жаримся, как в пекле в этой раскаленной духоте.

Графиня нервно комкала кружевной платок.

— Ах, вот в чем дело? — усмехнулся Савин.

— А ты этого не знал? — вспыхнула графиня.

— Знал, слышал, мой ангел, но я уже гово-

рил тебе, что мне необходимо пробыть здесь еще несколько дней.

— Да зачем? Зачем?

— Это мое дело. Я не обязан отдавать отчета.

— В таком случае и я не обязана исполнять всех твоих прихотей. Я уеду одна.

— Что?

Медленно, точно тигр, собирающийся к прыжку, поднялся с кресла Савин...

Голова гордо откинулась назад, в глазах мелькнули огоньки гнева.

— Что? — повторил он, подходя к графине. — Это с каких же пор ты решила не подчиняться моей воле?

Та под этим пристальным, властным взглядом потерялась, как-то съежилась, пригнулась. Точно птичка под взглядом удава.

Любуясь ее смущением, довольный своей победой, Савин начал уже другим, ласково-вкрадчивым голосом:

— Ах, женщины, женщины, все-то вы на один покрой! Ну, давай мириться, Лили.

Он обнял ее и властно притянул к себе. Она, с глазами полными слез, но и восхище-

ния, прижалась к его широкой, сильной груди своей красивой головкой.

— Слушай же, моя капризница, слушай внимательно, что я буду тебе говорить. Скажи: ты хотела бы сделаться княгиней?

Графиня удивленно посмотрела на своего супруга.

— Что такое? Княгиней? С какой стати? Какой княгиней?

Савин тихо рассмеялся.

— Ты думаешь, что графский титул не стоит менять на княжеский? Я был бы согласен с тобой, если бы тот княжеский титул, который я хочу предложить тебе, был обыкновенный, заурядный... Но дело в том, что моя корона будет поважнее простых графских и княжеских.

— Я тебя не понимаю...

— Сейчас поймешь. Ты должна войти вместе со мной на престол.

— Что? — даже отшатнулась от Савина-«графа» настоящая графиня.

— Да, на престол.

— Ты с ума сошел? На какой престол?

Несмотря на то что графине не были тайной гениальные проделки ее супруга, кото-

рый с циничной откровенностью посвятил ее в них, зная, что она все равно пойдет за ним в огонь и воду, несмотря на это, она была поражена, как никогда.

«Он смеется... Он шутит...» — пронеслось в ее головке.

— Ты спрашиваешь: на какой престол? Изволь, я тебе отвечу: на болгарский.

— Это... это шутка?

— Нимало. Знай, что я — претендент на болгарский престол.

— Ты?!

— Я.

— По какому праву? При чем ты и Болгарское княжество?

— Скажи, Лили, ты католичка?

— Да.

— Историю папства хорошо знаешь?

— Знаю.

— Так вот скажи, как мог пастух сделаться папой? А такой случай был. Итак, если пастух мог занять папский престол, то почему русский корнет, сделавшись графом Тулуз де Лотрек, не может взойти на престол Болгарского княжества? Ведь ты пойми: в настоящее вре-

мя престол этот свободен. А раз он свободен, отчего мне его не занять? Черт возьми, это было бы чрезвычайно глупо отказаться от такого удобного и приятного помещения!

Графиня глядела на своего самозваного супруга широко раскрытыми глазами. А Савина словно волна какая-то подхватила. Он преобразился, горел, пылал жаром своей необузданной фантазии.

— О, Лили, моя верная подруга, какая блестящая, славная будущность открывается нам! Я — коронованный князь болгарского народа, я — в дружбе и сношениях с венценосцами всего мира.

— Но... как же это все устроится? — лепетала в величайшем смущении графиня.

— Все, все устроится! Вот для этого-то я и нахожусь в Константинополе. Теперь ты понимаешь? Теперь ты согласна ждать и задыхать в жаре? Пойми, что мы отсюда пойдём прямо в Болгарию.

И многое ещё говорил «будущий» болгарский князь, а пока — наглый самозванец, авантюрист величайшей марки.

Политические эмигранты. Тайное сове-

щание

В начале раннего вечера Савин — граф Тулуз де Лотрек — вышел из своего фешенебельного отеля и как-то тайком, крадучись, стараясь не обращать на себя ничьего внимания, направился пешком в один из отдаленных, грязных, вонючих кварталов «великолепной» столицы Оттоманской империи.

Жар еще не спал. Тучи пыли стояли над узкими улицами, кишевшими столичной рванью и массой бродячих голодных собак, похожих на шакалов, тощих, озлобленных.

Нарядный, сверкающий Константинополь остался там, позади.

Тут был тот главный Константинополь, который олицетворял собою всю неряшливость, всю грязь Востока.

«Экие свиньи!» — мысленно ругался претендент на болгарский престол, попадая в кучи отвратительных экскрементов.

Подойдя к небольшому домику, ставни которого были наглухо закрыты, он тихо постучал в одно из окон и приблизился к двери.

— Кто там? — слышался вопрос.

— Это я, Цанков, отворяйте.

Дверь быстро распахнулась, впустила гениального авантюриста и так же быстро хлопнулась за ним.

— А наконец-то вы, ваше высочество! — с улыбкой проговорил высокий черномазый субъект, одетый в сюртук с типичным видом болгарина.

— Не слишком ли рано, — «ваше высочество»? Пока еще только ваше сиятельство, — рассмеялся Савин, крепко пожимая руку болгарина.

— Пустяки. Для такого умницы, как вы, сроков не существует.

Болгарин говорил довольно чисто и правильно по-русски.

— Все в сборе, Цанков?

— Все.

— А Хильми-паша?

— И он прибыл, Савин.

— Да ну?

В голосе экс-корнета послышалась радость.

— А все-таки вы, Цанков, лучше величайте меня графом де Лотреком. Знаете, это звучит более внушительно.

Тихий смех болгарина смешался с таким

же смехом «графа».

— Слушаю-с, ваше высочество!

В комнате, небольшой и тонувшей в полумраке, благодаря закрытым ставням, на креслах и широком диване сидело несколько человек. Большинство из них были болгары, за исключением двух лиц, принадлежавших к сынам правоверного пророка Магомета.

— Простите великодушно, господа, что я запоздал! — весело, непринужденно проговорил Савин по-французски, здороваясь со всеми и особенно почтительно с Хильми-пашой.

— Ваше превосходительство, как мне благодарить вас за ваше любезное посещение? — склонился он перед ним.

Тот благосклонно улыбался.

— Ничего... Я так сочувствую, граф, этому делу, — ответил Хильми-паша.

— Позвольте мне, ваше превосходительство, в знак моей глубокой благодарности предложить вам на память о сегодняшнем вечере эту безделушку.

Савин вынул из кармана роскошный футляр и, раскрыв его, подал турецкому сановнику.

На голубом бархате, переливаясь всеми цветами радуги, сверкал драгоценный перстень с огромным бриллиантом-солитером.

— О! — вырвалось у всех.

Алчный взгляд паши загорелся восторгом.

— Ах, граф, какая прелесть! Но к чему это? Мне совестно принимать такие ценные сувениры.

— О, это такие пустяки, ваше превосходительство. Эта безделушка — одна из моих фамильных, — небрежно, с апломбом бросил великий авантюрист. — А это позвольте вручить вам.

И Савин протянул другой футляр младшему турку.

— Чисто работает, — прошептал болгарин Цанков своим соотечественникам.

Те взглядами подтвердили это.

— Ну, господа, мы можем приступить к сощещанию, — пригласил всех Цанков.

И когда все заняли места за круглым столом, продажный турецкий сановник начал первым.

— Я должен сообщить вам, господа, что по полученным мною тайным сведениям рус-

ское посольство что-то разнюхало и, кажется, послало донесение. Поэтому я советовал бы вам торопиться.

Граф Тулуз де Лотрек, претендент на болгарский престол, чуть-чуть побледнел.

— Оно узнало, что я здесь? — спросил он.

— Да.

Савин-«граф» рассмеялся.

— О, ваше превосходительство, я этого не боюсь. Меня взять не так-то легко.

— Его снимут только с болгарского престола! — стукнул рукой по столу один из присутствующих болгар. — Верно, братушки?

— Верно! Верно! — прокатилось по комнате дико нелепого, преступного совещания.

— Мы — политические эмигранты Болгарии. Мы должны были бежать, спасаясь от дикого произвола и зверств временного регентства, самовольно захватившего власть в свои руки. Но, покинув отечество, мы оставили там массу верных друзей-приверженцев. Они за нас, они за общее дело. Трон Болгарии теперь свободен. Мы только должны распорядиться им!

— А много ли вас, господа? — осторожно,

мягко, дипломатично спросил турецкий саванник.

— Нас-то много ли? — вмешался Цанков. — Вполне достаточно для того, чтобы сломить регентство и одержать полную победу. Еще на днях я получил от своих известие, что большинство войск, духовенства, народа совершенно готовы примкнуть к нам.

Савин сидел и слушал с замиранием сердца.

«Вот оно... вот оно, это недостижимое, волшебное! Не сон, а явь, явь!» — так все и пело, ликовало в нем.

— И мы, — продолжал оратор-заговорщик, — после зрелого обсуждения пришли к решению, что лучшего кандидата на болгарский престол, как граф Тулуз де Лотрек, не может быть.

В эту секунду поднялся самозванный граф. Он был поистине великолепен, этот мошенник высокой марки!

— Господа! — начал он таким властным, уверенным тоном, точно уже чувствовал себя на ступенях болгарского трона. — Господа! Благодарю вас за то высокое доверие, кото-

рым вам было угодно почтить меня. Если судьбе будет угодно, чтобы я занял болгарский престол, даю клятвенное обещание заботиться о судьбе и благе моего народа.

Хитрый турецкий сановник еле заметно усмехался, любуясь блеском драгоценного перстня, уже одетого на палец.

— Я, — продолжал искренно вдохновляться Савин, — я уже наметил состав кабинета министров. Говорить ли вам, господа, кто эти избранные? Назвать ли их имена?

Молчание. И опять взволнованный, вкрадчивый голос «будущего болгарского князя»:

— Вы, Цанков, конечно, не откажетесь принять портфель первого министра?

— Если будет угодно вашему высочеству, — с низким поклоном ответил душа заговора.

— Вы, Малевич, — портфель военного министра?

— С радостью, ваше высочество!

— Вам я могу предложить, дорогой Маравелов, пост министра финансов...

И, называя всех поименно, «его высочество» распределял портфели, посты.

— Господа! Я, как вам известно, граф Тулуз де Лотрек. Но не забывайте, что я — славянин, русский, в котором бьется горячее сердце.

И он повернулся к турецкому сановнику.

— Болгария меня должна принять, ваше превосходительство... Но, став ее князем, я буду должником Блистательной Порты, прошу вас верить этому. Вы меня понимаете?

— О, как нельзя лучше, ваше... ваше сиятельство! — запнулся паша.

— Я весь полон желанием поставить Болгарию на иной путь...

— Так! Так! — слышались голоса политических эмигрантов-заговорщиков.

— И я... я это сделаю! — закончил Савин.

— Теперь — «черная работа», ваше высочество... Необходимо выяснить детали и план.

— Да, да, это важно.

И тут, в этой темной комнате, началось таинственное совещание о деталях выполнения фантастического плана, равного которому — по безумной дерзости и утопичности — едва ли знала любая история любых стран.

«Прямо уже в полной форме»... — «Две ка-

зармы будут приготовлены»... — «Амнистия, самая широкая»...

Глаза гениального авантюриста сверкали торжеством...

«Важнейшее» поручение Путилину

Около четырех часов дня в служебном кабинете Путилина появилась фигура министерского курьера.

— От его сиятельства вашему превосходительству в собственные руки! — протянул он Путилину пакет.

Путилин вскрыл его, прочел и сказал курьеру:

— Ступай. Я сейчас еду.

В письме от важного сановника графа Т. содержалась просьба о «немедленном прибытии» Путилина.

— Что-нибудь стряслось необыкновенное, — бормотал великий сыщик.

— ...Дело необычайной важности, любезный Иван Дмитриевич! — взволнованно проговорил граф Т., встречая Путилина.

— Что случилось, ваше сиятельство?

— А вот садитесь, пожалуйста, мы побеседуем. — Сановник нервно закурил сигару.

— Вы, конечно, Иван Дмитриевич, Савина знаете?

— Знаю.

— Так вот-с, чтоб черт его побрал, нам необходимо его изловить. Чувствуете? Не-об-хо-ди-мо!

Путилин молча наклонил голову.

— Знаете ли вы, где он теперь находится?

— Нет. Я знаю только, что он удрал за границу и что его в России нет.

— Так извольте, я вам скажу: он в Константинополе.

— Ого! Вот куда попал, — усмехнулся Путилин.

— И вы... вы не можете себе представить, что он там делает!

Волнение графа Т. было так велико, что он даже сигару выронил из пальцев.

— Что же именно?

— Он... он хочет сесть на какой-то престол! — выпалил сановник.

Путилин (как он потом мне рассказывал) еле удержался от смеха, настолько трагична была физиономия графа.

— Сесть на престол? Что же, он собирается

совершить кощунство? — невозмутимо спросил Путилин.

— А нет, вы меня плохо поняли! — с досадой вырвалась у графа. — Не на церковный сесть престол, а, так сказать, взойти на трон.

— Болгарский? — быстро задал вопрос Путилин.

— А вы... вы откуда же это знаете? — удивленно и растерянно спросил сановник.

— Положительно — я этого не знаю, ваше сиятельство, но ввиду того, что в настоящее время есть только один свободный трон, а именно болгарский, я и полагаю, что наш удалой экс-корнет точит свои зубы именно на него.

— Вы — удивительный человек, честное слово! — пробормотал всесильный человек, глядя на Путилина с искренним восхищением.

— О, вы преувеличиваете, ваше сиятельство!

— Да, вы не ошиблись. Вчера мы получили секретное донесение от посольской миссии. В нем говорится, что один турок выдал присутствие в Константинополе русского «эмигран-

та», составившего заговор с политическими преступниками Болгарии о попытке взойти на болгарский престол.

— И этот доносчик назвал имя...

— Савина.

— А не другое имя? Другого имени нет в донесении? — спросил Путилин.

— Нет. Позвольте, какое же другое имя вы ожидали встретить в донесении?

Сановник даже привстал.

— Графа Тулуз де Лотрек, ваше сиятельство.

— Как? Стало быть...

— Да, да... Я ведь слежу за этим господином, я только не знал о его прибытии в Константинополь и о его новой аванюре... Так чем могу служить вашему сиятельству?

— И вы... вы спрашиваете?

— Стало быть, ехать туда? Но у меня здесь есть несколько важных дел...

— А, это подождет! Поручите кому-нибудь. Вы ведь, дорогой Иван Дмитриевич, сами понимаете, насколько важно изловить этого молодчика. Ведь скандал-с произойдет, срам на всю Европу! Бывший русский офицер, а ны-

не — мошенник — и вдруг трон... Безумная политическая авантюра... Черт знает, что такое!

Граф Т. схватился за голову.

— Нет, как хотите, а вы нам его поймайте. Вы ведь в этом отношении — гений, Иван Дмитриевич. Но только должен вас предупредить вот о чем: его надо изловить на русской территории.

— Непременно на русской?

— Обязательно. «Брать» его, если только это вообще удастся, ибо он, как вам известно, плут гениальный, на чужой территории крайне нежелательно, а то и прямо невозможно: придется завести дипломатические переговоры, поднять целую кутерьму. Другое дело — у нас. Тут мы его сцапаем великолепно.

Путилин сидел, задумавшись.

— Помилуй бог, нелегко... нелегко, — вырвалось у него.

Граф Т. подошел к нему и крепко пожал руку.

— Постарайтесь, Иван Дмитриевич!

— Попытаюсь, ваше сиятельство, хотя дол-

жен признаться, что задачу вы задали мне нелегкую...

Игра двух гениальных игроков началась

В Константинополе стояла адская жара. Дышать было трудно, почти нечем. Раскаленный воздух золотистым туманом колыхался над знаменитым городом.

К подъезду роскошной «Европейской» гостиницы, той самой, где пребывал граф Тулуз де Лотрек, подъехал фаэтон, из которого вышел седой джентльмен-англичанин.

— Хорошее отделение найдется? — обратился он по-французски к выскочившим швейцару и комиссионерам отеля.

— Какое угодно, господин лорд!

«Недурно! У этих господ наметанный взгляд», — усмехнулся лорд.

Этот лорд был Путилин.

Он только что прибыл в гордую столицу Блистательной Порты и чувствовал себя несколько утомленным после длинного пути.

— Скажите, граф Тулуз де Лотрек у вас? — быстро спросил он лакея, несшего за ним его чемодан.

— Нет... Граф и графиня изволили выбыть.

— Давно?

— Вчера.

На секунду лицо Путилина нахмурилось, но почти сейчас же осветилось улыбкой.

— А много у вас теперь стоит знатных посетителей?

— Есть несколько.

— Кто прибыл вчера, например?

— Маркиз да Коста дель Ривольто.

— С супругой.

— Да-с, — несколько удивленно ответил лакей.

Вдруг посередине коридора, почти нос к носу Путилин столкнулся с элегантным господином!..

Черные, высоко поднятые усы, эспаньолка, загорелый цвет лица... Путилин пристально посмотрел на незнакомца, тот на него, и... оба остановились, как вкопанные.

— Господин маркиз да Коста дель Ривольта? Великий боже, как трудно выговаривать вашу фамилию! Мы... мы, кажется, немного знакомы?

Маркиз отшатнулся.

Смертельно побледнев, он растерянно про-

бормотал:

— Простите, я не имею чести вас знать.

— Будто бы? Вы запомнили, дорогой маркиз... Я — граф Тулуз де Лотрек.

Теперь настала очередь и лакею выпучить в удивлении глаза.

Тихое проклятие слетело с уст маркиза.

Но... надо отдать ему справедливость: он моментально пришел в себя, оправился от смущения и даже чуть-чуть улыбнулся.

— Пусть лакей несет ваш чемодан в номер... Мы побеседуем несколько секунд.

— Отнесите чемодан в отделение! — отдал приказ лакею Путилин.

«Маркиз» и «граф» остались в коридоре с глазу на глаз.

— Путилин? — спросил маркиз уже по-русски.

— Савин? — в тон ответил ему граф. И одновременно оба рассмеялись.

— А не сесть ли нам? Признаюсь откровенно, я чертовски утомлен, — первым проговорил Путилин, указывая на крытый красным бархатом коридорный диван.

Два врага сели совершенно спокойно. Са-

вин закурил сигару.

— Вы только что прибыли, Иван Дмитриевич? Pardon, ваше превосходительство.

— Только что, только что, господин экс-корнет. А насчет титулования не стесняйтесь. «Ваше превосходительство» — долго, длинно произносить.

— Я... догадывался, что вы приедете.

— А я не сомневался в том, что рано или поздно я вас сцапаю.

Савин расхохотался.

— Итак, вы приехали за мной?

— За вами.

— И вы думаете меня поймать?

— А разве вы уже не пойманы?

— Нет. Не забывайте, где я нахожусь. Я ведь на турецкой территории.

— Так что вам угодно, «ваше высочество», чтобы я вас взял на территории русской? — усмехнулся Путилин. — Слушайте, Савин, а не лучше ли без дальнейшей борьбы, проволочка? Без шума скандала и прочего?

— Это чтобы я покорно и добровольно попросил вас отвезти меня в русскую тюрьму? А однако вы меня ловко это «вашим высоче-

СТВОМ» назвали!

— Я — Путилин, Савин.

— А я — Савин, господин Путилин.

— Итак — борьба?

— Не советую, ваше превосходительство.

— Почему?

— Потому, что вам несдобровать; потому, что я, а не вы, выйду победителем.

Голова гениального авантюриста гордо откинулась назад.

— Слушайте, ваше превосходительство: я искренне люблю и восхищаюсь вами, вы — огромный талант...

— Позвольте мне ответить вам тем же комплиментом, Савин... Ну-с? Дальше что?

— А то, что если вы меня не оставите в покое, если вы меня станете преследовать, то даю вам слово, что вам — несдобровать.

— Увы, дорогой мой экс-корнет, никак не могу оставить вас в покое, а то вы, того гляди, и в самом деле на болгарский престол вскочите! — иронически рассмеялся Путилин.

— А вам-то что до этого? — злобно вырвалось у Савина.

— Вот-те раз! Как, что за дело? Или вы мне

в вашем будущем княжестве пожелаете предложить пост министра тайной полиции?.. Помилуй бог, я служу честно России и...

— И... вы будете убиты, Путилин! — прохрипел Савин.

— Кем? Вами?

— Ну нет, для этого я слишком умен, чтобы убивать самому... Для этого найдутся...

— Наемные убийцы? Так называемые «брави»? Ай-ай-ай, Савин, мне стыдно за вас: я о вас был лучшего мнения... Вы ведь только вообразите такой конфуз: претендент на болгарский престол — и... вдруг убийца из-за угла начальника русской сыскной полиции...

И Путилин иронически рассмеялся.

Вся кровь бросилась в голову бывшему офицеру. Вся былая гордость, не промененная еще на «интернациональную тогу» авантюриста-мошенника, проснулась в нем с победной силой.

— Вы с ума сошли! Я никого не убивал из-за угла! — гневно вырвалось у него.

Путилин внимательно наблюдал за ним.

— Сдайтесь, Савин... Ей-богу, лучше будет.

— Ни за что, ни-ког-да!.. — отчеканил Са-

ВИН.

— Вы едете в Болгарию?

— Еду.

— Но я ведь вас арестую!

— Вам не удастся этого, Иван Дмитриевич.

Я сильнее вас в настоящую минуту.

— Чем, Савин?

— Я окружен друзьями-приверженцами, я даже среди важнейших сановников Турции имею сообщников. Вы — один.

— Я это знаю. Вы — недаром Савин. Вы — умница большой руки. Но...

— Что «но»?

— Вы не уйдете от меня. В ту минуту, когда я, «один», как вы предполагаете, скажу вам «Именем закона я вас арестую», вы... вы протянете мне ваши руки.

Лакей, отнеся чемодан гениального сыщика в номер, стоял, в недоумении глядя на двух беседующих «знатных путешественников».

— Ну-с, мне пора идти, — вставая, произнес Путилин.

Встал и Савин.

— Прошу вас засвидетельствовать мое почтение вашей супруге, — тоном великосвет-

ского денди бросил Путилин. — Маркиза следует с вами?

— О, разумеется, милорд...

И... разошлись...

Путилин, войдя в роскошное «отделение», сел в кресло и погрузился в глубокое раздумье.

Изредка с его уст срывались тихие бормотания:

— Молодец... какой ход... так? Нет... а если так?... Гм... Гм...

И вдруг через полчаса такого выведения «кривой» он вскочил и радостно, прерывисто прошептал:

— Ах, эти черномазые, черномазые!..

Савин, войдя в свои апартаменты, был бледен, как никогда.

— Лили! — громко крикнул он.

— Что с тобой? — выскочила графиня Тулуз де Лотрек, замечая бледность лица своего супруга.

— Ступени трона шатаются под моими ногами!

— Что?!

— Приехал человек...

— Он тоже претендент на болгарский престол? — наивно спросила графиня.

— Дура! — злобно, по-русски, выругался «граф». — Сию минуту, скорее... укладывай чемоданы! Мы едем через несколько часов.

— Слава богу! Наконец-то, — вырвался у графини радостный и облегченный вздох.

Последний пассажир «Ольги». Путилин посрамлен. Торжество Савина

В великолепной гавани Константинополя два парохода готовились к отплытию. Погрузка уже кончилась. Вся эта громада разношерстных людей, «снарядивших» гигантские пароходы, отирала с лиц обильно струившийся пот.

По трапу входили последние пассажиры.

Они, испуганные, боящиеся опоздать, были нервны, суетливы.

«Скорей! Сейчас последний звонок... А вещи?»... — «Все сдано... все сдано...»

На пароходе прямо у трапа стоял Савин — «граф Тулуз де Лотрек», «маркиз да Коста дель Ривольто» — претендент на болгарский престол, окруженный своей свитой.

— Ваше высочество бледны... Вам худо?

— Пустяки, Цанков, пустяки... Но, говоря откровенно...

— Вы боитесь этого дьявола?

В голосе болгарина, политического эмигранта, слышалась тревога.

— Да, я боюсь Путилина. Вы, конечно, не знаете, что это за огромный талант... До сих пор он был непобедим.

— Но его противники?

— Ах, Цанков, он боролся с Домбровским, со Шпейером, и...

— Всех победил?

— Всех.

— Но вы, ваше высочество, не им чета. Вы...

— Послушайте, Цанков, вы хорошо осмотрели весь пароход?

— Чудесно.

— И... и его нет?

— Если он не обратился в мышь, даю вам слово, что его нет.

Вздых облегчения вырвался из груди Савина, «его высочества».

— Ну, а я-то его не пропущу. Я узнаю его, хотя бы он загримировался самим дьяволом.

Последние пассажиры непрерывной лентой проходили мимо претендента и его свиты.

Как жадно, с каким жгучим вниманием впивался знаменитый корнет в их лица!

Мимо него проходили дамы, мужчины, молодые, старые.

«Не он, не он...» — шептал про себя претендент на болгарский престол.

— А тот, другой пароход? — вдруг услышал Савин взволнованный голос Цанкова.

Савин усмехнулся.

— Во-первых, Цанков, мы отплываем раньше, стало быть, если бы *он* догадался, то не стал бы терять времени, а во-вторых, какой смысл ему миновать борт *нашего* парохода? А впрочем, дайте-ка бинокль.

— Пожалуйста, ваше высочество!

Савин наставил бинокль на трап другого парохода, готовящегося к отплытию.

Вдруг из его груди вырвался подавленный крик радости.

— Смотрите, Цанков, смотрите: он, он!

— Кто «он», ваше высочество?

— Путилин! Путилин!

— Да не может быть? Да неужто?!

— Да, да, смотрите... Вот он идет... Видите этого джентльмена, седого, с сумкой через плечо? Вот он обгоняет даму!.. Вот он приподнял свою панаму, извиняясь за то, что чуть-чуть толкнул ее, эту красавицу. Это он, он!

И Савин расхохотался безумно радостным смехом.

— Попался! Попался! Пароходом ошибся, гениальный сыщик!..

Те несколько болгар, которые составляли свиту будущего «князя», во главе с душой заговора с Цанковым, — поддерживали своего будущего повелителя.

«Ловко! Ловко!» — «Иди, иди, проклятая собака-ищейка!»

На пароходе шли последние приготовления.

— Давай сигнал! Сейчас! К отплытию! — раздалась команда.

Бросились уже убирать трап.

— Стойте! Стойте! — на ломаном языке слышался испуганный крик.

По трапу бежал низенький, горбатый католический священник.

Его ряса-сутана смешно раздувалась, словно парус поднятый ветром.

— Эдакое животное! — недовольно пробурчал капитан, злясь на опоздание. — Не мог вовремя поспеть!..

Минута, другая — и католический священник входит на борт парохода «Ольга».

— Отчаливай! — послышалась команда капитана. Винты парохода зашипели, зашумели, пеня и бунтуя тихую гладь великолепной бирюзовой воды.

Медленно и горделиво покачиваясь, пароход отвалил. Свита будущего болгарского князя почтительно взяла под козырек.

— Ваше высочество, поздравляем вас с вступлением на престол!

— Не рано?

— Нет. Вы сами говорили, что последний враг ваш, проклятый Путилин, попал на другой пароход.

— А остальное, друзья мои?

— Остальное позвольте довершить нам, ваше высочество. За это мы ручаемся...

Восторг засветился в глазах Савина.

— В таком случае... надо выпить шампан-

ского? Не правда ли, друзья мои?

— Если угодно вашему высочеству, — ответствовала свита.

И через несколько секунд лакей подавал шампанское. Савин, взяв в руки бокал с искрометной влагой, торжественно начал:

— Я поднимаю бокал, господа, прежде всего за посрамление моего врага — Путилина.

— За посрамление Путилина! За здоровье вашего врага! — подхватила свита.

Встал Цанков.

— А мне, ваше высочество, позвольте выпить за здоровье будущего князя Болгарии... Господа, за здоровье нашего повелителя!..

Радостный клич пронесся по палубе первого класса.

— За князя! За князя!

— За болгарский народ! — вторично поднял бокал Савин.

— За народ! За народ!

В эту секунду к группе ликующих заговорщиков подошел католический священник.

— Простите, господа... Я не знаю, не имею чести знать, кто вы. Но ваш тост за посрамление Путилина меня глубоко растрогал. Как

вам, быть может, известно, он вмешался даже в дела церкви и иезуитского ордена. О, этот проклятый нечестивец!

Голос «последнего пассажира» задрожал от глубины негодования и скорби.

— Я знаю, падре, эти его розыски-похождения, — с чувством произнес Савин.

— Ну, не наглец ли? Я... я... с удовольствием выпью бокал шампанского за его посрамление.

И палуба парохода «Ольга» огласилась восторженным кликом.

— За гибель Путилина! За посрамление его!

— А вы все-таки, падре, чуть-чуть не сыграли ему в руку! — улыбнулся Савин.

— Я? — удивился падре — католический священник.

— Вы. С чего это вам пришла такая фантазия запоздать на пароход до последнего звонка?..

— Задержался... Давал святыне дары умирающей женщине.

В каюте претендента. Туалет болгарского князя

Пароход «Ольга» подходил к Бургасу. В комфортабельно убранном салоне-каюте претендента на болгарский престол было весело, шумно.

Весь будущий кабинет министров во главе с премьером Цанковым окружали великого русского авантюриста-самозванца.

Графиня Тулуз де Лотрек мирно и покойно почивала.

Во сне, наверно, ей грезились ослепительные курорты и трон Болгарского княжества. То и дело хлопали пробки от бутылок шампанского.

— Друзья мои! — обращался к своим министрам, политическим эмигрантам, Савин. — Мы переживаем исторические минуты!

— О, еще бы, ваше высочество!

— Честное слово, это напоминает мне Наполеона! С той только разницей, что великого императора везли на Эльбу в заточение-изгнание, меня же везут в Софию на престол на воцарение.

Подошел Цанков.

— Ваше высочество, вам следовало бы теперь облачаться в полную парадную форму.

Савин, искренно вошедший в свою роль, горделиво простер руку вперед.

— Дайте все, что мне следует!

— За исключением короны, ваше высочество... Ее вы возложите на себя там, в Софии, во время коронавания.

И началась сцена, знаменитая, единственная в истории авантюры: патентованный мошенник облачался — не маскарада ради, — а всерьез в форму одного из венценосцев.

— Кушак, господа.

— Пожалуйте, ваше высочество.

— Цанков, где звезды?

— Здесь, ваше высочество.

— Ха-ха! Я дорого бы дал, чтобы Путилин посмотрел на меня теперь. О, он понял бы, что шутить со мной нельзя!

— Охота вам, ваше высочество, тревожить себя воспоминанием о каком-то сыщике... Позвольте, я лучше вам стяну мундир.

— Еще, еще, Цанков.

— А не будет туго?

— Нет. Слушайте, господа: мне так понравился этот милейший падре, что я хотел бы пригласить его к нам и угостить бокалом

шампанского. Почтенный иезуит, ха-ха-ха, кажется, не дурак выпить...

Глаза Савина горели.

Он не отводил взора от зеркала, которое отражало его красивую, стройную фигуру, облаченную в парадную форму болгарского князя.

Теперь уже никто и ничто не могли бы разуверить его в том, что он — только жалкий безумный самозванец.

— Когда я взойду на болгарский престол, я с трона произнесу такую речь. «Господа! В то время, когда политический горизонт Европы обложен мрачными тучами, я возвещаю вам с высоты престола, что Болгария ничего не боится. Почему? Да потому, что во главе Болгарии стою я, Сав... — Савин спохватился, поправился и продолжал, все более и более воодушевляясь: — Стою я, ваш великий князь. Верьте в меня слепо так, как верили старые гренадеры Наполеону, и мы утрем нос и Германии, и России, и Путилину...»

Савина слегка качнуло.

— Ваше высочество... вы бы отдохнули, — обратился к самозванцу Цанков.

Выпитое шампанское сказывалось: язык Савина путался, заплетался.

— Нет, я не буду, я не хочу спать. Пригласите сюда, господа, католического священника. Я хочу побеседовать с ним о Ватикане. *Нам* (гениальный авантюрист сделал ударение на этом слове) необходимо знать о положении дел Святейшего Престола.

Прошло несколько минут и один из заговорщиков, Мацавелов, вернулся.

— Я нигде не мог найти его, ваше высочество. Каюта его пуста.

— Ну... Ладно... Черт с ним, — совсем уж не по-великокняжески бросил Савин. — Я продолжаю, господа: «Политика, которой мы будем держаться по отношению к России...»

В это время в каюте капитана происходила не менее любопытная и важная сцена.

— Могу я переодеться у вас? — спокойно обратился к капитану парохода католический священник входя в каюту.

— Переодеться? У меня? Это с какой же стати? Разве у вас, падре, нет своего помещения? — удивленно спросил капитан.

— Есть, но видите ли, — начал католиче-

ский монах что-то объяснять капитану.

Говорил он довольно долго. С каждой секундой лицо капитана все более и более бледнело и принимало глупо-растерянное выражение.

— Стало быть, вы?

— Да.

— И сейчас?

— Сейчас.

— А если сопротивление?

— Вы обязаны оказать мне поддержку. Помилуй бог, у вас команды хватит.

Капитан схватился за голову.

— Вот не думал! Вот не чаял!

— Бывает, — усмехнулся католический священник...

Арест «болгарского князя»

До прибытия в Бургас оставалось всего несколько минут. Те пассажиры, которым надо было высаживаться здесь, толпились на палубе.

Из капитанской каюты вышел высокий, представительный господин с роскошными седыми бакенбардами, одетый в безукоризненный черный сюртук.

За ним вышел капитан с взволнованным, бледным лицом.

«Кто это?» — «Не знаю. Такого пассажира не было видно».

Спокойной, размеренной походкой подошел элегантный господин к каюте-салону, занимаемому претендентом на болгарский престол и его блестящей свитой. Савин давал клятву политическим заговорщикам.

— Вы должны, ваше высочество, поклясться в том, что будете свято и нерушимо поддерживать нашу партию.

Знаменитый авантюрист, совершенно уже претворивший в себе новый высокий титул, с пафосом ответил:

— Даю вам в этом слово, господа. Клянусь.

— Вы никогда не должны забыть наших услуг.

— Я это понимаю.

— Вы всегда должны помнить, что только благодаря нам вы вошли на болгарский престол.

— О, я этого не забуду, господа! — с чувством произнес маскарадный князь.

Он сделал театральный жест.

— В ту минуту, когда я войду на трон...

— Вы никогда на него не войдете, Савин! —
раздался звучный, спокойный голос.

На пороге салона, раздвинув портьеру, стоял элегантный старый барин.

Это был Путилин.

Если бы тут, сейчас с оглушительным треском разорвалась бомба, это не произвело бы такой паники, такого ошеломляющего эффекта, как слова и внезапное появление гениального сыщика.

У всех присутствующих вырвался громкий крик испуга.

Савин — в парадной форме болгарского князя — в ужасе отшатнулся.

— Путилин?! — слетело с его побелевших губ.

— С вашего разрешения, ваше бутафорское высочество, — с неподражаемой иронией, насмешкой ответил Путилин.

«Что? Кто это?» — «Как, Путилин?»

Цанков просто замер, окаменел. Путилин сделал несколько шагов по направлению к великому авантюристу.

— Именем закона я вас арестую, бывший

корнет Николай Савин!

Страшным усилием воли растерявшийся Савин взял себя в руки.

— Что? Вы желаете меня арестовать? — произнес он, гордо откидывая назад голову.

— Да. Имею твердое намерение.

— По какому праву?

— За вами, господин Савин, накопилось слишком много... недоимок русскому храму Фемиды. Пора свести счеты.

— Но вы забываете, любезнейший, что здесь не Россия! — гневно вырвалось у Савина.

— Но и не турецкая территория, любезнейший экс-корнет. Здесь водная территория, здесь палуба корабля. На такой почве я имею право вас арестовать.

— Ни за что! Я не отдамся в ваши руки, слышите? Господа, вашего князя хотят арестовать. Вы должны заступиться, — обратился будущий болгарский князь к своим верно-подданным.

Яростный вопль вырвался из грудей политических заговорщиков.

Кулаки судорожно сжались, глаза засвер-

кали бешенством.

— Мы не выдадим вас, ваше высочество, этому сыщику!

— Как вы смеете посягать на нашего князя?! — выступил Цанков.

— На *вашего* князя? — саркастически расхохотался Путилин. — С каких пор русский авантюрист сделался болгарским князем? И по какому праву вы, кучка политических эмигрантов, выбираете народу, который вас вышвырнул, претендента на престол?

— Полегче, полегче! Я страшен в гневе! — заскрипел зубами Цанков.

Путилин стоял невозмутимый.

— Вы... вы что же, любезный господин Путилин, серьезно желаете вести с нами борьбу?

— В каком смысле «борьбу?» Драться, бороться с вами? О, этого я совершенно не предполагаю. Слушайте, Савин, вы очень умный человек, и потому предлагаю вам прекратить этот жалкий маскарад, эту высокую комедию. Поймите, сознайтесь и придите к выводу, что вы попались. Вы в моих руках.

— Я буду бороться! Я... я, — совсем обезу-

мел претендент на болгарский престол.

В его руке сверкнуло дуло револьвера.

— Господа! — властно крикнул он своей свите.

Несколько револьверов и ножей-кинжалов были моментально выхвачены.

И только Путилин стоял безоружный, с голыми руками.

— Великолепно. Это мне нравится. Итак, вы желаете меня убить? — Ни йоты тревоги, ни признака испуга не слышалось в этих словах.

Это поразительное хладнокровие изумило даже его врагов, и не только изумило, но и восхитило.

«Молодец! Какая смелость, выдержка!» — тихо пробормотал Цанков своим товарищам-заговорщикам.

— Теперь, Савин, я должен сказать вам следующее: моя смерть не принесет вам спасения потому, что я, предвидя возможность ее, принял все, понимаете, все меры для того, чтобы вы все-таки были арестованы.

— Дьявол! Вы лжете! — прохрипел авантюрист.

— Я лгу? Разве вы не знаете, что Путилин никогда не лжет? Капитан парохода предупреден. Телеграммой я уведомил консула в Бургасе о вашем следовании на болгарский престол. Он встретит вас с достаточным количеством людей для вашего ареста.

Вопли бешенства опять прокатились по каюте-салону.

— Извольте видеть: имея дело с обыкновенными мошенниками, я всегда прибегал к револьверу. С таким же, как вы, я считал это излишним. У меня в кармане два револьвера. Не угодно ли взглянуть на них? — И Путилин быстро их выхватил.

— Но, смотрите, я их кладу на стол. Что же вы медлите, господа? Убивайте меня, я беззащитен, я — один среди вас.

Савин стоял, низко опустив голову.

Свита его — точно под влиянием какого-то гипноза — безмолвствовала.

— Вы что же, хотите замарать ваши ручки еще и убийством? Вы думаете, что это облегчит вашу совесть и ответственность за все, что вы наделали?

— Как... как вы попали сюда?

— Да я с вами шампанское пил, ваше высочество.

— Вы?! Со мной?!

— И с этими господами, вашими верноподанными. Разве вы забыли католического священника?

— Это были вы, Путилин?!

— Я, Савин.

С тоской оглянулся кругом Савин.

— Рушится все. Все мечты разлетелись. Господи, а я так жаждал... — и зарыдал ужасным, нудным мужским рыданием. — Вы... вы... победили, Путилин... Но, клянусь Богом, я... я был бы идеальным князем Болгарии.

Даже в эту минуту гениальный авантюрист не потерял веры в свое княжеское призвание!

— Снимайте скорее этот маскарадный костюм, Савин. К чему привлекать к себе всеобщее внимание? Вам будет тяжелее.

— Вы... вы правы... К черту! Все к черту!

— Ваше высочество... Что вы делаете? — слышались возгласы свиты.

Савин, безумно хохоча, плача, срывал с себя парадную форму болгарского князя.

— Ну?! — исступленно крикнул он, подходя к Путилину. — Берите меня. — Я ваш! Но... но помните, что ненадолго.

Мельница в Гусевом переулке

Таинственное появление трупа в сыск- НОМ

Покончив с визитацией больных, приехав домой и отобедав, я только что собирался прикорнуть, как лакей мой доложил мне о прибытии любимого курьера моего гениального друга Путилина. Я поспешно вышел в переднюю.

— В чем дело, дружище?

— Письмо к вам от его превосходительства Ивана Дмитриевича.

Он протянул мне знакомый конверт.

— Что-нибудь случилось важное? — спросил я, поспешно распечатывая конверт.

— Случай, можно сказать, господин доктор, необыкновенный...

Но я не слушал его, весь погрузившись в чтение записки.

«Доктор, приезжай немедленно. Торопись, ибо я не могу из-за тебя находиться чересчур долго в страшном соседстве.

Твой Путилин».

— Что такое? — начал было я, но, махнув

рукой и зная любимый загадочный стиль моего друга, наскоро одел пальто и помчался в сыскное к моему другу.

Курьер на своей неизменной тележке-тарантасе следовал за мной.

В сыскном, когда я туда приехал, я заметил на лицах служащих испуг, растерянность.

«Что такое случилось?» — мозжила меня мысль. Я быстро прошел знакомой дорогой в служебный кабинет Путилина, порывисто распахнул дверь.

— Ради бога, Иван Дмитриевич, что такое?

Путилин, отдававший приказания своему помощнику, обернулся ко мне.

— А, это ты, доктор?..

— Как видишь.

— Так вот, не можешь ли ты оказать помощь этому несчастному господину?

И он сделал знак по направлению дивана. На нем, свесившись мешком, полулежал, полусидел молодой щеголь в бобровой бекеше, с лицом сине-бледным, с таким лицом, на котором мы, врачи, безошибочно различаем печать смерти.

— Дайте знать, Виноградов, прокурору, су-

дебному следователю и нашему врачу.

— Сию минуту, Иван Дмитриевич.

Пока они говорили, я приступил к господину. Но лишь только я раскрыл его бекешу, как волна крови вырвалась и залила диван. Брызги крови ударили в мое склонившееся лицо. Голова господина зашаталась и свесилась еще ниже.

— Ну? — спросил Путилин.

— Да, ведь он мертв. Это труп! — воскликнул я, неприятно пораженный тяжелым зрением.

— Ты исследовал?

Я открыл его глаза... Веки были свинцовые, зрачок — мертво остекленевший.

— Когда приблизительно наступила смерть, доктор?

— Сейчас, до подробного осмотра, это трудно определить, но судя по сокращению глазных нервов, можно думать, что не так давно. Часа два, полтора.

Помощник вышел отдавать распоряжения.

— Откуда у тебя появился этот несчастный?

— А-а, это крайне загадочная история. Ви-

дишь ли, минут сорок тому назад ко мне вбежал испуганный агент-дежурный и заявил, что на лестнице лежит тело какого-то господина... Я бросился туда и увидел этого господина. Думая, что он еще жив, я велел перенести его ко мне в кабинет. Но, увы, это был, как ты видишь, труп.

— Но как он попал на лестницу вашего сыскного отделения?

— Этого никто не знает, доктор. Один из недавно прибывших агентов, правда, видел, что какая-то карета, запряженная отличными лошадьми, остановилась у подъезда сыскного. Но, занятый другим делом, он не обратил ни малейшего внимания на это обстоятельство. Мало ли, кто останавливается у нас в каретах?

— Ужасная рана! — вырвалось у меня. — Пуля попала, очевидно, в сердечную сумку. Смотри, какая масса крови!

— Ну и годок! — печально произнес Путилин. — Преступление за преступлением... Я начинаю думать, что криминальный Петербург скоро заткнет за пояс Лондон и Париж.

Не скажу, чтобы присутствие страшного

посетителя-гостя было особенно приятно. Его открытые глаза, в которых застыл ужас предсмертных мук, были прямо устремлены на нас.

— Теперь ты понял, доктор, почему я тебя торопил?

— Да.

— Откровенно говоря, мне не особенно улыбается мысль затягивать визит неожиданного гостя.

Путилин посмотрел на часы.

— Они сейчас придут. Ну, а пока скажи, каково твое мнение: убийство это или самоубийство.

Я еще раз сделал поверхностный осмотр трупа и ответил:

— Мне кажется, что самоубийство. В это место, то есть в сердце, очень редко целятся убийцы. Висок и сердце — это прицел тех, кто добровольно кончает жизнь.

— Bravo, доктор, кажется, ты на этот раз не ошибся!

В кабинет входили спешной походкой представители власти.

— Что случилось, Иван Дмитриевич? У вас

в кабинете? — здороваясь, спросил прокурор.

— Перенесен с лестницы. Ну, господа, приступайте.

Началась тяжелая, длительная процедура. Мой коллега совместно со мной осматривал труп. Путилин стоял рядом с судебным следователем, не сводя взора с трупа.

Вдруг он быстро наклонился над трупом.

— Что это вы так пристально разглядываете, ваше превосходительство? — спросил судебный следователь.

— Мел на жилете и на сюртуке самоубийцы, — ответил Путилин.

— Самоубийцы?.. А разве вы уверены, что это — самоубийство?

— А вот, — не угодно ли, — усмехнулся Путилин, подавая тому листок бумаги, вынутый им из бобровой шапки мертвого человека.

Он протянул его следователю.

Тот громко прочел:

«Сегодня — моя последняя ставка. Если она будет бита — я застрелюсь. Я проиграл все, что имел, и даже чужое... А. Г.»

— Ну, вот и разгадка всей таинственности! — нервно рассмеялся Путилин.

Следователь и прокурор были озадачены.

— Значит, игра? Неудачная?

— Как видите, господа. Очевидно, ставка, последняя ставка этого господина была бита.

И он указал рукой на труп молодого человека.

— Да, но остается вопрос, кто этот господин... где он ставил свою финальную карту? — глубокомысленно изрек следователь, злясь на то, что Путилин по обыкновению первый пролил свет на загадочное происшествие.

— А это уж наш дорогой Иван Дмитриевич узнает. Ему и книги в руки, — облегченно вздохнул прокурор, радуясь упрощению дела.

— Но как вы предполагаете, ваше превосходительство: каким образом труп самоубийцы мог очутиться на лестнице сыскного отделения? — задал вопрос судебный следователь.

Путилин, низко склонившийся над трупом и исследовавший пальцы самоубийцы, выпрямился.

— Я оставляю за собой право ответить на этот вопрос позже, — сухо отрезал он. — Если бы сложные дела объяснялись и решались в

полчаса, тогда... тогда, наверное, мы с вами, господин следователь, не были бы нужны русскому правосудию. Тогда вахтеры и курьеры могли бы исполнять обязанности следователей и начальников сыскной полиции...

Предварительное следствие было окончено. Труп увезли в анатомическое отделение Военной медико-хирургической академии.

— Вся надежда на вас, ваше превосходительство, — прощаясь, произнес прокурор.

— А отчего же не на господина судебного следователя? — иронически спросил Путилин.

Когда мы остались одни, я осторожно задал вопрос моему великому другу.

— Отчего ты, Иван Дмитриевич, так демонстративно-сурово и насмешливо отнесся к судебному следователю?

Путилин сделал досадливый жест рукой.

— Ах, оставь, доктор... Этот господин, едва соскочивший со скамьи привилегированного учебного заведения, ни бельмеса не понимает в настоящем, живом деле сыска, несколько раз язвительно пробовал «утирать мне нос». Моя слава стала ему колом поперек горла. По-

смотрим, что он-то сделает.

Прошло несколько секунд, минут.

Путилин, погрузившийся в раздумье, вдруг стремительно вскочил.

— Что с тобой? — испуганно вырвалось у меня.

— Я... я вывожу мою «кривую», любезный доктор. Поезжай домой. А впрочем... скажи: ты играешь в карты? Ты помнишь штосс, банчик?

— Ну да... Помню... Знаю, — удивился я страшно.

— Так давай с тобой сыграем...

Он подошел к шкафчику и вынул оттуда колоду карт.

— Только вдвоем играть-то скучно... Не раздобыть ли нам третьего партнера?

Путилин позвал помощника и что-то тихо начал ему шептать.

— Хорошо, Иван Дмитриевич.

Урок Путилина у знаменитого «мастера»

Приблизительно через полчаса в кабинет вошел, почтительно сгибаясь, худощавый господин, уже очень немолодой, с наружностью, говоря откровенно, преотвратительной. Он

был, очевидно, крашенный, так как только концы волос были черные, корни же — седые.

Узкие, противные, масляные глазки. Усы, распушенные, как у кота.

— А вот и вы, любезнейший господин Статковский!

— Имею честь кланяться вашему превосходительству. Ясновельможный пан Путилин имеет до меня дело?

Он говорил с сильным польским акцентом.

— Да, да. Это мой бывший клиент, доктор, но теперь пошедший по другой дороге, по дороге честного труда. А это, пан Статковский, мой знаменитый доктор.

Мы поздоровались.

— Извольте ли видеть, голубчик, какая история. Мне необходимо освежить в памяти всевозможные приемы шулерства высшей школы.

«Что такое?» — подумал я.

Статковского передернуло.

— Ваше превосходительство изволит шутить?

— Нимало.

— Но для чего же?

— Для того, чтобы обыграть наверняка некоторых негодяев, а главное для того, чтобы поймать их.

— А-а, — улыбнулся, как я потом узнал от Путилина, знаменитый экс-шулер, артист своего дела. — Новое дело, ваше превосходительство?

— Да. Ну-с, так вы можете преподать мне несколько уроков? Вы многое знаете?

— О! — только и произнес великий «мастер».

В этом невольно вырвавшемся восклицании было столько гордости и самодовольства, что я невольно улыбнулся.

«Вот оно, профессиональное самолюбие!» — мелькнула мысль.

— Приступим, Статковский.

Бывший шулер преобразился. Глаза за сверкали восторгом, чуть не вдохновением.

— Прошу садиться, пане. Пан доктор играет?

— Как сапог! — ответил за меня Путилин.

— Ха-ха-ха! — почтительно рассмеялся шулер-виртуоз.

— Вот колода в моих руках. Прошу внимания.

Он, точно хирург, собирающейся приступить к операции, засучил рукава.

— Это для чего же? — спросил я.

— Для того чтобы показать вам, как можно чисто работать даже голыми руками!

Путилин внимательно следил за всеми манипуляциями «мастера».

— Какую угодно игру вашему превосходительству? — спросил Статковский.

— Да начнем с польского банчка. Игра эта теперь очень распространена в игорных домах.

— О, то есть, то есть! — согласился с этим исправившийся шулер.

Он попросил меня «срезать» колоду и обратился к Путилину.

— Сейчас я буду метать. Кого угодно, чтобы я бил — вас, ваше превосходительство, или пана доктора?

— Ну, хоть меня, что ли... А то доктор испугается, — рассмеялся Путилин.

— А может бить вас вместе?

— И это можете?

— Сколько угодно. Я начинаю. Вы, ваше превосходительство, не возьмете ни одного удара.

Карты были даны.

— Бита! — произнес Путилин.

Новая сдача.

— Бита!

— А теперь хотите взять?

— Хочу. Раз, два, три.

— Дана!

Статковский торжественно поглядел на нас.

— То есть игра!

— Ловко! — вырвалось у Путилина. — Сколько способов, голубчик?

— О, очень много, ваше превосходительство: «по крапу», «по срезке», «по передергиванью», «по накладке».

— Ну, теперь объясняйте и демонстрируйте каждый отдельный способ и его приемы.

Началась целая лекция.

— В то время, когда вы режете, я делаю то-то... Когда я сдаю, то получается так...

— Ага, ага... А если так? — задавал вопросы Путилин.

— Тогда я делаю вот так. То вам ясно, ваше превосходительство?

— Повторите-ка еще раз, Статковский! Впрочем, дайте-ка карты теперь мне в руки. — И Путилин уселся метать.

Я ровно ничего, говоря откровенно, не понимал в этой карточной абракадабре.

Путилин начал игру.

— Так?

— А то ей-богу хорошо! Як Бога кохам, ваше превосходительство — удивительный человек! Так быстро усвоить...

— Что поделаешь, любезный пан Статковский, в нашем деле все надо знать.

— Бита?

— Бита!

— Дана?

— Дана!

— Помилуй бог, если бы я не был начальником сыскной полиции, я мог бы, стало быть, сделаться недурным шулером?

— Без сомнения, ваше превосходительство! — с восторгом и искренним восхищением поглядел на своего ученика знаменитый маэстро.

Путилин расхохотался.

Урок длился еще часа два. С редким терпением и упорством добивался этот необыкновенный человек результата, необходимого для его планов.

— Ну, баста!.. Довольно! Спасибо, Статковский. Имейте в виду, вы можете мне понадобиться. Может быть, нам придется играть очень скоро вместе. Вас ведь забыли? Теперь не знают?

Статковский вспыхнул.

— Простите, голубчик... Я спрашиваю об этом для пользы моего дела.

— Нет, нет, меня никто не знает. Прошрое умерло. Теперешние же «мастера» знать меня не могут.

Когда мы остались одни, я спросил Путилина:

— Кто этот субъект?

— Знаменитый некогда шулер. Он попался мне в руки. Он на коленях клялся и умолял, что исправится, что больше никогда не будет заниматься своим позорным ремеслом. Я спас его. И он сдержал слово. Теперь он служит, у него уже взрослые дети.

— И не играет?

— Никогда. Даже в дурачка.

Мы распрощались.

— Я уведомяю тебя, лишь только случится что новое.

Личность самоубийцы опознана. Сибирский золотопромышленник и его свита

На другой день, не утерпев, я заехал к Путилину.

— Ну что, Иван Дмитриевич, нового ничего пока?

— Работаем, — неопределенно ответил он.

В то время, как мы болтали, Путилину доложили, что его желает видеть дама, г-жа Грушницкая.

— Попросите.

В кабинет вошла молодая, миловидная дама, отлично одетая. Она была очень взволнована. Лицо заплакано.

— Чем могу служить, сударыня? Садитесь, пожалуйста.

— У меня... у меня исчез муж. Я не обратила бы внимания на то обстоятельство, что он не ночевал ночь, но по городу ходят слухи, что вчера, кажется, у вас был найден труп са-

моубийцы. Я страшно встревожена, ваше превосходительство... У меня является ужасное предчувствие... Я бросилась к вам... ради бога, если что-нибудь вы знаете...

Путилин выразительно посмотрел на меня. Облако грусти легло на его прекрасное лицо.

— Вашего мужа звали... его имя начинается с буквы А?

Дама вздрогнула.

— А вы откуда это знаете? Да, его имя Александр. Александр Николаевич Грушницкий... Ради бога...

Путилина нервно передернуло.

— Успокойтесь, сударыня... Не надо волноваться... Скажите, ваш муж любил играть?

— Да. Вы и это знаете? Стало быть... вы его знаете?

Дама в волнении вскочила с кресла.

— Ах, не мучьте меня, скажите скорее, он жив? Да? Этот самоубийца не он?

— Доктор, будь добр, приготовь, — быстро бросил Путилин.

Я понял, что это значит. Из аптечки, находящейся в кабинете моего друга, я вынул ва-

лерьяновые капли и поспешно накапал их в рюмку с водой. О, сколько раз мне приходилось это делать здесь, в этом помещении, видевшем столько слез, обмороков, потрясающих сцен...

— Сударыня, вы так взволнованы... выпейте капель. Это — мой друг, доктор... Он вам приготовил.

Г-жа Грушницкая начала пить, но подавилась. Очевидно, истеричный ком подступил к горлу бедной женщины.

— Это почерк вашего мужа? — показал ей записку Путилин, закрывая последнюю строчку, где говорилось о намерении самоубийства.

— Да! — вскрикнула она.

И испуганно, жалобно-жалобно посмотрела на нас. Сколько ужаса, муки засветилось в этом взоре!

— Стало быть... стало быть... — пролепетала она и покачнулась.

— Увы, сударыня, будьте тверды, соберитесь с силами — ваш муж застрелился.

Я подхватил бедную молодую вдову.

Минутный обморок сменился жестокой,

но и благодетельной истерикой. Я возился около нее, оказывая ей медицинскую помощь, а Путилин, не выносивший женских слез, нервно потирал виски.

— Эдакие сумасброды... этакое легкомыслие...

Спустя немного, давясь слезами, Грушницкая поведала нам грустную историю, разразившуюся для нее такой потрясающей катастрофой, как самоубийство мужа.

— Все проклятый картежный азарт... Это он погубил мужа.

— Он сильно и давно играл?

— Как он играл, вы можете судить по тому, что в течение полутора лет он спустил три наших имения. Мы ведь были очень богатые...

— А теперь?

— Теперь не осталось ничего, буквально ничего, кроме долгов. Мы с пятилетней дочерью — нищие.

— А скажите, госпожа Грушницкая, про какие чужие деньги он упоминает в своей предсмертной записке? Вам известно это или нет?

Несчастливая женщина закрыла лицо рука-

ми.

— Боюсь думать, но предполагаю, что речь идет о деньгах сиротки Юлии Вышеславцевой, нашей очень отдаленной родственницы, девочки четырнадцать лет, опекуном которой он был назначен. О какой ужас! К довершению всего — еще позор, преступление, запятнанное имя.

Путилин с искренним сочувствием смотрел на вдову.

— Вы не знаете, где играл ваш муж?

— Нет. Он никогда сам ничего не говорил мне об этом, а мне тяжело и противно было спрашивать.

— Ну-с, последний вопрос: на пальцах вашего мужа были кольца?

— Да, он всегда носил кольца, но особенно не разлучался никогда с двумя: одно — большой кабшон-изумруд, другое — опал, осыпанный бриллиантами.

— Вот и все... Тело вашего супруга должно находиться теперь в анатомическом театре. Торопитесь туда.

Грушницкая опять зарыдала.

— Дайте мне ваш адрес. Может быть, я су-

мею что-нибудь сделать для вас...

— Чем вы можете теперь мне помочь, господин Путилин, — подняла бедняжка глаза, полные слез, на Путилина.

И вскоре вышла из кабинета.

Не успела еще закрыться за ней дверь, как в кабинет вошел Статковский.

— Ну? — быстро задал ему вопрос Путилин.

Экс-шулер уныло покачал головой.

— Очень мало утешительного, ваше превосходительство.

— А именно?

— Ходят слухи, что в Петербурге действительно находится «варшавский гастролер» Сигизмунд Иосифович Прженецкий. Это король шулеров. Это звезда первой величины. Но где он пребывает, где играет, узнать об этом не удалось.

— Но его сообщники?

— Очевидно, он и от них держится в секрете. Як Бога кохам, он задумал один, без дележки, заработать десятки, сотни тысяч! Прошу верить, я с отвращением вошел в переговоры с несколькими мелкими «мастерами». В од-

ном клубе я сразу заметил «чистую» игру такого господина. Я подошел к столу и сделал условный знак ему. Он побледнел и с испугом поглядел на меня. Кончив талию метки, он вызвал меня в другую комнату и спросил: «Наш?» — «Ваш», — ответил я. «А вот скажите, пан: где вы еще играете?» — «Больше нигде. Дела ничего не стоят». — «А как же говорят, что одного богача обыграли?» — «Не знаю. Может это пан-черт Прженецкий?»

Путилин расхохотался.

— Так и сказал: пан-черт?

— А то есть истина!

Путилин на секунду задумался, прошелся, потом круто остановился перед нами и сказал:

— Ну, господа, прошу покорно в мою гардеробную!

В комнате, находившейся рядом с его служебным кабинетом, хранились знаменитые «путилинские чудеса» по части поразительных, волшебных превращений.

Несколько шкафов были сплошь набиты костюмами, одеяниями всевозможного характера.

Тут рядом с мантией антихриста висел костюм трубочиста; там бок о бок с блестящим мундиром гвардейского полковника красовались отрепья нищего. Какая живая панорама походов гениального сыщика!

Близ больших шкафов находились небольшие, со стеклами шкапчики, в которых были расположены парики, усы, бороды, накладки.

Два туалетных столика, на них все аксессуары грима: краски, пудра, белила, румяна, карандаши, щеточки...

Это была поистине удивительная лаборатория.

— Господа, позвольте мне теперь заняться вами.

— То есть как это? — удивился я.

— Очень просто. Ты и господин Статковский будете свитой сибирского золотопромышленника.

— А ты, Иван Дмитриевич? — вырвалось у меня.

— А я — им самим.

Какая поистине началась любопытнейшая работа! Исключительный талант Путилина по части метаморфоз сказался тут во всем

блеске.

— Ты, доктор, будешь у меня плешивым во всю голову... Неудобно ли этот парик. Серые бакенбарды... Так, так... И толщину... И этот вот сюртук... И эти брюки...

Быстро, ловко, поразительно умело он преобразил меня.

— Ну-ка, полюбуйся на себя!

Когда я взглянул в зеркало, я не узнал сам себя: на меня глядел толстый, лысый старик.

— На бриллиантовую булавку... Вот перстни...

Затем он принялся за Статковского.

— Вас, голубчик, помолодить надо... Вас-то особенно. Вы ведь будете моим руководителем. Поняли? Просвещать будете миллионера.

Появился широкий воротник, с отворотами; яркий, цветной галстук бантом; вычурный жилет...

— Черт возьми, чем вы не франт первой руки! — Рассмеялся тихим, довольным смехом гениальный человек.

Мы оба с изумлением смотрели друг на друга.

— Да неужто это вы, пан доктор?

— Да неужто это вы, пан Статковский? — ответил я ему в тон.

— Ну, а теперь позвольте мне заняться собой! — весело проговорил Путилин. — Господа, идите в кабинет, я сейчас туда приду.

Прошло минут двадцать.

— Скажите, пожалуйста, господа, могу я видеть его превосходительство, господина Путилина? — раздался чей-то хриплый бас.

Мы обернулись.

На пороге кабинета стоял коренастый господин с черными волосами, густыми длинными бакенбардами «котлеткой» с одутловатым лицом. Видимо, он не дурак был выпить.

Одет был новый посетитель в коричневый фрак, белый жилет, белый галстук. Чудовищно толстая золотая цепь колыхалась на животе его.

— Мне-с по экстренному делу! — продолжал оригинальный гость.

— Войдите, господин Путилин сейчас будет здесь, — ответил я.

— А как же это ты, доктор, в моем кабинете, без моего разрешения посетителей прини-

маешь? — расхохотался господин в коричневом фраке.

Я только руками развел.

Это был Путилин.

Тайное капище Ваала

К каменному особняку, находящемуся в Гусевом переулке, в то время не столь еще застроенному, как ныне, в довольно поздний ночной час подходили разные фигуры.

Если посмотреть с улицы, то дом казался или необитаемым, или спящим. Ни полоски света! Ни звука, ни шороха, ни проблеска жизни!

Высокая, массивная дубовая дверь хранила тайну странного обиталища неведомых существ.

Фигуры (были мужчины и женщины) подходили большей частью поодиночке к таинственным дверям и, после какого-то условного стука исчезали в недрах распахнувшейся двери, которая затем так же быстро захлопывалась.

Но если дом снаружи не подавал ни малейшего признака жизни, зато внутри он кипел, шумел, волновался. Более разительного кон-

траста трудно представить себе.

Целый ряд комнат, убранных с кричащей роскошью дурного тона, были залиты светом канделябр, люстр и стенных бра.

Комнаты были переполнены гостями, одетыми элегантно и принадлежащими, очевидно, к хорошему кругу общества.

Правда, среди дам резко бросались в глаза разодетые чересчур ярко фигуры дорогих камелий — кокоток, но это трогательное слияние, по-видимому, не особенно шокировало чопорных петербургских матрон.

Да и не до того им было.

Во всех комнатах стояли карточные ломберные столы, на которых шла бешено азартная игра.

Это было настоящее капище грозного бога Ваала.

Возгласы игроков заглушались шелестом бумажек, таинственно-мелодичным звоном золота.

«Бита!» — «Полторы тысячи?» — «Позвольте сначала получить...» — «Что же, вы мне не верите?» — «Господа, господа, не задерживайте талию...» Вокруг столов толпились зрите-

ли. Среди них были такие, которые уже успели все «спустить» и теперь с завистью и холодным отчаянием в воспаленных взорах жадно глядели на чужую игру, на чужое золото. Лица играющих были бледны, возбуждены. Переход от радости выигрыша к ужасу проигрыша, надежда, разочарование, злоба, ненависть, бешенство — все это составляло пеструю, разнообразную гамму.

Весь воздух этого тайного капища, воздух, наполненный запахом духов, табачного дыма, косметики и острого разгоряченного пота, казалось, был пропитан «золотой пылью», патологическим безумием цинично откровенного азарта. И дышать было трудно, почти нечем.

Сердце билось тревожно, руки дрожали, кровь бешено бросалась в голову, мутя рассудок.

— Золото! золото! — проносился таинственный, насмешливый голос незримого духа.

Кого тут только не было!

Рядом с блестящими офицерами гвардии терлись субъекты неопределенной профес-

сии, с великолепными манерами, но, может быть, с клеймом каторжников на спине; там, около молодых купеческих сынков, играющих на деньги, захваченные из тятенькиных касс-выручек, вертелись «золотые мухи» Петербурга, золотящие свои крылья в притонах подобного рода; чиновники, проигрывающие свое скудное и жирное жалованье; биржевые артельщики; маклеры, «зайцы», альфонсы и даже служители искусств — актеры и актрисы.

Среди всей этой разношерстной толпы особенное внимание обращал на себя горбатый старый еврей с длинной седой бородой.

Он переходил от стола к столу, внимательно ко всему приглядываясь и прислушиваясь.

Почти с каждым гостем он перекидывался фразой, другой.

— Господин барон, что-то грустен, не играет. Почему?

— Я проигрался, Гилевич.

— Так возьмите у меня немного. Завтра отдадите!

— О, непременно! Спасибо вам! Честное слово!

— Так вот, пожалуйста.

И отводя в сторону барона, незаметно со-
вал ему в руку депозитку.

— А вы что, милая барынька? — обращался старик-еврей к даме с красными пятнами от волнения на лице.

— Увы, ничего не осталось.

— Так отчего же вы не хотите принять услуг этого вот старца? Он ведь безумно влюблен в вас.

— Господин Гилевич, вы забываетесь. Я — честная женщина, я не торгую собою...

— Пхе! Честная женщина... Но разве вы сделаетесь бесчестной от того, что у вас станет больше денег? Смотрите, как набит его бумажник, вот он его раскрывает, сколько там денег...

И взор честной женщины, помимо ее воли, приковывается к бумажнику того, кто давно уж точит свои гнилые зубы на ее молодое тело.

Этот вездесущий и всеведающий старик-еврей был хозяином тайного капища Ваала.

Прибытие золотопромышленника. Радость «польского магната»

Было около двенадцати часов ночи. Оживление во всех комнатах нарядного игорного притона было необычайное. Игра шла на всех столах. Почтенный хозяин, Гилевич, довольно потирал руки.

Он стоял у окна и вел тихий разговор с высоким, худощавым господином типично польского облика. Темные, распушенные усы, маленькие бакенбарды на щеках, широкий воротник, большой галстук бантом, светло-клетчатые брюки и масса сверкающих камней на пальцах рук.

Что-то бесконечно хищное вспыхивало, сверкало в его больших глазах.

— Итак, ваше сиятельство, вы сегодня не играете? — спросил старик еврей.

— Не стоит, ваша светлость, — усмехнулся тот.

— А почему, Прженецкий?

— Игра мелкая, Гилевич. Не стоит рук марасть.

— Еще бы! Поели такого огромного куша, который ты схватил на днях...

— Кажется, ты получил из него свою долю с лихвой?

Старик еврей прищурился.

— Но эта «лихва» пришлась мне за огромный риск доставить труп застрелившегося Грушницкого в гости. Ха-ха-ха! К самому дьяволу — Путилину. Видный малый! Он, наверное, не предполагал, что после смерти его душа попадет в пекло... сыскного ада, к Вельзевулу!..

На пороге комнаты появилась группа из трех лиц. Впереди стоял коренастый человек в коричневом фраке и белом жилете.

— Кто это? — тихо шепнул Прженецкий, гениальный шулер, Гилевичу, показывая глазами на вновь прибывших.

Гилевич удивленно ответил:

— Я сам не знаю. Эти субъекты в первый раз у нас.

И он с вкрадчивой, ласковой улыбкой на губах направился к необычным гостям.

— Извольте быть в первый раз у нас?

— Вот-те на! Конечно, в первый раз, милый человек! — трубной октавой загредел коричневый фрак. — Как же я мог быть у тебя раньше, когда я только что прибыл с моих золотых приисков, из Сибири?

И он расхохотался так, что играющие неподалеку вздрогнули.

— Золотопромышленник, владелец Атканских золотых промыслов, слышал может? Рухлов Степан Федулыч. А ты, мил человек, кто будешь?

— Я-с? Я-с, господин Рухлов, Гилевич Абрам Моисеевич. Я владелец этого помещения.

— Этой вертушки? Ну, будем здоровы!

И «коричневый фрак» — это был, как вы уже можете догадаться, Путилин — протянул старику еврею свою руку.

— А... а скажите, пожалуйста, достоуважаемый господин Рухлов, как вам удалось попасть сюда, к нам?

Глаза содержателя игорного притона — «мельницы» пытливо впились в глаза лжезолотопромышленника — гениального сыщика.

— Это ты, стало быть, насчет пароля вашего? А-ха-ха-ха! — опять громовым голосом расхохотался Путилин. — Скажи, пожалуйста, какая мудреная штука: да нечто мало людей знают, что на вопрос: «Кто идет?» надобно отвечать: «Крылья машут!» Э, миляга, у нас, в

Иркутске, тоже немало таких мельниц понастроено. Играть-то мы любим, штуки все эти отлично понимаем. И для того, чтобы, значит, попасть к тебе на игру, вовсе не надо быть Путилиным.

Я увидел, как при этом слове вздрогнули и еврей, содержатель притона, и господин с польской наружностью, стоящий неподалеку от нас.

Признаться, вздрогнул и я. «Путилин!» — он произносит здесь, в этом страшном притоне, где всякие преступления возможны, свое имя! Что за поразительная смелость, что за безумная бравада, что за непоколебимая вера в свой талант, в свой гений!» — молнией пронеслось у меня в голове.

— Хе-хе-хе, — принужденно рассмеялся старый еврей. — И вы про Путилина слышали? Ну, навряд ли он попадет сюда.

— Да и что ему тут делать? Здесь, чай, народ не грабят. А? — добродушно расхохотался Путилин.

— Помилуйте-с, как можно. Здесь игра благородная, обмана не бывает.

— А только я думаю, что игра-то у вас мел-

кая, игрочишки, поди, вы все больше, а не игроки. Вот у нас, в Иркутске, игроки настоящие, крупные. Я, признаться, мелкой-то игры не обожаю.

— Бывает и у нас игра на сотни тысяч, — усмехнулся содержатель игорного притона.

— Ого! Это вот по-нашему! — крикнул «золотопромышленник» — Путилин. — Ну-с, свиту мою дозволю тебе представить: это вот главноуправляющий мой, а это — ха-ха-ха — милый человек, пан Выбрановский. Обязательный человек, все чудеса столичные показывает мне.

Во все время этого разговора с нас не спускал глаз «великий» шулер Прженецкий. Очевидно, он жадно ловил каждое слово сибирского миллионера и лицо его принимало все более и более довольное, радостное выражение.

— Может, хорошего игрокка подберешь, господин Гилевич? — продолжал Путилин. — Любопытно поглядеть, как играют у вас в Питере.

Оригинальная внешность Путилина, «нового» посетителя, его грубый раскатистый

смех, его толстенная золотая цепь и, наконец, то обстоятельство, что его сопровождает свита, — все это невольно возбудило любопытство у постоянных аборигенов сего тайного игорного притона.

На нас глядели игроки и игрицы со всех столов, на секунду-другую забыв про карты.

— Кто это такой?

— Не знаю. В первый раз вижу.

— Экое сытое животное! — с досадой и завистью прошептал один проигравшийся офицер другому.

Особенно волновались дамы. Они хищно оглядывали фигуру сибирского миллионера, очаровательно улыбались накрашенными губами.

Да, наше появление произвело известную сенсацию в тайном капище бога Ваала.

Игра начинается. Кто кого?

— Ну, милый человек, столик бы нам... Да нельзя ли горло холоденьким промочить? — обратился Путилин к старому еврею.

Гилевич суетился.

— Сейчас, сейчас, уважаемый господин Рухлов. Все будет устроено. А пока позвольте

представить вам нашего почетного, знатного, богатого гостя-посетителя графа Конрада Тышкевича. — И тихо, вкрадчиво, льстиво добавил: — Такому знаменитому гостю, как вы, господин Рухлов, и партнеров надо подбирать под масть, хе-хе-хе, под пару.

— Это ты правильно! — самодовольно хлопнул себя по животу сибирский миллионер-Путилин.

Перед ним несколько высокомерно, но вместе с тем и предупредительно любезно стоял, слегка склонив голову, «граф Тышкевич».

— Граф Конрад Тышкевич.

— А я-с, ваше сиятельство, Рухлов. Рухлов Степан Федулыч, сибирский золотопромышленник.

Оба обменялись рукопожатиями.

— Считаю за удовольствие сделать знакомство с вами, — учтиво произнес «граф» польским оборотом речи.

Концы губ Путилина дрогнули от еле заметной усмешки.

— Весьма-с польщен и я! — ответил гениальный сыщик.

Путилин представил и меня.

Польский магнат осчастливил меня благо-
склонным взором.

— Приятно-с.

— Господа, все готово. Если угодно, можете
приступить к игре, — низко склонился ста-
рый еврей.

— Что же, побалуемся! — крикнул Пути-
лин. — А, граф? Идет?

— С величайшим удовольствием. А кто же
еще играть будет?

— Вы, я, мой управляющий. А его, кстати,
ха-ха-ха! надо бы пощипать! Скуп ты больно,
Иван Николаевич! Порастряси, порастряси де-
сяточек тысконок, не убудет! А то неравно
еще мой прииск у меня же купишь!

«Граф Тышкевич» уже гораздо приветли-
вее и нежнее поглядел на меня.

— А еще кто? — спросил великий шулер.

— Да вот милый сей пан Выбрановский.
Он поменьше, мы побольше подсыпем! А за-
одно, пан, ты уж помоги мне играть и насчет,
значит, денежных расчетов имей за меня на-
блюдение. Не люблю я, признаться, этой пу-
толки! У меня в Иркутске, при моей особе все-

гда состоит адъютант, когда я играю, ха-ха-ха!

Громовой хохот сибирского миллионера опять заставил вздрогнуть многих игроков.

— «Эк, как его пробирает! — раздался откуда-то недовольный возглас.

— Во что?

— Это играть-то будем?

— Да-с, monsieur Рухлов, — ответил польский магнат.

— А по мне все едино, лишь бы весело было. Что ж, из уважения к Польше и к вам, ваше сиятельство, может, перекинемся в банк.

— Отлично, отлично, — потер руки граф.

Путилин сел напротив него, я — против Статковского.

— Ну что, трусишь, Иван Николаевич? — обратился ко мне Путилин. У меня чуть не сорвалось с уст: «Иван Дмитриевич!» Великий боже, что наделал бы я! А трусить я, действительно, трусил: парик мой, положительно, не давал мне покоя.

— Ну, кто-то кого! — стукнул Путилин ладонью по столу и вынул чудовищно толстый бумажник.

Шах и мат. На волосок от смерти

Граф взял в руки нераспечатанную колоду карт.

— Какие у вас, ваше сиятельство, прекрасные кольца! — воскликнул сибирский миллионер — Путилин.

Граф нервно улыбнулся.

— Да недурные, господин Рухлов. А какие же вам особенно нравятся из них?

— Вот эти: изумруд-кабошон и опал с бриллиантами. Эх, сибиряк я, знаю толк в камнях! Чудесные камни, отменная игра!

Графа передернуло.

— Так... так кто же заложит банк? — обратился он к Путилину.

— У нас в Иркутске на этот счет существует такое правило: у кого из играющих туз бубен — тому и метать.

— Отлично.

Поддельный граф, великий шулер, с треском распечатал колоду.

— Проверим, правильная ли колода, все ли карты?

— Так ведь она запечатанная, новая! — притворно наивно воскликнул Путилин.

— Мало ли что бывает... Случается, что и в

запечатанной не все обстоит благополучно. Лишняя попадется или недостачка, — любезно пояснил граф Тышкевич. Он, держа карты рубашкой книзу, быстро, ловко стал их пересчитывать.

Я заметил, что Путилин и Статковский, в особенности последний, не спускают взгляда с его рук.

— Так, все правильно. Ну, теперь кому придется туз бубен?

Граф начал сдавать карты. Туз бубен пришелся ему.

— Ловко! Везет вам напередки, ваше сиятельство, — усмехнулся Путилин.

— Ну, знаете, заложить банк — еще не значит выиграть.

— Это вы верно! А как примерно, сколько в банке будет?

Граф Тышкевич на секунду задумался. Затем, вынув из бокового кармана пачку крупных депозиток, он с горделивым апломбом бросил:

— Тридцать тысяч!

— Только-то? — пробурчал с легкой насмешкой Путилин. — У нас в Иркутске круп-

нее закладывают.

Граф вспыхнул.

— Если угодно, я могу добавить еще, — и бросил на стол вторую пачку. — Ровно пятьдесят.

Игра началась.

— Карту, тысяча! — объявил Путилин.

— Ого, что так мало? — усмехнулся в свою очередь граф.

— А у меня, видите ли, ваше сиятельство, правило такое: пять раз подряд я ставлю по тысяче, а потом — по банку. Меня так уж и знают в Иркутске.

— Дана! — любезно улыбнулся великий шулер.

Пан Выбрановский, сиречь Статковский, не сводил пристального взора с рук графа.

— Еще угодно получить тысячу? — спросил тот.

Путилин посмотрел на Статковского.

— Как думаешь, пан Выбрановский? — Статковский, я это заметил, схватился за галстук и поправил его.

— Поставить нечто побольше? А? На твоё счастье?

— Как угодно ясновельможному пану Рухлову. Вместо тысячи отчего не взять две, если улыбнется счастье...

Граф выжидательно глядел на сибирского миллионера.

— Ну, так вот что: по банку! — вдруг грянул Путилин.

Великий шулер, застигнутый врасплох, вздрогнул и побледнел.

— А ваше... правило пять раз по тысяче? — пролепетал он.

— Передумал. Прошу метать.

Последний раз задрожала колода в руках мошенника.

Путилин положил руку с толстым, раскрытым бумажником на две пачки банка. Я затаил дыхание.

— Дана! — крикнул Статковский.

Путилин моментально придвинул к себе деньги.

Лицо графа Тышкевича стало белее мела.

Недоумение, бешенство, испуг отразились на нем. Он силился улыбнуться, чтобы замаскировать свое страшное волнение, но из этого ничего не выходило.

— Простите, ваше сиятельство, сорвал! Сам не думал. Ожидал отдать, — насмешливо проговорил Путилин.

— Что делать... ваше счастье, — хрипло вырвалось у шулера. Он встал. — Виноват, на одну секунду я вас покину.

— Пожалуйста, пожалуйста, — усмехнулся Путилин.

Граф Тышкевич-Прженецкий поймал Гилевича в передней.

— Кто эти люди, с которыми ты, старый пес, меня усадил? — бешеным, свистящим шепотом начал он, хватая еврея рукой за грудь.

— Что с тобой? Ты с ума сошел?

— Нет, я — не сошел, а ты — сошел с ума, негодяй. Знаешь ли ты, что я проиграл пятьдесят тысяч?

— Ты?!

— Да, я!

— Но как же это могло случиться?! — пролепетал пораженный содержатель игорного притона.

— А черт его знает! Я подготовил колоду на четыре удара, раз — дано, раз — бито, дабы на

первых порах не смущать этого золотопромышленника. А между тем на втором ударе я отдал весь банк.

— Кто срезал?

— Этот каналья, пан Выбрановский. Я теряю голову... Уж не на своих ли мы напали?

Графа всего колотило.

— Но, честное слово, если это так, им солоно придется! — прохрипел он, вынимая и быстро осматривая револьвер.

— Что ты задумал?! Сохрани тебя Бог! Это ведь будет скандал... Мы погибнем. Черт с нами, с деньгами. Мы больше заработаем от нашей мельницы.

— В таком случае давай деньги. Я должен отыграть пятьдесят тысяч...

— Сколько?

— Тысяч тридцать. Хватит.

Еврей схватился за голову.

— Ой, не могу столько, не могу!

— В таком случае...

И блестящее дуло револьвера вновь блеснуло перед глазами негодяя-сообщника.

— Ну, ну, не надо... спрячь... На вот, бери...

Граф вернулся к столу.

— Теперь кому метать? — спросил он.

— Опять по бубновому тузу, — ответил Путилин.

Колода карт была в руках Выбрановского.

— Давайте!

Туз бубен пришелся Выбрановскому.

— Сколько же вы заложите? — вызывающе спросил шулер.

— Двадцать пять тысяч, — ответил за Статковского Путилин.

— Ого! У этого господина столько денег?

— Он получил от меня половину выигрыша: я ведь играл ва-банк на его счастье.

И началось!

С замиранием сердца следил я за борьбой двух «мастеров», двух гениальных артистов.

Граф не спускал глаз, в которых светилось нескрываемое бешенство, с Путилина и Статковского.

Статковский бил польского магната каждый раз. Лицо того становилось все страшнее и, наконец, яростный вопль прокатился по игорным залам мельницы:

— А-а, шулера?! Так вот же тебе, мерзавец!

Прежде чем я успел опомниться, граф Пр-

женецкий выхватил револьвер и выстрелил в Путилина.

Путилин предвидел возможность этого и отшатнулся. Пуля пролетала мимо виска и ударилась в картину.

Быстрее молнии он бросился с револьвером на знаменитого шулера и сильным ударом свалил его на пол.

— Берите его, берите Прженецкого! — громовым голосом загремел он.

Началась невообразимая паника. Все игроки, испуганные, с перекошенными лицами, бежали к нашему столу. С дамами сделались обмороки, истерики.

— Что такое? Что случилось?

— Защитите меня! — кричал великий шулер. — Этот человек и его приятели — шулера! Они обыграли меня!

Публика стала наступать на нас.

«А-а так вот оно что... Бить их!»

— Назад! — крикнул Путилин. — Позвольте представиться: я не шулер, а начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции — Путилин.

Все замерли, застыли. Старый еврей и Пр-

женецкий стояли с перекошенными от ужаса лицами.

— Путилин?!

— К вашим услугам, господа. Не делайте попытки бежать, дом оцеплен. Да вот — не угодно ли.

В залу входил отряд сыскной и наружной полиции.

— Ну-с, Прженецкий и Гилевич, вы остроумно сделали, что доставили мне в сыскное ваш страшный подарок — труп застрелившегося в вашем вертепе Грушницкого. Я вам, по крайней мере, отплатил визитом. А хорошо я играл, Прженецкий?

— Дьявол! — прохрипел тот в бессильной ярости.

Начался повальный осмотр всей мельницы и опрос всех присутствующих.

— Колечки снимете, граф Конрад Тышкевич, их надо отдать вдове того несчастного, которого вы гнусно довели до самоубийства, — сказал Путилин.

Так погибла знаменитая мельница в Гусевом переулке. Выигранные деньги благородный Путилин вручил вдове, г-же Грушниц-

кой. Он спас ее с дочерью не только от нищеты, но и от позора: из шестидесяти девяти тысяч она внесла тридцать, растраченные ее мужем, как опекуном Юлии Вышеславцевой.

Как благодарила Грушницкая этого удивительного человека!

Пропавшее завещание (Кромовские миллионы)

«Лесной король» и его крестник. Кромов
и Ловков-Рогатин

Широко-широко раскинулись под С-м монастырем знаменитые лесные биржи петербургского «лесного короля» Ивана Федотовича Кромова.

О, его недаром величали так; он действительно был могущественным повелителем целого лесного царства!

И когда, бывало, на этих биржах с гигантскими горами леса появлялась характерная, кряжистая фигура старика с окладистой седой бородой, одетого всегда степенно, скромно, по-купчески, все говорили с искренним почтением и уважением:

— Смотрите, смотрите, вот идет Кромов!

И расступались перед ним, давая ему дорогу.

А он, этот суровый, скромный старик, глядел приветливо, но и горделиво. И эта горделивость была не той простой чванливостью,

которой обладают случайные выскочки-миллионеры, а особенной: тут чувствовались гордость и довольство человека, сумевшего кипучим, энергичным трудом всей долгой жизни создать все это богатейшее царство.

Да, Иван Федотович Кромов имел право гордиться.

Обширнейшая торговля, дававшая миллионные барыши, не только, так сказать, внутренняя, но и внешняя, ибо Кромов имел крупные дела с английскими лесопромышленниками, экспортируя товар на собственных пароходах, была создана им, только им одним.

Тут не было ни дедушкиных, ни тятенькиных капиталов, ибо Иван Федотович наследовал только... «крест да медную пуговицу».

Но зато он получил в наследство тот могучий черноземный талант, ту мудрую сметку, то упорство, которыми богаты иные замечательные русские характеры, выходцы от сохи.

На своих лесных угодьях, где шла, бывало, работа «сырьем», «на корню», он, миллионер, к кому за высокую честь считали приезжать архиереи и генералы, работал плечо о плечо с простыми рабочими.

— Эх, паря, разве так надобно? Ты вот этак... — И показывал рабочему, как надо сделать «этак». И вместе с ними, облитый здоровым, прекрасным потом труда, ужинал у разложенной «грудки», хлебая деревянной ложкой незамысловатую похлебку.

Да, Иван Федотович Кромов, державшийся по старой вере, являлся блестящим русским самородком, человеком, над которым не оправдалась мудрость поговорки: от трудов праведных не нажить палат каменных.

Нет, он нажил их, и сколько, и каких!

В его домах сверкала золотом истинная, не показная роскошь, чувствовалось присутствие страшной денежной силы.

Но и в этих раззолоченных палатах Кромов оставался таким же простым человеком и вел степенный, скромный образ жизни.

Другой крупной фигурой в кромовских предприятиях являлся Василий Алексеевич Ловков-Рогатин, крестник старика Кромова.

В тот момент, с которого начинается наш рассказ о пропавшем духовном завещании, Ловков-Рогатин из скромных должностей, какие занимал при своем крестном благодете-

ле, успел уже перешагнуть в нечто очень крупное и солидное: он состоял главным управляющим всеми делами Ивана Федотовича.

Шутка сказать: быть главным управляющим многомиллионными делами Кромова!

Нужно отдать полную справедливость Василию Алексеевичу Ловкову-Рогатину, он недаром, а по заслугам получил этот пост.

Он был поразительно способен, умен, ловок, находчив и трудолюбив.

— Орел парень! Далеко пойдет! — говорили о нем.

И он, действительно, далеко пошел и ушел...

Пополняя свое довольно скудное образование, работая над собой, он ни на шаг не отставал от своего знаменитого крестного отца Ивана Федотовича.

— Надо бы, Вася... — начинал, бывало, Кромов.

А Вася, крестник, читавший мысли своего могущественного благодетеля, поспешно доканчивал за старика.

— ...на Лодейное поле проехать? Я сам об

этом думал, хотел вам доложить.

— А ты как же так мысли мои угадал?

— Да научился, благодетель Иван Федотович. Кроме того, все остальное — все в порядке. Я, как вы знаете, зорко слежу и кроме лесных угодий в Лодейном поле все обстоит благополучно.

Старик Кромов с восхищением и гордостью поглядывал на своего умника-крестника.

— Молодец, Вася! Мой ученик, весь в меня, — шептал он, тихо смеясь довольным смехом, со светлым видом.

Он не чаял души в своем Васеньке. Ловков-Рогатин пользовался самым широким, неограниченным доверием старика-миллионера, всегда оправдывая его.

Ни одна крупная сделка не обходилась без совместного обсуждения.

— Как думаешь, Вася?

— Да что же, Иван Федотович, дело это совершенно верное. Я справлялся уже.

— Уже успел? — ласково улыбался крестный.

— Да как же иначе: заказ очень крупный,

надо поразведать о кредитоспособности фирмы, делающей заказ...

«Ловко втерся старику в душу! Недаром Ловковым прозывается, — шушукались завистники. — Ох, обведет он старика!»

Да, бывший мальчуган-крестник, потом чуть ли не молодец, а ныне главный управляющий Василий Алексеевич Ловков-Рогатин был полновластным диктатором в знаменитом кромовском лесном царстве.

Красивый закат жизни Иван Федотович проводил вместе со своей молодой женой Антониной Александровной, третьей по счету супругой.

Он взял ее красивую, милую, образованную девушку из очень небогатой семьи, влюбившись в нее со всем жаром последней, старческой любви.

Сначала червь сомнения сосал душу Крмова:

— Да полно, любит ли меня она? Между нами такая большая разница в годах. Быть может, она только вышла или по принуждению, или по доброй воле подобраться к моим миллионам...

Но шли дни, месяцы, годы, и подозрения умницы-старика отпадали, рушились сами по себе.

Полное, тихое семейное счастье царило в доме Кромова. Судьба и тут оказалась щедрой к Ивану Федотовичу: он нашел в жене золотое, любящее сердце, прекрасную, чуткую, глубоко честную душу.

— Ах, Тонечка, Тонечка! — прижимался он своей умной седой головой к плечу жены. — Спасибо тебе за любовь твою, за ласку, за ум твой.

— Что ты... что ты!.. За что же ты меня благодаришь? Я должна благодарить тебя, Иван Федотович, — вспыхивала Антонина Александровна.

— За то благодарю, что не такая ты, как многие иные. Стар ведь я... Многим старше тебя.

— Так что же из этого? — поднимала на старика-мужа свои красивые глаза Кромова.
Болезнь Кромова. Последнее завещание миллионера

Нет того крепкого, могучего дуба, который бы не подгнивал, не падал. Это оказалось при-

менимым и к кряжистому дубу — Кромову.

Красавец старик никогда не любил лечиться.

— Умнее Бога, который создал меня, хотите быть? — с усмешкой говорил он докторам. И выливал лекарство за окно: — Попариться на полке... Малинки испить... Кровь пустить — вот это дело. А то они (он говорил про докторов) нутро начнут пичкать всякой нечистью. — Недуг, медленно подкрадывавшийся к Ивану Федотовичу, вдруг как-то сразу обострился и свалил с ног старика. — Эх! — сокрушенно вырвалось у него, — осилила, одолела, проклятая. Хочется пожить еще...

— И поживешь еще, Иван Федотович. Бог с тобой, ты крепкий, ты поправишься, — с тревогой в голосе утешала мужа Антонина Александровна.

— Думаешь? — радостно спрашивал жену Кромов.

— Только ты не противься: я созову всех докторов, устрою консилиум... Сделай, милый, это для меня!

И старик согласился. Ради нее, своей дорогой Тонечки согласился.

Половина медицинского Петербурга во главе со светилами науки охотно устремилась в дом знаменитого миллионера.

Каждый раз, когда кончалось их совещание, она порывалась к ним:

— Ну, что? Ну, как?

Те, получая чудовищные гонорары, глубокомысленно качали головами и изрекали ответы, достойные Пифии:

— Гм... Хотя, с одной стороны, так, но, с другой — этак... Принимая во внимание болезнь — *angina pectoris* (грудная жаба)... угрожающий склероз сосудов... печень, почки... Лета больного... Хотя, с другой стороны, — крепкий организм вашего супруга... Мы сделаем все возможное...

Не менее горячее участие в получении сведений от докторов принимал и любимец больного — крестник Василий Алексеевич Ловков-Рогатин.

Ввиду того, что гонорар выдавал он, служители Эскулапа были с ним особенно любезны.

— Плох? — спрашивал всесильный главный управляющий.

— Надежды никакой. Вопрос в очень коротком времени.

Лицо любимца омрачалось.

— Что вам сказали, Василий Алексеевич, доктора? — допытывалась у Ловкова-Рогатина Антонина Александровна.

— Подают надежду... Никто, как Бог.

Между Кромовой и Ловковым царили какие-то странные отношения, несмотря на всю беспричинность, они как-то инстинктивно не любили друг друга, взаимно чуждались. Василий Алексеевич относился всегда глубоко почитательно к супруге своего благодетеля, к своей хозяйке; та, платя ему безукоризненной вежливостью, чувствовала не только антипатию к нему, но и страх.

В его холодных, стальных серых глазах она читала то, что было незримо для многих, почти для всех...

Тихо в большой, просторной, роскошно убранной спальне старика-миллионера, примыкающей к его рабочему кабинету. Свет лампад перед многочисленными старинными образами в киоте кротко, мирно заливает комнату.

Обложенный подушками, полусидит-полулежит Иван Федотович на широкой, старинной кровати.

Около него в кресле сидит Антонина Александровна. Сколько уже ночей проводит она без сна, не отходя ни на шаг от больного мужа-старика!

Глаза слипаются, тянет неудержимо ко сну, но она героически борется с этим.

— Тонечка! — раздается в ночной тишине слабый голос Кромова.

— Что, милый? — склоняется она над мужем.

— Устала ты, голубушка... Совсем измучил я тебя... Поди, ляг, отдохни...

С огромной любовью и тихой печалью глядит Иван Федотович на молодую жену.

— Бог с тобой, не волнуйся. Я не устала ни сколько. Я днем сплю.

— Плох я, Тонечка... умирать собираюсь. Что же, пора... Довольно пожил и счастья повидал немало. Одна ты сколько мне дала его!.. Из-за тебя только одной и жаль с жизнью расставаться.

— Полно, милый, поживешь еще.

— Нет, чую смерть, Тонечка, чую ее. А ты не кручинься: останешься молодой, богатой вдовой... Ведь я все, все тебе завещал. Пойди-ка, Тонечка, в конторку мою. Знаешь, в кабинете, у стола письменного. Вот ключ... в ней сафьяновый красный портфель лежит... Принеси его.

— Да к чему, милый?..

— Принеси, принеси!

Через несколько минут Антонина Александровна принесла портфель.

— Открой его... бумага там есть.

Она отдала мужу вчетверо сложенную бумагу.

— Вот оно, Тонечка, духовное завещание... Последнее оно, слышь, последнее... Недавно составил я его... Оно хоть и домашнее, а силу такую же имеет... Завтра или послезавтра я велел Васе пригласить кого надо для нового завещания. Упустил я в этом завещании на одно общество сто тысяч отказать, так поправить надо... Читай его!

— К чему, милый, волноваться тебе?

— Читай, читай!

И Антонина Александровна начала чи-

Тать:

— «Во имя Отца, Сына и Святого Духа... Находясь в здравом уме и твердой памяти... и оставляю я все мое движимое и недвижимое имущество...

Тут следовал подробнейший список богатств, от которых могла голова закружиться!

— ...законной, любезной жене моей, Антонине Александровне Кромовой».

Далее перечисление отдельных «отказов»: «Василию Алексеевичу Ловкову-Рогатину, крестнику моему, за его верную, полезную службу двести тысяч рублей; тому-то столько, тому-то столько».

Крупные слезы катились из глаз Кромовой.

«Добрый, добрый! Обо всех позаботился, никого не забыл», — думала она.

— Ну вот, Тонечка, видишь, главная и единственная ты у меня наследница.

Два сообщника. Подмена завещания

Темнее тучи ходил по своей рабочей комнате всесильный диктатор кромовского лесного царства — Василий Алексеевич Ловков-Рогатин.

— Вот оно, надвигается, — шептал он. — Еще день, два — и я из могущественного главного управляющего сделаюсь только Ловковым. «Она» может вышвырнуть меня как последнего из приказчиков. Правда, в этом проклятом последнем завещании мне отказано двести тысяч. Но, боже мой, что такое эти несчастные двести тысяч! После того, что было... После тех надежд, которые я питал.

Он хрустел пальцами и продолжал ходить.

— Проклятая баба, проклятая баба! Перебила мне дорогу, съела то, первое, завещание.

А в этом первом завещании, нотариальном, почти главным наследником являлся он.

Волшебные кромовские миллионы, во всем их упоительном блеске, уже вырисовывались перед ним, он их уже осязал в своих руках.

— Я ведь вместе со стариком старался. Сколько тут вложено моего ума, моей находчивости, моего труда! И вдруг все рушится... Волшебное царство разлетается, как карточный домик. В это царство входит новая повелительница, а я за бортом! Двести тысяч! Что такое двести тысяч!

Хрип бешенства вырвался из его груди.

— Отдать все, все этой женщине? Она возьмет... Конечно, выйдет замуж, и чужие люди будут владеть тем, что я уже считал моей собственностью... Ни за что! Ни за что!

Ловков-Рогатин знал, что первое завещание не уничтожено стариком... Он даже знал, где оно хранится.

— Как быть? Как поступить?

И вдруг его лицо озарилось радостной улыбкой.

— Вот выход! — громко воскликнул он. — Выкрасть последнее завещание, подменив его тем, прежним.

— Да, да... так, так, — шептал Ловков-Рогатин. Но сейчас же его ожгла мысль: «А старый камердинер Кромова, этот Прокл Онуфриевич? Ведь он присутствовал при составлении последнего духовного завещания... В случае чего он первый покажет под присягой, что существовало, действительно, второе, последнее духовное завещание, коим Кромова делалась главной наследницей».

Ловков задумался: «Подкупить его? Дать ему такую сумму, чтобы у старика дыхание от

радости сперло... А ну как не согласится? Как выдаст его подговор? А где же тому свидетели? Разговор будет происходить только между нами, двумя. Доказательств нет... Да, да, все равно — другого выхода нет. Каждую минуту может умереть. Нагрянут власти, все опечатают, а тогда прости-прощай, мои миллионы. Игра так игра, ва-банк так ва-банк!»

И он через несколько минут призвал старого слугу.

— Садись, Прокл Онуфриевич... Кое о чем побеседовать с тобой хотел.

Старик весьма благоволил к всесильному крестнику Ивана Федотовича Кромова, во-первых, потому, что знал любовь хозяина к нему, а во-вторых, Василий Алексеевич всегда почитал его, старого слугу, щедро порой одаряя.

— Что прикажете, Василий Алексеевич?

— Скажи, Прокл Онуфриевич, знаешь ли ты, сколько завещал тебе мой крестный?

— Знаю-с... При мне завещание делали. Пять тысяч!

— А... а хотел бы ты получить не пять, а пятьдесят? — в упор глядя на старика, спро-

сил Ловков-Рогатин.

Старик сомлел.

— Это... это каким же таким манером, батюшка Василий Алексеевич?

В голосе старика звучала затаенная алчность старости.

— А очень простым. Ты, старина, должен только показать, если тебя будут допрашивать хотя бы под присягой, что ровно ничего не знаешь о составлении духовного завещания. Его, дескать, недавно никто и не делал. Я, дескать, неотлучно находился все время и нахожусь и ныне при Иване Федотовиче, мне бы, дескать, было ведомо, если бы он подписывал какую бумагу.

Старик побелел.

— Это... для чего же?

Ловков-Рогатин вынул из объемистого бумажника довольно толстую пачку кредиток.

— На, держи. Возьми это себе. Но поклянись перед этим образом, что ты никому ничего и никогда не расскажешь о том, что я тебе сейчас поведаю.

— Клянусь, батюшка, никогда... никому. Как на духу говори мне.

Долго, с жаром говорил что-то Ловков-Рогатин слуге своего благодетеля.

— Единственно из-за того, чтобы не нарушать покой последних минут дорогого крестного, не рассказываю я ему о проделках его супруги. А она уже имеет, понимаешь, имеет...

— Ах, негодница!..

— Да, да... Уж точит этот хахаль зубы на миллионы благодетеля нашего... Неужто ты, Прокл Онуфриевич, меня на чужого променяешь? Нешто ты не знаешь, как любит меня Иван Федотович? Пойми, прахом ведь все пойдет. Жалко, до слез обидно. Я ее, конечно, не обижу... Дам ей крупную сумму, а дело-то самое спасу, потому в моих руках оно очутится. Что же, согласен? Даешь вековечную клятву?

— Коли так...

— А тебе я пятьдесят тысяч хоть сейчас отвалю. На, держи!

Твердой походкой прошел на половину Антонины Александровны Ловков-Рогатин.

— Что вам, Василий Алексеевич? — удивленно спросила Кромова.

— Извините, что беспокою вас. Вам бы надо сейчас проехать...

— Куда?

— Извольте видеть — по этой доверенности надо получить пять-десять тысяч. Уехать сам я не могу, ибо ожидаю крупнейшего заказчика из Англии. Вы не тревожьтесь: долго вы не пробудете, этот господин у нотариуса немедленно вручит вам эту сумму. Вы распишитесь и все.

— Но я не могу оставить Ивана Федотовича.

— Не беспокойтесь, Антонина Александровна, я побуду в это время около вашего супруга.

— Но разве нельзя отложить или поручить это другому лицу?

— Нельзя-с. Вы, простите, мало осведомлены в торговых делах. А верного человека у меня сейчас нет под рукой. Сами понимаете: сумма значительная.

Скрепя сердце Антонина Александровна уехала.

— Ты, Вася? — слабо проговорил Кромов, часы которого были сочтены.

— Я, дорогой крестный-благодетель, — с чувством произнес Ловков-Рогатин, подходя к кровати умирающего старика.

— А... а жена где?..

— А я, признаться, ее услад, чтобы прока- тилась Антонина Александровна. Измучи- лась она без сна, без воздуха.

Старик Кромов благодарно взглянул на своего любимца-крестника.

— Молодец ты... хорошо ты сделал... Пусть освежится... Ах, слаб я, Васенька, ко сну кло- нит. Плохо мое дело.

— Так вы усните, дорогой благодетель. Поз- вольте, я вам подушки поправлю.

И Ловков-Рогатин, нагнувшись над стари- ком-миллионером и поправляя подушки, лов- ко просунул руку под последнюю и незаметно вытащил ключи.

—хлопотун ты, хлопотун! Ах, Вася, Вася...

— Вы позвольте, благодетель, в кабинете вашем один заказ записать?

— Иди, иди. Пиши. Я сосну малость.

Вот и он, этот заповедный кабинет знаме- нитого «лесного короля». Решительно, быстро подошел к письменному столу Ловков-Рога-

тин и знакомым ключом отпер правый ящик.

«Тут ли еще?» — мозжит его мысль.

— Слава богу, вот оно, вот оно! — шепчет он с радостно облегченным вздохом.

Шорох раздался у дверей.

Испуганно обернулся Ловков-Рогатин.

В дверях стоит и смотрит старый предатель-сообщник, камердинер Прокл Онуфриевич.

Так же быстро и решительно подошел он к конторке, отпер ее, вынул красный сафьяновый портфель, а из него — последнее завещание, и туда положил то, которое держал в руках.

На минуту руки его дрогнули, но он сейчас же овладел собой.

«Мое, мое все будет!» — словно молотом бьет ему в голову.

— Написал? — с трудом шевеля языком, спросил Кромов.

— Написал, дорогой крестный. Погодите, я опять поправлю вам подушки. Удобнее вам будет.

И снова, поправляя подушки, положил ключи на то же место, где они лежали.

Смерть Кромова. Вскрытие духовного завещания. Ужас вдовы

Под утро с Иваном Федотовичем сделался сильнейший и, увы! последний припадок грудной жабы.

— Воздуху... воздуху! — хрипел он. — Умираю... Жена... Тонечка.

Ни кислород, ничто уже не могло предотвратить печального исхода.

На руках плачущей Антонины Александровны благородный старик испустил дух.

Пока доктора возились над молодой вдовой, с которой от всего пережитого сделался глубокий обморок, Василий Алексеевич с бледным, взволнованным лицом отдавал распоряжения.

И вскоре в богатейших палатах умершего миллионера происходило то, что происходит всегда в таких случаях.

Явились власти для исполнения печальной церемонии наложения печатей на имущество почившего.

Оправившаяся от обморока, Антонина Александровна еле держалась на ногах.

— Вы бы не тревожились, Антонина Алек-

сандровна, отдохнули бы. Я всем распоряжусь, — вкрадчиво, с чрезвычайной сердечностью в голосе говорил Ловков-Рогатин.

Молодая вдова с благодарностью поглядела на него.

— Спасибо вам... Ничего, я осилю себя.

Все, в том числе и власти, приносили вдове миллионера свои соболезнования. «Такая потеря... Такой замечательный человек»... Некоторые, не удерживались от любопытства, бестактно задавали ей тут же, у еще не остывшего тела вопросы: «Конечно, наследуете все вы?»

Антонина Александровна нервно передергивала плечами.

— Да, да... Но, ради бога, оставьте об этом разговор.

Пышно, чисто по-королевски похоронили Ивана Федотовича Кромова.

Потянулись недели... Одна, другая, третья... И настал, наконец, на шестой неделе, день, когда должны были вскрыть духовное завещание покойного миллионера.

Опять, как и в день смерти Кромова, собрались в доме его разные должностные лица.

С печальным, бледным лицом, вся в глубоком трауре, присутствовала при новой церемонии Антонина Александровна.

Едва ли не таким же бледным был и Ловков-Рогатин.

Старик-камердинер все вытирал глаза красным фуляровым платком, изредка всхлипывая.

Когда все были в сборе, обратились к вдове:

— Скажите, пожалуйста, госпожа Кромова, вам известно, где находится духовное завещание вашего покойного супруга?

— Да.

— Я совершал его, — вмешался толстый, плешивый нотариус.

«Когда же? — пронеслось в голове Антонины Александровны. — Ведь Иван Федотович только собирался написать новое...»

— Так где же оно? — повторился вопрос.

— В этой вот конторке, — указала рукой вдова. — В красном портфеле.

Конторку из палисандрового дерева торжественно вскрыли.

Вот и он, этот сафьяновый портфель.

— Приступим к чтению!

Водворилась удивительная тишина.

Лица у всех, даже не заинтересованных в содержании завещания, как-то вытянулись, стали важно сосредоточенными.

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа, — началось чтение завещания.

Антонина Александровна, которой содержание завещания было отлично известно, как-то невнимательно, совсем безразлично прислушивалась к чтению.

«Ах, эти мучительные, душу выматывающие процедуры! — с тоской думала она. — И к чему вся эта глупая формалистика?»

Вдруг она вздрогнула, выпрямилась, напряглась.

Что это? Что *они* читают?..

«...И завещаю я ему, крестнику моему Василию Алексеевичу Ловкову-Рогатину, лесные мои уголья, лесные биржи, пароходство...»

— Что это? — вслух уже вырвалось у Антонины Александровны. Но голос ее, перехваченный спазмой волнения, был так тих, что его не расслышали.

«...И наличными деньгами пять миллионов...»

Невообразимый ужас охватил молодую красавицу-вдову.

«Я с ума схожу? Мне это слышится? Ведь ничего подобного не было... Господи! Да что же это такое?! Что они читают?!»

Столик, на который она опиралась, зашатался и упал на пол.

— Погодите... постойте! — крикнула она, вставая.

«...Жене же моей завещаю дом и сто тысяч...»

— Да погодите же! — уже исступленно прокричала Антонина Александровна. Этот крик, полный отчаяния, резко прокатился по кабинету умершего Кромова.

Чтение завещания прекратилось.

Теперь взоры всех были устремлены на «обойденную» вдову. В одних взорах читалось сострадание, в других — насмешки, сарказм, в-третьих — просто холодное любопытство.

— В чем дело?

— Что с вами, госпожа Кромова?

— Успокойтесь. Дайте воды. — Такие вос-

клищания посыпались со всех сторон. Ей подали воды.

Резким движением отстранила стакан Антонина Александровна.

— Дело в том, что я не понимаю, какое духовное завещание вы читаете, — твердо произнесла она.

— Как какое? — недоумевающе спросили ее «лица».

— Так. Такого завещания не было.

— Позвольте, где находилось духовное завещание?

— В этом ящике конторки. В красном сафьяновом портфеле.

— Так вот же оно. Мы взяли его именно оттуда. Посмотрите, вот портфель.

Антонина Александровна провела рукой по лбу, словно стараясь очнуться от страшного сна-кошмара.

— Я... я не понимаю, что это такое, но я утверждаю, что это не то духовное завещание, которое я по просьбе моего покойного мужа вынимала отсюда, читала вслух и опять положила в портфель. В том завещании главной наследницей являлась я, а не господин

Ловков-Рогатин. Мне муж сказал, что это его последнее завещание.

Взоры обратились на нотариуса.

— Я знаю, господа, только то, что это завещание подлинное, неподдельное. Составлял его я, оно оформлено.

— Но вот госпожа Кромова заявляет, что существовало иное, позднее завещание покойного?

— Не знаю. Я никакого иного завещания не составлял, не скреплял.

Ловков-Рогатин стоял хотя и бледный, но невозмутимо спокойный.

— Василий Алексеевич! — рванулась к нему несчастная вдова. — Объясните же, наконец, что тут происходит?!

— А именно?

Голос крестника звучал почтительно-бесстрастно.

— Да разве вы не слышите? Разве вы не видите?

— Чего именно?

— Да того, что тут произошло какое-то поразительное недоразумение?!

Антонина Александровна подошла вплот-

ную к главному управляющему ее покойного мужа.

Глядя в его холодные, серые глаза, она взволнованно крикнула:

— Скажите же, разъясните этим господам, что существует иное завещание, последнее, составленное Иваном Федотовичем незадолго до его смерти. Вы же должны знать об этом, ибо вы присутствовали при совершении его.

Они стояли друг против друга.

Один — невозмутимо спокойный, другая — в страшно возбужденном состоянии.

Взгляды их скрещивались, как клинки остро отточенных шпаг.

— Я?! Я — присутствовал?

— Ну да, вы. Мне об этом говорил покойный муж.

Ловков-Рогатин усмехнулся.

— Извините, Антонина Александровна, вы, очевидно, взволнованы... расстроены... Вы говорите бог знает что. Смею вас уверить, я ровно ничего не знаю о том завещании, о котором вы говорите. Кромова затряслась.

— Вы лжете! Вы должны это знать! Мне муж говорил, что он просил вас изменить это

последнее завещание... он забыл пожертвовать сто тысяч какому-то обществу.

— Позвольте, Антонина Александровна! — повысил голос бывший управляющей, а ныне хозяин лесного кромовского царства. — Позвольте, если бы такое завещание существовало, оно было бы налицо. Еще раз уверяю вас, что никакого завещания в последнее время не составлял Иван Федотович.

— Оно... оно было домашнее, — слетело с побледневших уст вдовы.

— Это все равно. Но где же оно?

Взор Кромовой упал на старого камердинера.

— Прокл! Голубчик! Ты ведь знаешь!..

Старик отвел глаза в сторону.

— Я-с... ничего не знаю, — ответил он.

Удар был жесток.

Антонина Александровна пошатнулась да же, а затем подошла к Ловкову-Рогатину и, глядя прямо ему в глаза, резко отчеканила:

— Это дело твоих рук, негодяй!

Из бледного Ловков сделался багровым.

— Вы с ума сошли? Как вы смеее так оскорблять меня?

— Смею, потому что ты — вор. Никто, кроме тебя, не мог украсть того, последнего духовного завещания моего мужа, ибо оно могло интересовать только тебя. А что завещание украдено, в этом нет сомнения. Я сама, своими руками положила его в этот портфель и заперла конторку...

Антонина Александровна хотела еще что-то добавить, что не смогла уже.

Она зашаталась снова и на этот раз упала навзничь на ковер.

На лицах всех застыло выражение изумления и страха.

Обращение к Путилину. Путилин в доме покойного миллионера

С глубоким вниманием и живейшим интересом выслушал Путилин взволнованный рассказ Кромовой.

— Скажите, Антонина Александровна, кто надоумил вас обратиться ко мне?

— Старик доктор, лечивший покойного мужа в последнее время. Узнав о происшедшем, он направил меня к вам. Он наговорил мне столько чудес о вас, что, право, луч надежды закрался в мое сердце.

Путилин нервно провел рукой по лбу.

— Боюсь, Антонина Александровна, что на этот раз и моя опытность принесет мало пользы.

— Почему?

— Да потому, что дело обработано, кажется, поразительно ловко. Очевидно, все концы спрятаны в воду.

— Но, боже мой, ведь было же это завещание!

— Я верю вам и нисколько в этом не сомневаюсь. Но дело не в том, что оно было, а в том, что его нет. И самое ужасное то, что найти его нельзя, так как оно, конечно, уничтожено. Мы, таким образом, настоящей улики, настоящего вещественного доказательства не имеем.

— Значит, никакой надежды? — упавшим голосом спросила вдова миллионера.

— Попробуемся... посмотрим, — уклончиво ответил Путилин, замечая сильное волнение настрадавшейся женщины. — Будьте добреньки, Антонина Александровна, ответить мне на следующие вопросы.

И благородный, гениальный сыщик начал

задавать ей их целый ряд.

— Вы, конечно, не знаете тех лиц, которые посещали вашего покойного мужа?

— Нет. Мало ли у него их бывало по торговым делам!

— Как относился к вам старик камердинер?

— В высокой степени почтительно.

— Но любви особой не питал? Знаете, у старых слуг является или любовь, или ненависть к новым господам. Он ведь служил у Ивана Федотовича при его прежних женах?

— Да. Насчет любви я же, право, не знаю. Я мало обращала внимания. Знаю только, что мужу он был предан, как собака.

— Где имел обыкновение хранить ключи от письменного стола и от конторки ваш муж? Не днем, а ночью?

— Под подушкой.

— Он оттуда и вынул ключи, когда просил вас взять из конторки портфель?

— Да.

Путилин задумался.

— Мне хотелось бы побеседовать с Ловковым-Рогатиным и с камердинером. Поэтому

поедемте вместе, Антонина Александровна.

Через полчаса Путилин находился в одной из гостиных кромовского дома.

В дверях стоял приглашенный Антониной Александровной Прокл Онуфриевич.

— Как же это ты, старина, не доглядел, как вор завещание твоего барина украл? — подошел к нему Путилин, впиваясь в его подслеповатые глаза.

— Я-с ничего не знаю, — угрюмо ответил старик.

— Даже и совести? — огорошил старика Путилин.

Старик вздрогнул.

— Совесть моя при мне-с. Невдомек мне, за что поносить меня изволите.

— Будто бы? — усмехнулся Путилин. — Ты, который неотлучно находился все время при Иване Федотовиче, как ты мог не видеть, не знать, что составляется духовное завещание? Знал же ведь ты, что тебе отказано пять тысяч?

— Зн... — вырвалось было у старика.

Радость молнией пронеслась по лицу Путилина.

— Ну?! — засверкали его глаза.

Но старик-камердинер опомнился, спохватился.

— Зн... знать не знал, ведать не ведал.

— Слушай, Прокл Онуфриевич, ты — старик. Жить осталось тебе не много. Куда ты денешь те деньги, которые получил от...

— От кого? — задрожал мелкой дрожью старый слуга.

— Сам знаешь, от кого, — усмехнулся Путилин.

— Напраслину взводите...

— И из-за денег ты принимаешь на душу такой тяжкий грех! Ты посмотри на госпожу свою, ты сообрази, что с ней сделали: обобрали ее, обокрали, чуть из дому не гонят! Ты, ведь, знаешь, как любил ее твой хозяин. На ее руках и умер он, дух испустил. Как же так могло статься, что ей, своей любимой жене, он оставил гроши, а крестнику, чужому для него человеку, — все свое состояние?

На секунду на лице старика ясно промелькнули следы тяжелой душевной борьбы.

Но прошла секунда, другая, и лицо старика вновь приняло тупое безразличное выраже-

ние.

— Ничего-с не знаю, — повторил он, как автомат, обычную фразу.

— Могу я войти, Антонина Александровна? — раздался звучный, холодный голос.

Путилин обернулся.

На пороге стоял Ловков-Рогатин.

«А! Прилетел, соколик? Учужал?» — прошептал про себя Путилин.

— Пожалуйста, — бросила Кромова.

Блестящий допрос Ловкова-Рогатина Путилиным

— Я хотел спросить вас, Антонина Александровна, угодно ли вам... — начал Ловков, но остановился, с притворным удивлением поглядывая на Путилина и желая показать, что, дескать, при постороннем лице он не считает себя вправе говорить то, что он намеревался.

— Господин Ловков-Рогатин? — слегка наклонив голову, спросил Путилин.

— Да-с. С кем имею честь говорить?

— Путилин, начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции.

Ни один мускул не дрогнул на красивом,

выхоленном лице экс-главного управляющего. Он спокойно, но вопросительно глядел на знаменитого Путилина.

— Антонина Александровна Кромова обратилась ко мне с просьбой расследовать дело о пропаже последнего духовного завещания ее покойного мужа, — начал Путилин твердым голосом.

— Так-с...

— Ввиду того, что вы имели постоянное и близкое общение с покойным Кромовым, я желал бы допросить вас. Но должен предупредить вас, что вы можете и имеете право не отвечать мне, потому что я в данном случае действую неофициально.

— Нет, отчего же? Сделайте одолжение, спрашивайте все, что вам угодно. Я охотно поделюсь тем, что знаю.

«Ого! Да это, действительно, сокол! Помилуй бог, какая умная игра!»

— Итак, господин Ловков, вы утверждаете, что вам ровно ничего не известно о составлении Кромовым последнего духовного завещания?

Ловков-Рогатин стоял в спокойно-гордели-

вой позе, заложив руки назад.

— Виноват, о каком последнем завещании изволите вы говорить, ваше превосходительство?

— О том, в котором вам завещано было двести тысяч, а все остальное состояние — госпоже Кромовой.

— Нет. О таком завещании мне ровно ничего не известно.

— Скажите, вас не удивило то обстоятельство, что, минуя свою прямую наследницу, жену, Кромов чуть не все свои миллионы завещал вам?

Этот быстрый и прямой вопрос как будто смутил Ловкова-Рогатина. Но почти сейчас же он твердо ответил:

— Откровенно говоря, я рассчитывал на несколько меньшее, но в том, что я получу крупную долю в наследстве, я не сомневался.

— Почему?

— Да потому, что мое участие в делах кромовских предприятий было слишком значительно. Об этом знают все и говорят открыто. Покойный Иван Федотович сам заявлял, что за последние годы я являлся душой дела.

— Великолепно. Но, однако, вы не были компаньоном Кромова, а только главным управляющим его делами. Пусть вы были гениальны на этом посту, но, однако, вы за это и получали очень крупное жалованье. Компаньонам жалованья не платят, они участвуют в делах барышей.

Ловков-Рогатин усмехнулся.

— Я получал и прибыль.

— По отдельным сделкам, но не по общему обороту? Неужели та огромная сумма, которую вы изволите получить по духовному завещанию, равняется степени вашего участия в делах покойного Кромова? Ведь для того, чтобы все кромовские миллионы получить в свои руки, надо было быть не крестным, а настоящим, родным сыном почившего миллионера, или же компаньоном, фактическим, участвующим в трех четвертях прибыли фирмы. А между тем... в том, последнем, украденном завещании, которое читала госпожа Кромова, ясно сказано: «В награду моему крестному сыну за его ревностно полезную службу оставляю я двести тысяч рублей».

— Вы... вы что же, ваше превосходитель-

ство: сомневаться изволите в действительности того духовного завещания, коим я сделался главным наследником Ивана Федотовича Кромова? Может быть, вы считаете его, это завещание, поддельным?

— Отнюдь нет. Ваше завещание — правильное, было бы по крайней мере таковым, если бы не существовало *иного* завещания.

— Предъявите его — и первое будет уничтожено.

— Суди вас Бог, Василий Алексеевич, — плача произнесла Антонина Александровна. — Вы... вы отлично знаете, что второе, последнее духовное завещание было сделано Иваном Федотовичем.

— Иными словами, вы, как уже сделали это один раз, обвиняете меня в краже таинственного завещания?

Антонина Александровна вскочила с кресла.

— Вы, вы говорите о таинственности завещания, при составлении которого вы присутствовали?! И вам не стыдно, не грешно?

Путилин попросил вдову Кромову не мешать его объяснению с Ловковым-Рогатыным.

— Скажите, пожалуйста, для чего, для каких целей вы, господин Ловков, изволили удалить госпожу Кромову из дома в тот день, который предшествовал ночи смерти ее мужа?

Этот вопрос Путилин задал так быстро, что Ловков-Рогатин даже попятился.

— То есть как это «удалить»? — спросил он, видимо, желая выиграть время.

— Так-с, — отчеканил Путилин, не сводя сверкающего взора с лица гениального дельца. — Почему, спрашиваю я вас, вам пришла фантазия поручить госпоже Кромовой, *никогда* не принимавшей участия в денежных операциях, получение пятидесяти тысяч рублей из конторы нотариуса? Почему вы сами не поехали туда?

— Я... я пояснил причину этого Антонине Александровне. Я не мог уехать, ибо ожидал приезда английских лесопромышленников.

— Которые не приехали? Или, может быть, вы будете утверждать, что они были у вас в час отъезда из дома госпожи Кромовой?

— Нет, этого я не буду утверждать, потому что они, действительно, не приехали. Очевид-

но, задержало их что-нибудь.

— А знаете ли вы, что заявили в конторе нотариуса госпоже Кромовой, когда вручали ей деньги?..

— А именно?

— А именно то, что они были глубоко удивлены видеть ее. Дело, оказывается, шло вовсе не о получении пятидесяти тысяч рублей, а *главным образом* о беседе с вами. «Он, господин Ловков, нам необходим... Деньги он вовсе не собирался получать сегодня, а дал слово лично переговорить о крупной дальнейшей сделке».

— Что же из этого следует? — невозмутимо спокойно спросил Ловков-Рогатин.

— Только одно: вы *умышленно удалили госпожу Кромову, выдумав предлог.*

— Для чего?

— Для того чтобы на некоторое время остаться одному в доме умирающего миллионера.

— Как «одному»? А верный слуга-камердинер покойного, Прокл Онуфриев?

Путилин саркастически расхохотался.

— О, да ведь он с некоторого времени

ослеп и оглох.

— То есть как это? Он и видит, и слышит.

— Бросьте играть со мной комедию, господин Ловков! — гневно вырвалось у Путилина. — Я вам говорю, что вы ослепили и оглушили продажного негодяя-старика. Он слепой потому, что заявил мне, что не видел, когда составляли последнее домашнее духовное завещание; он глухой потому, что не слышал, как звенел ключ в конторке, отпираемый вором-негодяем.

Жуткая, томительная пауза наступила в «гостинной допроса».

— Тотчас, по отъезде госпожи Кромовой, вы отправились к Кромову?

— Да.

— Стало быть, вы, господин Ловков, в течение некоторого времени были полновластным хозяином спальни и кабинета умирающего?

Ловков-Рогатин выпрямился.

— Я не понимаю вашего вопроса, ваше превосходительство. Что вам угодно понимать под словами «полновластным хозяином?»

Путилин задумался на минуту, а затем обратился к Антонине Александровне.

— Прошу вас, оставьте нас на несколько минут одних.

Кромова вышла.

— Теперь мы без свидетелей, господин Ловков. Скажите, ваша совесть не возмущается?

— Чем?

— Чем, спрашиваете вы? Извольте. Тем, что вы обобрали вдову вашего покойного благодетеля.

— Господин Путилин!

— Господин Ловков-Рогатин! Вы очень ловко обстроили это дельце, но, по крайней мере, не стройте из себя угнетенную невинность. Это вам не к лицу.

Ловков с бешенством глядел на Путилина.

— Скажите, неужели у вас хватит совести добровольно не поделиться с госпожой Кромовой?

— Позвольте мне это знать самому. Я не оставлю госпожу Кромову, — глухо пробормотал Ловков.

С того света. Позднее признание

Тихо в кромовском доме.

Так тихо, что слышно, как где-то скребется
мышь.

Кого она, по народной примете, выселяет?
Очевидно ту, которая для владельца дома была
самым дорогим существом.

Уже почти ночь. Но не о сне думает Антонина
Александровна Кромова.

В тупом, холодном отчаянии сидит она, обхватив
голову руками.

Вдруг около нее раздался голос:

— Ради бога не пугайтесь, это я, Путилин.

Антонина Александровна порывисто обернулась и
крик ужаса замер на ее устах.

Перед ней стоит... ее покойный муж, Иван Федотович
Кромов.

— Что это? Господи...

— Успокойтесь, успокойтесь, голубушка, это я, я...
Переодетый, загримированный под
вашего мужа.

— Но зачем? Для чего это?

— Хочу пустить в ход последнее средство. Вы побудьте тут,
я скоро к вам вернусь.

Со страхом глядела несчастная вдова на живой портрет
своего покойного мужа.

Тихо ступая, прошел Путилин целым рядом роскошно убранных комнат, в том числе и кабинет покойного миллионера.

Вот коридор... Тут, рядом с кабинетом — небольшая комнатка.

Дверь в нее не была закрыта. Путилин осторожно заглянул туда.

На коленях перед образами, озаряемыми кротким сиянием лампад, стоит маленький дряхлый старичок.

Руки его простерты к лику святых, уста шепчут слова жаркой молитвы.

«Господи... прости согрешения... Спаси... отпусти...»

Не то стон, не то подавленное рыдание вырываются еле слышно из впалой, высохшей груди молящегося.

«И молится еще! Еще бестрепетно глядит на образа!» — прошептал про себя Путилин.

И тихо, но внятно произнес вслух:

— Проша!

Вздрогнул старый слуга, рука с крестом так и застыла в воздухе.

Что это? Почудилось ему? Будто кто позвал, окликнул его?

— Так... послышалось... о, Господи!

И старик вновь погрузился в молитву.

Чу! Снова этот таинственный голос, уже явственнее:

— Проща! Проща!

Затряслись ноги у старика, и пот холодный проступил на лбу. С трудом поднялся он с колен.

— Владычица! Не попусти духа зла...

— Проща! Что же ты сделал с женой моей?

Дух захватило у старика, и в эту секунду перед ним медленно выплыла фигура покойного хозяина — благодетеля Кромова.

Страшный старческий крик вырвался и прокатился по пустынным комнатам.

Лицо старика перекосилось ужасом.

Хочет он сотворить крестное знамение — не может руки поднять; хочет броситься бежать — не в силах, ноги, словно чугунные, тяжелые-тяжелые стали.

А страшный выходец с того света, Иван Федотович, все ближе и ближе подступает. И все печальнее и грознее звучит его замогильный голос:

— Так-то ты отплатил мне, раб неверный и

лукавый, за мои благодеяния? Богом данную, любезную супругу мою дозволил вору проклятому обобрать? На что пошел ты из-за корысти? Клятвы ложные давать согласился из-за иудиных сребреников! Горе тебе, горе тебе!

— А-а-а, — хрипло вылетает из груди обезумевшего от страха Прокла Онуфриевича.

— Не дам покою тебе ни днем, ни ночью, ни на сем свете, ни на том, коли ты грех свой великий не исправишь.

— За... за... замолю, — шепчет старик.

— Слушай же меня, грешная душа. Завтра же поди к властям и покайся перед ними. Укажи, что видел ты, кто выкрал духовное заветование мое. Все расскажи, ничего не утаивай, этим душу свою спасешь от геенны огненной!

Гремит голос выходца с того света!

— Пойдешь?..

— П... и... пойду...

— Выдашь вора Ловкова?

— В... в... выдам...

— Смотри, а то страшные адовы муки при-
мешь!

И призрак исчез.

Темно еще. Еле рассвет брезжит.

— Матушка... матушка барыня... Антонина Александровна...

Спит Кромова чутким, тревожным сном.

— Проснитесь... Христа-ради, проснитесь... умираю я.

Вскочила Антонина Александровна испуганная, смятенная.

Глядит, а на полу, ползком тащится к ее кровати старый камердинер Прокл Онуфриевич.

— Что ты? Что тебе? Что с тобой? — крикнула она.

— Уми... умира-а-а-ю... Скликайте народ скорее: покаяться хочу... про все покаяться... Знаю я про заве... завещание. Василий Алексеевич его украл... Ох, тяжело мне... Все покажу... Скорее народ созывайте... а то помру, не успею... Христом Богом молю, бегите... звоните...

Антонина Александровна вскочила, как была, в одной сорочке.

— Господи... что же... кого же звать...

Она совершенно растерялась и стала зря бестолково метаться по спальне...

А минуты старого слуги-предателя были, действительно, уже сочтены.

Он тяжело дышал, хрипел, не имея сил подняться с полу.

— Скорее!.. Выкрал он, проклятый... пятьдесят тысяч мне за это дал. Простите меня, матушка-барышня... сзывайте скорее народ... А то ничего не выйдет... потому вы меня без свидетелей слышите... Ох! Ох!

И увы! Действительно, ничего не вышло; когда, наконец, сбежались служащие, старик был уже мертв.

С ним умерла для выигрыша дела тайна исчезновения последнего духовного завещания. Сколько ни судилась несчастная Кромова, она ничего не добилась.

Путилин мастерски сыграл свою роль в этом деле. Одного только не мог предвидеть гениальный сыщик: смерти камердинера в ту же ночь, когда он принудил его на сознание.

Но с Господом Путилин не беседовал и поэтому знать не мог.

«Золотая ручка»

Предисловие

Подобно знаменитому русскому авантюристу экс-корнету Николаю Герасимовичу Савину (одно из гениальных походов которого — попытка явиться «претендентом на болгарский престол» — уже известно нашим читателям), «Золотая Ручка» — Сонька Блумштейн — является одной из самых ярких, блестящих фигур судебно-криминального мира.

По массе содеянных преступлений, по дерзости и смелости, с какими она совершала их, она не имела соперниц.

Между Савиным и «Золотой Ручкой» есть, конечно, большая разница в том отношении, что первый *нечаянно* «свихнулся» и покатился по наклонной плоскости преступности, тогда как вторая была, так сказать, *прирожденной* преступницей.

Первый был барином до конца ногтей, вторая — юркая дочь той накипи гонимого племени, где контрабанда, эксплуатация проституции и всевозможные гешефты на земле говев не вменялись в особое преступление (нрав-

ственно-моральное). Савин избегал пролития крови, Сонька Блумштейн была обагрена ею.

И таковы были слава и популярность Соньки, что ее прозвище «Золотая Ручка» стало нарицательным.

«Работает чисто, как "Золотая Ручка". — «Эх ты, "Золотая Ручка"».

Имя ее присваивалось и присваивается многими особами из темного, преступного мира, но... слабые, жалкие копии, как все, вообще, копии, бледнели и бледнеют перед блеском оригинала.

Главной сферой «работы» знаменитой воровки-преступницы были железнодорожные поезда. Здесь она чувствовала себя как рыба в воде.

Для нее самым крепким образом запертые купе были «открытыми дверями»; самый быстрый, бешеный ход поезда — «пустышной преградой к исчезновению».

В кровавой летописи железнодорожных краж-убийств она занимала совершенно обособленное, исключительное место.

Страшное купе I класса

В курьерском поезде Варшавской желез-

ной дороги, следовавшем из Варшавы в Петербург, уже почти все пассажиры готовились к прибытию: упаковывали вещи, умывались, чистились.

После Гатчины прошел контроль: кондуктор и обер-кондуктор.

— Ваши билеты, господа! Сейчас Петербург!

У дверей купе I класса остановился обер-кондуктор.

Он потрогал дверцу. Заперта.

— Здесь ведь этот богатый помещик находится? — тихо спросил кондуктора обер-кондуктор.

— Так точно, Иван Васильевич.

— Спит, верно. Побудить?

— Да стоит ли? Багажу с ним мало... Чемоданчик ручной.

— Ну, так успеет. А, признаться, на чай хорошо получал?

Кондуктор хихикнул.

— Перепало малость. Дозвольте вас, по прибытии, чайком угостить, Иван Васильевич.

— Ладно... что же — это можно, — доволь-

но улыбнулся упитанный обер-кондуктор.

Вот уже и Петербург.

Гремя, хрипло дыша, вошел под навес вокзала поезд.

Началось то бешеное движение, та глупая, противная суета, какая всегда бывает при прибытии дальнего поезда.

— Ваше сиятельство! — уже громко, сильно постучался кондуктор в запертое купе. Ни звука оттуда, ни шороха.

Какой-то непонятный страх заполз в душу кондуктора.

— Что бы такое это могло означать?

Он бросился из вагона, с трудом протискиваясь среди массы выходивших пассажиров.

— Ну? — спросил его обер-кондуктор.

— Молчит, не отвечает...

Окно было плотно задернуто синей шелковой занавеской.

— Отпереть своим ключом! — решил кондуктор.

«А что если да случай какой необыкновенный?» — вдруг ожгла мысль бравого обер-кондуктора.

— Постой, Харченко, я на всякий случай

жандарма приглашу. Все лучше при нем.

Вагон опустел. Зато теперь в нем стали толпиться иные «пассажиры»: дежурный по станции, жандармский наряд во главе с ротмистром, начальник станции, многие из кондукторской бригады.

— Отворяйте! — отдал приказ ротмистр обер-кондуктору. Тот всунул свой прямой железнодорожный ключ в отверстие замка, но, как он ни старался, дверь не открывалась.

— Что это, замок испорчен?

— Не должно, господин ротмистр. Все замки в исправности.

— Тогда... тогда ломайте дверь!

Появился вокзальный мастер-слесарь.

Все были взволнованы, сами не зная, почему. На лицах читались растерянность, недоумение и затаенный страх.

— Да, может быть, купе свободно, в нем никого нет? — высказал свое предположение начальник станции.

— Пассажир был заметный... Не видели, чтоб он выходил. А билет у него был до Петербурга.

Дверь открылась.

Первым устремился в купе жандармский ротмистр и в ту же секунду раздался его взволнованный, испуганный возглас:

— Преступление! Убийство! Пассажир убит!

Тяжелое, мрачное зрелище открылось глазам присутствующих.

В купе, где сильно пахло сигарами и духами, на бархатном диване, запрокинув голову на его спинку, полусидел-полулежал молодой, отлично одетый господин. Он был мертв.

— Что же это, как же вы не досмотрели? — напустился ротмистр на поездную бригаду. — У вас под носом человека убивают, а вы ничего не видите, не слышите?

Те были блее полотна.

— Ничего-с не было видно подозрительного. Ничего не было слышно.

— Вагон отцепить! Сейчас же на запасной путь! Два жандарма останутся караулить помещение вагона, а я дам знать властям!

Распоряжается жандармский чин, а сам — сильно взволнован.

Путилин в таинственном купе. «Незримый знак»

Вот уже полчаса, как в купе со страшным пассажиром находятся представители судебно-полицейской власти. Тут и товарищ прокурора, и судебный следователь по важнейшим делам, и врачи (в том числе и я). Тут и Путилин, прибывший, по обыкновению, первым.

Судебный следователь ведет допрос кондукторской бригады.

— Откуда следовал убитый пассажир?

— Они-с сели на станции Вильно.

— В то время, когда занял в этом купе место убитый, оно (купе) было пусто или в нем находились еще пассажиры?

— Оно было пусто, Геннадий Николаевич, — ответил за кондуктора Путилин.

Следователь удивился.

— А вы откуда же это знаете, дорогой Иван Дмитриевич?

Путилин усмехнулся.

— Так ведь я уже осмотрел купе.

— Ну и что же из этого? — скривился следователь.

— А то, что отделение это — для курящих. Надо предположить, что если бы здесь нахо-

дился какой-нибудь еще курящий пассажир, то были бы налицо и окурки. А между тем в стенной пепельнице только однородные окурки сигар.

— А разве вы убедились, ваше превосходительство, что окурки сигар — одинаковые?

— Да. В кармане убитого такие же сигары.

Прокурор и жандармский — уже не ротмистр, а полковник с любопытством следили за словесным турниром следователя и Путилина. Ни для кого не было тайной, что знаменитый начальник сыскной полиции любил «резать» судебных следователей.

— Позвольте, но разве нельзя предположить, что в купе для курящих мог сесть пассажир некурящий? А если в вагоне для некурящих не было мест?

Следователь самодовольно поглядел на Путилина.

— Это могло бы случиться, но не случилось потому, как я уже узнал, в вагоне первого класса для некурящих было много свободных мест.

Следователь продолжал скучный, неинтересный допрос.

Путилин зорким, орлиным взором осматривал каждую мелочь. Он тщательно оглядел все вещи убитого, его самого.

— Когда, по-вашему, господа, был убит этот несчастный?

Мой коллега, обменявшись со мной соображениями, ответил моему великому другу:

— Часа три тому назад.

— Гм... значит, это было часов в пять-шесть утра. Время выбрано удачное. Все спят.

Путилин вынул свою записную книжку, что-то поглядел в ней и отметил.

— Не находите ли вы странным позу убитого? — продолжал он.

— Да, действительно...

— Удар был нанесен внезапно, неожиданно?

— Да.

— А скажите, в каком состоянии находился убитый — в состоянии бодрствования или сна?

— Это трудно определить.

— А может быть и под наркозом? — быстро бросил он нам и повернулся к следователю.

— Вы, простите, что я перервал ваш до-

прос.

— Помилуйте, Иван Дмитриевич! Мы все можем только радоваться этому.

Путилин опять погрузился в свои изыскания.

По своему обыкновению он что-то все тихо бормотал сам про себя. Вдруг он громко вскрикнул.

Мы все вздрогнули и как один человек обернулись к гениальному сыщику. Лицо его бледно, но какая-то радость сверкала в его умных, выразительных глазах.

— Что с вами?! Что случилось?! — в один голос спросили мы.

— Я вижу убийцу! — ответил Путилин.

Это было так странно, неожиданно, жутко, что все невольно попятнулись.

— Как? Видите убийцу? — спросил прокурор.

— Где? — захолопал глазами следователь.

Кондуктора и нижние жандармские чины даже побледнели.

Путилин, любивший порой эффектные сцены, продолжал:

— Дух убийцы витает здесь и оставляет на

многом таинственные незримые знаки.

— Позвольте, — вдруг вспыхнул оправившийся от испуга следователь. — Раз знаки незримы, так как же вы, ваше превосходительство, можете их видеть?

Путилин усмехнулся.

— Это уже мое дело. Можно и не видеть, но чувствовать, провидеть.

— И вы напали на мысль, дорогой Иван Дмитриевич? — начал прокурор.

— Не напал на мысль, *а знаю*, кто убил этого господина, — твердо и уверенно отчеканил Путилин.

— Что?! — даже привскочил следователь. — Вы уже знаете это?

— Знаю.

— Но... как так? Каким образом?

— На это я вам отвечу позже.

— Так кто же убил?

— И на это я не считаю нужным отвечать сию секунду. Когда я разыщу и представлю вам убийцу — вы узнаете об имени его сами. А пока, господа, до свидания, мне некогда.

Путилин снял цилиндр, поклонился и вышел из страшного вагона, оставив в сильней-

шем изумлении всех находившихся в нем.

— Удивительный человек! — задумчиво проговорил прокурор.

«Великая еврейка» среди своих

От вокзала Варшавской железной дороги отъезжала карета. В ней находились двое: молодой человек, щегольски одетый, и молодая красивая дама.

— Ты безумно рискуешь, Соня, — взволнованно обратился к спутнице молодой человек.

— А именно?

Красивая дама, с лицом семитского типа, насмешливо посмотрела на него.

— Ты мало того, что доехала с этим же поездом до Петербурга, не выйдя на одной из ближайших станций, но и оставалась все время на вокзале. Ах, Соня, Соня!

Соня рассмеялась.

— Слушай, Израиль! Слушай, мой милый Осип: ты глуп, ты труслив, как египетский фараон!

— Благодарю покорно!

— Не за что! Неужели ты не понимаешь, что мне было гораздо безопаснее выйти здесь,

чем где-нибудь там? Ведь я с кем ехала?

— Как — с кем?

— Ну, с этим милым, веселым пассажиром, которого потащили на запасный путь, ха-ха-ха!.. Я отлично знала, что прибытие его в Петербург вызовет страшное волнение, страшную сумятицу. А все это — только мне на руку. Тут, мой глупый Осип, внимание должно было быть отвлечено. Так и случилось.

— Допустим. Но к чему было оставаться так долго на вокзале?

— А разве не любопытно было посмотреть весь этот переполох?

— Это ребячество, Соня. Ты, великая еврейка, как называем мы все тебя, ты поступаешь опрометчиво.

— Ты думаешь?

— Да! За тобой давно уже следят.

— Не следят, а следит.

— Разве это не все равно?

«Великая еврейка» тихо рассмеялась.

— Огромная разница. Я не боюсь тех, которые следят за мной, но страшно боюсь того, который следит. Этот «который» — ужасное имя, Осип.

— Кто же это? — дрогнувшим голосом спросил свою спутницу еврей-аферист.

— Путилин.

Осипа, вернее Иозеля Котултовского, пере-дернуло.

— Ты думаешь, он следит?

— Не думаю, а знаю, мой трусливый мальчишка. Я только что его видела.

— Что?! Ты его сейчас видела?!

— Ну да. Я для этого нарочно осталась на вокзале. Мне важно было наблюдать, кто придет на следствие. И первое лицо, которое я увидела, был Путилин. Мне донесли, что он поклялся поймать меня.

— И ты говоришь это таким спокойным тоном? Ты улыбаешься? Ты подвергала сейчас меня... нас такой опасности?

Сонька, это была знаменитая «Золотая Ручка», насмешливо посмотрела на своего растерявшегося любовника.

— Вот чего ты боишься! Ты боишься, что я подвергла тебя такой опасности? Браво, мой храбрец! Ты настоящий Израиль, думаешь только о себе.

Иозель Котултовский покраснел.

— Милая Соня... как тебе не стыдно? Неужели ты можешь думать, что мне моя жизнь дороже твоей?

Соня Блумштейн, гениальная «мастерица», громко расхохоталась.

— О, не уверяй меня в любви своей, мой пылкий возлюбленный. Ты с такой жадностью смотришь на мои... карманы, что я вполне уверовала в твою любовь... к золоту.

И, быстро оборотясь к нему, она с силой ударила его по щеке.

— Сонька! — заскрипел он зубами. — Ты... ты с ума сошла?!

— Мне все известно, дорогой мой: и твоя подлая трусость, и твоя ненасытная алчность, и твоя неверность мне. Да, да, не лги! Молчи! Не отпирайся! О, я знаю все, недаром я — великая еврейка, недаром я — Сонька Блумштейн — «Золотая Ручка». Но помни, тебе это даром не пройдет! В то время, когда рискуя жизнью, свободой, я делаю мои блестящие дела, ты изменяешь мне с первой смазливой рожицей «из наших»? Так, так. Стой!

Кучер осадил лошадей.

— Что ты? Где мы останавливаемся? Ведь

до нашего помещения еще далеко! — испуганно воскликнул фронт-еврей.

— Дурак! — злобно прохрипела «Золотая Ручка». — Если вы, получив мою телеграмму, не додумались прислать за мной *своей* кареты, так надо же исправлять вашу ошибку. Вылезай!

Они вышли оба из кареты.

— Получи, голубчик! — протянула знаменитая мошенница-убийца кучеру щедрую плату.

И вошла в подъезд шикарного дома.

Оттуда, когда карета отъехала, она быстро вышла и наняла извозчика.

На Екатерингофском проспекте неподалеку от одной из Подъяческих улиц извозчик остановился.

Вот и эта короткая улица — одна из артерий старого еврейского гетто.

«Золотых дел мастер Л. Финкельзон» — скромно гласила вывеска. Этаж, еще этаж, третий, четвертый... Звонок, переливчатый, дребезжащий внутреннего медного колокольчика. И вслед за ним почти сейчас же открылась дверь.

— Вы?! «Великая Соня»! — раздался радостный возглас.

Толстая женщина бросилась к прибывшей звезде преступного мира.

— Ладно. Оставьте ваши нежности, Розалия Абрамовна! — резко произнесла Сонька Блумштейн, отстраняя хозяйку квартиры. — Великолепная Азра у вас?

— Да, — смутилась Розалия Абрамовна.

— Комнату мою! — гневно вырвалось у «Золотой Ручки».

Она вошла в нее, в эту знаменитую комнату, в которой столько раз подводила блестящие результаты своего мошеннического гения, своих изумительных побед.

— Можно к тебе, Сонечка? — вкрадчиво спросил Иозель Котултовский.

— Вон! — прозвучал гневный окрик.

Лихорадочно, поспешно переодевается Сонечка. Свой изысканный дорожный наряд она сменяет на новый. И сейчас же устремляется к потайным карманам.

— Господи! Сколько тут?

Руками, бестрепетно спокойными, она выбрасывает пачку за пачкой кредитные биле-

ты.

— Тысяча... три... шесть... десять... двадцать... Ого!.. Удар! Это удар... бриллиантовый перстень... Какая вода! Какая игра! Сколько каратов в этом солитере?

И алчность профессиональной воровки заглушает на время такую роскошь сердца, как ревность.

Одного только не может заглушить алчность — острого беспокойства, тревоги.

Он, он, «проклятый» Путилин приехал. Она его вот сейчас видела, этого страшного для нее человека. «Но как он "возьмет" меня, когда дело так чисто сработано? Для этого надо быть дьяволом», — успокаивает себя гениальная мошенница.

Успокаивает, а сама все-таки волнуется. Следов нет. А разве мало раскрыл дел великий сыщик, таких, в которых тоже не было следов?

Холодный ужас все усиливается.

Перед ней рисуется страшная картина: поимка, тюрьма, суд, конвойные — и далекая, зловещая каторга, там, в ледяной Сибири, в каких-нибудь мрачных рудниках.

— Бр-р, — содрогается всем своим существом изнеженная Сонька Блумштейн.

— Бежать надо... скрыться... на время след замести, — шепчет великая «Золотая Ручка». — Устала я. Отдохнуть...

И успокоенная этим решением, она вышла из своей комнаты в квартиру.

Это была одна из самых достопримечательных мошеннических квартир Петербурга. Здесь под скромной вывеской золотых дел мастера обделывались дела в такую «оправу», которая могла бы привести в восхищение целую рать сыщиков. Подделка векселей, фабрикация фальшивых паспортов, экспорт «живого товара» очень дорогих марок — все совершалось здесь, в жилище почтенного господина Финкельзона.

Травля Путилина. Шприц. «Азра»

Весть о преступлении в вагоне Варшавской железной дороги облетела весь Петербург и породила, как это всегда бывает, всевозможные толки и догадки.

Но этого мало. Каким-то непонятным образом фраза Путилина о том, что «он знает, кто убийца» сделалась достоянием ходких газет.

Они, конечно, обрадовались «сенсации» и затрубили на все лады!

«Если господин Путилин знает убийцу, отчего он не желает назвать его?»

«Если господин Путилин, наш знаменитый начальник сыскной полиции, так скоро установил, кто убил несчастного пассажира, то почему он медлит с арестом его?»

Когда я приехал к моему великому другу, я застал его взбешенным до последней степени.

— Экие остолопы, помилуй бог! — гневно вырывалось у него.

— Ты о репортерах, Иван Дмитриевич?

— А то о ком же? И как они пронюхали о моей злосчастной фразе?! Дернула меня нелегкая выпалить ее!

— Личность убитого опознана?

— Да. Сейчас я получил из Вильно телеграмму. Убитый — очень богатый помещик Киршевский.

— И ты, Иван Дмитриевич, действительно знаешь, кто убил несчастного?

— Да, да, да! Знаю, знаю. Как надоели вы все мне с этим!

Путилину подали конверт.

Он наскоро прочел письмо и с веселым смехом подал мне его.

— На, полюбуйся!

«Милостивый государь Иван Дмитриевич! Сейчас из газет узнала, что Вы уже открыли убийцу. Великая "Золотая Ручка" шлет привет и поздравление великому Путилину, но советует ему отказаться от дальнейшего преследования ее, ибо в противном случае звезда русского сыска закатится... в вечность. З. Р.»

Я захлопал глазами.

— Что, недурно? Нет, каков стиль послания! Положительно, это пахнет не то Купером, не то Майн Ридом: «Соколиное Око приветствует Красную Пантеру». Ха-ха-ха! Вот это мне нравится!

Путилин вмиг изменился.

Куда делись его раздраженность, ворчливость! Он выпрямился, огонь кипучей энергии засверкал в его глазах. Точно полководец перед битвой, услышав первый грохот орудий.

— Она?! Знаменитая Золотая Ручка?

— Она.

— Но как ты сразу, а главное так уверенно мог установить, что ограбление и убийство совершены именно ею?

— Друг мой... Индейцы, как тебе известно, узнают друг друга за версту по запаху, по следам, по массе еле уловимых признаков, неопытному глазу совершенно непонятных. Так вот и я учуял мою талантливую противницу. Она хочет меня оскальпировать... Гм... операция — не из приятных, но... но посмотрим, кто кого победит. Ты знаешь, я страшно люблю иметь дело с людьми равной мне силы.

Путилин позвал помощника и начал ему отдавать целый ряд распоряжений.

— Вы собираетесь куда-нибудь уезжать, Иван Дмитриевич? — спросил помощник, пытливо глядя в глаза своему шефу.

— Возможно, голубчик, что придется прокатиться.

Потом он обратился ко мне.

— Скажи, доктор, что показало вскрытие?

— Смерть последовала не столько от самой раны, нанесенной в левый висок каким-то тупым орудием, сколько от кровоизлияния в

мозг. Рана сама по себе пустяшная.

— Яснее, яснее!

— Видишь ли, убитый Киршевский был, по-видимому, в очень возбужденном состоянии. Это могло произойти от многих причин, главным образом — от излишне выпитого коньяку, присутствие которого в желудке покойного было обнаружено. Достаточно было очень незначительного удара по голове, чтобы переполненные кровью сосуды лопнули. Моментальное кровоизлияние — и смерть.

Путилин не сводил с моего лица пристального взгляда.

— Так, так... А отравления не было?

— Нет.

— Ты твердо в этом уверен?

— Да.

— А скажи, доктор, тебе, конечно, хорошо известна культура всех ядов?

— Известна.

— Ты не допускаешь мысли, что можно отравить человека так, что и следов *почти* не будет?

— Я не понимаю тебя: как это «почти» не будет?

Путилин ничего не ответил.

Он прошел в сыскной музей, что-то долго отыскивал там, а потом вернулся и подал мне маленький предмет.

— Осторожнее, доктор.

— Что это? Шприц?

— Как видишь. Тебе, как врачу, должна быть известна эта штучка. Это шприц для подкожного впрыскивания.

— Праваца.

— Совершенно верно. А что в нем находится? Какая-то темная, бурая жидкость, несколько ее капель.

— Не знаю, Иван Дмитриевич.

— А я знаю, потому что этот шприц фигурировал в деле о «Клубе анархистов». Тут находится ужаснейший яд кураре, одна капля которого, как тебе известно, может убить быка.

— И ты думаешь...

— Почти уверен, что Киршевский получил подобный укол. Эх, вы, доктора ученые. Нужно тебе сказать, что почтеннейшая «Золотая Ручка» имеет обыкновение носить с собой многие «игрушки», довольно смертельные

для взрослых ребят мужского пола.

Не успел Путилин произнести это, как дверь кабинета порывисто распахнулась и в него вбежала красивая молодая девушка.

За ней, еле поспевая, неслись агенты и помощник Путилина.

— Куда вы? Постойте! Кто вы? — слышались испуганные возгласы.

— Мне надо Путилина! Мне надо начальника! — взволнованно кричала девушка.

Несомненно — еврейка, поразительной красоты. Пряди черных волос выбивались из-под белого шелкового шарфа, брошенного на голову. Глаза горели нестерпимым блеском, грудь высоко поднималась.

— Что вам угодно? — быстро подошел к девушке Путилин.

— Вы... вы — Путилин?

— Да. Идите, господа! — отдал он приказ дежурным агентам.

Странная посетительница бессильно опустилась в кресло.

— Я... я пришла к вам сказать: берегитесь, на вас готовится покушение.

— Кто вы? — спокойно спросил Путилин,

беря девушку за руку.

— Я — Азра.

— Азра? Какое красивое имя... Вы еврейка?

— Да.

— Что же вам надо от меня, мое милое дитя?

Девушка истерично заплакала.

— Вас хотят убить. Примите меры предосторожности!

— И убить меня хочет Сонька Блумштейн?

Эффект этих слов был поразительный! Девушка задрожала.

— Вы... вы это знаете? Откуда?

— Это — мое уж дело, дитя мое. А вы лучше скажите, что привело вас ко мне? Вы ведь предательство совершаете, свою единокровную одноплеменку выдаете.

Азра молчала.

— Ревность? — тихо спросил девушку великий сердцевед-сыщик.

Азра задрожала вся, вскочила, как разъяренная молодая тигрица.

— Да, да! Ревность, безумная ревность! Я ненавижу ее, проклиная ее, потому что она отнимает у меня моего жениха.

— Он, ваш жених, любит вас?

— О, да!

— Так под страхом чего же «Золотая Ручка» действует на него?

— Под страхом смерти. Сегодня она сказала ему: «Выбирай: или смерть, или Азра». О, господин Путилин, она убьет его, вы не знаете, какая это ужасная женщина! Мы, евреи, многие ее проклинаяем.

— Я знаю ее, дитя мое. Два раза она выскользнула из моих рук. Надеюсь, на этот раз попадетсЯ. Как же она хотела убить меня?

— Не знаю, не знаю... Слушайте, милый генерал, я вам все открою, и где она, и как ее взять, только вы дайте мне обещание, что не тронете ни меня, ни моего жениха, ни дядю моего, Финкельзона.

— Хорошо, — улыбнулся концами губ Путилин.

— Так слушайте...

И Азра начала свою предательскую исповедь.

Как искренно звучал голос ее, какая неподдельная скорбь слышалась в нем!

Она рассказала все о приезде Соньки Блум-

штейн, о том, где она остановилась, что она намерена делать.

— Вы должны приехать сейчас же, пока она не удрала. О, спасите нас от этой страшной женщины!

Я с радостью внимал словам Азры, ликуя за моего великого друга.

«Слава богу, ему легче будет распутать это темное, мрачное дело. Шутка сказать: сама Золотая Ручка сейчас будет в его руках!»

Лицо Путилина было бесстрастно.

— Мы поедем вместе? — быстро спросил он Азру.

— Н... нет, нет, что вы! — замахала та руками. — Она тогда сразу догадается, кто ее выдал, а я боюсь ее... месть ее может быть ужасна. Я поеду сейчас одна туда — вы приезжайте вскоре.

— Хорошо. До свидания, милое дитя. Поезжайте. Я скоро приеду.

И когда молодая еврейка нервной походкой вышла из кабинета, я захлопал в ладоши.

— Поздравляю тебя! Дело кончено. Ты блестяще утрешь нос и судебному следователю, и этим надоедливым репортерам.

Путилин насмешливо поглядел на меня.

— Ты полагаешь, что дело уже кончено?

— Ну, разумеется. Раз преступница будет в твоих руках, о чем же толковать?

— Гм. А по-моему, дело только начинается.

— Как так?

— Очень просто, очень просто. Погоди, мне надо немного заняться собою.

То, что в соседней комнате — гардеробной — Путилин начал проделывать с собой, привело меня в изумление. Он надел на себя, под платье, какое-то особенное толстое просмоленное трико.

— Это для чего же?

— Чтоб... комары не кусали, — тихо рассмеялся он. — Слушай, доктор, сейчас я буду подвергаться смертельной опасности. Если мне удастся избежать ее — ты можешь порадоваться за своего друга. О, эти Азры, эти Азры!

Путилин позвонил.

— Наряд из пяти агентов! Живо, живо!

Он стал тихо отдавать приказания.

— Итак, доктор, не правда ли, какая милая девушка эта Азра?

— О, да!

— Ты ей сочувствуешь?

— Разумеется... Она попала в подло-преступные руки.

— Bravo! Ты удивительно проникновенный и пронизательный человек, — усмехнулся Путилин, кладя в карман револьвер. — Ну, пожелай мне поймать... «Золотую Ручку»!

Западня. Лицом к лицу. Бегство «Золотой ручки»

Путилин подошел к трехэтажному дому на Подъяческой улице. Часовой магазин Финкельсона был закрыт ставнями.

Великий сыщик вошел во двор и поднялся по лестнице.

«Золотых дел мастер Л. Финкельзон», — гласила медная дощечка на двери.

Путилин нажал кнопку звонка. Почти в ту же секунду дверь отворилась.

На пороге стояла Азра.

— Приехали?! — вырвался у нее полуподавленный крик радости.

— Как видите.

— Одни?

— Один.

— А не боитесь?

— Я ничего не боюсь, дитя мое. Я — Путилин, видевший смерть сотни раз. Она тут?

— Кто там, Азра? — слышался женский голос.

— Водопроводчик пришел, Соня, — громко ответила еврейка-«предательница».

— Где она?

— Направо, в комнате... Там — полутемно... идите туда, берите ее.

— А больше никого нет?

— Никого.

И только Азра успела произнести это слово, как Путилин железной рукой схватил ее за горло, набросив ей на рот резиновую повязку и, вытащив ее из дверей, передал на руки двум подоспевшим агентам.

— Держите змею! Она хотела ловко предать меня, но... но я разгадал тебя, милая Азра.

Дверь осталась незапертой.

Путилин решительно вошел в комнату направо. Там у стола сидела молодая женщина в голубом капоте.

— Что вам угодно? — повернулась она к

Путилину.

— Арестовать тебя, Котултовский! — крикнул Путилин, направляя на «нее» дуло револьвера.

В эту секунду Путилина схватили сзади чьи-то сильные, цепкие руки.

— А-а, попался наконец-то! — загремели голоса.

— Кто вам сказал, негодяи, что я попался?! — грянул Путилин, напрягая все усилия, чтобы вырваться из рук негодяев, державших его.

Началась борьба. Два агента тайной квартиры старались повалить Путилина на пол. Почти старик, гениальный сыщик защищался отчаянно.

Дама в голубом капоте, любовник Азры, бросился на подмогу своим товарищам.

— Что, любезный Путилин, ловко тебя Азра провела? Азра! Азра! Иди погляди, как мы будем убивать этого проклятого сыщика. Да валите же его, черт вас возьми!

Путилин упал, но почти сейчас же вновь поднялся, успев схватить Иозеля Котултовского за горло.

— Сдавайтесь, негодяи! — бешеным ревом вырывалось у Путилина.

— Ха-ха-ха! — захлебывались в злобно-сладокрастном хохоте преступники. — Он, он приказывает нам сдаваться! Он, который в наших руках!

И вот в эту секунду из-за портьеры соседней комнаты выглянуло торжествующее лицо великой еврейки «Золотой Ручки», послышался ее чисто демонический смех.

— Постойте!.. Погодите! — властно приказала она. — О, дайте мне упиться торжеством моей победы! Здравствуй, Иван Дмитриевич! Здравствуй, великий Путилин! Попались?

— Ничуть ни бывало, великая Блумштейн: правда, эти негодяи довольно крепко держат меня, но я сейчас освобожусь от их нежных объятий.

— Попробуй! — прохрипели те, точно бульдоги, впившиеся в тело живого человека.

— Слушайте, Путилин, не устраивайте высокой комедии, на которую вы такой большой и великий мастер. Сознайтесь, что вы... опростоволосились? А?

— Ничуть не бывало. Я отлично знал, что Азра вами подослана. Только вот как вы это чучело поделите между собою? Котултовский, я давно его ищу, ваш любовник и вместе с тем жених Азры. Смотрите: не раздеритесь! Хотя драться вам не придется: вы пойдете на каторгу, Азра — в тюрьму.

— А ты?! — затряслась от бешенства знаменитая мошенница-убийца, задетая за самое живое, за чувство ревности. — Ты куда пойдешь, проклятый Путилин?

— Я? Домой поеду. Мне чертовски хочется пообедать, Сонечка Блумштейн!

— Сейчас... сейчас я угощу тебя.

«Золотая Ручка» стала вынимать что-то из кармана.

— Шприц с ядом, Блумштйн? Вы какой употребляете? Акву тофану или кураре? У меня, например, есть отличная доза кураре. Давайте меняться, Сонечка?

Тут произошло нечто поразительное: «великая еврейка», женщина, никогда не знавшая, что такое страх, замешательство, вдруг побледнела, как смерть, и широко раскрытыми глазами уставилась на Путилина.

— Как?! Вы и это знаете?!

— И это знаю, Сонечка...

— Слушайте, Путилин: вы черт или обыкновенный человек?

Путилин рассмеялся.

— Вот это я понимаю: это — разговор начистоту. Я, Софья Блумштейн, ваш карающий меч.

— Что ты с ним время теряешь? — вырвалось у Котултовского. — Кончай его скорее, или мы сами перегрызем ему шею.

Шесть крепких рук держат Путилина. Он чувствует горячее дыхание озверелых людей. Оно жжет его.

— Молчать! — крикнула «Золотая Ручка», сверкнув глазами. — Вы чертовски умный человек, Путилин. Я знаю, что из ваших лап не так-то легко вывернуться. Но неужели вы думаете, что вы меня возьмете?

— Возьму.

— Да ведь вы — сейчас умрете? Вы — *кончены*, Путилин.

— Повинуюсь... ваше счастье. Но слушайте, Сонечка, когда через несколько дней вы будете в моих руках, я вам отплачу сторицей.

— С того света, великий Путилин? — злобно расхохоталась Блумштейн и стала медленно подвигаться к своему гениальному противнику. В руке она держала шприц.

— Ну-ну, Сонечка, не трусьте. Один укол — и Путилина не будет!

— Верно, верно... Я отомщу тебе за массу наших собратий.

— Постой, Сонечка, ты разве забыла, как я спас от каторги еврея Губермана? Ведь он обвинялся в возмутительном убийстве девочки.

Дрогнула рука «Золотой Ручки», но ненадолго. Все ближе и ближе подвигается она к нему. Путилин уже слышит аромат ее крепких, пряных духов.

— Сюда! — громовым голосом закричал он. Миг — и Сонечки Блумштейн уже не стало. Она, словно куда-то скрылась, провалилась.

— Берите их! — приказал Путилин вбежавшим агентам.

Разжались руки обезумевших от страха негодяев, и они выпустили Путилина.

Три сообщника тайной квартиры были арестованы.

— Ваше превосходительство! Главную-то

мы и упустили! — досадливо произнесли агенты.

— Я редко кого выпускал! — невозмутимо спокойно ответил Путилин. — Или вы разуверились во мне?

Он стоял улыбающийся, с горящим взором.
Светлейшая княгиня Имеритинская. Барон Ротшильд

На вокзале Варшавской железной дороги царило несколько необычное по тому времени оживление.

Причиной его явилось событие необычайной важности: в одном и том же поезде должны были отправиться два высокопоставленных пассажира: ее светлость княгиня Нина Имеритинская и барон Альфонс Ротшильд, всемирный миллионер.

Трое выездных лакеев в ливреях с княжескими гербами суетливо метались по внутренности вокзала.

— Приготовить место в зале для ее светлости!

— Сколько осталось времени до отхода поезда?

— Филиппов, сдай багаж!.. Ее светлость

приказала осторожнее обращаться с этим сундуком.

Наряду с этим суетились и «комми» перво-класной петербургской гостиницы «Hotel de France».

— Сейчас приедет барон. Заказано ли «Cafe glase»? — безбожно ввали по-французски русские комиссионеры отеля. — Monsieur le baron... господин Ротшильд так любит этот освежающий напиток.

Сотни взглядов, в которых светились любопытство и острое чувство зависти, провожали выездную свиту могущественных владык земного счастья.

С дебаркадера донесся первый звонок.

— Где же Ротшильд? Хоть бы глазком на него поглядеть! — неслись подавленные возгласы.

У входа произошло движение.

Выездная свита ее светлости бросилась стремглав. В общий зал входила великолепная дама в строгом, стильном аристократическом туалете.

— Я не опоздала? — послышался мелодичный голос.

— О, ваша светлость, еще только первый звонок! Места для вашей светлости уже готовы...

Она шла, как царица, среди безмолвно и почтительно расступавшихся перед ней людей.

— Барон! Барон идет!

Светлость померкла перед мешком с золотом. И таково было обаяние имени Ротшильда, что все, как бараны, столпились в кучу и не спускали жадных взглядов с дверей. Оттуда появился несколько сутуловатый человек, одетый в скромное серое пальто, в мягкой шляпе. Через плечо болталась небольшая кожаная сумка.

— Это-то и есть Ротшильд? — пронесся общий выклик глубокого разочарования. — Батюшки! Да пальто на нем и сорока рублей не стоит.

— Дура! Молчи! Аристократы всегда так. На наряды внимания мало обращают.

Хвост провожатых следовал за знаменитым банкиром, в прихожей которого, случилось, и принцы крови считали за честь сидеть.

— Э-э-э... le diner etait excellent, surtout des vins[9], — хрипло вырывалось из его впалой груди.

— Ротшильд! Ротшильд!

— Смотрите! Смотрите! Вот он, владыка европейской биржи!

Он продолжал подвигаться медленно, с трудом передвигая ноги.

В дверях он столкнулся с ее светлостью, княгиней Ниной Имеритинской.

— Pardon, madame[10], — приподняв свою шляпу великий миллионер.

— Pardon, monsieur[11], — ответила ему в тон ее светлость.

Миг, один, еле уловимый миг. И разошлись.

...Темно в роскошном отделении — купе Альфонса Ротшильда. Сквозь синие шелковые занавески толстый огарок свечи горит тускло.

Миллионер, парижский еврей, «золотое солнце» Европы мирно поживает. Он, собственно, не спит, а дремлет, откинувшись на спинку бархатного дивана, смакуя дорогую гаванскую сигару.

— Monsieur, ayez la bonte du feu[12].

Смотрит барон Ротшильд, перед ним — ослепительная красавица, рыжеволосая с сигаретой у рта.

— О, пожалуйста! — привстал Ротшильд, вынимая дорогие восковые спички.

— Вы — Ротшильд? — очаровательно улыбнулась красавица.

Разговор шел все время по-французски.

— Да.

— А я — княгиня Имеритинская, светлейшая...

— Ah votre altesse! Je suis si hereux...[13]

Мешок с золотом преклонился перед знатным титулом.

— Вы позволите, барон, побеседовать с вами, пока я докурю мою сигаретку? Моя бедная *dame de compagnie*[14] не выносит табачного дыма. А я, признаться, люблю затянуться после обеда.

— Ваша светлость! — склонился в глубоко почтительной позе Ротшильд. — Не нахожу слов выразить вам мою глубокую радость... Я так польщен. Я так безмерно счастлив. Когда богиня спускается к простому смертному...

— А вы — большой льстец, любезный барон. Ну-с, побеседуем. Вы... вы любите женщин?

Ротшильд заржал противным французским смехом.

— Oh-la-la!.. Je le crois bien![15]

Светлейшая сверкнула глазами.

— Слушайте, барон, вы безмерно богаты. У вас четверть Франции в руках. Скажите, если бы вам понравилась женщина... девушка, вы... вы были бы способны положить к ее ногам миллиона два?

Тихий гортанный смех был ответом.

— Ваша светлость, та женщина, которая мне понравится, может располагать ключом моей домашней кассы.

— А... а в ней много?

Рыжеволосая красавица Нина Имеритинская все ближе и ближе подвигалась к Ротшильду.

— Я — Ротшильд, madame... простите... ваша светлость.

Наступила пауза.

— А вы способны любить? — вдруг резко, с разгоряченным взглядом спросила она.

— Я... я полагаю.

И опять пауза.

Светлейшая заплакала.

— Ради бога, что с вами, ваша светлость?! — в сильнейшем недоумении-испуге воскликнул Ротшильд.

— Барон... Я гибну... Я погибла...

— Вы?! Вы — ваша светлость?!

— Я... Я проиграла все состояние. Я проиграла деньги моего мужа. Мне остается убить себя!!

Ротшильд вынул бумажник.

— Pardon, votre altesse[16], я посмотрю немного...

Рядом купе — свободное, пустое. Другое тоже. Только в самом конце вагона в отделении — спит какая-то дама.

— Это ваша дама? — спросил Ротшильд.

— Да.

— Сколько вы проиграли?

— Пятьсот тысяч рублей...

Сквозь газовый тюль просвечивают прелестные руки. Такие полные, атласные, с соблазнительными ямочками на локтях.

Аромат чудных нежных духов бьет прямо

в лицо барону Ротшильду.

— Вы... вы говорите: пятьсот тысяч? О, это такие пустяки!

— Спасите меня! — вдруг ринулась ее светлость к банкиру. — Вы так богаты, вы так царски щедры! Что вам стоит дать мне эти деньги?

Молчание.

— Если... если вы не желаете дать так, просто, то... я готова... я — русская светлейшая княгиня — готова заплатить вам проценты за эту ссуду...

Упругая грудь уже совсем у лица несчастного миллионера. И сразу как-то ее светлость охватывает шею Ротшильда.

— Милый мой... спаси меня... ах, дорогой мой!

Быстрым как молния движением Ротшильд вырвался из объятия ее светлости и загремел:

— Ваша светлость, Сонечка Блумштейн, здравствуйте!

Ее светлость отшатнулась.

— Что это?.. Что вы говорите, барон?

— То, что вы слышите, ваша светлость. Ну-

с, довольно маскарада, Сонечка, я — Путилин... Давай мне твои золотые лапки. Помнишь, я обещал сторицей отплатить тебе? Я слово свое держу.

Поезд приближался к станции.

Путилин крепко держал великую еврейку за обе руки.

— Пусти! Дьявол... поймал меня?!

— Может быть, ты и тут будешь сомневаться, Сонечка?

Шприц, который Сонька Блумштейн держала в руке, во время борьбы вырвался и острым концом иголки впился в руку Путилина.

— Умрешь! — иступленно закричала «Золотая Ручка».

— Ты ошибаешься, шприц не действует...

Пассажиры, как ни тихо велась борьба, услышали «нечто странное» и гурьбой устремились к отделению великого банкира.

— Что? Что такое? Что случилось?

И послышался ровный, спокойный голос Путилина:

— Я, господа, ее светлость, светлейшую княгиню Нину Имеритинскую арестовал.

Мертвая тишина. Ни звука. Ни шороха.

Толпа глядит недоуменным взором.

— Спасите меня! — прокатился по вагону бешено-злобный крик ее светлости.

— И арестовал я ее светлость потому, что она — величайшая мошенница-убийца Сонька Блумштейн, «Золотая Ручка».

— Он лжет! Он — сумасшедший! Спасите меня от него!

Поезд подошел к станции.

«Золотая Ручка» впилась зубами в руку Путилина.

— Золотая змейка, ты больно кусаешься! — прохрипел от боли Путилин и рукояткой револьвера вышиб стекло вагона.

— Сюда! Жандарм...

Многие из пассажиров все еще не понимали, в чем дело. Одни стояли за Путилина — барона Ротшильда, другие — за Соньку Блумштейн — «Золотую Ручку».

— Как вы смеете?! Разбой! Освободите ее светлость!

Дзинь-дзинь-дзинь.

Резко звучат жандармские шпоры.

— Ну? Берете!

— Проклятый! — покатился истеричный

хохот по вагону. — Ты, ты победил меня, Путилин!

— Рассудит нас Бог, Сонечка Блумштейн, нашла коса на камень!

«Что такое? Барон Ротшильд... светлейшая... Что случилось?» — слышались испуганные возгласы.

Лязг ручных кандалов... Команда: «Пропусти! Сторонись!»

Что это? Это — под конвоем жандармов, гремя ручными кандалами, шла светлейшая княгиня... Сонька Блумштейн.

— Помнишь, Сонечка, слова-то мои: сочтемся, милочка.

— Помню, Путилин. Велик ты, поймал меня, а только я... я убегу!

Процесс «Золотой Ручки» был один из самых сенсационных.

«Уголовные дамы» жадно всматривались в лицо знаменитой воровки-убийцы.

Сонька Блумштейн угодила на каторгу.

— Как, Иван Дмитриевич, ты тогда сразу узнал, что Киршевского убила «Золотая Ручка?» — спрашивал я позже моего великого друга.

— По уколу на шее. Она, притворно обняв несчастного, уколола его отравленным шприцем с ядом.

— Но ведь это мог сделать и кто-нибудь другой.

— На этот раз Сонечка попалась, она запуталась волосами за пуговицу сюртука убитого и оставила на ней целую прядку волос. А ее волосы я хорошо знал, так как она два раза была почти в моих руках.

— А почему ты разгадал, что Азра подслана?

— Во-первых, потому, что среди евреев почти не бывает предательства друг друга, а во-вторых, слишком уж она горячо просила меня арестовать Соньку Блумштейн.

Тайна Сухаревой башни

Сухарева башня. Страшный призрак

Кто не знает о существовании в Москве белокаменной знаменитой Сухаревой башни? Башня эта историческая, имя ее хорошо известно всей необъятной России, поэтому нет надобности рассказывать историю ее происхождения. Москва любит свою старушку Сухаревку. Есть что-то бесконечно трогательное в привязанности к памятникам седой старины. К камню, железу относятся точно к одушевленным предметам. Да и в самом деле, разве в этих памятниках старины не сокрыта душа народа?

К любимым московским именам: «Колокольня Ивана Великого», «царь-колокол», «царь-пушка», «Василий Блаженный» относится и имя Сухаревой башни.

Стоит она в бойком узле торговой Москвы. Прямо в нее упирается узкая Сретенка, вся наполненная лавками и магазинами; дальше — через ворота — проход и попадете на Мещанскую, направо — площадь, названная именем башни — Сухаревой, налево идет под гору Са-

довая улица, в этой своей части величаемая тоже Сухаревой-Садовой. С давних пор и сейчас на Сухаревой площади происходит по воскресным дням, а равно и перед большими праздниками знаменитый торг, популярная «сухаревка». Торг происходит в палатках, а то и без них, прямо под открытым небом.

Море черных голов, цилиндров и разных картузов, шляп и всевозможных платков запруживает Сухареву площадь. Бывает так тесно, что нельзя шагу ступить. Торгуют тут всем, буквально всем, начиная от ржавых гвоздей и кончая бриллиантами. Со всех концов съезжаются москвичи на свой любимый торг-развал. Бок о бок вы встретите здесь и важного барина, богача, любителя-коллекционера, выискивающего среди разного хлама «антики» и «уникумы». Море нестройных звуков висит над Сухаревкой.

Резкие завывания торговцев:

— К нам пожалуйста, к нам!

— А вот самый лучший товар!

— Купец хороший... ваше степенство!

— Разрази Господи, не могу дешевле!

К ним примешиваются звуки пробуемых

музыкальных инструментов: гармоний, гитар и даже удивительного гобоя. Так шумно, что барабанная перепонка готова лопнуть. Шумно, людно, но и весело. У всех веселые, довольные, смеющиеся лица. Остроты, шутки, прибаутки наполняют воздух.

— Эй, тетка, смотри, смотри, потеряла! — Тетка испуганно схватывается.

— Што, што потеряла?

— Смотри, без юбки идешь, юбку обронила!

— Тьфу! Тьфу, охальники! — вспыхивает тетка-молодуха.

Своеобразным укладом московской жизни веет от этого торжища. И над всей этой толпой возвышается серая громада высокой Сухаревой башни. Она ревниво охраняет свое царство. По поверью, весьма расхожему в Москве, Сухарева башня ведает какой-то таинственной силой. Это поверье весьма схоже с венецианским. Жители великолепной Венеции, царицы морей, твердо верили, что до тех пор, пока не рухнет башня Св. Марка, нации не грозит никакая беда. Жители Москвы так же глядели на Сухареву башню.

— Цела голубушка?

— Цела. Стоит.

— Ну, значит, все хорошо.

И вдруг случилось нечто странное, непостижимое. Одновременно в разных местах Москвы родились и стали расти необыкновенные слухи.

— Слышали?

— Что?

— Да о Сухаревой башне?

Голоса вопрошавших понижались, делались испуганно-таинственными.

Что же именно о башне я мог слышать? Историю таинственную... страшную... зловещую. Любопытство, острое, мучительное, брало верх над страхом.

— Да не томите, объясните толком!

— В башне Сухаревой видели привидение!

Чувствуете, привидение...

— Кто видел?

— Какое привидение?

— Когда видели?

Вопросы так и сыпались на тех, кто приносил страшную новость.

— Кто видел? Многие-с. Какое привиде-

ние? Чудно-диковинное.

— А именно?

— Вроде как бы императора Петра Великого.

— Да что вы?! Да неужели?

— А ей-богу!

— Где же, где видели-то?

— На крыше Сухаревой, у ее маленькой башенки. Стоит это высокий человек в петровском капитанском камзоле-мундире. Волосы длинные, на голове тогдашняя треуголка, через плечо — португез, сбоку на ней висит шпага, чулки, туфли.

— Ну?

— Постоял, постоял страшный призрак, постоял, поглядел на Москву, а потом скрылся.

Эффект рассказа бывал неодинаков. Одни бледнели и начинали трястись.

— Не к добру это видение!

— Истинно так: быть беде какой.

Другие — их было меньшинство — скептики, не признающие никаких дьявольщин, чертовщин, ухмылялись:

— Басни!

— Да помилуйте...

— Подите вы с этими сказками! Ха-ха-ха, Петр Великий на крыше Сухаревой башни!

— Но ведь видели...

— Кто? Выжившая из ума старуха или какие обыватели? Так ведь, как вам известно, они договорятся и не до таких еще видений, а до зеленого или белого слона.

— Не верите — как хотите. А только правда это истинная.

Как бы то ни было, слухи все усиливались и усиливались, захватывая все больший и больший район Первопрестольной столицы. Эти слухи достигли и ушей власть имущих.

— Что за история? — удивленно развели они руками.

— Да пустяки все. Наша богоспасаемая Москва ведь суеверна и сумасбродна до поразительности. Ей все кометы да многие иные чудеса снятся. Старина-матушка.

...Однако червь сомнения сосал их душу.

— А что, если да на самом деле?

И решили проверить.

Была дивная лунная августовская ночь. Месяц серпом заливал ярко-белым светом Первопрестольную красавицу Москву. Она

спала. Если и теперь еще, в наше чудодейственное время, уличная жизнь ее замирает довольно рано, то тогда Москва ложилась спать едва ли не с курами наравне. Тихи, безлюдны улицы. Белые, серебристые. К Сухаревой башне подходит группа людей.

Она, эта группа, состояла из начальника Московского сыскного отделения: того самого, которому знаменитый Путилин «утер нос» в деле ограбления ризы высокочтимой иконы Иверской Божьей Матери, и нескольких лиц наружной полиции.

— Ну что, полковник, трусите?

Полковник насмешливо поглядел на московского Горона.

— Я-с, извините, не в таких переделках бывал, да не трусил, а тут чепуха какая-то.

— Кто знает, — задумчиво произнес другой чин полиции, пристав Д. — На свете возможны всякие чудеса.

— Вы верите в возможность появления привидений?

— Верю. Не угодно ли, какие поразительные вещи проделывает знаменитый Юм, спирит, медиум-чародей в Петербурге на сеансах

у графа Кушелева-Безбородко.

— Вздор!

Но это вздор звучало теперь несколько тревожно.

Вот и она, историческая Сухарева башня. Под потоком мертвенно-бледного лунного света, в котором она словно купается, она кажется огромно-высоким белым памятником. Нет мрачности, нет грязного темно-серого цвета.

Шеф сыскной полиции остановился и зорко огляделся по сторонам.

— Видите эти фигуры?

— Да.

— Но, очевидно, любопытные обыватели. Смотрите, что наделала стоустая молва о появлении таинственного привидения: москвичи побросали свои постели.

— Идти дальше?

— Нет. Остановимся за выступом этого дома. Отсюда нам будет отлично все видно, если... если будет на что смотреть.

Группа властей разместилась, не сводя взора с башни.

Время тянулось странно медленно.

Острота ожидания усиливалась нетерпением, подкрепленным чувством жуткости, робости.

— Конечно, ничего не будет. Я так и знал, что все это бабьи рассказы, выдумки. — В голосе полковника слышалось раздражение. — Ей-богу, господа, спать чертовски хочется! Не лучше ли по домам?

Но не успел он это сказать, как услышал сдавленный крик, вырвавшийся одновременно из груди всех его спутников.

— Ах! Что это! Смотрите...

Взглянул полковник на башню, и холодный, леденящий озноб пронизал его.

На крыше у одной из башенок стояла высокая фигура страшного загадочного призрака. Фигура была залита лунным светом и вследствие какого-то оптического фокуса приняла грандиозные размеры. Видение продолжалось с минуту, а может быть, и более. В том состоянии ужаса, который цепко охватил всех, определить точно время было трудно.

Первым пришел в себя начальник сыскного отделения.

— Видели?

— Да... Да, — слышались испуганные голоса. — Это... это поразительно.

Мимо них пробежало несколько поджидавших любопытных с перекошенными от ужаса лицами. Они промчались так быстро, словно за ними гналась нечистая сила.

Обращение к Путилину. В Москве

Это время было особенно тяжелым для моего гениального друга. Обилие очень сложных дел разрывало его на части.

И вот в один из вечеров начала сентября, когда я сидел у него, ему подали депешу.

— Ого, какая длинная! И какой важный шифр.

— Откуда?

— Из Москвы.

Путилин стал быстро расшифровывать телеграмму. По мере того, как он читал, лицо его становилось все более и более удивленным.

— Помилуй бог, какие чудеса стали твориться в Белокаменной! — Текст длиннейшей депешы подходил к концу.

— Ну и история...

Тревога в голосе моего друга не звучала.

Я сгорал от любопытства, зная, что с пустяками к нему не обратятся.

— Терзаешься, доктор! — улыбнулся он.

— Что уж тут говорить, Иван Дмитриевич.

— Ну, слушай.

Я весь обратился в слух.

— «Глубокоуважаемый и высокочтимый Иван Дмитриевич! — читал он с листа шифрованную телеграмму. — Получилось нечто выходящее из ряда вон по своей загадочности и странности: в Москве появился какой-то призрак...»

Далее шло подробное описание случившегося, вплоть до сцены появления зловещей фигуры на Сухаревой башне.

— «Москва начинает не на шутку волноваться. Появляются признаки паники. Сознывая себя побежденным в этом деле, уповаю на ваш блистательный талант, чудесный гений. Если можно вообще разобраться в этой загадочной истории, распутать всю эту абракадабру, то нет сомнения, что единственно вы можете совершить этот подвиг».

Я не мог прийти в себя от изумления.

— Недурно, доктор!

— Это бог знает что такое, Иван Дмитриевич! Да неужели во всей этой истории есть хоть доля правды?

Путилин усмехнулся.

— Отчего бы и не так! Ты ведь сам частенько толковал мне с жаром о материализованных духах. — Он потер руки и добавил: — Гм... После чисто реальных дел мы опять с тобой вступаем в область мистики, хиромантии, магии, словом, в оккультное царство. Но нет, какова штучка московский коллега!

— Какая штучка?

— Да хитрость его.

— В чем хитрость?

— Ты не догадываешься?

— Нет.

— Ах, доктор, ты поразительно недалечно-виден. Ты знаешь В.?

— Знаю.

— Ты помнишь, как он бесился, когда я раскрыл Иверское дело?

— Как не помнить...

— Ну так вот, теперь он хочет дать мне реванш и посрамить непобедимого Путилина. Его обращение ко мне есть обращение садду-

кея и фарисея: авось не разрешит, дескать, вопроса. В случае, если мне не удастся распутать эту загадочную историю, он будет иметь возможность только ликовать: «Видите, и на Путилина бывает проруха».

Гениальный и благороднейший сыщик тихо рассмеялся.

— Так отчего же тебе бы не отклонить приглашение? Ты ведь не обязан помогать своему московскому коллеге.

Помню, каким огнем загорелись его глаза и с каким удивлением посмотрел он на меня!

— Спасибо за совет. Он странен из твоих уст. Тебе, кажется, пора бы знать, что я всегда принимаю интересный вызов. Не в моих правилах отступать пред какой бы то ни было опасностью.

Он сел за письменный стол и написал зашифрованный ответ:

«Советую поторопиться поимкой Петра Великого или его самозванца, иначе поймаю я. Выезжаю.

Путилин».

На Московском вокзале нас встретил В.

— Ну, пойман? — были первые слова Пути-

лина.

В. передернуло.

— Смеяться изволите, дорогой Иван Дмитриевич, а мне-с не до смеху.

— Заели небось высшие? Подайте, дескать, нам страшного призрака в двадцать четыре часа, на то вы начальник сыскной полиции. Знакомая штука! Утешьтесь, коллега, меня шпыняют таким манером не хуже вашего.

Мы сели в коляску. Был поздний вечерний час. Погода отвратительная. Дул порывистый холодный ветер, пахнувший осенью-смертью. Моросил мелкий противный дождь. Сквозь эту сетку мрака и дождя тускло светились унылым красновато-желтым светом керосиновые лампы уличных фонарей. Их колеблющееся пламя, робко мигая, наводило тоску.

— Через Сухаревку! — отдал приказ кучеру Путилин.

Он молчал, зябко поводя плечами.

Вот и она, виновница волнения Москвы, Сухарева башня.

В этой мгле противного осеннего вечера, почти не освещенная уличными фонарями, она казалась какой-то необычайно странной,

неуклюжей громадой.

— Бр-р, — услышал я восклицание московского шефа сыскной полиции.

— Вам холодно? — насмешливо спросил его Путилин. — Или... неприятное воспоминание?

— И то и другое вместе, ваше превосходительство, — ответил тот.

Путилин, когда мы поравнялись с башней, быстро выхватил свой потайной фонарь и направил сильный свет рефлектора на ту башенку, около которой появился загадочный призрак.

— Эта башенка?

— Да, эта, Иван Дмитриевич.

— Скажите, когда вы увидели привидение на крыше башни, как вы поступили?

Разговор происходил в номере гостиницы «Лоскутной», самой лучшей в Москве.

— Я решил немедленно исследовать внутреннее помещение башни.

— И?

— И ничего, буквально ничего не обнаружил.

Приют мышей и сов

На следующее утро Путилин сделал несколько визитов. Его приезду страшно обрадовались.

— Сделайте милость, почтеннейший Иван Дмитриевич, распутайте это диковинное дело! Освободите Первопрестольную от страшного призрака!

— Постараюсь, — улыбался великий сыщик.

— А как вы полагаете, трудно это?

— Попробуйте! — отшучивался он.

Он заехал за мной вместе с В., и мы втроем отправились в неведомое для меня путешествие.

— Можно узнать, куда мы едем?

— Отчего же нет, доктор! Мы будем осматривать Сухареву башню. Надо же мне взглянуть, что такое там творится.

...С чувством жгучего любопытства подошел я к дверям башни, ведущим в ее таинственное нутро.

— Где только не приходится мне бывать с тобой, Иван Дмитриевич! — сказал я Путилину.

— Раскаиваешься или нет? — улыбнулся

он. — Ну-с, позвольте мне ключ!

Он взял огромный ключ и, прежде чем су-нуть его в замок, внимательно и удивлен-но-пристально стал разглядывать последний. Мне показалось, что Путилин даже соскоблил что-то с замка.

С тихим протяжным визгом-стоном рас-крылась старая железная дверь. Этот против-ный визг долго стоял у меня в ушах, отдава-ясь тревожно-тоскливо в сердце.

— Ну, пожалуйста, господа! — с дрожью в голосе произнес В. и пошел вперед.

Путилин спокойно захлопнул дверь.

Дзинь — хрипнула дверь.

Путилин зажег свой знаменитый потай-ной фонарь. Это было необходимо, ибо здесь царил почти могильная тьма. Запах сырости, плесени, какого-то тлена, точно в склепе, стоял в воздухе.

Мы стали подниматься по узкой-узкой ка-менной лестнице. Несколько раз я спотыкал-ся, а раз чуть не упал — из-под ноги вырвался обрушившийся кирпич.

— Какая ветхость, — пробормотал Пути-лин.

Скоро наше восхождение окончилось.

Лишь только мы собрались войти в какое-то темное помещение, напоминающее комнату-конуру со сводчатым потолком, как оттуда вылетело что-то большое, черное, чем-то махающее.

— У-у, ха-ха-ха! — прокатился над нашими головами крик-хохот. Это было до такой степени неожиданно и страшно, что у меня кровь заледенела в жилах, а московский коллега Путилина отшатнулся, едва не упав в пропасть лестницы, и громко вскрикнул.

Один только Путилин, этот человек паразитического хладнокровия, остался невозмутимым.

— Не бойтесь, господа, это еще не наш призрак, это почтенные совы. Они устроились здесь премило.

Действительно, лишь только мы вошли в башенную комнату, целая масса крыльев захлопала над нашими головами. К этому неприятному шуму примешивался еще громкий писк, визг стаи крыс, пробежавших мимо наших ног.

— Вот это будет поопаснее и сов и, пожа-

луй, самого призрака. Эти грызуны могут разорвать здесь всякого так же, как разорвали они епископа Гадона. Черт возьми, призрак — существо, безусловно, храброе!

Путилин погасил фонарь.

Сквозь оконца башенки врывался тусклый свет.

— Ну-с, приступим к осмотру.

Каменная комната-склеп была абсолютно пуста.

— Что же тут осматривать, Иван Дмитриевич! — слегка насмешливо и удивленно спросил своего знаменитого собрата В.

— Вы думаете нечего?

В. пожал плечами. Признаюсь, и я разделял его недоумение.

Путилин принялся внимательно осматривать пол и стены. Он вынюхивал, выстукивал каждый камень, каждый кирпич. По своему обыкновению он что-то тихо бормотал сам про себя.

Зная, что мой гениальный друг никогда ничего не делает зря, без цели, я с любопытством следил за его работой.

— Нет... так... так... гм... тут ли...

Прошло часа полтора, а он все еще не окончил своего странного осмотра. Особенно долго возился он над стеной, на порядочной высоте которой виднелось окно.

— Сейчас полезу на крышу! — возбужденно проговорил он.

— Но как вы отсюда попадете, Иван Дмитриевич?

— А вы пробовали, коллега?

— Нет.

— А почему я не могу туда попасть?

— Да потому, что единственный способ попасть на крышу — через окно. А оно высоко, вы его не достанете. Конечно, можно бы...

— Раздобыть лестницу и по ней вскарабкаться на окно? Браво, это остроумное разрешение вопроса, но... но нельзя ли обойтись без этого? Посмотрим, посмотрим...

И вскоре случилось нечто, от чего мы оба — и я и В. — раскрыли рот.

Путилин карабкался по стене!

Правда, лезть пришлось немного, так как окно было расположено невысоко, но все же он сделал два перехода по стене.

Концы ботинок Путилина вошли в ка-

кое-то углубление, он ухватился руками за железный стержень, торчащий вершков на пять, приподнялся и попал во второе углубление.

Еще одно усилие — и он достиг окна!

— Браво! — искренне вырвалось восклицание восторга у завистливого В. — Поистине чародей вы, Иван Дмитриевич!

Путилин рассмеялся.

— Благодарю вас, коллега! Но должен сознаться, позиция чертовски неудобная.

Он, так сказать, прилипнув к стене, держась одной рукой за железный болт оконной рамы, другой рукой ощупывал окно.

— Ага! Так я и знал!

— Что такое? — встрепенулся В.

Гениальный сыщик ничего не ответил, а ловко спустился вниз.

— Фу-у! — вырвался у него вздох облегчения. — Однако, коллега, вы заставили меня на старости лет обратиться в акробаты.

— Я ничего не понимаю, — смутился тот.

— Ничего, потом поймете. А пока мне надо бы проехать к вам.

Всю дорогу до сыскного Путилин молчал.

По его лицу я ясно видел, что он упорно и сосредоточенно выводит свою знаменитую «кривую». На некоторые вопросы он отвечал невпопад, а некоторыми сам приводил в недоумение своего коллегу.

Вдруг неожиданно он спросил В.:

— Вам приходилось когда-нибудь бывать в сумасшедшем доме?

В. даже побледнел.

— То есть как это?

— Ну, конечно, по делам службы.

— Нет, не бывал.

— А-а, — равнодушно сказал Путилин.

После В. рассказал мне, что он не на шутку подумал, что гениальный сыщик — вследствие мозгового переутомления — сам спятил с ума. «Вдруг ни с того ни с сего — бац, и в сумасшедшем доме!»

В служебном кабинете В. Путилин обратился к коллеге:

— У вас, конечно, есть список заявлений об исчезновении лиц-обывателей?

— Конечно, имеется.

— Так вот, нельзя ли мне его. За последнее время, недельки за две, что ли.

Московские сыщики заволновались, засуетились.

— Путилин приехал!

— Вот опять утрет нос нашему В.!

— Ну, положим, дело это загадочнее двух его первых гастролей. Тут не только он, а самый лучший ногу сломает.

Как и у всякого начальника, у В. были и свои клеветы, обожающие его, и такие, которые по многим причинам недолюбливали, ненавидели его. Первые и вторые одинаково ликовали: первые — потому что надеялись на посрамление «гения» Путилина, а вторые — были убеждены в новой блистательной победе знаменитого гастролера.

В. подал список своему врагу-собрату.

— Вот, не угодно ли...

Путилин углубился в просмотр его.

«Мещанин тридцати трех лет Петр Онуфриев. Из дому... по заявлению жены... в ночь на 25 августа... Ремесло — столяр... Крестьянин Роман Логинов, двадцати семи лет... чернорабочий...» Длиннен синодик пропавших, неизвестно куда скрывшихся. Путилин читает вполголоса, бормочет. Около него — каран-

даш и записная книжка. Ни разу ни до того, ни до другого не дотрагивается рука гениального сыщика.

«Девица... Сын отставного...»

Какая-то злая, торжествующая улыбка кривит губы В. Глаза иронически смеются.

Опасение за благополучный исход принятого на себя расследования моим другом заползает в мою душу. «О, как тогда они будут ликовать, — проносится у меня в голове. — Прав был Путилин, когда говорил мне, что его коллега готовит ему ловушку. «Дело чертовски темное!»

— Вы думаете что-нибудь почерпнуть здесь?

Путилин не отвечает.

Вдруг я заметил, что он быстро заносит что-то в записную книжку.

— Виноват, что вы спрашивали, коллега? — Ровно, спокойно звучит голос его.

— Я спрашивал, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич, полагаете ли вы почерпнуть что-либо полезное из этого списка?

Путилин пристально, в упор поглядел на своего завистливого соперника.

— Я все это штудировал, но...

— Но...

— Но не уловил ключа.

Путилин загадочно усмехнулся.

— Странно, что вы противоречите самому себе. Если вы до меня интересовались просмотром списка, вы не удивились бы так искренне, когда я попросил его у вас. По-моему, такое совпадение — немного запоздалое.

Орлиный взор Путилина насмешливо уставился на В.

Тот побагровел.

Путилин встал и холодно бросил коллеге:

— Я не смею больше злоупотреблять вашей любезностью, вашим временем. Оно вам необходимо на текущие неотложные дела.

— Что вы, ваше превосходительство, помилуйте! Располагайте мною.

— Нет, пожалуйста, не надо. Я иногда умею действовать только один, без помощников.

И, сухо простившись, Путилин вышел из кабинета. Когда мы отъехали несколько шагов от здания сысского отделения, Путилин бросил кучеру:

— В Сокольники, в сумасшедший дом!

Царство живых мертвецов

Какое жуткое, щемящее чувство охватило нас, когда мы подъехали к унылому, мрачному сумасшедшему дому!

Этот огромный дом был действительно желтым.

Чтобы достигнуть ворот, надо было пройти мимо сада, в котором душевнобольные совершали ежедневные прогулки.

Путилин, не боявшийся ничего: ни револьверных пуль, ни бешеных порывов самых закоренелых злодеев, стоящий всегда лицом к лицу к опасностям, испытывал непреодолимый ужас при виде сумасшедших.

Так было и теперь.

При виде нас несчастные живые мертвецы, для которых погас свет разума, мира, устремились к решетке сада, мимо которого мы проходили.

— Король идет! Здравствуйте, ваша светлость!

— Спасите меня! Меня мучают четвертым измерением пятого серпа луны!

— Черт, черт! Тьфу! Тьфу!

Визжат, плюются, хохочут, плачут, протя-

гивают руки то с мольбой, то с угрозами, проклятиями.

Путилин был бледен как полотно.

— Какой ужас! Какой ужас...

Навстречу нам шел сторож-привратник в мундире с синим воротником.

— Что угодно, господа?

— Видеть директора, старшего врача, голубчик. Держи монету и немедленно беги с карточками.

Тот, получив мзду и увидев из карточки, что имеет дело с генералом, бросился сломя голову. Моя карточка — доктора — ему мало что говорила.

— Пожалуйста, ваше превосходительство.

...Через несколько минут мы были в кабинете директора и старшего врача московского «желтого» дома.

— Весьма польщен. Прошу покорно. Чем могу служить? — Умные, усталые глаза пытливо глядят на нас.

— Вы знаете, профессор, кто я?

— Знаю, господин Путилин. Вы тот, который творит чудеса в области сыска.

— Спасибо на добром слове. А это мой вер-

ный доктор. Я приехал... Впрочем, скажите, вы слышали о фантастическом привидении, пугающем Москву?

— На Сухаревой башне?

— Да.

— Слышал. Хотя я живу в особом царстве, весь уйдя в мои печальные обязанности помогать несчастным страдальцам, но я не совсем отрешен и от иного мира. Слухи о каком-то привидении достигли и до меня.

— Я приехал раскрыть это дело. Скажите, у вас исчез душевнобольной Николай Петрович Яновский?

— Да.

— Он — отставной офицер, не так ли?

— Да. А вы откуда же все это знаете, ваше превосходительство? Директор-профессор с любопытством поглядел на Путилина.

— Это все равно. Впрочем, вы ведь заявили об этом сыскному отделению. Теперь мне гораздо важнее и интереснее узнать от вас характер заболевания вашего бежавшего пациента. Будьте добры, профессор, дать мне точные сведения, какой формой помешательства страдал Яновский.

— Тихий, безнадежный хроник... *Mania grandiosa*... мания величия... отчасти и *mania persecutionis*... мания преследования. Да вот история его болезни.

Старший врач и директор страшного «желтого» дома достал толстую тетрадь, испещренную знакомыми пометками, и углубился в нее.

— Доставлен год тому назад теткой. Женат. Жена бросила его, бежала... Сначала был помещен в 1-е отделение, как страдающий припадками буйного умопомешательства. Потом улучшение, довольно резкий поворот к улучшению. Надежда на выздоровление. Перевод во 2-е отделение и... переход к неизлечимости.

Директор долго еще продолжал знакомить Путилина с описанием болезни несчастного офицера.

Я не привожу здесь в подробностях всех медицинских определений, так как это неинтересно.

— Вы, профессор, конечно, обращали внимание на особенности проявления той или иной мании бежавшего Яновского?

— Разумеется.

— Вы помните их?

— Помню. У нас, психиатров, хорошая память.

— Сколько я знаю, — продолжал свой допрос Путилин, — почти все сумасшедшие имеют свою исходную, отправную точку помешательства. Так?

— Так.

— Они проявляют хоть в чем-нибудь свою страсть, свою склонность к тому, о чем порой здоровые мечтали?

— Совершенно верно.

— Так вот, не замечали ли вы в Яновском особой привязанности к чему-либо? Мне это очень важно знать.

Не только я, но и профессор-психиатр с удивлением и искренним восхищением глядели на знаменитого сыщика.

Откуда у него такая красота острого анализа, острого мышления в предмете, для него, очевидно, совершенно чуждом?

— Извольте видеть, — начал директор «желтого» дома. — Яновский, по-видимому, очень сильно увлекался...

— Легендарной историей? — быстро спросил Путилин.

Психиатр откинулся на спинку кресла.

— Вы... вы и это знаете?

— Я вывожу свою «кривую». Простите, профессор, этого вы, впрочем, не знаете.

— Однако слава о вас идет не даром. Вы прозорливый, господин Путилин. Ну-с, совершенно верно. Яновский страшно любил рассказывать о легендах. Так, однажды он меня спросил: «Верите ли вы, профессор, в заповедную тайну Жигулевских гор, тех Жигулей, где пировал Стенька Разин со своими удалыми молодцами?» Я ответил то, что подсказывала мне моя наука, мой опыт, мой метод.

— А еще, случайно, вам не приходилось слышать от него каких-нибудь легенд?

— Нет, не упомню.

Путилин встал и протянул директору какой-то крошечный лоскуток.

— Идя к вам, я, преодолевая сильнейший страх, какой питаю к помешанным, внимательно вглядывался в халаты ваших больных. Скажите, профессор, такая материя идет на халаты у вас?

Директор всмотрелся в крошечный лоскуток и уверенно ответил:

— Да. Именно такая.

— Ну, вот и все. Простите, что побеспокоил вас. У вас ведь и так дел много.

Известный психиатр с чувством пожал руку Путилину.

— Я счастлив был познакомиться с таким замечательным человеком, как вы, господин Путилин. Прошу верить, ваше превосходительство, что сегодняшний день останется у меня надолго в памяти.

Путилин стал расспрашивать профессора о наружности Яновского.

Мы вышли из страшного дома. До нас долетали безумный хохот, стоны, вой, взвизгивания, проклятия.

В поисках за телесной оболочкой духа-призрака

На обратном пути от сумасшедшего дома Путилин задумчиво сидел в коляске.

— Ты, кажется, можешь быть доволен, Иван Дмитриевич?

— Почему?

— Насколько я понял, ты попал на след.

— Этого, увы, еще мало, доктор. Мало на-
пасть, надо найти. И потом для меня ясна од-
на деталь. Однако попытаемся.

В номере «Лоскутной» нас ожидал В.

— Я заехал узнать, Иван Дмитриевич, не
потребуется ли вам мои агенты.

— Спасибо, но в настоящую минуту они
мне не нужны. Мне придется воспользоваться
их услугами, но несколько позже.

— Вы что-нибудь узнали?

— Ничего.

В. недоверчиво поглядел на Путилина.

Разговор перешел на другие темы.

— Скажите, коллега, какие у вас в Москве
есть костюмерные заведения-мастерские? —
вдруг неожиданно спросил Путилин. — Я, как
петербуржец, этого не могу знать...

В., польщенный обращением Путилина к
его, В., помощи, оживился.

— Костюмерная мастерская Пинягина, та-
кая же мастерская Лашеева. Есть еще
несколько.

— Это крупнейшие?

— Да.

— Где находится Пинягина?

— Большая Дмитровка, здание Дворянского собрания.

— А Лашеева?

— Газетный переулок....

— Так, так... Вы ожидайте меня, коллега, под вечер. Может быть, вместе будем работать.

...Зеркальные окна. Вход между колонн — и сразу помещение, производящее впечатление чрезвычайно любопытное.

Всюду — всевозможнейшие костюмы, сверкающие золотом, серебром. Вот стоит римский воин: блестящие латы, горделивый шлем, короткие штаны, широкий меч и круглый щит. Все это надето на манекен. Перед вами воссоздается картина железного непобедимого воина античного великого Рима. Рядом с центурионом-легионером — изящная, изнеженная фигура французского маркиза времен великолепных Людовиков... Там, дальше, — испанские гранды, венецианские дожи, русские бояре, гугеноты, монахи, пейзажи и герцогские мантии. Какая поразительная смесь лиц, эпох, народов! Каски, шлемы, плащи, береты, треуголки, колпаки, кокош-

ники, короны и кики, ленты, звезды. Вот вам вся история чуть не с сотворения мира! История наглядная в море красок одежд. Это знаменитая костюмерная Пинягина.

Когда Путилин вошел туда, то невольно залюбовался. Все блистало, сверкало, поражая зрение гаммой тонов, красок.

— Что вам угодно? — подошел к Путилину полный господин.

— Получить от вас некоторые сведения. Я — Путилин, начальник петербургской сыскной полиции.

Управляющий костюмерной вздрогнул и удивленно поглядел на знаменитого, но и «страшного» гостя.

— Вы-с — Путилин?

— Да, я. Разве вы меня знаете?

— Помилуйте, о вас вся Москва говорила, когда вы хлыстов и скопцов изловили, и после иверских святотатцев.

— Так вот, я хочу спросить у вас кое о чем.

— Пожалуйста, пожалуйста сюда! Здесь нам никто не помешает. — Они вошли в небольшую комнату, где под стеклами находились бутафорские драгоценности.

— У вас костюмы петровских времен имеются?

— О! — вырвалось горделиво у управляющего. — У нас есть костюмы всех времен.

— Костюм, например, сержанта петровского или капитана.

— Ну, конечно, господин Путилин!

— Скажите, пожалуйста, вы не можете мне достоверно сказать, продавали вы или же отдавали напрокат за последнее время подобный костюм!

Управляющий на секунду задумался, но потом хлопнул себя рукой по лбу.

— Совершенно верно. Отдавал и отдаю напрокат.

— Кому?

— Я сейчас погляжу в книгу.

— Постойте... Я вам опишу его приметы. — И Путилин стал описывать их.

— Так... так, — поддакивал управляющий костюмерной.

— Похоже?

— О да! Это он. Нужно вам сказать, что этот господин мне всегда казался большим чудачком. Придет, возьмет напрокат этот ко-

стюм, заплатит десять рублей, а наутро обратно его приносит. Теперь время не маскарадное, куда, думаю, ему этот костюм? Раз спросил его: для чего, дескать, он требуется. Господин поглядел на меня странно как-то и ответил: «А вам не все равно?»

— Он брал костюм не каждый день?

— Нет. С перерывами. Дня через два, через три. Я ему опять сказал: да не лучше ли вам купить его! Вы ведь за прокат больше переплатите. Да вот, если вы интересуетесь, господин Путилин, этим человеком, так вы можете его скоро у нас повидать.

— Как так?! — вырвалось у Путилина.

— Он сегодня обещал опять взять костюм. Сейчас должен быть.

Прошло с полчаса. Путилин занимался рассматриванием костюмов. Наконец дверь отворилась, и в костюмерную вошел средних лет человек.

— Костюм мой! — резко бросил он управляющему.

— Пожалуйста, пожалуйста... Сейчас только пуговицу пришью. Отрываются они часто у вас.

Путилин впился взором в странного посетителя. Длинные волосы, по плечи... Бритый подбородок... Густые брови. Для Путилина достаточно было взглянуть только один раз, чтобы сразу определить, что волосы, усы и брови поддельные.

Таинственный незнакомец тут же, в нише за костюмами, стал переодеваться. Поданную ему треуголку он спрятал под длинный черный плащ, в который задрапировался наглухо.

— Вот вам десять рублей! — небрежно швырнул бумажку на конторку. — Завтра утром.

Глаза его горели. Движения были порывисты, суетливы. Он горделиво кивнул головой и вышел из костюмерной.

— Видели? — рванулся к Путилину управляющий. Сильнейшее любопытство, видимо, одолевало его.

— Видел. Спасибо. До свидания.

И Путилин быстро последовал за черным плащом.

Управляющий остался с широко раскрытым ртом.

Последний ужас москвичей. Легенда.

Борьба на крыше башни

Я сидел и разговаривал с В., который почти все время дежурил в номере Путилина.

— Я убежден, что дело это настолько темное, что раскрыть его не удастся Ивану Дмитриевичу, — говорил он мне.

Путилин быстро вошел в номер как раз при этих словах.

— Если угодно, господа, еще раз посетим Сухареву башню.

Мы вскочили.

— Мне надо еще кое-что осмотреть. Торопитесь.

Путилин пошел из номера. Мы бросились за ним следом.

Опять эта тьма, этот отвратительный спертый воздух; эта страшная лестница; эти кирпичи, обрушивающиеся под ногами.

И опять это хлопанье совиных крыльев, писк разъяренных крыс.

— Для того, господа, чтобы вы мне не мешали в моих исследованиях, я должен вас спрятать.

Голос Путилина звучал резко, повелитель-

но. Так всегда он говорил накануне генеральных сражений.

Перед входом с лестницы в комнату-склеп башенки находились две ниши: одна — справа, другая — слева.

— Вы, В., будьте добры стать здесь, а ты, доктор, — там. Прошу вас хранить, господа, полное молчание. Что бы вы ни увидели, что бы ни услышали, будьте немые, как рыбы.

— А где же вы сами будете, Иван Дмитриевич? — спросил московский сыщик-начальник.

— Тут же, около вас.

Наступила мертвая тишина. Еле заметная полоска лунного света тускло пробивалась через оконце башенки. Обманутые вновь наступившим безмолвием совы и крысы вернулись в свое мрачное жилище. Сколько времени прошло, я не знаю. Но вдруг протяжный скрип-стон достиг наших ушей. Я вздрогнул, насторожился, замер. По лестнице кто-то поднимался. Слышалось прерывистое, взволнованное дыхание и тихое бормотание.

— Я здесь опять... мое здесь царство.

Говоря откровенно, я чувствовал себя дале-

ко не спокойно. Я слышал, как билось тревожно-пугливо мое сердце. Около меня, совсем сдавив меня, стоял Путилин. Большая черная фигура быстро прошла мимо нас. Невольно я схватил Путилина за руку.

— Тс-с!.. — еле слышно прошептал он.

Блеснул слабый огонек крошечного фонаря. Высокий призрак снял с себя плащ-мантию.

Путилин слегка отодвинулся от меня, стараясь ближе придвинуться к комнате-склепу. А то, что там происходило, было действительно странно, необычайно, казалось какой-то грезой, каким-то кошмаром, больной фантазией. Посредине пола на коленях стояла высокая фигура призрака — офицера петровских времен! Он вынимал кирпич за кирпичом и теперь уже громко говорил, говорил... Великий боже, как он говорил! Это был безумный, восторженно-экзальтационный крик, то плачущий, то хохочущий.

*Знаю я башню, знаю одну,
Клад вековечный в ней я найду!
Камень за камнем стану счи-*

*мать,
Клад драгоценнейший в недрах ис-
кать.*

Уныло-страшно звучит плачущий напев...

— Найду, найду! Я постиг, я разгадал тебя, Сухарева башня! Я узнал твою заповедную тайну... Ха-ха-ха... Они меня считают безумцем! О проклятые, слепые палачи! Я говорил им, что здесь, в этой вот башне зарыт клад.

— Жигули, ай Жигули! Сухаревка, ай Сухаревка!

Безумный человек вскочил. Он хохотал, размахивая руками.

— Я царствую здесь! Эй, совы, крысы, вы мои верные друзья, ко мне на помощь! Прогрызите скорее вашими острыми зубами последние камни, откройте мне клад заповедной башни!..

Махают крыльями совы, злобно визжат крысы.

— И там яхонты самоцветы, жемчуга белопенны. О-го-го-го!

Сверлит нож, давая искры, старые камни старой башни... А безумный голос покрывает

шум свиных крыльев, писк крыс, сверление ножа.

*Был красавец один, офицер молодой,
офицер молодой, офицер удалой.
Полюбил он красавицу всюю душой,
всею душой до доски гробовой!
Пожились они... А уж скоро жена
изменила, проклятая, мужу она!..
Прежде чем с милым своим убежала,
Мужа обкрала и здесь зарывала.
После хотела сокровища взять,
Чтоб с любовником вволю гулять.*

Поет страшный призрак. Нудно, жалостливо... Холодный пот выступил у меня на лбу. Вдруг призрак выпрямился, насторожился. Чего он испугался? Уличный шум еле слышно донесся сюда в эту старую дряхлую башню.

— А-а?! Караулят меня? Не хотят, чтобы я достал заповедный клад? О, подлецы, я вас

перехитрю! Я покажусь вам, как страшный грозный призрак, стерегущий склепы, башни. Вы побледнеете, вы затрясетесь от ужаса! Ха-ха-ха!.. Я спасу мое сокровище от вашего нашествия!

Высокий призрак «Петр Великий» бросился к стене. Он продолжал петь безумным голосом свою песню:

*Но муж обманутый не дал гу-
лять:*

*В башне, ах, ночью стал поджи-
дать.*

*Деньги найду я, что скрала жена,
И надо мною будет качаться она.*

— Наверху, на болту... Повешу, повешу! — И с обезьяньей ловкостью, точно сомнамбула, призрак стал карабкаться по стене.

Минута — и он достиг окна. Вскарабкался — и через окно выскочил на крышу.

— Ну, теперь пора! — возбужденно проговорил Путилин, выходя из своей засады.

Я еле переводил дух. В. был в таком же состоянии, что и я.

— Видели вашего страшного призрака, коллега? — насмешливо обратился Путилин к В.

— Вы бог сыска, дорогой Иван Дмитриевич! — заплетающимся языком пробормотал он.

Путилин пошел к стене.

— Ради бога, Иван Дмитриевич, да неужели ты хочешь лезть за ним? — воскликнул я, страшась за участь моего гениального друга.

— Как видишь, — усмехнулся Путилин и вскарабкался на стену.

— Но ведь это безумный риск, Иван Дмитриевич! — поддержал меня В. — Мало ли что может там случиться, на крыше?

— Что бы ни случилось, я не имею права оставлять безумца на такой огромной высоте. Спускайтесь вниз, голубчик. Берите тех людей, которых я оставил в проезде башни, захватывайте лестницу и сейчас же идите все сюда. Лестницу поставьте у окна. На верхней ступеньке пусть стоит кто-нибудь в случае, если понадобится подать мне помощь и взять призрака.

Путилин полез по стене и, подобно страш-

ному духу Сухаревой башни, быстро выско-
чил из окна.

Ночь была на редкость светлая, лунная.

И вот тут-то случилось то, что повергло людей еще в больший ужас. Теперь они увидели на башне не одного, а двух призраков!

Тот, первый призрак «Петр Великий», стоял, держась одной рукой о крышу башенки, а другой — подбоченясь. Поза была вызывающе-горделивая. Бледное лицо с безумно горящими глазами кривила страшная усмешка.

— Проклятье! Я, я перед вами! — шептал призрак.

Но второй призрак был в диковинку. Он стоял за выступом башенки. Весь в черном, с седыми бакенбардами.

— Господи... Господи, сохрани, помилуй! — в ужасе шептали москвичи, случайные зрители страшного видения.

Нога Путилина поскользнулась. Этот легкий шум был услышан «Петром Великим». Он порывисто обернулся и на одно мгновение как бы застыл, замер. Но это было именно только одно мгновение.

В ту уже секунду яростный вопль бешен-

ства вырвался из груди безумного человека.

— А-а? Пришел? Нашел? Подкараулил?! Ты, злодей, отнявший у меня жену... клад? Я... я рассчитаюсь с тобой!

И он бросился на Путилина, полный бешенства, ярости. Путилин, сохраняя все свое хладнокровие, вступил в борьбу. Внизу на площади слышался испуганный рев голосов.

— Смотрите, смотрите на башню! Что там делается! Что там делается!

А делалось там действительно нечто страшное: два «призрака», крепко сцепившись, боролись не на живот, а на смерть.

«Петр Великий» стремился сбросить с крыши Путилина.

— Ко мне! На помощь! — прогремел голос изнемогавшего Путилина, от непосильной борьбы с обезумевшим человеком. По лестнице уже карабкались люди во главе с В. И вовремя: еще секунда, и Путилина не стало бы. Все бросились по скользкой крыше к борющимся и оттащили сумасшедшего, крепко связав его веревками.

— Га-а-а! — хрипло вылетали у него бешеные выкрики.

Триумф Путилина был полный.

— Как вы дошли до ключа, Иван Дмитриевич? — спрашивали мы все великого сыщика.

— По своей «кривой», друзья мои. Когда я услышал о привидении на Сухаревой башне, мне вспомнилась легенда о том, что в башне зарыт клад. Осмотр башни подтвердил мое предположение: в полу и стене были раскопки. Вопрос был только в том, кто его домогается. Из числа исчезнувших я остановился на сумасшедшем Яновском. Здоровый человек не стал бы проделывать такого маскарада. Остальное вы знаете. Больная фантазия помещанного переплела чистую легенду о зарытом кладе с собственной трагедией.

Пытка Ивана Грозного (IV)

Лютый помещик

Судьба забросила Путилина в имение его дальних родственников, Х., в Н-й губернии.

Я настойчиво советовал моему талантливейшему другу несколько отдохнуть после его непрерывных трудов.

— Друг мой, не будет ли это роскошью? — улыбался Путилин.

— Ты считаешь, Иван Дмитриевич, отдых роскошью?

— Что поделаешь... Я, как тебе известно, не принадлежу самому себе.

— Но ты рискуешь не принадлежать никому, кроме Нирване, если будешь так форсить своим здоровьем. Не лучше ли немного отдохнуть, собраться с силами?

Он внял моим увещаниям, и мы очутились в имении Х.

— Веди растительную жизнь. Пей молоко, собирай грибы, а главное — не думай!

Путилин усмехнулся.

— Так-таки ни о чем?

— Ни о чем. Я знаю, дорогой Иван Дмитри-

евич, твою непоседливость, ты и в мирно шумящих соснах готов видеть следы страшных преступлений.

— А ты, доктор, вполне убежден, что здесь, в этих окрестных поместьях, все благополучно?

— Да ни о каких разбоях не слышно. Вообще, ты можешь, мой знаменитый друг, хоть на короткое время забыть свою знаменитую «кривую».

— «Знаменитый» и «знаменитую»... Гм... гм, — усмехнулся Путилин. — Ты говоришь это так уверенно...

Кормили нас как на убой. Цыплята, молодые двухнедельные барашки, жирные «полотки», всевозможные соленья, варения, настойки.

— Скучно, — сказал мне как-то великий сыщик.

— Почему? Посмотри, как дивно хорошо кругом. В огороде чудесный запах овощей: как пахнет укроп; какая завязь огурцов; как алеют и синеют головки мака. Какая красота разлита во всем, повсюду!

— А кто знает, доктор, может быть в этой

благодатной природе кто-нибудь плачет, тоскует.

Мысль моя о мозговом переутомлении Путилина получила реальную окраску.

«Ну, разумеется, он — переутомился. Ему во всем чудятся ужасы преступлений, злодейств».

На пятый или шестой день нашего пребывания в имении Зеленые лужки, принадлежащем Х., Путилин обратился ко мне.

— Итак, все спокойно?

— Все.

— И в этом ты твердо уверен?

— Полагаю. Думаю. Убежден.

— Подойди ко мне!

Я с живейшим любопытством подошел к моему великому другу.

— Смотри прямо!

Голос его зазвенел знакомой мне резкостью.

— Куда?

— Все прямо. Видишь ли ты там, вдали, красивую усадьбу, расположенную в лощине?

— Вижу.

— Ты не знаешь, кому она принадлежит?

— Откуда я могу это знать? Я первый раз в этой местности...

Я пристально, сильно заинтересованный, впился взором в эту усадьбу.

Большой, белый каменный дом.

Он выдается из парка, густого, тенистого, которым, словно кольцом, охвачен.

— Это недалеко отсюда. Всего с полверсты. Прекрасно. Дом как дом. Усадьба, как усадьба. Дальше-то что?

Гениальный сыщик чертил палкой по песку.

— Там, доктор, дьявол живет... — тихо про-
бормотал он.

— Как дьявол?

— Очень просто. Там живет лютый помещик...

— Почему «лютый», отчего ты называешь его дьяволом?

Я во все глаза глядел на знаменитого сыщика. А утро было на редкость хорошее: в воздухе немолчно звучала песнь птиц, к которой робко, несмело примешивался стук травяных кузнечиков.

— Тюи-тюи... Ку-у-ку! Ку-у-ку!.. Тюи-тюи...

— Ток-ток-ток... Чик-чик-чик.

Природа справляла свой великолепный пир. Гимн ее несся к тому бездонному небу, где жаворонки купаются в синеве воздуха и где они так сладостно поют.

Путилин выпрямился.

— Слушай. Сегодня поутру ко мне пришел крестьянин этой проклятой усадьбы. Она принадлежит...

— Кому?

— Не догадываешься?

— Нет.

— Она принадлежит богатейшему дельцу из «потомственных русских дворян», награбившему деньги и решившемуся отдохнуть на «новой земле». Это Ехменьев — барин хоть куда. Он женат... Одна дочь от прежней жены в пруду утопилась.

— Но при чем же здесь ты, Иван Дмитриевич?

— Слухом земля полнится, доктор. Крестьянин — он арендует у барина хуторок один. Как его угораздило узнать, кто я, — не знаю, знаю только, что он мне поведал историю. В лицах, в подлинных диалогах я ее изображу

тебе.

— Батюшка, ваше превосходительство, спасите!

— Кого? Что? Почему?

— Лютый помещик живет у нас. Нас всех в кабалу взял. Ты ему и так, и этак работай.

— Кто же он?

— Ехменьев. И-и, зверь, одно слово! Шкуру дерет с человека.

— А чем же?

— А чем попало. Бьет мужика, который ему задолжался, а сам таково гневно кричит: «Будете с... с-ны... понимать теперь, как на волю стремиться?! Мы, божьей милости, отцов ваших на конюшне драли, а вы — о свободе возмечтали?! Бить вас! Всю дурь выбить из ваших хамьих костей».

— Да это еще что... Мы, значит, привыкли, чтобы нас били. А вот как он супружницу свою мучает.

— Ты, доктор, понимаешь, что я насторожился.

— Как же мучает он супругу свою? — спрашиваю его.

Ухмыляется он.

— Вот до чего ревнивый черт — не приведи Господи! Одно слово — зверь лютый! Не только к господам ревнует, к парню каждому. А барыня Евдокия Николаевна — хо-ро-о-шая барыня, не только лицом, а прямо, можно сказать, обхождением всем. Уж она, голубка, никого не обидит, никого без внимания не оставит. А он, постылый, мучениям ее придает.

— Каким же таким мучениям?

— А вот на глазах ее бить, драть, сечь велит Ирод великий тех, значит, кого барыня любит. Держит ее, а сам кричит своим палачам: «Растяни, всыпь до последней кожи! Пусть полюбуется!» Сомлеет, это, барыня, дух в ей от жалости сопрется.

— Подлец ты, самый настоящий подлец! И что ты это делаешь? Ведь кровь их, мужиков, на тебе, проклятом, отольется!

Хохочет только лютый помещик.

— Жалко?

— За тебя стыдно...

Путилин в волнении прошелся по саду.

— Ты понимаешь теперь, что рассказал мне крестьянин?

— Понимаю, Иван Дмитриевич.

— И ты... ты полагаешь, что я могу оставить это дело без расследования? Я, стало быть, должен быть немым свидетелем того, как лютый помещик будет предавать мучениям, издевательствам всех, вплоть до своей горемычной жены?

Что я мог ответить благороднейшему человеку? Борьба во мне происходила: с одной стороны, мне дорого было его здоровье, с другой, — я чувствовал, что он глубоко прав. Разве не было необходимо расследовать и, главное, пресечь, зверства лютого помещика? Это был зверь, по-видимому. Когда мы заканчивали наш разговор, к нам подошел высокий, рослый господин с толстым лицом, обрамленным густой каштановой бородой.

— Позвольте представиться, соседний помещик Евграф Игнатьевич Ехменьев.

И он протянул мне руку.

Как-то невольно я отшатнулся. Противно было пожимать руку подлецу.

Путилин выразительно поглядел на меня. Это был особенный, путилинский взгляд.

— Вы-с, господин Ехменьев? — чрезвычай-

но ласково и любезно спросил гениальный сыщик, находившийся «на отдыхе».

— Я-с.

— Я очень, очень рад познакомиться с вами. Это доктор мой, ипохондрик, нелюдим.

Подходили члены семьи Х.

— Нашли нашего великого, непобедимого? — смеясь, спрашивал сам Х., обращаясь к Ехменьеву.

— Орла видно по полету! — расхохотался лютый помещик деланым смехом.

— А ястреба — по когтям?

И когда Путилин это произнес, Ехменьев вздрогнул.

— Почему вы называете меня ястребом, ваше превосходительство?

— Это я в ответ на ваше птичье сравнение, вы меня — орлом, я вас — ястребом.

— Тюи-тюи-тюи!..

— Чок-чок-чок!..

Прозрачной дымкой окутывается старинный, барский сад. Пахнет левкоями, резедой, настурциями.

Ночь, благодатная летняя ночь, полная особой, нежной прелести, уже спускает свой

полог над полуспящим именем.

*В кустах прибрежных влюбленно
Перекликались соловьи...
Я близ тебя стоял смущенный
Томимый трепетом любви...*

Из окна барского дома, где все полно стародворянскими традициями, доносятся аккорды рояля.

И эту прелестную песнь весне поет милый, нежный, серебристый голос.

Путилин подошел вплотную к Ехменьеву.

— Я влюблен в вашу усадьбу. Как мне хотелось бы осмотреть ее поближе.

Ехменьев — это была еле уловимая секунда — пристально поглядел в глаза знаменитому отдыхающему сыщику и насмешливо ответил:

— Мой дом к вашим услугам, Иван Дмитриевич.

— Спасибо! Ваша роща мне так нравится... И эти огни... И эта чудесная дорога...

«Врешь!.. Не того добиваешься...» — донеслось до меня бормотание соседа-помещика Х.

Я поспешил сообщить это моему благородному другу.

— Смотри, Иван Дмитриевич, ты раскрыл карты.

Путилин, прислушиваясь к пению какой-то ночной птицы, как бы рассеянно ответил мне:

— Мы узнали друг друга.

— Как так? Ведь ты друг и родственник Х., он сам — помещик.

В друге и родственнике Х. он разгадал другого Путилина. Того Путилина, который до сих пор старался по мере сил и возможностей приносить пользу униженным, оскорбленным, истерзанным. Итак, борьба объявлена. Посмотрим, кто кого победит.

«Лесной царь». «Эй, ловчего сюда!»

Окутанный дымкой лесного тумана, стоит заповедный лес. Спит он своим заколдованным сном. Лишь изредка его сон нарушают резкие звуки... О, не шутите с ними: это особенные звуки, звуки ночи!.. Прокричит птица, раздастся шелест чьих-то огромных крыльев, кто-то как будто заплачет, кто-то засмеется...

*Ой-ты, Лада, Лада,
Заповедный лес!..*

Темнее тучи мчится Ехменьев к усадьбе:

«Кто выдал? Кто — проклятый? Этому — я бы кол осиновый в глотку забил! Учужал... разнюхал... Ведь он — не человек, а черт. Кто еще его борол?..» Хлещут ветки всадника Ехменьева, словно Авессалома, по лицу.

«Убью! Шкуру спущу. Только бы добиться, только бы вызнать!»

Гневен, лютен прискакал он к усадьбе.

А его, конечно, уже ждут. Уже стоят, выстроившись, те рабы — «худые людишки», которые под ударами плетей готовы целовать его загаженные стремяна. И он прошел в свой барский дом (ибо барство свое он почитал только по записи в шестую бархатную дворянскую книгу).

И когда он вошел, то крикнул:

— Эй, ловчего Сергуньку сюда!

Несколько минут прошло.

И вырос перед барином «холоп верный».

— Где жена? — заскрипел зубами Ехменьев.

— В опочивальне своей.

У Ехменьева было принято выражаться по-старинному с соблюдением стиля и колорита чуть ли не Домостроя.

— Скажи ей, туда иду. К ней. Пусть готовится. Меня жди!

А сам думушку думает.

«Неужели? Да неужели?»

Вот и она, эта красивая, большая спальня.

Навстречу Ехменьеву робко поднялась молодая красивая женщина, жена его.

С ненавистью во взоре встретила она грозного мужа-палача.

— Здороваться вам не угодно? — Говорит, а сам кривится от бешенства.

— Мы виделись уже с вами, — сухо ответила Ехменьева.

— Так-с... А вот спросить мне надо вас кое о чем.

— Пожалуйста, спрашивайте.

— Скажите, это вы изволили пожаловаться на меня знаменитому Путилину?

— Что такое?

— То, что слышите.

— Какому Путилину? Я даже не знаю, кто это такой.

— Будто бы? Так, стало быть, не вы? Вы никого не послали к нему в имение Х.?

— Вы или пьяны, или с ума сошли! — негодующе-гневно вырвалось у нее.

— Хорошо-с... Мы еще побеседуем с вами.

Лютый помещик вышел и прошел на свою половину.

— Сергунька! Меду стоялого, живо!

Любимый ловчий, как верный пес, зародовался.

Он знает, что если дело начинается с меду, то быть великой потехе-попойке.

И радуется этому лукавый, кровожадный раб, прошедший всю ехменьевскую науку, ох страшна она, эта наука!

— Слушай, Сергунька! Слушай меня внимательно. Надо нам с делом одним покончить.

— С каким-с?.. — рабски склоняется ловчий.

— Не догадываешься?.. А?..

Грозен голос, да и ответ страшен. Знает он,

о чем речь ведет Ехменьев... Ну, конечно, о барыне... Не в первый раз заводит об этом разговор он. А только жуть берет, робость, страх.

«Страшное, ведь, дело... И в ответе, случись что, ты первый будешь».

— Слушай же, Сергунька. Жил-был царь Иван Васильевич Грозный, — начал Ехменьев, хлебывая мед стоялый из золотого кубка. — И грозен он, правда, был, но и велик... Так вот, однажды, пришла ему на ум мысль: можно ли убить человека так, чтобы следов насильственности не было? Думал он, думал... Надоели ему обычные казни: и смола, и олово, и печь огненная... И придумал он особенную пытку... Запытаешь человека, умрет он, а следов никаких не видно.

— Какая же такая казнь, пытка эта? — спросил любимец помещика-палача.

— А удумай! Ну-ка?

Отрицательно покачал головой ловчий.

— Где же мне, глупому, задачу такую мудреную решить...

Задумался на секунду Ехменьев.

— Девок или баб наших, Сергунька, мно-

гих знаешь?

Усмехнулся противной, развращенной улыбкой Сергунька.

— Есть тот грех, благодетель...

— Кто из них чего особенно боится? Не знаешь?

Невдомек ловчему-любимцу, о чем спрашивает барин.

— К-ха, — усмехнулся он. — Мало ли чего они боятся.

— Ну, а...

И склонив свое барское лицо к лицу своего верного холопа, Ехменьев начал ему что-то подробно объяснять.

— Боятся?

— Ох, как еще, благодетель!..

— А кто особенно боится?

Хихикает опять ловчий, верный участник барских оргий.

— Да Варвара...

— Девка? Молодуха?

— Молодуха.

— Ну, так вот что, Сергунька: сегодня ночью мы устроим пробу. Понял?

— Как не понять...

— Доставь ее. Скажи, барин требует. Жалко тебе ее?

— Да я... Господи... для вас-то!

В доме Ехменьева есть одна заповедная комната. В этой комнате всегда происходили оргии. Это были такие попойки, от которых волосы становились дыбом. То, что проделывал тут Евграф Игнатьевич Ехменьев, превышало всякое вероятие. Но все это, под страхом смертельных мук, хранилось в глубокой тайне.

Сюда-то, в эту мрачную комнату-застенок должен был привести ловчий Сергунька Варвару.

Пошел он звать ее, а самого сомнение, тоска берут:

«Для чего это он Варвару зовет? Нешто интересна она ему? Про какую такую “пробу” диковинную говорил он сейчас?»

Взбеленилась Варвара, голосом взвыла:

— Злодей, злодей ты! К чему же ты сам-то меня на поругание ведешь к зверю нашему? Есть ли крест на вороту у тебя?

Неловко, нехорошо ловчему.

— Да ты, слышь, дура, не бойся. Он не тро-

нет тебя... Поспросить тебя о чем-то хочет.

И около часу ночи приволок ее насильно в знакомую ехменьевцам комнату.

Упиралась она, плакала, а «милый» ее — Сергунька — подталкивал:

— Говорю тебе, не бойся ничего! Дура!

— Зачем же тогда? Охо-хо-хо!

— А про то от барина узнаешь.

«Проба» лютого помещика. Объяснение с женой

В красной шелковой косоворотке сидит на высоком сафьяновом кресле зверь-человек. Ехменьев уже пьян.

— Ну, привел?

— Привел, благодетель.

Жарко в комнате барина. Так жарко, что дух спирает. А ему, барину, нипочем. Смеется, хохочет отвратительным смехом.

«Га! Меня перехитрить задумал, славный господин Путилин? Врешь, сыскная приказная строка! Я тебя перехитрю! Хитер ты, а я тебе нос утру!»

Бормочет, радуется.

— Помнишь план мой, указ, Сергунька?

— Помню.

Молчание.

— Скажи же мне, поклянись страшной вековечной клятвой: правда то, что ты видел, как супруга моя, Евдокия Николаевна, с братом управляющего моего целовалась?

Спрашивает, а у самого пена изо рта показывается.

— Правда.

— Видел?

— Видел.

— Клянешься?

И, встав с кресла, подошел к ловчему. Сгреб его рукой за шиворот, грудь ходуном ходит.

— Клянусь, батюшка-благодетель, Евграф Игнатьевич.

— Проклятая! Ну, так слушай, Сергунька: душу из нее измотаю, жилу по жиле вытяну... Нашел я «место» ее больное, хуже ножа острого будет. Эй, веди сюда Варвару, устрой ты мне над ней пробу. Озолочу!

— Неужто до смерти? А тогда...

— Ответа боишься? Разве меня не знаешь? Разве мало мы с тобой концов в воду схоронили?

И послышался глухой-глухой голос ловчего:

— За что бы... жалко... В чем провинилась...

— Ну, хорошо. Тебя любя, позволяю не до смерти. Пойми ты, важно мне проверку сделать.

Ловчий на минуту скрылся.

И вдруг, очень скоро, в загульной комнате появилась совершенно раздетая Варвара.

Ужас, страх кривит лицо красивой молодой.

— А ну-ка ее пыткой Ивана Грозного! — иступленно заревел Ехменьев. И даже в ладоши забил.

Бросился к Варваре ловчий Сергунька.

— Ай-ай! Что ты делаешь?! Ох, не могу, ох оставь!

Безумно страшный крик прокатился по жаркой комнате.

А что же делал ловчий Сергунька?

Да ничего страшного: просто щекотал бедную женщину.

— Так-так! Возьми ее под бока! Еще, еще! И послушный велению своего барина, раб про-

должал свою «заплечную» работу.

Сначала ему было неприятно, тяжело: ведь он любил эту молодую женщину. За что он ее мучает? Но мало-помалу зверь, проклятый, постыдный зверь, живущий в душе каждого палача, хотя бы и подневольного, стал просыпаться в этом детище тьмы, вековой российской власти тьмы.

Теперь он уже с остервенением истязал «особой» пыткой свою милую...

— Стой! Стой! Не вывернешься!

— Хорошенько ее, хорошенько!

Лицо Ехменьева выражало непередаваемое наслаждение.

— Ай! Ай! Господи! — дико вскрикивала несчастная пытаемая, стараясь вырваться из рук палача. — Сергей... ой, пусти!

Но Сергей ее не отпускал.

Он щекотал ее подмышки, бока. Один сплошной, непрекращающийся крик повис в комнате. Лицо молодой женщины посинело. Глаза почти вылезли из орбит, на губах проступила пена.

Теперь уже весь огромный ехменьевский дом наполнен криками:

— Спасите! Спасите!

Дрожит челядь. Бледнеет. Как ни привычна она к таким крикам, все же жуткость ее берет.

Кончилась «проба».

Полумертвым пластом, с еле заметными признаками жизни лежит Варвара.

— Молодец, Сергунька, хорошо сработал! — доволен зверь Ехменьев.

Пьяной, покачивающейся походкой отправился он к жене.

Дверь спальни заперта.

— Открой! — гневно крикнул он.

— Ни за что! — послышался ответ Евдокии Николаевны.

— Открой, говорю! Хуже будет! Эй, не дразни меня!

— Хуже того, что есть, не может быть изверг, палач.

Ехменьев начал ломиться в дверь, стараясь сорвать ее с петель. Но крепка дубовая дверь, не поддается.

— Ты, может быть, с любовником своим там милуешься? А? Которого целовала.

— Может быть...

— Убью!..

И опять бешеные удары в дверь.

— Знаю я тебя, тихоню. Богу молишься? За всех — великая заступница? А, чтоб тебя!

Выпитое в огромном количестве вино дало о себе знать: Ехменьев пошатнулся и грянулся тут же у дверей. Верный ловчий потащил его за ноги, как тушу.

А Евдокия Николаевна, действительно, молилась. Стоя на коленях перед образами, озаряемыми кротким сиянием лампад, вся в слезах, она шептала жаркие слова молитвы:

— Господи! Ты видишь мучения людей, поругаемых этим зверем... Ты всемогущ. Яви же свою великую милость, укроти его, спаси неповинных от лютости его... Страшно мне руки накладывать на себя, ибо грех это большой. Но если ты, Господи, не желаешь этого, прибери лучше меня!

И долго-долго молится горемычная жена лютого помещика. Скоро ли явится благодарный сон? Скоро ли он успокоит страдалицу?

Приятель «доносчика»

В то время, как происходило все это в барском доме, в крохотном «хуторке» крестьяни-

на-доносчика робко мигал огонек.

За столом рядом с «доносчиком» Бесчастным сидел высокий старик-крестьянин. Большая седая борода, загорелое лицо.

— Да неужто это вы взаправду, ваше превосходительство? — в глубоком удивлении восклицал Бесчастный.

— Как видишь, любезный Егор Тимофеич.

— Как же это так? Ведь личина-то другая?

Для темного хуторянина чудесное превращение Путилина казалось необъяснимой загадкой.

— В своем виде, как сам ты понимаешь, опасно было сюда прийти. Увидеть могут, ему донесут, и все дело пропало. Вот и одел личину, вырядился.

— Ловко! — тоном искреннего восхищения вырвалось у Бесчастного.

— Отчего же вы не жалуетесь на дикости и безобразия Ехменьева?

— Кому, ваше прев...

— Зови меня, Егор Тимофеич, просто Иваном Дмитриевичем, — хлопнул Путилин симпатичного хуторянина по плечу. — Длинно больно «превосходительство» выговаривать.

— Помилуйте-с, как можно-с...

— Прошу тебя. Слышишь? Так почему, говорю, не жаловались? Ты вот спрашиваешь: кому? Да начальству ближайшему.

— Эх, барин хороший.

Махнул рукой Бесчастный, досадливо, насмешливо.

— Начальству... Да что толку из этого выйдет, коли само начальство наше дружит с ним? Вместе в карты режутся, вместе попойки устраивают. Коли жалиться, одно только выйдет: и барин шкуру спустит, да и господа в кокардах в морду залезут.

— Не знаешь ты, Егор Тимофеич, за что он на жену свою так взъелся?

— Слышал... Бают, будто приревновал ее к брату управляющего. А только грех это. Не такая Евдокия Николаевна. Ангел, одно слово, святая барыня.

Путилин посмотрел на часы и встал.

— Что же, пойдем, Егор Тимофеич.

— Куда, барин хороший?

— Да туда, к барскому дому. Ты дорогу лучше знаешь. Проведи меня.

— А для чего-то?

— Хочу, голубчик, поближе все рассмотреть.

Они вышли.

Ночь была на редкость темная. Словно черным саваном окутала она ехменьевское имение. Идти пришлось недолго.

Скоро в ночной тьме засверкали огоньки помещичьего дома. И вдруг, один за другим, пронеслись в тишине ночи страшные, отчаянные крики.

Как вкопанные, остановились хуторянин и Путилин.

— Свят, свят, свят! Господи Иисусе! Слышите, барин?

Бесчастный в испуге даже схватил Путилина за руку.

— Слышу, голубчик. Это его, верно, работа?

— Его, проклятого... На ночной потехе забавляется.

— Изверг! Чудовище! О, с каким удовольствием я поймаю тебя! Идем!

— Ой, страшно, барин! — трясся Бесчастный.

Крики то затихали, до возобновлялись с прежней силой.

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Казалось, кричит человек, у которого вырывают все внутренности.

— Голос женский... Где происходят его «забавы», Егор Тимофеич?

— На половине его. Бают, в зале большом, со столовой рядом.

— Куда выходят окна этих комнат?

— В сад прямо, барин.

Они стояли около дома.

Послышалось грозное рычание собак.

— Вот это скверно! Собаки нам не на руку. Во-первых, разорвать могут, а во-вторых, переполох вызовут.

— Не беспокойтесь, барин хороший. Они, почитай, все меня знают, потому частенько приходится у Ирода бывать.

И Бесчастный тихо свистнул:

— Жучка! Барбос! Ралька!

С добродушным ворчанием подбежали огромные овчарки к своему знакомому, но недружелюбно посматривая на Путилина.

— Со мной не тронут...

— Сад караулят?

— Нет. Кто сюда придет? Всякий подальше

сторонится от лютого помещика.

Тихо крадучись шел садом Путилин, направляясь к окнам, из-за которых продолжали нестись дикие возгласы, хохот, крики.

Окно было невысоко от земли.

Путилин приподнялся, заглянул в него. Оно было занавешено шторой, но оставалась узкая полоска. Долго глядел в нее гениальный сыщик.

— Ужасно! — вырвалось у него. — Первый раз в моей жизни я вижу подобное скотское озверение.

Также тихо они пошли вон из сада.

У калитки Путилин остановился. Он был страшно взволнован.

— Скажи, Егор Тимофеич, как относится челядь к этому зверю?

— Как сказать, одни, конечно, ненавидят его, другие обожают, потому он в пьяном виде любимчикам деньги так и швыряет. Верховодит всем ловчий его любимый, Сергунька. Души не чает в нем Ирод проклятый.

— Но среди челяди есть же хоть кто-нибудь, кто любит, обожает барыню Евдокию Николаевну?

— Есть, барин. Девушка одна, сиротка, Наталья. Прислуживает она барыне, почитай, что молится на нее.

Путилин задумался на минуту.

— Ну, так слушай меня внимательно, Егор Тимофеич. — И он начал что-то подробно ему объяснять.

«Спасите меня!». Два врага обедают

Тихо в роскошно убранных комнатах лютого помещика. Он сам после безумно пьяной, дикой потехи спит мертвецким сном.

По коридору, уже освещенному светом утренней зари, тихо движутся две фигуры.

Одна из них — Путилин, другая — миловидная скромная девушка с бледным измученным лицом.

— Идите, ваше превосходительство, смелее, — звучит тихий, приятный голос.

— Половицы скрипят, голубушка.

— Не извольте тревожиться: никому этот шум не помешает. Зверь наш так крепко спит, что хоть в барабаны бей, до утра позднего не разбудишь.

Девушка подошла к массивной дубовой двери.

— Обождите здесь, барин, я к барыне пройду, упрежду ее.

— Хорошо, хорошо...

Прошло добрых минут десять.

— Пожалуйте-с! — прозвучал тихий шепот девушки.

Путилин вошел в спальню несчастной барыни Евдокии Николаевны.

Навстречу ему сделала несколько шагов жена лютого помещика. Испуг, страх, недоумение лежали на ее красивом лице, истомленном непрерывными нравственными муками. Одетая она была наскоро в капот.

— Простите, — смущенно пролепетала она.

— Госпожа Ехменьева?

— Да.

— А я Путилин. Вы бедная барынька, о таком не слыхали человеке?

— Нет... простите... Муж сегодня упоминал мне ваше имя.

— Что же он говорил?

— Он спрашивал, не я ли дала знать о том, что он творит здесь.

— Ага!.. Ну, так слушайте, я начальник Петербургской сыскной полиции, случайно очу-

тившийся по соседству с вашим именем. Судьбе было угодно дать мне много случаев раскрытия темных, мрачных дел. Я узнал о вашем муже-тиране от Егора Тимофеича. Знаете такого?

Светлая, хорошая улыбка озарила лицо мученицы.

— Ах, Егор Тимофеич?! Знаю, знаю его! Славный, добрый мужик.

— И узнав обо всем, я решил, счел своей нравственной обязанностью помочь вам, сударыня. То, что рассказывали мне о безумных выходках вашего мужа, то, наконец, что я видел собственными глазами...

— Вы? Видели собственными глазами? Как же так? Каким образом вы могли видеть это?

— Я здесь уже около двух часов. Я видел в окне, что проделывал ваш муж.

Ехменьева закрыла лицо руками.

Она плакала, нудно, тяжело.

— Господи, Господи! Будет ли предел его жестокости? — И вдруг она, эта красивая, милая женщина-барыня грохнулась на колени перед Путилиным.

— Спасите меня от этого зверя! Спасите и

многих других!

Растроганный, взволнованный Путилин бросился ее поднимать.

— Все усилия употребляю. Успокойтесь, голубушка... Бедная вы моя! Давайте говорить теперь о деле.

Преданная служанка Наталья утирала глаза передником.

— Вы предполагаете возможность покушения с его стороны на вашу жизнь?

— О, да! Он чуть не ежедневно твердит мне, что я ему опостылела святостью своей, что он убьет меня.

— Я слышал, что одной из причин является ревность? — Румянец залил щеки молодой женщины.

— Это гнусная клевета, клянусь вам, господин Путилин! — Сколько скорби, негодования, оскорбленного самолюбия зазвенело в голосе барыни Евдокии Николаевны!

— О, я вам верю, мое бедное дитя! Вы простите, что я вас так называю, я в отцы вам го- жусь.

Путилин нервно потер руки.

— Извольте видеть: то, что я видел сейчас

в окне, не дает мне еще права арестовать вашего мужа. Хотя все это глубоко возмутительно, но... но это могут отнести к категории «невинных дворянско-помещичьих шалостей». Поэтому мне нужны более веские улики. Таковой могло бы служить его реальное, фактическое покушение на вашу жизнь.

Евдокия Николаевна побледнела.

— О! Что вы говорите? Ведь он тогда убьет меня. Вы не знаете его.

Путилин ласково взял ее за руку.

— Дитя мое, барынька моя хорошая, неужели вы думаете, что я, Путилин, поведу вас на убой? Доверьтесь мне. Повторяю, нам надо нанести ему решительный удар, а для этого необходимо вызвать с его стороны решительные меры, иначе он выскользнет из наших рук. Слушайте же внимательно, что вы должны делать. Прежде всего спрятать меня. Вы должны дать мне какой-нибудь укромный уголок, хотя бы вроде чуланчика, куда бы никто не мог проникнуть. Найдется?

— Милая барыня, да вот рядом со спальней маленькая гардеробная ваша, — вмешалась Наташа.

— Вот, вот, отлично! — улыбнулся Путилин.

— А потом? — посмелела Евдокия Николаевна.

— А потом... у вас есть коленкор, красный кумач?

Удивление все больше и больше овладевало двумя женщинами.

— Есть.

— Видите ли, я приехал налегке, не захватив ровно ничего из своего «багажа сыскного отдела». Так вы мне соорудите мантию, длинную, с капюшоном, а посередине, на груди — крест из кумача изобразите. Понимаете?

— Понимаю.

Говорит бедная барыня Евдокия Николаевна, а саму трясоти начинает со страху.

— Сегодня к вечерку я наведаюсь к вам.

— Как же вы попадете, добрый, дорогой господин Путилин?

С тревогой смотрят на гениального сыщика глаза бедной Евдокии Николаевны.

— Не беспокойтесь, попаду. А вы вот что, главное, помните: вы должны всячески раздражать, приводить в ярость вашего супруга.

— Зачем?

И опять смертельный страх в голосе молодой красавицы.

— Это уже мое дело. Старайтесь вызвать его на припадок того бешенства, которым он страдает. Лучше, если это случится при мне, чем без меня. Тогда ведь вас ничто не спасет. Знаете ли вы, что я предвижу, от какой смерти вы можете умереть?

— Где ты был, Иван Дмитриевич? — спросил я моего великого друга, когда, вдруг, неожиданно, около девяти часов утра он появился предо мной в барской усадьбе X.

Путилин молчал.

Лицо его хмурое, утомленное.

— Я всю ночь беспокоился за тебя. Куда, думаю, девался ты?

— А я сейчас тоже спать хочу, доктор. Оставьте меня в покое.

Путилин, действительно, скоро заснул глубоким, свинцовым сном.

Он проспал почти до обеда. Но к обеду вышел бодрый, с какой-то бесстрастно загадочной улыбкой на лице.

Обед был роскошный, один из тех былых

дворянских обедов, которые прожрали все разноцветные «выкупные». Дворянство тогда, впрочем, еще не терялось: впереди ведь вырисовывался во всем сверкающем блеск ослепительный золотой дворянский банк, этот могущественный оплот одряхлевших в разврате и пьянстве российских патрициев.

К обеду к Х. приехал и Евграф Игнатьевич Ехменьев.

При виде Путилина его опять передернуло.

— Вы плохо выглядите, господин Ехменьев, — за шампанским обратился Путилин к лютому помещику.

— Чем-с, ваше превосходительство?

— У вас глаза что-то полны кровью.

— А-а... Я плохо провел эту ночь... Бессонницей страдаю.

— Я тоже сегодня плохо спал, — начал Путилин, не сводя сверкающего взора с лица Ехменьева. — Всю ночь гулял. А скажите, пожалуйста, кто это у вас в усадьбе так дико кричит? Сегодняшней ночью я слышал ужасные крики.

Путилин задал вопрос быстро, по-своему. Лицо Ехменьева искривилось насмешливой

улыбкой.

— Ах, вы и это изволили слышать, ваше превосходительство?

— Как видите.

— Так вас интересует, кто кричал? А это, извольте видеть, один из моих слуг частенько учит уму-разуму свою жену. Она — почти гулящая баба, имеет нескольких обожателей. Как ни бьется с ней бедняга, никак не может выбить из нее эту дурь. Своего рода Мессалина моей усадьбы.

— Как поживает супруга ваша, Евграф Игнатьевич? — обратились Х. к своему соседу. Лицо Ехменьева стало грустным-грустным.

— Очень плохо. За последнее время с ней стали делаться ужасные припадки сердца. Завтра я хочу пригласить докторов, созвать консилиум. У ней и прежде были задатки грудной жабы, теперь, по-видимому, болезнь стала прогрессировать. Я боюсь рокового исхода.

— Так вот, господин Ехменьев, мой приятель ведь доктор, — иронически проговорил Путилин. — Отчего бы вам не воспользоваться его советом?

Я молча поклонился в сторону лютого помещика.

— Ах, в самом деле, вот счастливый случай! — воскликнул Ехменьев. — Вы не откажетесь?

— О, с удовольствием! Это моя обязанность!

— Так завтра. Можете?

— А отчего не сегодня? — спросил Путилин. — Раз вы так беспокоитесь...

— Видите ли, ваше превосходительство, супруга моя просила сегодня ее не тревожить. Я предлагал послать нарочного за доктором, но она ответила, что это ее расстроит, что она хочет отдохнуть после припадка, который с ней случился третьего дня.

Путилин выразительно посмотрел на меня и ответил:

— Вы правы, нервно больных не следует насиловать. Это их больше раздражает.

Обед окончился.

Последнее совещание. Привидение

Опять, как и вчера, темнее тучи черной приехал в свою усадьбу поздно вечером Евграф Игнатьевич, лютый помещик.

— Ох, этот дьявол, этот Путилин! Чую я в глазах его недоброе. Точит он когти на меня, ох, точит.

Тоска, злоба грызут его.

И опять перед ним появился любимый ловчий Сергунька.

— Пей!

И сам протянул, своей собственной дворянской ручкой, холопу верному огромную чару вина.

Болят у того с тяжелого похмелья голова. Обрадовался холоп, духом выпил чару и к ручке барской припал.

— Ну, слушай, Сергунька, сегодняшней ночью опять пробу будем делать.

— С Варварой?

— Нет, не с Варварой, а с той, кто побольше ее этого боится.

— Кто же это, господин милостивый?

— Жена моя, Евдокия Николаевна. Хочется мне ее пощекотать, да такой щекоткой, чтобы она... — Ехменьев, с налитыми кровью глазами, понизив голос, добавил: — Чтобы она больше не мешала мне. Понял, Сергунька?

Грузно подошел Ехменьев к денежному

шкафу, вынул из него кипу бумажек и протянул своему развратному наперснику.

— На, держи. Вперед за дело плачу.

Шумит в голове Сергуньки, выпитое вино на старые дрожжи попало. Еще пуще вчерашнего охмелел он, а хмель его всегда несла с собой ярость, хорошо вспоенную его великолепным барином.

— Когда же?

— Да вот, когда все уляжется, успокоится. Часов около двух ночи. Ступай пока!

— А... коли кричать начнет? Вроде как Варвара...

— Не будет. Все, все, Сергунька, удумал я. А только обязательно сегодня дело надо окончить, потому что дьявол стережет меня. Сегодня не сделаем — никогда не сделаем.

Ушел Сергунька.

Ехменьев пришел к жене.

— Что тебе надо, пьяное чудовище? — вызывающе спросила его Евдокия Николаевна.

Стоит, сама белее полотна, а глаза горят злобой, ненавистью.

— Ого! Со мной, со *мною* так разговаривать изволите?

— Да с тобой! Ты думаешь, я тебя боюсь?
Ни капельки!

— И... и с любовником своим целоваться
опять будете?

Побагровел весь в лице лютый помещик.

— Буду. При тебе буду! Я ненавижу тебя, ты
гадок, мне, а он, Васенька, мил, любезен сердцу
моему.

Рев дикого зверя пронесся по комнате Евдокии Николаевны.

Ехменьев бросился на жену со сжатыми
кулаками.

— Постылая! Проклятая! Убью! — Хоть и
бледнеет все пуще и пуще Евдокия Николаевна,
а сама злобно, вызываяще хохочет.

— Не боюсь! Не боюсь! Изверг пьяный, изверг!

Ехменьев вдруг преодолел свой безумный
гнев.

— Хорошо... хорошо-с. Мы... мы сведем наши
счета! — прохрипел он и вышел из комнаты жены.

Было около полуночи. Тяжело ему. Спать
хочется. Голова, наполненная винными парами,
клонится к мягкой пуховой подушке.

И заснул зверь-человек.

Это был хотя и свинцовый сон, но полный кошмарных видений.

Снится, грезится ему, что он идет по озеру. А озеро-то все из крови. Пенится, хлещет и жалобно стонет кровавое озеро. Страшно ему. Почему вместо воды кровь? Откуда она взялась? Все выше и выше поднимаются кровавые волны, грозя его захлестнуть...

И вдруг на пурпурно-красной поверхности озера начинают появляться фигуры. Одна, другая, третья... Изможденные лица, все в крови. Перебитые руки, рассеченные спины плетьюми дворянскими, записанными в шестую дворянскую бархатную книгу. И протягивают руки эти мученики к нему и скорбно-скорбно говорят:

— За что ты нас мучил? Что мы сделали тебе худого, изверг?

Ужас охватывает то, что называется у Ехменьева душой. Волосы становятся дыбом.

— Пустите! Дьяволы! Пустите!

И, весь облитый холодным потом, вскочил Ехменьев.

Вскочил — и затрясся: перед ним стояло

белое привидение. Белая мантия, длинная-длинная. Большой красный крест на груди.

Сомлел лютый помещик. Хочет перекреститься — пьяная рука не подымается.

А голос, таинственно чудный, гремит ему:

— Покайся, нечестивец! Покайся, пока не поздно! Дашь ли ты мне клятву в том, что не будешь больше мучить, пытаться горемычных бедняков?

— Кто... кто ты? — в смертельном ужасе лепечет Ехменьев.

— Я — кровь замученных тобой. Я — совесть твоя. Во мне все муки, все страдания бедных рабов тьмы.

Широко раскрыты глаза Ехменьева. А страшный призрак все удаляется, удаляется...

И исчез.

С полчаса сидел лютый помещик как оглушенный. Потом вдруг вскочил, словно зверь разъяренный:

— Сергунька!! Эй! Сюда!

И когда тот предстал перед ним, хрипло бросил ему:

— Дьявольское искушение. Пора теперь.

Идем.

Мертвенно тихо было в старопомещичьем доме. Слышно было, как скребутся мыши, как тикают часы.

Пытка Ивана Грозного. Арест лютого помещика

Страшно Евдокии Николаевне.

Хоть и хочется ей, мучительно хочется верить в то, что этот неведомый, загадочный Путилин спасет ее, а все же страх холодной змеей заползает ей в душу.

— Защити, спаси, помилуй! — молится она.

Шаги... что это? Как будто не один он идет. Кто же с ним может быть?

С ужасом уставилась она на дверь.

В дверях стоял Ехменьев, а за ним — ловчий Сергунька.

— Что это значит? Как вы смеете приводить ко мне в спальню ваших слуг?

Гневом загорелись глаза бедной женщины. О страхе даже забыла.

А муж-зверь все ближе и ближе подходит к ней.

— Зачем ловчего к тебе привел? Сейчас

узнаешь. Молись! Настал твой последний час. И умрешь ты такой смертью, что тайна ее никем не будет разведена.

— Ты с ума сошел, зверь?! Ты — пьян. Поди, проспись.

Ехменьев мигнул пьяному ловчему.

Миг — и тот бросился на свою госпожу. Только теперь, когда она очутилась в сильных, потных лапах челядинца, Евдокия Николаевна поняла, что ей, действительно, готовится что-то страшное, роковое.

Она громко жалобно закричала:

— Спасите! Боже мой, за что? За что?

— За измену, проклятая!

— Богом клянусь, не изменяла тебе я!

— Вали ее на кровать! Да держи рот, дьявол, чтоб она не кричала!

Грязная рука зверя-ловчего зажала рот барыне. О, этого еще не приходилось испытывать холую! И он совсем осатанел.

Он бросил ее на кровать грубо, с наслаждением.

— На полотенца! Вяжи ее, руки и ноги привязывай к кровати!

Лицо Ехменьева было страшно.

В смертельном ужасе билась Евдокия Николаевна. Но что она могла сделать с двумя негодьями?

— Начинай!

И ловчий начал ее щекотать.

Безумно страшный крик пронесся по спальне. Так кричала и та горемычная Варвара, над которой Ехменьев сделал пробу пытки Ивана Грозного.

— На смерть ее! Слышишь, на смерть! — иступленно выкрикивал он.

— Стойте, подлецы! Ни с места! — раздался громовой голос.

Испуганный крик Ехменьева и ловчего был ответом на него.

В страхе и ужасе обернулись они и... остолбенели: в дверях с револьвером в руке стоял Путилин.

— Ого! За пытку Иоанна Грозного принялись? Стало быть, никаких следов? Правильно! Кто от щекотки умрет, знаков насилия иметь не будет. Ловко придумали! Но только Путилину иногда удается и такие дьявольские махинации разрушать.

Первым опомнился Ехменьев.

С перекошенным от бешенства лицом рванулся он к своему врагу.

— Выглядел?

— Выглядел.

— Дьявол! Не человек, а черт!

— Спасибо на добром слове, господин Ехменьев, а только ручки позвольте: в кандалы вот ручки заковать следует.

Быстрым движением Путилин разрезал путы несчастной Евдокии Николаевны, находившейся в глубоком обмороке.

Ехменьев был багровый.

— Как вы смеете касаться моей жены?

— Если ваш ловчий позволяет себе это, то я полагаю, что мне сам Бог простит.

Ловчий Сергунька стоял окаменелый.

— Бери его! Ну? — крикнул Ехменьев, указывая на Путилина. — Кончай его.

— Браво! Вот это еще больший козырь в моих руках! Я полагал, что вы, господин Ехменьев, окажетесь остроумнее.

Путилин быстро подскочил к портъере и отдернул ее.

— Прошу вас, господа. Теперь вы поверите, быть может, что у вас под носом живет насто-

ящий преступник. Вы, надеюсь, слышали все? Вы видели все?

В спальню несчастной Ехменьевой входили власти города Н-ска.

— Именем закона я прошу вас арестовать помещика Евграфа Игнатьевича Ехменьева по обвинению в предумышленном покушении на ее убийство.

— Это... это клевета!.. — заревел от бешенства лютый помещик.

— Извините, господин Ехменьев, ни о какой клевете не может быть и речи. Мы сами, помимо господин Путилина, все слышали, все видели.

Арест богатейшего лютого помещика произвел необычайную сенсацию во всей Н-ской губернии.

Было назначено секретное расследование, результатом которого явились «раскрепощение» жены тирана и отдача последнего под опеку и надзор полиции.

В когтях одесских демонов

Таинственная контора Л. Копельмана

На одной из центральных одесских улиц над подъездом каменного дома красовалась скромная вывеска:

«Комиссионерная контора Л. Копельмана»

Какие функции, какие комиссии выполняла эта контора, — никто доподлинно не знал.

Те, которые поднимались по лестнице этого дома, видели, что в контору звонили молодые люди, больше все — семитического типа, одетые со щегольством дурного тона, а также и какие-то толстые дамы, «в шелках и бархатах», увешенные чудовищно толстыми цепочками и браслетами.

«Что они там делают?» — проносилась порой в чьей-нибудь голове любопытная мысль.

Но так как контора вела себя изумительно тихо и благородно, то скоро на нее махнули рукой, и она перестала интересовать местных аборигенов.

Контора состояла всего из двух комнат, обставленных почти убого: несколько столов, покрытых черной клеенкой, широкий диван,

венские стулья, счета на крючках стенных, висячие лампы.

Вот и все убранство копельмановского помещения. В первой комнате шел взволнованный разговор между толстым, полулысым господином с черными, выкрашенными усами и двумя юркими молодыми людьми. Первый был Копельман, вторые — его агенты. Лицо Копельмана было красно, озлобленно.

— Это уже себе безобразие! — кричал он с сильным еврейским акцентом.

— Но чем мы виноваты?

— Тем, что столько времени ни черта не делаете!

— Когда не удастся... Ну, что же поделаешь тогда?

Копельман даже затопал ногами.

— А деньги брать умеете? Каждую неделю вы требуете авансы, а сами...

— Извиняйте нас, Лазарь Борухович, эти авансы идут ведь в счет платы.

— Еще бы я вам дарить деньги стал! — злобно расхохотался владелец таинственной конторы. — А вы думаете легко деньги вперед авансами давать? Откуда я буду их брать, ко-

ли нет оборота? Вы только все сосете Лазаря Боруховича, а Лазарь Борухович совсем без денег сидит!

— Ну, положим... — усмехнулся один из агентов.

Копельман побагровел:

— Что? Вы считали у меня деньги в кармане?

— А отчего бы и не знать их, господин Копельман? До нас доходят слухи, за сколько вы продаете то, что мы добываем.

Копельман несколько смутился, осекся:

— А много-ли чего хорошего вы добыли за последнее время? Ведь это все товар второго, даже третьего сорта.

— Ну, положим, — вмешался второй агент, повторяя восклицание своего приятеля, — товар третьего сорта не идет туда, куда вы сбыли наш.

— Довольно! Ша! О чем вы галдите? — сдался Копельман. — Давайте лучше о деле говорить. — Они сели на диван у круглого стола. — Я получил заказ из Константинополя. Надо как можно скорее его выполнить, иначе он попадет в другие руки. Вы знаете са-

ми, что Финкельштейн объявил нам конкуренцию. Или вы лучше ему хотите работать?

Агенты промолчали, но выразительно переглянулись:

— Но товар должен быть самого высокого качества. О! Он пойдет в такое высокое место!

Копельман почтительно поднял указательный палец, унизанный перстнями, вверх:

— К-ха! Что это должен быть за товар! Вы имеете что на примете? — и он выжидательно уставился отвратительными круглыми глазами на молодых людей.

— Есть.

— Да, можно постараться раздобыть, — подтвердил и другой агент.

Глаза содержателя конторы засверкали:

— О! И это правда? Вы даете ваше честное слово?

— Ну, ну, можно и без клятв дело делать. Только вы должны знать, Лазарь Борухович, что для этого потребуются деньги на расходы.

Лицо Копельмана скривилось:

— Деньги! Деньги! Вы только об этом и говорите! Фу! Вы сначала дело сделайте, а по-

том о деньгах будем обсуждать.

Агенты цинично-откровенно свистнули и рассмеялись.

— Тогда поздно будет, господин Копельман. Мы друг друга знаем. А, впрочем, если вам не угодно, мы станем обращаться к Финкельштейну. Ему как раз такой товар надо...

Копельман заскрипел зубами.

Имя его конкурента всегда приводило его в бешенство.

— Сколько?

— Рублей триста.

— Что? — Копельман вскочил.

— То, что вы слышите.

— Но извините себе, это денной разбой!

— Будто бы, Лазарь Борухович? Вам триста жалко? А сколько вы от Сахиниди получили вчера?

Копельман трагическим жестом схватился за свою круглую, полуплешивую голову:

— Двести!

— Триста, и ни копейки меньше!

— Ай-вай-вай! — жалобно простонал владелец конторы, вытаскивая толстый засаленный бумажник:

— А если не удастся?

— Тогда мы или вернем деньги, или сочтемся на другом товаре. Но мы думаем, что все удастся.

Похищение девушки

Шумно, нарядно, красиво на городском одесском бульваре, откуда открывается такой прелестный вид на море, раскинувшееся необозримой пеленой.

Сюда собирается вся Одесса подышать воздухом моря, послушать оркестровую музыку, показать наряды, пофлиртовать.

В то время Одесса, эта черноморская красавица, особенно изобиловала разноплеменностью. Гортанный говор, чуждый жаргон так и висели в воздухе.

Было около девяти часов вечера. Бульвар кишел публикой.

— Какой дивный вечер!

— Чудесный!

— Не правда ли, Женя, ты не раскаиваешься, что отправилась сюда?

Разговор происходил между двумя девушками-подругами: одна была дурнушка, другая, которую звали Женей, — поразительная

красавица.

Взоры мужчин с восхищением останавливались на прелестном лице девушки, на ее фигуре, роскошно развившейся под солнцем благодатного юга.

— Какая красавица! — неся ей вслед восторженный шепот.

— Кто это? — спрашивали флаперы друг друга.

Некоторые отвечали незнанием, но были и такие, которые называли ее Евгенией Петровной Назимовой, дочерью весьма почтенных, состоятельных родителей.

Красавица девушка, мило и скромно одетая, чувствовала себя неловко под перекрестными взглядами любующихся ею мужчин.

— Пойдем, Сонечка, домой... Довольно гулять, — обратилась она к подруге. Та запротестовала:

— Как, так скоро?!

— Неловко... Мы — одни.

— Велика беда! Авось нас не съедят.

Однако Назимова настояла, и обе подруги пошли к выходу с бульвара.

В ту секунду, когда они поравнялись с вы-

ходом, к ним поспешно подошел господин, безукоризненно одетый, в золотых очках. По-видимому, он был несколько взволнован.

— Простите, сударыня, вы — Евгения Петровна Назимова? — обратился он к красавице девушке, почтительно снимая цилиндр.

Обе подруги испуганно отстранились.

— Что вам угодно? — дрожащим голосом спросила Назимова.

— Ради бога, сударыня, не волнуйтесь и не принимайте меня за уличного фланера-нахала. Я послан за вами.

— Вы? За мной?

Обе подруги глядели широко раскрытыми глазами на странного господина.

— Да. Я за вами.

— Кем же? Что это значит? Кто вы?

— Я послан вашей матушкой. Я — доктор и хороший знакомый вашего батюшки. С вашим отцом сейчас случился удар. Оставив около него своего коллегу, я бросился вас разыскивать. Нас ожидает карета. Торопитесь.

Назимова смертельно побледнела.

— Господи... да не может быть... с папой

удар?

— Да, да. Скорее, скорее!

Он взял под руку обезумевшую от испуга и горя девушку.

Подъехала карета.

— И я с вами. Можно? — взволнованно спросила доктора подруга Назимовой.

— Ради бога, не задерживайте, мадемуазель. Дорога каждая секунда! — властно проговорил незнакомец, быстро вскакивая в карету и резко отстраняя ее.

— Пошел! — крикнул он кучеру.

Подруга Назимовой — ее фамилия была Уконина — бросилась на фэзтоне в дом Назимовых, очень любивших ее. Ее немного удивило, что у подъезда не было кареты, в которой та уехала с доктором.

— Неужели я приехала раньше их? — прошептала она.

Лишь только открылась дверь, Уконина поспешно спросила горничную:

— Ну как? Лучше или хуже?

Та удивленно посмотрела на подругу своей барышни.

— Вы насчет чего это, Софья Николаевна?

— Жив?

Горничная захлопала глазами.

Уконина, махнув рукой, быстро пошла в комнаты.

«Совсем, видно, потеряли голову», — подумала она.

— А где же Женя?

Перед Укониной стояла сама Назимова — симпатичная, еще не старая женщина.

— Разве она не приехала еще?

— Нет. Да вы ведь вместе решили вернуться, Сонечка?

Назимова была совершенно спокойна, даже улыбалась милой, доброй улыбкой.

— Женечка поехала в карете с доктором, а я вскоре за ними, на фаэтоне.

Сильное удивление появилось на лице почтенной женщины:

— Что такое? С доктором? В карете? С каким доктором?

— Как с каким доктором?! Да с тем, которого вы послали отыскивать ее.

— Я? Я послала доктора? Да что с вами, Сонечка? Вы — здоровы, детка?

— Я-то здорова, а вот Петр Иванович как?

Лучше ему? Жив?

Во все глаза глядит Назимова на подругу своей дочери.

— Да бог с вами, что вы говорите! Я ничего не понимаю. При чем муж мой тут?

— Да ведь с ним удар!

Назимова побледнела.

— Что? Удар? Какой удар? С кем?

— Да с Петром Ивановичем.

— Знаете что, детка, вы захворали, у вас бред. Петр Иванович, пойдика сюда! — громко позвала мужа Назимова.

На пороге кабинета выросла фигура Назимова.

— Что случилось? — добродушно смеялся он.

Уконину зашатало. Она вскрикнула и смертельно побледнела.

— Вы живы, здоровы?

— Разберись ты в этой путанице, Петя, я ровно ничего не понимаю. Сонечка, кажется, сошла с ума.

Тогда Сонечка Уконина, дрожащая, взволнованная, начала рассказывать о том, что случилось сейчас там, на бульваре.

По мере того как она рассказывала, испуг, страх, изумление стали появляться на лицах четы Назимовых.

— И она села в карету?

— Да, да, и поехала... Я думала, она уже здесь...

— Господи, что же это значит? — мать за-
ломила в отчаянии руки.

Лицо Назимова сделалось багровым.

— Это... это значит, что нашу дорогую дочь похитили! — хрипло вырвалось у него.

— Похитили? Кто? Зачем? — пролепетала,
близкая к обмороку, Назимова.

— Оставайтесь здесь, около нее! — обратился Назимов к Укониной. — Я еду сейчас к вла-
стям... Здесь кроется какое-то страшное пре-
ступление. Великий Боже, за что Ты покарал
меня такой лютой казнью! Женечку мою, доч-
ку мою дорогую, украли!

В голосе бедного Назимова слышалось по-
давленное рыдание.

На следующий день вся Одесса была полна
слухами, толками, пересудами о пропаже
единственной дочери-красавицы Назимовых.

Весть о похищении с быстротой молнии

распространилась по городу, поражая одних своей дерзостью, других таинственностью, загадочностью.

— Ведь вы подумайте только, в девять часов вечера, у бульвара, набитого публикой...

— Это поразительно!

— А если тут того... роман замешан?

— Какой роман?

— Хе-хе-хе! Какие бывают романтические приключения с хорошенькими барышнями? Сами знаете.

— Вздор! Мадемуазель Назимова — барышня хорошего общества, умница, серьезная.

— Э-э, батенька, черти водятся именно в тихом омуте... Вы-то сообразите, как это так барышня рискнет сесть в карету с незнакомым ей господином? Ясно, что тут замешана какая-нибудь любовная история.

Так шумела экспансивная, южная, одесская толпа.

Высшие власти Одессы, принявшие горячее участие в горе, постигшем почтенного Назимова, подняли на ноги всю наружную и сыскную полицию.

Прошло два энергичных, тщательных ро-

зыскных дня, не давших, увы, никакого положительного результата. Тогда-то вот к моему знаменитому другу Путилину полетела срочная депеша от властей и от Назимова, в которой его умоляли немедленно приехать в Одессу для раскрытия этого загадочного происшествия.

«Еду. Прекратите все розыски. Путилин», — так ответил великий сыщик.

Через несколько часов по получении приглажительной телеграммы мы мчались экстренным поездом в Одессу.

Путилин в Одессе. Письмо от Евгении Назимовой

Не доезжая нескольких станций до Одессы, я проснулся, отлично выспавшись.

Проснулся, протер глаза и — и немало удивился, в купе, которое мы занимали, Путилина не было, но зато вместо него сидел неведомый мне пассажир.

Это был щеголеватый господин, так и сверкающий массой драгоценностей: перстнями на всех пальцах, булавкой с огромным солитером, толстой золотой цепью с бриллиантовыми жетонами.

Наружность изобличала в нем еврея.

Я обратился к нему:

— Простите, милостивый государь, но это купе занято. Оно принадлежит мне и моему другу.

— Вы извините меня, — с сильным акцентом ответил с неба свалившийся пассажир. — Прежде всего оно принадлежит железной дороге.

Он вызывающе и как-то пренебрежительно поглядел на меня.

Этот ответ, а главное тон его, взорвали меня.

— Должен заметить вам, милостивый государь, что ваше замечание далеко не остроумно, раз мы откупили купе, стало быть, до места следования оно наше.

— И чье же, наше?

— Еще раз повторяю: мое и моего друга.

— А где же ваш друг?

— Это не ваше дело! — отрезал я.

— Нет, позволяйте извинить меня, это мое дело; может быть, вы просто едете один и желаете занимать все купе.

— Но у нас есть билеты! — закричал я, вы-

веденный из себя подобным нахальством.

— Так потрудитесь показать их мне, тогда я уйду! — взвизгнул и он.

Я полез в дорожную сумку, но тут же вспомнил, что купе у нас по особому сертификату и что таковой, конечно, находится у Путилина.

«Куда делся Иван Дмитриевич? — с досадой и тревогой подумал я, гневно выходя из купе. — Надо его отыскать».

Уборная-умывальня была пуста. Я осмотрел весь вагон, Путилина не было.

В злобе вернулся я в наше купе. Вошел — и затрясся от бешенства: на моем диване, на моих вещах лежал, развалясь, бесцеремонный «шикарный» господин!

— Милостивый государь! Как вы смее-те?! — рванулся я к нему.

— Тише, тише, доктор, а то ты, того гляди, прибьешь меня.

Я остолбенел. Что это? Да ведь это голос моего знаменитого друга!

— Ты?

— Я, — он тихо рассмеялся. — Я очень доволен, доктор, что первая проба оказалась удач-

ной.

— Но зачем, Иван Дмитриевич, этот поразительный маскарад сейчас, теперь?

Путилин усмехнулся.

— Ты, по обыкновению, очень наивен. Раз мне приходится иметь дело с такими ловкачами, как одесситы, то... то надо держать ухо остро. Можешь ли ты быть уверен, что они не пронюхали о приглашении меня? Что они не поджидают каждого поезда, дабы удостовериться в моем приезде? Хорош же я буду, выйдя из вагона в своем собственном виде! Друг мой, тебе должно быть известно, что я не люблю давать излишнего оружия в руки моим противникам.

О да, я это знал!

Путилин, помолчав, вновь обратился ко мне:

— Весьма возможно, доктор, что меня будут встречать не только одесские пираты и бандиты, но и кто-нибудь из представителей власти. Мы поступим так: я пройду мимо них как простой пассажир, а ты — тебя никто не знает — подойди к тому или тем, на кого я укажу тебе глазами, и незаметно толкни и

шепни: «Путилин уже приехал. Следуйте в управление сыскной полиции!»

Хрипло дыша, ввел паровоз поезд в дебаркадер вокзала. Путилин вышел первым.

Быстрым орлиным взором охватил он публику, стоящую на перроне вокзала.

Кого тут только не было! Как колоссально трудно было разобраться в этой пестрой, шумливой толпе!

— Прямо к этому... высокому полковнику... — донеслось до меня еле слышное приказание великого сыщика.

Он, вручив свой чемодан носильщику, громко, с великолепным еврейским акцентом, сказал ему:

— Пожалуйста, в самую лучшую гостиницу!

И какой-то особенной походкой пошел за носильщиком.

Я заметил, что какие-то молодые люди с жадным вниманием всматриваются во всех выходящих из вагонов первого и второго класса пассажиров.

Я направился к лицу, указанному мне моим другом и, проходя мимо него, как бы

невзначай толкнул его:

— Pardon... простите! — громко сказал я, а затем, еле слышно, добавил: — Путилин приехал... прошел... следуйте за мной... — Полковник вздрогнул.

— Кто вы? — в тон ответил он мне.

— Друг его... доктор Х.

— А-а...

Через полчаса в служебном кабинете одного из местных властей, а именно начальника одесской сыскной полиции, собрались многие должностные лица.

По адресу Путилина неслись восторженные комплименты.

— Ловко это вы, ваше превосходительство, устроили! Всем нам нос утерли; мы вас прозевали, не заметили!

— Благодарю вас, господа, за любезную встречу, но такая помпезность совсем не входила в мои планы. Давайте приступим к делу.

Коллега начал посвящать знаменитого гастролера во все перепитии загадочного исчезновения.

— Мы сделали то-то... мы направили розыски в таком направлении...

— Отлично. Чудесно. Превосходно! — повторял Путилин. — А не могу ли я увидеть сейчас отца похищенной девушки, господин Назимов?

— Я уже распорядился об этом, Иван Дмитриевич.

— Bravo, коллега, вы — чародей!

Действительно, вскоре, минут через двадцать, в кабинет, наполненный одесскими гражданскими властями, вошел Назимов. Вид его был крайне понурый, удрученный.

— Его превосходительство, начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин, — представили ему моего знаменитого друга.

Назимов горячо пожал ему руку.

— Как мне благодарить вас! Но... но...

Сильное волнение сдавливало его горло.

— Но горю моему теперь даже вы не можете помочь.

— Как?

— Что такое?

Путилин пристально поглядел на убитого горем отца.

— Почему вы думаете, что я не смогу по-

мочь вам, господин Назимов? Вы сомневаетесь в моих способностях?

Назимов жестом отчаяния схватился за голову.

— Ах, не то, не то! Разве я осмелился бы выразить вам, богу русского сыска, свое недоверие?

— Так в чем же дело?

Какая-то глухая борьба происходила в старике.

— Я... я думал это оставить в тайне, так как мне страшно больно разглашать то, что случилось, но теперь, видя ваше доброе, горячее участие, я не считаю себя вправе скрыть от вас происшедшее.

— Да в чем же дело? — нетерпеливо вырвалось у Путилина.

— Дело в том, что я совершенно напрасно побеспокоил вас всех, господа, и в особенности вас, глубокоуважаемый господин Путилин. Дочь моя вовсе не похищена.

— Как? — вырвался у всех изумленный возглас.

— Я получил от нее письмо.

— Вы получили письмо от вашей дочери?

— Да.

Начальник одесской сыскной полиции торжествующе поглядел на жандармского полковника.

— Что я вам говорил? Не был я прав? — тихо прошептал он тому на ухо.

— Н-да... — развел тот руками.

— Вы можете мне показать, господин Назимов, это письмо? — твердо произнес Путилин.

— Я даже обязан это сделать. Я так виноват перед вами, что обеспокоил вас, ваше превосходительство.

Назимов трясущимися руками вынул из бумажника письмо и подал его великому сыщику.

— Вы позволите прочесть его вслух? — обратился Путилин к несчастному отцу.

— Делайте, что хотите! — с отчаянием махнул рукой Назимов.

Нервы его сдали.

Он глухо зарыдал, трясая седой головой, бесильно опустился на широкий кожаный диван.

Я присутствовал при этой сцене, и я счел

своей обязанностью врача оказать медицинскую помощь Назимову.

— Итак, господа, прошу вас выслушать письмо, — раздался бесстрастный голос Путилина.

И он начал читать:

«Мои дорогие папа и мама! Простите меня за тот обман, который я разыграла перед вами, и знайте, что на самом деле я вовсе не похищена, а увезена по доброй воле. У меня не хватило смелости признаться вам в том, что я полюбила человека, за которого, я знаю, вы не согласились бы отдать меня замуж. Наши же отношения зашли так далеко, что брак необходим. Сию минуту я не рискую явиться к вам; под влиянием остроты момента вы навряд ли отнесетесь ко мне с великодушным милосердием. Пишу вам для того, чтобы успокоить вас, что я жива, здорова, день и ночь думаю о вас и о том моменте, когда вы простите вашу нежно вас любящую дочь. Я приду к вам, дорогие папа и мама, через несколько месяцев. Примете ли вы тогда вашу Женю, которая невольно причинила вам столько тревог, волнений? Я счастлива: я полюбила хоро-

шего человека, с которым и пойду вместе, рука об руку, по жизненному пути и вскоре упаду к вашим ногам. Ваша Женя».

Все были поражены.

— Вот оно что! — в раздумьи протянул жандармский полковник. — Самый обыкновенный случай увлечения молодости.

— М-да, — слышались разочарованные голоса. Назимов, правда тише, но все еще рыдал.

— Так что, наше вмешательство теперь излишне? Или вам угодно продолжать все-таки поиски вашей дочери? — спросил отца начальник одесской сыскной полиции.

Старик сокрушенно махнул рукой.

— Что уж теперь искать? Все равно дело сделано. Господи, стыд-то, позор какой! Осрамила, ославила! Мог ли я думать, что она, моя Женечка, выкинет такую штуку?

Путилин внимательно рассматривал письмо беглянки.

— Вы убеждены, что это почерк вашей дочери? — вдруг быстро, неожиданно задал он вопрос Назимову.

— Да. Ее, ее почерк.

— Вы твердо в этом уверены?

— Мне ли не знать почерка дочери моей? — уныло ответил Назимов.

— У вас нет ли с собой чего-либо, написанного ею, кроме этого письма?

— Да вот, дорогой господин Путилин, ее поздравление, когда она уезжала в Москву.

Путилин так же пристально стал разглядывать розовый листок бумаги.

— Да, да, это почерк вашей дочери. Ну, что делать, я прокатился, кажется, зря в Одессу. Это первый случай в моей практике. Во всяком случае, я очень рад, что дело не носит кровавого характера. Могло быть хуже. Прощайте, господа!

Все бросились к Путилину.

— Вы уже собираетесь уезжать, ваше превосходительство? Вы бы хоть отдохнули. Ах, боже мой, такой необыкновенный случай, зря обеспокоили вас...

— Ничего, ничего, господа... — ответил великий сыщик.

Назимов со слезами на глазах благодарил и извинялся...

Мы приехали в «Европейскую» гостиницу,

где остановился Путилин.

— Не правда ли, доктор, мы сыграли дурака?

— Ты-то тут при чем, Иван Дмитриевич?.. Обидно, конечно... Когда же мы едем?

— Да сегодняшнюю ночь надо провести еще здесь. Признаться, устал я изрядно, путь от Петербурга до Одессы не ближний.

Утомленный, я прилег на оттоманку и задремал. Когда я очнулся от сладкой дремоты, Путилина в номере не было. «Великолепный» наряд еврейского джентльмена лежал на кресле; чемодан был раскрыт. Валялись краски, гримировальные карандаши.

В «веселом» доме. Новый агент господина Копельмана

Как потом оказалось, Путилин, переодевшись и загримировавшись, оставил меня спящего и вышел из гостиницы.

Одесса еще и не думала о сне.

Город заграничного типа любил вечернюю и даже ночную жизнь.

Когда знаменитый сыщик очутился на широком тротуаре нарядной улицы, он невольно задал себе вопрос:

— Ну-с, что же теперь делать? Предо мной огромный город, который я к тому же и не знаю. В этом городе я хочу отыскать исчезнувшую девушку. В руках у меня никаких следов, за исключением письма. Отступить?

Эта мысль привела Путилина в бешенство.

Отступить! Ему, который еще никогда не пасовал, придется бросить карты и прекратить игру?

«Но ведь это чистое безумие! Найти немыслимо. Помощи от одесских коллег ждать нечего. Уезжай, уезжай!» — шептал ему таинственный голос.

— А моя «кривая»? А что если я не ошибся? — Путилин нанял фаэтон и велел везти себя в порт. Там он побывал в главной пароходной конторе. Несмотря на вечерний час его карточка возымела действие, и он получил все необходимые ему сведения.

— Так что на этих днях в Константинополь пароход не отправлялся?

— Нет.

— А когда будет отправка?

— Завтра в три часа дня.

— Благодарю вас.

Путилин сел в фаэтон и обратился к кучеру:

— Скажи, любезный, какой у вас самый дорогой, самый шикарный веселый дом?

Извозчик, подумав, ответил:

— Вези меня туда. Ты подождешь меня, я тебе щедро заплачу.

С чувством глубокого отвращения, а вместе с тем и искренней жалости к горемычным обитательницам притона, входил туда Путилин.

«Что делать, мы, как и доктора, обязаны для пользы дела входить всюду...» — шептал он про себя.

Чтобы не показаться «подозрительным», ему пришлось притвориться пьяным.

— Шампанского! — слегка заплетающимся языком отдал он приказ нарядной, но отвратительной мегере. Засуетились все.

— Кажется, «гость» — богатый и важный, — слышался шепот.

И вскоре благороднейший сыщик сидел в комнатке с розовым фонарем и беседовал с милостивой, но сильно накрашенной барышней.

— Скажите, как вы попали сюда? Как, вообще, вербуются новенькие в это печальное место?

Путилин вынул пятьдесят рублей и подал девушке.

— Возьмите себе на конфеты за то, что поболтаете со мной. Я — очень любознательный человек.

Барышня обрадовалась.

— Да как попадаем? Некоторые сами являются, других по большей части доставляют скупщики живого товара, комиссионеры. Они продают нас хозяйке.

— Кто эти комиссионеры?

— Разные есть. Большею частью — евреи.

— Но вы вот, например, через кого попали сюда?

Тоска и злоба засветилась в глазах девушки.

— Тоже через одного такого... подлеца...

— Вас обманули?

— Да. Место обещали. Поверила, дура, польстилась на жалованье большое и попала сюда. Год уже скоро. А уж отсюда, известно, не вырвешься.

— Много таких поставщиков?

— Мелкие — те агенты у своих хозяев, а самих-то главных — двое.

— Кто же они?

— Копельман и Финкельштейн.

— Вы через кого же угодили?

— Копельман сосватал, — злобно вырвалось у девушки. — У него контора своя есть, агенты его шныряют и ловят таких дур, как мы.

— Адрес его знаете, барышня?

— Да вы для чего это меня все расспрашиваете?

Путилин задумался на секунду.

— Отомстить одному из таких хочу. Кровопийцы они, людоеды.

Барышня так и загорелась.

— Да ну? Правда?

— Правда.

— Миленький, отомстите! Много они нашей сестры испортили...

— На Н-скую! — отдал приказ Путилин вознице.

Не доезжая нескольких домов до угла, Путилин вышел из фаэтона и пошел пешком.

«Коммиссионерная контора Л. Копельмана», — прочел он вывеску.

На секунду великий сыщик задумался. Потом решительно вошел в подъезд и позвонил у дверей, на которых была дощечка конторы.

Прошло несколько секунд безмолвия.

Путилин позвонил вторично.

— Кто там? — послышался из-за двери голос.

— Насчет товара! — спокойно ответил Путилин.

— Какого товара?

— Я не могу кричать на всю лестницу. Отворите, не беспокойтесь.

Путилин говорил с сильным польским акцентом, которым владел в совершенстве.

Дверь отворилась.

Путилин быстро вошел в комнату конторы.

Владелец ее — это был Копельман — испуганно отстранился, тревожно пытливо оглядывая посетителя своими круглыми глазами.

— Что вам нужно? Кто вы?

— Вы — пан Копельман?

— Ну, я. А вы кто?

— Станислав Иосифович Добржанский, из Варшавы. Польщен честью сделать знакомство с уважаемым паном Копельман.

— А вы откуда меня знаете? — все еще недоверчиво спросил Копельман.

Путилин-Добржанский рассмеялся высоким, сладким смехом.

— Хе-хе хе! Вы думаете, мы не знаем в Варшаве, что в Одессе есть такой господин Копельман? О, мы следим за теми, кто нам нужен, прошу пана верить!

При слове «следим» смертельная бледность покрыла багровые щеки еврея-коммиссионера.

— След... следите? А почему, зачем вы следите за мной?

Голос его дрожал.

И опять послышался веселый смех «Добржанского из Варшавы».

— Да потому, что мы работаем на одном деле, хе-хе-хе!

Вздых облегчения вырвался из груди Копельмана.

— Вы... вы говорите правду?

— Прошу верить, я никогда не лгу.

— Вы продаете этот товар? Вы можете поклясться?

— Як Бога кохам, я добываю товар! [17]

Копельман, видимо, успокоился.

— Что же угодно пану Добржанскому от Копельмана? — задал он вопрос.

Путилин усмехнулся.

— Пан Копельман не догадывается?

— Нет.

— Сделать дело, или, как у нас в Варшаве говорят, «сбыть с рук».

— Кого?

— Одну знатную девушку, попавшуюся нам на удочку.

Копельман хитро прищурился на своего посетителя.

— А позволяйте мне спросить вас: почему вы сами не можете, не знаете, куда надо «сбыть с рук»?

Ни один мускул не дрогнул на лице Путилина.

— Потому, что я не имею еще прочных заказов, а про вас я слышал, что у вас, пан Копельман, большой рынок. Я могу переуступить товар вам.

— О, у нас его много!

— Но не такого.

— А где его можно видеть?

— В Варшаве. Или я сам его доставлю сюда.

Копельман задумался.

Путилин впился огненным взором в лицо продавца живого товара.

— А кто такая?

— Красавица, як Бога кохам... Рода аристократического. Образованная...

— Сколько же пан желает за доставку «с ручательством».

— Сочтемся после... Пока одно могу сказать вам, господин Копельман: сделаем союз и будем вместе работать. Честное слово, мне не хотелось бы иметь дело с Финкельштейном.

— Что? Вы и его знаете?

— Знаю.

— Так отчего же вы не идете к нему?

— Мне говорили, что вы больше платите. — Самодовольная улыбка расплылась по лицу владельца комиссионерной конторы.

— Пк-ха! Я думаю тоже так.

— Но есть один вопрос, господин Копель-

ман. Куда мы спрячем мой товар? Я прошу верить, пойду начистоту говорить. В Варшаве у нас гостит Путилин. Ему донесли, что существует контора «Добржанский, Писнячевский и К°». Этот дьявол-москаль точит зубы на нас. А вы слышали, что он непобедим в розысках-сыске. Я вот только потому и обратился к вам, что жаль, очень жаль, если такой ценный товар пропадет.

Копельман жирно расхохотался.

— Я вижу, пан Добржанский сомневается в Копельмане?

— А то есть правда, вдруг да и вы не сумеете сбыть.

— О, от меня не вырвешься! — продолжал Копельман.

— Верное место? — спросил Путилин.

— Я думаю.

— Что же, тогда по рукам? — вставая сказал великий сыщик.

— Привозите.

— А куда? Сюда к вам в контору?

Копельман даже руками замахал.

— Ай, что вы, что вы, вы извините, с ума сошли! Разве можно сюда привозить? За

мною и так следят. А она кричать начнет? Что тогда делать?

Путилин сделал глупое лицо.

— Прошу извинить меня, так куда же?

— А вы, извините меня, где изволили остановиться?

— Я только что с поезда, — улыбнулся Путилин.

— Так мы вот как сделаем. Вы завтра пожалуйста ко мне.

— После трех часов дня?

Великий сыщик заметил, как вздрогнул владелец комиссионерной конторы.

— Почему после трех?

И впился взглядом в глаза Путилина.

— Прошу верить, я до трех занят, — галантно поклонился Путилин.

— А-а... Да, пожалуйста до меня после трех. Тогда мы будем иметь обсуждение, я назначу вам, куда можно доставить ваш товар.

Путилин раскланялся и вышел из комиссионерной конторы.

Но выйдя, недалеко отошел от дома знаменитого одесского дьявола.

Совещание одесских демонов. Жертва

вечерняя

По роскошной лестнице особняка, небольшого, уютного, почти бегом вбежал Копельман.

Он позвонил, и когда дверь открылась, ураганом влетел в нарядно убранную квартиру.

— Где баронесса? Баронесса где? — Экономка баронессы, худощавая, злющая дева, в испуге отпрянула.

— Что с вами, господин Копельман? Можно подумать, что за вами гонится вся нечистая сила.

— Розалия Абрамовна! Розалия Абрамовна! — пронесся по передней яростный вопль Копельмана.

На пороге гостиной появилась толстая фигура баронессы.

— Что вы кричите, Копельман?

— Тсс! Ша! — трагически простер обе руки первый одесский комиссионер. — Скорее на самое важное заседание!

— Зачем заседание? — удивилась баронесса.

Копельман затопал ногами.

— Не разговаривать! Не смейте мне прекословить!

В комнате, убранной с вопиющей к порядочному тону роскошью, началось заседание.

Баронесса, рыхлая, испуганная, сидела в кресле. Против нее поместился Копельман, по бокам неведомые субъекты (их было трое) мужского пола.

— Что такое? Что случилось?

Копельман отер пот со лба и после паузы начал:

— Случилось то, что я сейчас говорил с дьяволом.

Крик испуга и удивления пронесся по «шикарной» гостиной.

— С дьяволом? Что за шутки в ночное время, Копельман?

Удар кулаком по столу был ответом.

— И что вы на меня смотрите, как на помещанного?! Я вам говорю, что я говорил с дьяволом!

Лица всех заседающих одесских демонов побледнели.

— Знаете ли вы, кто у меня сейчас был?

— Кто-о?

— Шпион. Пусть дети мои не увидят солнца, если я говорю неправду! О, хитрый змей! О, ящерица, заползающая под камень добродетели!

— Какой шпион?

— Такой, какого еще Одесса не знала. Слушайте, мы узнали, что по делу этому... ну-ну... вызвали Путилина.

— Путилина? — вздрогнули заседающие.

— Да. Вы знаете, что такое Путилин?

— О-о!

Это «о-о!» было красноречивее всяких объяснений. Копельман начал рассказывать почтенному собранию о странном посещении «пана Добржанского».

— И вы что думаете? — слышались испуганные вопросы.

— Я думаю, что этот Добржанский — есть Путилин.

Если бы бомба разорвалась здесь, это не произвело бы большего эффекта.

— Что? Как?

— Путилин, проклятый Путилин был у вас, Копельман?

— Я, может быть, и ошибаюсь... Но... нам

надо сейчас же принять меры. Что делает наша «аристократка»?

— Черт бы ее побрал! — гневно воскликнула баронесса. — Она не дает нам ни минуты покоя. Кричит, плачет, бьется, как щука о миску.

— Разве вы не пробовали ее успокоить каплями Фрейденберга?

— Нельзя же ее захлебнуть, когда она — такой дорогой товар! — продолжала баронесса.

— Во всяком случае, ее надо укротить и сейчас же вывезти отсюда. Я боюсь, ох боюсь, этого пана Добржанского!

— Так ведь завтра отходит пароход...

— Завтра! Завтра! А если сегодня у нас вырвут жертву? Во-первых, мы потеряем заработок, а потом мы попадемся с поличным.

— Где Гельман?

— Он уже здесь.

— Вы ему говорили, что он должен загипнотизировать девчонку, чтобы она спокойно под вуалью вошла завтра на пароход, отправляющийся в Константинополь?

— О, он все знает! Гельман!.. У Гельмана такая сила.

— Так надо это сделать сейчас. Слышите? Сейчас! Только вместо парохода мы ее пока перевезем в другое место. Надо замести следы. Идемте к ней.

В комнате, тонувшей в полумраке, слышался безумно нудный плач. На кровати, заломив в отчаянии руки, билась девушка поразительной красоты.

Когда Копельман, баронесса Розалия Абрамовна и Гельман вошли в комнату, первый обратился к заключенной:

— Ай-ай, вы все плачете, милая барышня?

Девушка, точно под действием электрического тока, вскочила с кровати. Она была полуодета: корсаж был снят, она была в корсете:

— Что вы со мной делаете? Выпустите меня отсюда!

— Начинайте! — тихо шепнул Копельман Гельману. — Вы должны внушить ей, чтобы она сию минуту поехала со мной. Она должна беспрекословно повиноваться моей воле.

Баронесса выразительно и зло поглядела на Копельмана:

— Я боюсь, Копельман, что вы комедию строите. Не забывайте, вы не заплатили мне

мою комиссионную долю.

— Вы — дура-баба! — гневно ответил Копельман. — Тут надо шкуру свою спасти от когтей черта, а она о деньгах говорит!

— Спи! — прозвучал резкий, гортанный возглас. Гельман с распростертыми руками подходил к девушке: — Спи! Ты должна спать!

— Ай! Оставьте меня! Я не хочу... Господи, пошли мне лучше смерть!

Девушка в смертельной тоске заметалась по комнате. Дорогу, когда она хотела подбежать к окну или двери, ей преграждали или Копельман, или баронесса.

— Куда? Куда, девица, стремишься?

А голос Гельмана звучит все резче, повелительнее:

— Я вам приказываю: спать!

Обезумела девушка.

Резкий крик молодого черного человека проникает во все ее существо.

— Спи! И помни, что ты сейчас идешь за твоим другом, который приведет тебя в твой отчий дом. И увидишь ты отца своего, мать свою.

— Правда? Правда? Вы не обманываете меня? — радостным воплем вырывается у девушки.

— Да, да. Не шевелись... Стой... Спи! — Руки черномазого простерлись над головой измученной, истомленной девушки.

— Я не хочу спать! Ах, что вы со мной делаете!

Резкий, страшно сильный звонок прокатился по квартире баронессы.

Вздрогнули, замерли палачи — одесские демоны. Бледнота ужаса проступила на их ланитах.

— Что это? Кто это? — дрожащим голосом спросила баронесса.

Копельмана затрясло мелкой мелкой дрожью.

— А если... а если, — заикнулся он.

Гельман бросил производить свои гипнотизерские пассы и застыл на месте.

Это была жестокая живая картина.

Вдруг с новой, еще удвоенной силой, прогремел звонок.

Тогда охваченные безумной паникой, каким-то ледяным, скрытым ужасом, Копель-

ман, баронесса и гипнотизер Гельман бросились вон из комнаты узницы.

— Где звонят?! — захлебнулся Копельман.

— На парадной...

— Не открывать! — крикнул Гельман.

Произошло полное смятение.

— Что делать? Да что же делать? — Экономка баронессы тщетно добивалась ответа.

— Бежать?

И опять этот страшный звонок.

— Ни звука, Назимова, ни шороха! Я вас спасу! Я — Путилин.

Девушка, еле стоящая на ногах, едва была в состоянии подавить крик ужаса.

— Кто вы?

— Я, говорю вам, Путилин. Я начальник сысской полиции. Вы попали в лапы дьявольских замыслов. Слушайте: если вас сейчас повлекут отсюда, идите смело. Я — около вас.

— Звонят! Опять звонят!

Наступило состояние того патологического аффекта, какой иногда, и очень часто, властно овладевает преступниками.

Ноги приросли к земле. Руки — не действу-

ют... Смертельный страх парализует все задерживающие центры головного мозга.

— Дзинь-дзинь-дзинь!.. — гремит звонок.

— Э! — прозвучал отчаянный крик Копельмана. — Узнаем, что такое! Все равно, если мы попались — выхода нет. Они не дураки, а в особенности он: выходы все заняты.

Копельман открыл дверь — и попятился: на лестнице никого не было.

— Никого! — вырвался у него подавленный вопль.

И то обстоятельство, что на лестнице никого не было, устрашило его более, чем если бы там находилась рать сыскных агентов.

— Уж не сходим ли мы с ума? — с вздрагивающим смехом обратился белый, как полотно, Копельман к своим сообщникам.

Он захлопнул дверь. Теперь бешенство овладело Копельманом.

— Злой дух, злой дух нас преследует! Тащите эту проклятую девицу!

Из соседней комнаты вышвырнули в залу бедную девушку.

В ту минуту, когда она подошла к двери, где ее ожидал Копельман, из-за дверей «плен-

ной» комнаты загремел голос Путилина:

— Попались, голубчики!

Гельмана давно уже не было: при звонках он удрал неизвестно куда.

Баронесса протяжно, жалобно закричала. Экономка замерла в позе отчаяния.

Копельман прирос к роялю.

Зверем кинулся Путилин к группе.

— Ну-с, господин Копельман, довольны ли вы моим добыванием вашего товара?

Дуло револьвера Путилина значительно поблескивало в руках гениального сыщика.

— Путилин?

— Я-с, господин Копельман. Мне пришлось спасти одного честного еврея, Губермана от подлой клеветы на него. Но такого негодяя, как вы, я не пощажу.

— Ваши ручки? О, как они хорошо умеют подделывать письма!

Копельман не шевелился. Он только хлопал глазами.

— Проклятие... проклятие на вашу голову... Ой!

Путилин стянул ручные браслетки.

В залу вертепа баронессы входили городо-

вые.

Путилин усадил в карету дрожащую де-вушку.

— К родителям, детка?

Женя Назимова плакала истеричными сле-зами.

— Боже... как мне благодарить вас.

— Впрочем, детка, вы позволите мне сна-чала заехать с вами «по начальству»?

— Ах, сделайте, что хотите... Дурно мне, скверно.

В сыскном отделении шло заседание по во-просу о путилинском приезде, решили, как почтить приезд знаменитого сыщика, оказав-шегося не у дел.

— Ведь это неловко, господа, он еще не уехал, я справлялся у доктора. Доктор страшно взволнован исчезновением своего славно-го друга. Надо бы ужин ему устроить отваль-ный.

— Верно, полковник. Он оказал нам честь своим посещением.

Вдруг шум, движение по коридору одесско-го сыскного управления.

— Что там? Что это за шум? — вскочил

жандармский полковник.

Распахнулась дверь.

На пороге стоял Путилин, поддерживая правой рукой Евгению Назимову.

— Здравствуйте, господа! Вы не ожидали моего возвращения сюда? Теперь ведь глубокая ночь... Отчего вы здесь?

— А-а-ах! — прокатился изумленный возглас присутствующих.

Все вскочили, как один человек.

— Вот вам Евгения Петровна Назимова. Оказывается, я приехал не зря, господа.

Взрыв восторженных восклицаний, таких, которых никогда еще не знала Одесская сыскная полиция, потряс комнату.

— Что? Да быть не может? Да кто же вы, наконец?

Путилин был бесстрастен.

— Скорее вызвать отца и моего доктора! Девушка нуждается в медицинской помощи.

Одесский коллега подошел к Путилину и низко ему поклонился.

— Вы великий человек, Иван Дмитриевич!

— «Кривая» вывезла, — усмехнулся гениальнейший сыщик. — Представьте, коллега,

все до удивительности просто. Надо только знать, с чего начать.

— Ура! Путилину ура! — загремело одесское сыскное отделение.

Путилин хмурился. Он не любил столь шумно демонстративных чествований его исключительного дарования.

— Вот вам ваша дочь, господин Назимов. Доктор, отвези мадемуазель Назимову в дом ее родителей.

Я во все глаза глядел на моего друга.

— Господин Путилин!.. Господи! — шептал обезумевший от радости Назимов.

Путилин вынул часы.

— И ровно через час отходит наш поезд. Торопись, доктор.

Триумф Путилина был колоссальный.

Одесса несколько дней бредила этим замечательным человеком.

Тьма Египетская

Страшный день для семьи миллионера Когана

Да, этот день, такой солнечный, ликующий, был самым страшным днем для миллионера Когана и его почтенной семьи.

А разве мало черных дней выпадало на его долю? О, много! Он видел горе, слезы своих единоплеменников во время двух погромов, когда еврейские дома падали, словно карточные, под бешеными ударами разъяренной черни. Он пережил момент, когда все его крупное состояние висело на волоске, благодаря двум безумно рискованным предприятиям, чуть-чуть не сделавшим его нищим.

Он... да мало ли еще каких лихолетий приходилось испытывать Вениамину Лазаревичу Когану?

И однако он сильный, предприимчивый, с железной силой воли, никогда не терялся так, как растерялся сегодня, и никогда не испытывал такого леденящего душу ужаса.

Что же такое случилось с Коганом, какая страшная беда свалилась на его голову, чуть-

чуть посеребренную сединой?

В роскошном кабинете перед Вениамином Лазаревичем стояла его младшая дочь Рахиль, семнадцатилетняя девушка. Две другие дочери были уже несколько лет замужем за очень дельными, состоятельными правоверными евреями.

Редкой красотой обладала Рахиль.

Это была классически точеная красота, которой мы любуемся на картинах древних мастеров, изобразивших во всем блеске «божественно прекрасные» черты великого Востока.

«Роза Ливана», «Пальма Кедронского потока», «Звезда Иерусалима» — так величали Рахиль безумно влюбленные в нее родители и сородичи.

И как странно было видеть эту античную фигуру на фоне мелкой, буднично пошлой, буржуазно-еврейской жизни небольшого губернского города М.

Ожившая старинная гравюра на улицах с изрытой мостовой, с огромными лужами грязи, в которой мирно-буколически купались провинциальные свиньи.

Коган стоял перед дочерью с бледным, перекошенным лицом.

— Что? Что ты говоришь? Что ты сказала?

— Ты уже слышал, отец.

— Ты... ты решилась даже помыслить об этом?

— Да.

— Ты — моя дочь, дочь честного, любящего и исполняющего свою религию еврея, ты — Рахиль Коган — решаешься изменить веру твоих отцов?

Девушка, стоявшая с опущенной головкой, подняла ее и посмотрела отцу прямо в глаза.

— Я думаю, что у всех людей, у всех народов существовал и существует один Бог.

— Как? — отскочил от дочери Коган.

— Так, отец. Это страшное заблуждение, извечное проклятие над человечеством, что оно делит божество на религии, касты.

Божество — общее для всех и всего сокровище. Оно — источник справедливости, любви, милосердия, правды, красоты. Разве язычник, идолопоклонник не так же прославляет красоту и мощь, развитую в природе, как прославляет ее еврей, чтущий своего Иегову, или

христианин, прославляющий своего Христа? Небо — одно, солнце — одно, цветы — одни, желания и помыслы людей — одни и те же. Зачем же эти перегородки между людьми, искусственно ими созданные?

Стареющий еврей-миллионер схватился за голову.

— Это... это тебя в вашей проклятой гимназии учили? — Рахиль отрицательно покачала головой.

— О, пусть трижды будет проклят тот день, когда, поддавшись на твои упрашивания, я отдал тебя туда! Это там развратили твою душу, привив ей свой христианский яд!

— Ты ошибаешься, ничему подобному там нас не учили. Нас там учили научным предметам. Мы там не философствовали на религиозно-богословские темы.

Коган привлек к себе дочь.

Какой отеческой любовью загорелись его глаза!

— Рахиль, ты — мое любимое дитя. Ты — самое для меня дорогое в жизни. Ты посмотри, ты вникни, чем сильны мы, почему мы еще держимся и представляем из себя круп-

ную силу. Мы — живы Иеговой, мы сильны своей сплоченностью, мы — несчастный, горимый, но избранный народ. Ты помнишь, Рахиль, великий завет нашего Бога: «И будешь ты, Израиль, царить над всеми народами, потому что ты — мой избранный народ, потому что с тобою и над тобою — Я, Бог твой, Иегова. И склоню я перед тобою все племена и все народы, и ослепятся глаза их пред блеском сияния Израиля. Я являл тебе чудеса милости моей, я подвергал тебя испытаниям, дабы лучше закрепить тебя в вере моей, поднять дух твой».

— Это проповедь не божества, а его искажателей. Бог сотворил мир не для нас одних, а для всех, кто хочет склоняться к общему божеству. Оставим этот разговор, отец, ты меня не переубедишь.

Грустно, но твердо звучал голос девушки-еврейки. Тогда краска гнева бросилась в лицо оскорбленному в лучших своих чувствах отцу-еврею.

— О, горе мне, горе мне! Такое поношение я должен слышать из уст моей дочери! Для чего же ты, несчастная, захотела изменить

вере предков своих?

И впился тревожно-выжидательным взором в лицо дочери.

А самого так и трясет.

«Не пропусти, Боже, не пропусти услышать еще более страшное», — бьет мозг испуганная мысль.

— Я перехожу в христианство, во-первых, потому, что мне более нравятся догмы его учения, а, во-вторых, потому, что я полюбила православного русского и хочу выйти за него замуж.

Яростный вопль прокатился по кабинету.

— А-а, негодница, я так и думал, я так и думал! — Страшным сделалось лицо почтенного Вениамина Когана.

— Как ты осмелилась?

— Что это, полюбить-то? Разве любовь, честная, хорошая — такое страшное преступление?

— Но кого ты полюбила?!

— Повторяю тебе — русского.

— Молчи! Молчи! О, зачем ты, Господи, не поразил меня глухотой? Зачем ты, великий Бог Израиля, караешь меня своей десницей?

Коган заметался, как раненый зверь, по кабинету.

— А-а, проклятые, я узнаю вашу подпольную работу! Вы хотите подкопаться под Израиль, вы хотите расшатать наши вековые устои! Будьте вы прокляты, будьте вы трижды прокляты! Вы все взяли у нас: наше царство, наше могущество; вы заставили нас скитаться, подобно бродячим псам, по лицу всей земли; вы издеваетесь над нами, вы плюете нам прямо в лицо. Теперь вам показалось этого мало; вы хотите красть наших жен, дочерей! О, Иегова, Ты карающий, как ты не испепелишь нечестивцев?

Разъяренным зверем бросился Коган к дочери.

— Кто он? Кто он?

Рахиль, бледная, но решительная, слегка отшатнулась от отца.

— Я не назову тебе его имени.

— Почему? — затопал в бешенстве ногами отец.

— Потому что наш бог — Адонай — есть бог гнева и мести. Вы все станете мстить тому человеку, которого я любила, а ваша

месть... о, я слышала про нее, страшна, беспощадна!

Коган был близок к апоплексическому удару.

— А-а-а... м-м-м, — хрипло вырывалось у него.

— Отец, мой милый отец, — начала красивым, контральным голосом девушка, делая шаг к отцу. — Успокойся... Подумай хорошенько, ну что тут такого страшного? Ты — такой умный, образованный — неужели ты готов идти за темной, невежественной толпой? Отрешись от этих старых предрассудков... Ты любишь меня?

— О! — стоном вырвалось у пораженного горем отца.

Он опустил свою седеющую голову на руки.

Как вздрагивали эти руки, доселе не знавшие трепета!

— Так неужели тебе, папа, не дорого мое счастье? Неужели тебе дороже мнения и пересуды, чем счастье твоей Рахили? Ах, папа, папа!

Она хотела обнять за шею своего отца, но

тот, отшвырнув ее, вскочил:

— Не подходи ко мне! Такая дочь не может дотронуться до меня своими руками. А-а! Ты говоришь: предрассудки? По-твоему переход в иную веру — предрассудок? Почему же этот... ну как его? — не хочет перейти в иудейство?

Рахиль пожала плечами.

— Потому, что русский закон карает за это. Какой же он будет муж мой, если он сделается преступником? Нам надо тогда бежать из России.

— А знаешь ли ты, как *они* глядят на вероотступников? Кто, как не они сами, выдумали поговорку: жид крещеный, что вор прощенный. Что же, и ты хочешь получать в лицо подобное оскорбление? Но, клянусь святой Торой, этого не будет! Я лучше задушу тебя своими руками, чем отдам в лапы врагам нашего народа.

— Я убегу, отец, — сверкнула глазами девушка.

— Посмотрим! — захлебнулся от гнева Коган.

Вскоре вся семья миллионера узнала о

страшной новости. Дом Когана наполнился плачем, воем, причитаниями. Мать застыла, замерла. С бабушкой сделался легкий паралич. Братья Рахили злобно сжимали кулаки.

Необычайные гости из М. у Путилина

«Дмитрий Николаевич Быстрицкий, преподаватель М-й женской гимназии», — прочел Путилин на поданной ему дежурным агентом визитной карточке.

— Он хочет меня видеть, Жеребцов?

— Да, ваше превосходительство. Говорит, по крайне важному делу.

— Что же, попросите его, голубчик.

— Кажется, пахнет опять гастролью, Иван Дмитриевич? — спросил я моего славного друга.

— О, как ты любишь забегать вперед, доктор! — тихо рассмеялся он.

В кабинет нервной, торопливой походкой вошел высокий суровый молодой господин.

Он был очень красив. Густые волнистые белокурые волосы были зачесаны назад. Прекрасная курчавая бородка. Большие выразительные синие глаза. Чрезвычайно правильные черты лица.

После краткого представления Путилин предложил посетителю кресло, задал стереотипный вопрос:

— Чем могу служить вам, господин Быстрицкий?

Тот нервно потер руки.

— Я к вам прямо из М., ваше превосходительство. У меня... со мной случилось несчастье: два дня тому назад у меня была похищена... вообще пропала моя невеста. Обезумев от горя, я бросился к вам... Ради бога...

Волнение посетителя усиливалось все более и более под холодным, пристальным взглядом удивительных глаз великого сыщика.

— Виноват, вы изволили употребить два выражения: «была похищена» и «пропала». На каком из этих двух заявлений вам угодно остановиться? — спросил Путилин.

— Я, право, сам еще не знаю... ничего не понимаю...

— Вы немного успокойтесь, не угодно ли воды? Ну-с, прежде всего вы мне скажите: кто ваша невеста?

— Рахиль Вениаминовна Коган.

— Рахиль Коган? Как же еврейка может быть вашей невестой? Вы ведь православный?

— Да.

— Так стало быть, она — выкрестка?

— Нет. Пока еще она — иудейка. Но...

— Я вас попрошу, господин Быстрицкий, рассказать мне все подробно. Я вас слушаю. Если вы желаете моей помощи, необходима полная откровенность.

— Я — преподаватель русского языка и словесности в М-й женской гимназии. В этой же гимназии училась только что окончившая курс Рахиль Вениаминовна Коган.

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

— Кто ее родитель?

— Миллионер Коган.

— Продолжайте.

— Как, отчего, почему случилось то, что мы полюбили друг друга, — я не буду вам подробно рассказывать. И думаю, вам это, ваше превосходительство, не важно знать?

— Да, да, вы правы. За исключением только вот чего, как вы полюбили друг друга.

— А именно? — смутился клиент Путилина.

— Во-первых, была ли эта любовь девицы Коган к вам серьезным, глубоким чувством, или же это — сто первая вариация обожания юниц учителей русской словесности?

В голосе великого сыщика я расслышал иронию.

Быстрицкий вспыхнул.

— Нет, это не детская забава, а сильная.

— Pardon, я вынужден задать вам еще один, быть может, несколько щекотливый, но нужный мне вопрос: ваши отношения не перешли известных границ.

— Нет! — резко ответил М-й педагог.

— Отлично. Прошу вас продолжать.

— Итак, мы полюбили друг друга и решили обвенчаться. Рахиль Коган — девушка сильного характера. Она решила перейти в христианство. Зная любовь отца к ней, она призналась ему во всем этом, полагая, что тот даст согласие. Но, увы, этого не последовало. Ее встретил бешеный взрыв гнева. Ее заточили в комнате, приставив к ней караул. Но с помощью денег ей удалось подкупить одну

русскую прислугу, которая и переслала мне записку: «Нам остается только одно: бежать. Будь наготове. Сегодня вечером я убегу. Будь на вокзале. С ночным поездом мы должны выехать из М. Твоя *Рахиль*».

Получив эту записку, я, наскоро уложив чемодан, бросился на вокзал. Говорить ли вам, что я испытывал в эти ужасные минуты ожидания? Наконец, — о, счастье! — вот и она. Билеты у меня были взяты. Мы, крадучись, как воры, сели в вагон. Когда поезд тронулся, я перекрестился. «Теперь ты моя, теперь ты моя, дорогая! — целовал я ее ручки. — Теперь никто тебя от меня не отнимет». И вот тут-то вскоре случился этот ужас, господин Путилин. Мы подъехали к первой станции. Я отправился в буфет, чтобы взять с собой бутылку какого-нибудь вина и закусок. Моя невеста была так измучена, слаба, что необходимо было подкрепить ее силы. Когда я вернулся в вагон, — поезд стоял три минуты, — я не нашел там Рахили. А поезд уже тронулся, пошел. Вне себя от страха я бросился разыскивать ее по всему поезду. Ноги дрожали у меня, я был сам близок к обмороку.

Увы, в поезде ее не оказалось.

Быстрицкий закрыл лицо руками и затрясся в нудном плаче.

— Что было... что было мне делать? Я совсем потерял голову, ехал все дальше и дальше. Потом меня озарила мысль: поеду к Путилину. Это единственный человек, который может пролить свет на это таинственное исчезновение моей Рахили. О, ваше превосходительство, во имя всего святого, помогите мне в моем горе!

Путилин слушал внимательно, чертя — по своей привычке — ногтем указательного пальца по столу.

— Скажите, на дебаркадере М-го вокзала вы не заметили ничего подозрительного?

— Ничего. В этот поздний ночной час платформа была почти пуста. Пассажиров совсем почти не было.

— А в вагоне?

— Там было полутемно. Почти все купе были пусты. В одном только сидели три почтенных господина.

Путилин задумался.

— Скажите, господин Быстрицкий, вы не

допускаете мысли, предположения, что ваша невеста, девица Коган, добровольно вышла из вагона и спряталась в вокзале этой станции?

Тот даже привскочил.

— Зачем же она сделала бы это?

— Представьте, что в последнюю минуту ею овладела борьба: идти ли на этот шаг или не идти. Как-никак — она еврейка. Голос крови в ней силен, как и в нас с вами.

— Нет, нет! Это быть не может. Вы не знаете Рахили, на такую измену она не пойдет.

— Что же вы предполагаете? Ваше личное мнение?

— Ее украли. Я убежден в этом!

— Вы думаете, что родители проследили за ней?

Путилин не успел закончить. Ему подали новую карточку. Едва проглядев ее, он быстро встал.

— Мы закончим наш разговор, господин Быстрицкий, через несколько минут. Я должен принять посетителя по экстренному делу. Потрудитесь следовать за мной. Я вам укажу, где вы можете меня обождать.

Путилин внутренним ходом из кабинета

провел Быстрицкого и вскоре вернулся.

Он потирал руки, что делал он всегда, когда дела начинали принимать неожиданный странный оборот.

В кабинет вошел отлично одетый, полуседой господин.

— Вениамин Лазаревич Коган, — представился он моему знаменитому другу.

Я вздрогнул, насторожился.

«Вот так штука! Коган! Да ведь Быстрицкий только что говорил о Когане, об отце исчезнувшей девушки. Неужели это он?» — подумал я.

Второй посетитель был взволнован не менее первого. Один только Путилин был беспристрастен.

— Господин Коган из М.? — спросил он.

— Да, ваше превосходительство. А вы, простите, откуда же это знаете?

Ироническая улыбка пробежала по губам великого сыщика.

— Я обязан знать всего понемногу. Чем могу быть полезен вам?

Коган хрустнул пальцами.

— Не только полезны, а можете прямо спа-

сти меня. Я готов заплатить десятки тысяч...

— Виноват, я просил бы вас помнить, что вы находитесь не у комиссионера, а у Путилина, поэтому разговор ваш о деньгах я нахожу более чем неуместным и странным.

Миллионер-еврей из М. осекся.

— Простите, ваше превосходительство...

— Объясните, что привело вас ко мне.

— Горе, страшное горе. У меня исчезла дочь.

— Рахиль? — быстро задал вопрос Путилин.

Коган подпрыгнул на кресле:

— Как? Вы и это знаете?

Изумлению, почти священному ужасу почтенного еврея не было границ.

— Ну-с, господин Коган, потрудитесь рассказать, что такое стряслось с вашей дочерью.

Перепуганный, взволнованный миллионер начал длинный, подробный рассказ.

Он мало чем разнился от того, что было уже нам известно от Быстрицкого за исключением лишь вокзала, вагона и непостижимого исчезновения из него девушки.

— Я поклялся святой Торой, ваше превос-

ходительство, что не допущу совершиться этому ужасу — переходу моей дочери в христианство. Я глубоко убежден, что вы понимаете мои отцовские чувства и чувства верного, чтущего свою религию, еврея. Станете ли вы осуждать меня за это?

— Ни на одну секунду. Я сам держусь взгляда, что всякий человек должен жить и умереть в своей вере.

На глазах Когана выступили слезы.

— О, я не ошибся в вас, глубокоуважаемый господин Путилин! Недаром многие из нас благословляют вас за дело Губермана, когда вы сняли с нас позорное обвинение в совершении ритуального убийства девочки.

— Ваша дочь бежала вечером?

— Да! — изумлялся все более и более М-й крез. — Я на другой день решил повезти ее за границу. Я был убежден, что там она успокоится, что угар этой первой молодой любви, обычный в ее возрасте, пройдет, что она забудет мимолетное увлечение. И вдруг все пошло прахом. Моя дочь исчезла!

Голос Когана перехватывался волнением.

— Что же вы думаете относительно этого?

— Что! Разумеется, только одно: она бежала к нему, к этому, простите, проклятому со-
вратителю.

— Вы его не знаете?

— Нет. О, если бы я его знал! — Угроза, смертельная ненависть зазвенели в голосе бедного отца.

— Вы обращались к М-м властям?

— Обратился. Но, говоря откровенно, я плохо верю в талант наших местных властей.

— Так... так. Скажите, господин Коган, у вас много врагов?

Коган печально улыбнулся.

— Если у всякого человека, ваше превосходительство, их немало, то у богатого их особенно много. Зависть — плохой пособник дружбы.

— Среди какого населения у вас большее количество врагов, недоброжелателей: среди русского или еврейского?

Коган развел руками.

— Я затрудняюсь ответить на этот вопрос: ей-богу, не считал.

— Итак, вы просите моего содействия?

Миллионер-еврей схватил Путилина за

обе руки.

— На коленях готов умолять вас, господин Путилин! Отыщите мою дочь! О, если бы вы знали, как я люблю мою Рахиль!

Путилин подумал минуту.

— Хорошо. Ваше дело меня очень заинтересовало. Сегодня вечером я выеду в М.

Когда Коган ушел, великий сыщик привел снова в кабинет Быстрицкого.

— Стало быть, помочь вам?

— Господин Путилин! Ваше превосходительство! Сделайте милость!

— Хорошо. Уезжайте в М. Я еду туда.

— Что ты скажешь, доктор?

Путилин стоял передо мной, улыбаясь.

— Могу сказать только одно, что мы едем в М. Остальное для меня так же темно и непонятно, как и все, за что ты берешься.

Путилин рассмеялся.

— А ты сам, Иван Дмитриевич, разве понимаешь что-нибудь в этой абракадабре?

— Нет, нет... Успокойся, доктор, не обижайся. Я... я тоже еще не начал выводить свою «кривую». Скажу тебе одно: нам надо решить уравнение с несколькими неизвестными.

— Непостижимый случай! — вырвалось у меня. — Отец обвиняет в похищении девушки «тайного» жениха, жених — отца.

Путилин посмотрел на часы.

— Время летит. Мне надо еще распорядиться. Поезжай и собирайся. В девять десять я буду на вокзале.

Первые шаги

Когда я приехал на вокзал, Путилина еще не было. Вскоре явился и он.

Нос к носу, садясь в вагон, мы столкнулись с Коганом.

— Господин Путилин! — так и рванулся к моему другу миллионер.

Путилин холодно заметил:

— Хотя мы и едем в одном поезде, но помните, что встречаться мы с вами не должны. Вы не забывайте, что за нами могут следить...

— Кто? — побледнел Коган.

— Если бы я знал кто, то, поверьте, не поехал бы на раскрытие вашего дела, — усмехнулся Путилин.

Утомительно долго тянулся поезд.

Путилин почти не спал.

Глядя на моего знаменитого друга, я замечал, что он сильно волнуется. Видимо, какая-то тревожная мысль обуревала его гениальную голову.

— Ты бы отдохнул, Иван Дмитриевич, — посоветовал я ему.

— А? Что? — спросил он меня рассеянно.

Для меня становилось ясным, что он выводит свою хитроумную «кривую».

Для меня, как доктора-клинициста, всегда являлась загадкой поразительная способность этого человека предвидеть то, что было совершенно темно, неясно. В Путилине я видел какого-то особенного прозорливца духа, на нем, поверите ли, я учился.

Мы подъезжали к М.

Оставалась еще одна станция до города, населенного в то время почти сплошь евреями.

Прошел кондуктор.

— Ва-а-ши билеты, господа!

При виде сертификата Путилина, «обер» взял под козырек.

— Сейчас последняя станция до М.?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Станция «Ратомка»?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Сколько верст до М. от нее?

— Шестнадцать.

Поезд стал замедлять ход.

— Ну, доктор, мы сейчас выйдем на этой станции, — обратился ко мне Путилин.

— Зачем?

— Так... хочется ноги размять. Чемодан свой бери с собой.

Я ровно ничего не понимал.

— Зачем же брать чемодан, Иван Дмитриевич, если мы выйдем на несколько минут?

— Мы может быть, останемся там до следующего поезда.

Когда мы выходили из вагона, я заметил выглядывавшего из своего окна миллионера Когана.

При виде нас с чемоданами в руках, сильнейшее изумление и даже испуг отразились на его лице.

«Что, дескать, это означает, что Путилин со своим доктором не едут до М., а вылезают на последней станции? Уж не раздумал ли великий сыщик братья за мое дело?» — так и све-

тилось в глазах бедного отца.

Но, помня приказание Путилина, он не осмелился ни подойти, ни спросить.

Путилин направился к конторе начальника станции.

Раздалась трель обер-кондукторского свистка — и поезд отправился дальше.

Станция была маленькая, жалкая, унылая.

— Что вам угодно? — далеко не любезно обратился к Путилину сумрачный начальник станции.

Путилин положил чемодан на кожаный диван.

— Прежде всего, как видите, избавиться от чемодана, а потом...

Начальник станции вспыхнул, как порох.

— Позвольте, милостивый государь, по какому праву вы сваливаете ваши вещи в моей конторе? Для этого есть иное помещение.

— По какому праву? По праву начальника Петербургской сыскной полиции. Я — Путилин.

Эффект получился весьма изрядный.

Начальник струхнул не на шутку.

— Простите, ваше превосходительство... Я

не знал... не мог предполагать.

Путилин добродушно похлопал его по плечу.

— Это-то все пустяки, что вы меня чуть не в шею отсюда выгнали, а вот что у вас совершаются преступления под носом и вы их не замечаете — это вот уж не пустяки, а весьма прискорбный факт.

Начальник станции побледнел.

— Преступления? Какие преступления?

Голос его дрожал.

— А вот садитесь и побеседуем.

Путилин пристально смотрел прямо в глаза начальнику станции.

— Скажите, вы хорошо помните прошедшую субботу?

— То есть что именно? — недоумевающе спросил железнодорожный шеф «Ратомки».

— В этот день, в субботу, ничего особенного не случилось?

— Ровно ничего, ваше превосходительство.

— Вы твердо в этом уверены?

— Безусловно. Помилуйте, ваше превосходительство, я ведь почти бессменно дежурю.

— А между тем, — говорю вам, — преступ-

ление совершено. В поезде, вышедшем в субботу из М. в десять пополудни, следовала со спутником молоденькая девушка, еврейка Рахиль Коган. Вы слышали такую фамилию?

— Я слышал о М-м богаче Когане.

— Так вот, это его дочь. На вашей станции она исчезла из вагона. У меня есть данные предполагать, что она насильно выкрадена из поезда. Что вы на это скажете?

Начальник станции хлопал глазами.

— Ничего не знаю, ваше превосходительство, клянусь вам.

— Вы не заметили ничего подозрительного?

— Ничего. Поезд, это поезд номер шестьдесят восемь, прибыл к нам в двенадцать сорок.

— Он простоял на вашей станции обычное время? Три минуты?

— Да. Замедления в его отправлении не произошло.

— После отхода поездов вы осматриваете путь?

— Обязательно.

— Из кого у вас состоит служебный персонал? Все — русские или есть евреи?

— Ни одного еврея. Все — русские.

Падали сумерки летней ночи.

Путилин встал.

— Я вас попрошу, голубчик, мой приезд держать в строгой тайне. Никто, понимаете, никто не должен знать, что я — Путилин. Выдайте меня за кого хотите, хоть за вашего дядюшку, что ли.

— Разве, Иван Дмитриевич, ты рассчитываешь здесь долго пробыть?

— Не знаю, доктор. Мне необходимо кое-что здесь осмотреть.

Мы вышли из конторы и отправились на станционную платформу.

Станция стояла в поле. Вдали, приблизительно на расстоянии полуверсты, виднелась кучка домов.

— Что это за поселок? — спросил Путилин.

— Местечко небольшое, Ратомка.

— Кто там обитает? Русские? Евреи?

— Поселок заселен почти сплошь евреями. Кажется, всего одно русское семейство. Это своего рода пригородное еврейское гетто. До М. ведь всего шестнадцать верст. Сообщаются они с городом или по железной дороге, или

на лошадях.

— На лошадях... Кстати, к отходу или приходу поездов, останавливающихся у вас, приезжают какие-нибудь возницы?

— Очень редко. Тут так недалеко, что обыкновенно ходят пешком. Конечно, когда привозят или отвозят груз, тогда приезжают брички, телеги.

— Вы случайно не помните, не заметили — были или нет лошади в субботу к приходу ночного поезда?

— Нет, ваше превосходительство, не обратил внимания. Ни к чему было.

Путилин в глубокой задумчивости оглядывался по сторонам.

— Когда приходит поезд ночной в двенадцать сорок, второй путь бывает свободен или занят?

— Свободен. Поезд в М. проходит «Ратомку» сорока пятью минутами позже. Таким образом, они не встречаются здесь.

— А товарные, балластные поезда? Можете вы мне сказать, были или нет в субботу такие поезда?

— Нет, таких поездов не было.

— Ну, вот и все. Не будете ли вы любезны, голубчик, оказать мне и доктору гостеприимство на сегодняшнюю ночь? Мне не хочется ехать в М., я с удовольствием провел бы время до утра здесь.

Начальник станции просиял и засуетился.

— С радостью, ваше превосходительство, за честь буду благодарить. Только квартира у меня неважная.

Через полчаса мы находились в комнате начальника станции «Ратомка».

Супруга его суетилась, приготавливая закуску столь неожиданным гостям.

— Ты, матушка, постарайся! — доносился до нас через тонкие стенки взволнованный шепот перепуганного начальника станции. — Знаешь ли ты, кто этот седой господин. Ведь это Путилин, знаменитый начальник Петербургской сыскной полиции.

Поведение моего славного друга, его внезапное решение остаться на ночь здесь, в этой унылой местности, были для меня абсолютно непонятны.

Путилин развязывал чемодан.

Прежде всего он отдал мне приказ:

— Запри дверь на ключ и никого не впускай, доктор!

Он вынул свой знаменитый гримировальный ящик, достал оттуда зеркало, краски, карандаши, парик, волосы для бороды.

И началось великое путилинское «таинство».

Точно под волшебными руками талантливого художника или скульптора лицо моего друга стало поразительно видоизменяться.

Один мазок краской... другой... вот — новые волосы, новая голова... вот, вместо седых бакенбард — широкая включенная борода.

— Хорошо, доктор?

— Чудесно, — искренно-восторженно вырвалось у меня.

С каждой секундой Путилин все более и более видоизменялся.

На меня глядело чужое лицо, лицо старого еврея, изможденного горем, страданием.

Эти впалые глаза, эти щеки, эти трясущиеся губы... О, никогда не забыть мне этой волшебной метаморфозы!

— Дай мне, доктор, то одеяние, которое лежит сверху в чемодане! — улыбаясь прогово-

рил Путилин.

Я подал ему засаленный лапсердак; бархатный, но сильно порыжелый картуз, стоптанные высокие сапоги с голенищами. На свой сюртук, на свои штиблеты он надел лапсердак и картуз.

— Ну?

Путилина не было. Передо мной стоял старый, трясущийся нищий-еврей, тот горемыка, который прокликает еврейскую буржуазию, захлебывающуюся в золоте, разъезжающую в каретах и вовсе — вопреки расхожему мнению — не обожающий сильных из мира своего.

— Да ты ли это, Иван Дмитриевич? — воскликнул я.

— О, твой язык болтается, как грязная мочала! — с неподобным еврейским акцентом ответил Путилин. И тихо рассмеялся.

— Чудесно! Непостижимо!

— Это ты говоришь, доктор. Что скажут они, когда я предстану перед ними в сем виде?

— Ты боишься?

— Я не боюсь, но не люблю проигрывать

дела.

— Но для чего ты так видоизменился, Иван Дмитриевич?

— Прогулку хочу маленькую совершить, доктор.

— Куда?

— Туда, в пространство, — сделал неопределенный жест Путилин.

В эту минуту раздался стук в дверь.

— Отвори! — тихо шепнул мне мой славный друг.

Я отворил дверь.

— Могу я просить вас и его превосходительство закусить чем Бог послал?

— Ой, что такое? — оттолкнув меня, выросла фигура старого еврея перед начальником станции. Тот отшатнулся.

— Что это такое? Как вы попали сюда? Что вам надо здесь? Господин доктор, где же его превосходительство, господин Путилин?

Тихий смех был ответом...

Начальник станции вытаращил глаза.

Заседание кагала

Душно в небольшой комнате двухэтажного деревянного дома в слободе «Ратомка».

Так душно, что хоть парься: свет свечей, вставленных в серебряные подсвечники, тускло озаряет небольшую конуру.

А народу в ней — масса.

Чуть друг друга не давят. Плечо о плечо, голова к голове.

За большим столом, на котором горят семисвечники, сидят старейшины кагала.

Перед столом в позе исступленного фанатика стоит худощавый еврей. Глаза его горят фанатическо-безумным блеском. Грудь ходунном ходит.

— И я говорю, что вы должны осудить эту проклятую еретичку, — взвизгивает он.

— Скажи, сын мой, почему ты так возмущаешься? Отчего дрожат уста твои, почему грудь твоя не вмещает уже больше воздуха?

Сурово звучит вопрос старейшин кагала.

— А-а-а! — захлебнулся худощавый еврей. — Вы спрашиваете меня: почему? А разве вы сами не знаете этого? — Молчание.

— Вы не знаете, вы — ученейшие мужи? А я — бедный еврей — должен знать? Что же, коли так, я вам объясню. Вы помните нашу священную историю?

Горят глаза фанатика.

— Сын наш, ты задаешь глупые вопросы. Ты вспомни, кому ты задаешь их! Тем людям, которым известны все тонкости Талмуда.

— Так, если вы знаете все это, зачем вы меня пытаете?.. Я помню, что говорится там, а вы забыли. Слушайте: «Израиль, Израиль! Помни и блюди завет Бога твоего. Он извел тебя из плена египетского. Ты помнишь, Израиль, какая египетская тьма царила там? Сынов твоих, Израиль, подвергали мучениям, они были рабами своих угнетателей, которые говорили им: “Псы смердящие! Вы — для нас, а не мы для вас”. Но тогда, Израиль, я внял мольбам народа Моего. Я решил вывести вас из Египта. Многие жены еврейские сделались наложницами проклятых закрепостителей. И рек я устами пророка моего — Моисея: приложи камни к груди женщины твоей, поправшей религию Бога твоего, Иеговы. И пусть эти камни побьют ее до смерти: она преступила завет Мой, она кровь свою смешала с кровью врагов моих».

Жуткое, тяжкое молчание воцарилось в комнате кагального совещания.

— Ну? Что вы скажете, Шолом? — обратился председательствующий кагала.

Встрепенулись все.

Словно искра электрическая пробежала по собранию искренно-верующих, фанатически-настроенных евреев.

— Да, да, верно говорит Мордухай!

— Смерть ей, смерть!

— Нет! — прогремел голос. — Вы заблуждаетесь, дети мои!

Произнес это симпатичный старик с огромной библейской бородой.

— И заблуждаетесь вы потому, что забыли завет Бога вашего. А он ведь гласит: «Кто совершил прелюбодеяние в вере своей!» Помните и заметьте, кто совершил. А разве та, которую мы судим, уже совершила прелюбодеяние? Христианский волк забрался в нашу еврейскую паству. Он пытался совратить одну из дочерей Иеговы в веру нашего пророка — Иисуса Христа Назаряетянина; но заметьте, только пытался. Она — у нас. Она — еще наша. Вспомните место из Соломона: «И если ты песчинку можешь сохранить из берега своего, — блюди ее, ибо песчинка образует

берега. И что ты будешь плакаться, когда река тебя поглотит, когда ты, Израиль, берега не укрепишь».

— Верно!

— О, сколь мудро глаголит ребэ Шолом! — еще более пронзительно выкрикнул «докладчик» — Мордухай. — Честное слово, он заставил бы заплакать мои глаза от слез, если бы я не... смеялся его рождению!

Фанатик-еврей, как пантера, порывисто бросился к столу.

— Если так, господа старейшины кагала, я — сдаюсь. Я больше ничего не могу сказать, если текст нашего священного писания перевирается таким образом!

— Опомнись! — прокатился испуганный крик.

— О, я опомнился уже давно, покарай меня Иегова! Но вы-то, вы-то когда опомнитесь? Только потому, что речь идет о дочери миллионера, вы, верные талмудисты, готовы слагать завет святой Торы к ногам золота? Я — бедный еврей. Но я — честный еврей. Я говорю, что писание гласит: «Если ты изменишь вере отцов твоих, ты должна быть побита

камнями». Я — все сделал для того, чтобы доставить вам «гойку». Я — рискуя жизнью — дал вам ее и теперь спрашиваю вас: ну, Израиль, благодаришь ли ты меня?

— Убить ее! Убить ее!

— Вы, — продолжал взвизгивать фанатик, — еще сомневаетесь? Вы говорите: «Она не совершила еще проклятого перехода?» Так вы, стало быть, ждете того момента, когда она уже сделает это? Когда проклятый христианин сожмет в своих объятиях розу Ливана? Этому вам надо?!

— Сын мой... сын мой! Ты — настоящий сын Иакова... ты — грозный представитель Адоная. Но пощади бедного Когана! Он — наш лучший, наш вернейший сын. Слушай, сейчас где находится Рахиль?

— Здесь. Клянусь святой Торой, я позаботился, чтобы она была доставлена сюда.

Фанатик еврей сделал возмущенный жест рукою и, подойдя прямо к столу, за которым заседал трибунал кагала, гневно произнес:

— О, пусть золото не испортит вашей совести!

— Мордухай! — гневно ответил ему в тон

председатель Шолом.

— Так судите ее так же, как судили ваши отцы таких паскудных вероотступниц!

Перед страшным судом кагала

— Иди, иди, проклятая! — толкал в спину красавицу Рахиль ее палач — Мордухай.

— Позволь мне идти самой! — негодуя, горделиво произнесла красивая девушка.

Это была Рахиль Коган.

Она выпрямилась во весь свой стройный рост и с улыбкой презрения глядела на торжественное собрание.

— Что вам надо от меня?

В эту же минуту в «зале» заседания кагала появилась сгорбленная, старческая фигура старика еврея.

— Вы кто? — набросился на него Мордухай.

Вновь прибывший показывал на свои уши, на свой рот, жестами объясняя, что он — глухонемой.

— Кто это? — спросил председатель кагала.

— Глухонемой. Смотрите, ребэ Шолом: даже глухонемые камни, и те вопиют Иегове об отомщении! — торжественно произнес Мор-

духай.

— Ты — Рахиль Коган?

— Да.

Как горделиво, как удивительно спокойно звучал голос девушки...

— Ты, Рахиль Каган, обвиняешься в том, что хотела изменить вере отцов твоих. Правда это?

— Прежде всего я хотела бы знать, кто меня судит. Кто вы?

— Кагал! — погребальным звуком раздался в ушах девушки ответ страшного трибунала.

«Кагал! Так вот он, этот страшный кагал, властно распоряжающийся судьбой бедного еврейства...»

Худо стало Рахили Коган.

Но страшным усилием воли она взяла себя в руки.

— Ах, вы — кагал? Так скажите мне, почему, на каком основании меня грубо вытащили из вагона и поволокли сюда? Как вы смеете...

— Тише! — прогремел голос «председателя». — Вы обвиняетесь в том, Рахиль Коган, что решили изменить вере отцов своих. Прав-

да это?

— Правда.

Горделиво откинулась головка Рахили Коган.

— Что? — взвизгнул кагальный трибунал. Мордухай подскочил к столу и потушил одну свечу в семисвечнике.

— Погибла одна из дочерей Израиля! Горе вам, горе Израилю!

Чем-то бесконечно страшным повеяло в мрачной, душной комнате.

— Ты, ты, дочь Израиля, так откровенно, так свободно говоришь о своем страшном преступлении? Ты бросаешь в лицо твоему божеству такое оскорбление?

Торжественно звучит голос библейского старика.

— Я не оскорбляю Бога. Я не могу оскорблять того, кого люблю всеми помыслами моей души. Это вы — фарисеи — оскорбляете Его!

Волнуется Рахиль Коган.

— Как ты смеешь?! — гремит ей негодующий хор голосов.

— А-а! Вы хотите знать, «как я смею»? Из-

вольте, я вам скажу!

Еще горделивее откидывается прелестная головка «ренегатки».

— Вы — талмудисты. Вы говорите, что бог Иегова запретил переход в иную, чуждую веру. Так. А теперь скажите: почему же вы, мужчины, переходите в «проклятую» христианскую веру? Почему вы, купаясь в «проклятой» купели, кротко говорите! «Крещаюся во Имя Твое, Господи...»

— А-а-ах! — прокатывается по судилищу исступленно-озлобленный крик.

— Вам можно? Вы делаете это потому, что вам выгодно, необходимо сделаться «проклятыми» христианами? А укажите мне такое место в заветах Господа, где бы обман получил оправдание? Вы смеетесь над всеми богами: над русскими, над еврейскими, над магометанскими, буддийскими. Иегова, Христос, Аллах, Будда — для вас звук пустой. Как же вы смеете меня, ради любви и веры в общую справедливость божества, идущую на муки, еще оскорблять? О, великий синедрион, я понимаю, почему ты осудил Иисуса из Назарета!

Не успела девушка окончить слов, как десятки плевков полетели ей в лицо.

— Проклятая собака! Ты умрешь, ибо такой волчицы Израиль не потерпит! Ты надругиваешься над всем священным для нас!

— Ну? — ликовал Мордухай.

— От имени кагала тебе, сын мой, объявляется сокровенная благодарность.

— За что вы меня мучаете? Почему вы схватили, выкрали меня?

Зашаталась Рахиль Коган.

— За то, дочь сатаны, что ты — изуверка проклятая. Отрекись! Вернись опять к нам! Согласна?

— Ни за что!

— Это твое последнее слово?

— Последнее.

— Ребэ Шолом, ваше заключение?

Ребэ Шолом поникнул своей седой головой.

Он хотел говорить громко, торжественно, но голос его дрожал.

Какая-то борьба происходила в нем.

— Я... я, как старший из старейшин кагала, объявляю: несмотря на все попытки и стара-

ния наши склонить Рахиль Коган к возвращению в лоно истинно правого юдаизма, мы потерпели поражение. Обуянная бесовской слепотой, Рахиль Коган противится этому, пронося хулу на святую Тору, на нашу святую веру. Посему мы постановляем предать ее камням, пыли и смерти.

Глухонемой старый еврей подошел к столу, за которым заседал трибунал кагала.

Он нагнулся, поднял камень каким-то чудом очутившийся в его руках и бросил его в девушку.

— О! Вот истинный сын Израиля! — захлебнулся в восторге Мордухай.

— Ведите ее!

— Сейчас?

— В Библии сказано: «Не пройдет и часа, как ты, преступившая завет, будешь умерщвлена».

Страшный суд

Глухая местность. Дома остались далеко позади.

— Иди, иди, проклятая! — слышится злобный, гортанный говор.

Четыре палача-еврея тащат девушку.

Рот ее закрыт. Она хочет, мучительно хочет кричать, но не может.

— М-м-м, — вырывается из ее рта.

— Клянусь святой Торой, это так! Этот проклятый Коган, несмотря на всю свою «святость», — гнетет нас бедных евреев. О, знаю я его! Он любит говорить: «Я — первый еврей!» А что он делает для того, чтобы утереть слезы бедняков? Ничего! Я узнал про шалости его дочери. И я поклялся ему отомстить. Вот она, дочь его, которую мы с Морисом выкрали из поезда! Пусть кровь ее упадет на голову его! Пусть мозги ее расплывутся в душе его!

Все страстнее, озлобленнее звучит голос еврея-изувера.

— Иди, иди! О, проклятая!

В глазах красавицы девушки застыл смертельный ужас.

— М-м-м! — безумно рвется она из рук единомерцев.

Забор, дощатый.

К нему подвели «розу потока Кедронского».

И сняли с ее лица повязку.

— Смотри! — крикнули ей сороди-

чи-евреи. — Ну, Рахиль, решайся: или отступление — или смерть.

Жалобный крик прокатился по унылой поляне.

Там, далеко вдали виднелись постройки поселка «Ратомка».

— Господи, что вы со мной делать будете? — дрожит смертельно бледная Рахиль Коган.

— Что мы с тобой делать будем? По Ветхому завету Бога грозного Адоноя, мы будем побивать тебя камнями. И помни, что каждый камень будет прижиматься к лицу твоему, к груди твоей.

Рахиль стали вязать и притягивать к особому сделанному оконцу в заборе.

Грубые веревки больно стискивают изнеженные руки.

— Отступаешься?

Смертельная тоска давит грудь девушки.

«Господи... вот сейчас... ай, страшно».

Мысль, что сейчас ей в лицо полетят тяжелые булыжники, приводит ее в ужас.

Но язык... ах этот проклятый язык, шепчет:

— Не отступаюсь, палачи! Убивайте... Я

иду за правду, за любовь. Какое вам дело до моей души, до моего сердца?

Ее крепко прикрутили к забору.

Несколько евреев подняли камни.

— Закрой глаза, заблудшая дочь Израиля, и повторяй за нами: «Если солнце не светит на меня, значит я не достойна солнца. Если месяц отходит от меня, горе мне; проклята я во чреве матери своей».

Повторять за ними! Да разве она могла?

Что, какие картины рисовались ей в голове ее?

Там — один сплошной красный туман. И в этом красном тумане вырисовываются ей дорогие образы жениха ее милого, дорогого Быстрицкого, отца, хотя и непоколебимо сурового, но всегда так нежно ее любившего.

— У-у, проклятая! — прямо к лицу девушки протянулся волосатый кулак одного из фанатиков «своей веры».

— Брось!

Раз! — послышался треск камня о забор.

— Стой! — прогремел голос Путилина.

Из-за забора выскочил Путилин.

— Вы что это, несчастные, делаете? Убий-

ством занимаетесь? А разве вы забыли, что кроме святой Торы есть еще русский храм Фемиды? Кто дал вам право убивать девушку, ни в чем пред вами неповинную?

Рахиль Коган бессильно свесила свою престольную головку.

— Ай? Это вы?.. Что это значит? — отпрянули библейские палачи.

— Слушайте, господа, я — один среди вас, но не думайте, что убить меня легко — у меня два револьвера. Да, впрочем, я знаю, что вы не убийцы, а просто... религиозные фанатики. Я вас пощажу. Я — Путилин... Вы в моих руках, но даю вам слово, что я вас не привлеку к ответственности. Это дело — ваше частное дело. Бог с вами! Вам самим должно быть стыдно за это изуверство. Ну, живо, давайте, несите Рахиль Коган!

И понесли.

Когда я увидел Путилина с девушкой, у меня вырвался крик изумления.

— Да неужели?

— Как видишь. Некогда. Надо дать депеши. Начальник станции обомлел.

— Давайте первую телеграмму: «М. — Кога-

ну. Дочь ваша отыскана. Приезжайте. “Ратомка”. Путилин».

— А теперь давайте вторую: «М. — Быстрицкому. Невеста ваша найдена. Приезжайте. “Ратомка”. Путилин».

— Как ты достиг этого, Иван Дмитриевич? — спрашивал я.

— Очень просто. Мне после двух визитов, Когана и Быстрицкого, стало ясно, что тут замешано третье лицо. Кто это третье лицо? Я сразу понял: фанатическое еврейство. Когда я переделся евреем, я отправился в «Ратомку». Почему? Да ты разве не помнишь, доктор, что похищение было совершено на станции, первой от М.? А эта станция — «Ратомка». Я проник под видом глухонемого еврея в дом, где было много света, а остальное... об остальном я тебе рассказал.

Почти одновременно ворвались к нам Коган и Быстрицкий.

— Отдайте, согласитесь, — усовещивал Путилин Когана.

Рахиль плакала.

— Перст Иеговы... Берите ее! — махнул рукой Коган, обращаясь к Быстрицкому.

— Я с самого начала был убежден, что швейцар не повинен в убийстве. Так простые люди не убивают. Руку он мог порезать, а кольцо могли подбросить или потерять. Осматривая комнату убитой, я нашел маскарадную маску. Узнав, кто живет на этой лестнице, я остановил свое внимание на инженере. Заведя интрижку с горничной, мне удалось проникнуть в его квартиру, где нашел письма жены и ее портрет, на обороте которого была надпись: «Каждый раз, когда я буду мстить, я буду глядеть на твое проклятое лицо». Тогда мне все стало ясно. Но у меня не было прямых, бесспорных улик. А я ведь, как вам известно, господа, люблю ясные, неопровержимые факты. Моя милая барынька чудесно сыграла роль жены. Остальное вам известно.

Путилин подошел к Хрисанфову, который стоял, закрыв лицо руками.

— Мне искренне, глубоко жаль вас, господин Хрисанфов. Вы, очевидно, страдаете нервным расстройством. Я постараюсь облегчить вашу участь своими показаниями. Я надеюсь, господа, что и вы поможете? — обратился он

к следователю и прокурору.

— О, безусловно! — воскликнули оба.

И действительно, суд, приняв все во внимание, отнесся милосердно к несчастному полубезумцу. Вместо каторги он попал на излечение.

Триумф Путилина был полный.

Примечания

1

«Отче наш! Иже еси на небесех», «Верую в жизнь вечную»...

[^^^]

2

Свобода, ваша светлость?

[^^^]

Величайшая вина.

[^^^]

4

«Это — единственный путь к смерти».

[^^^]

Монашеского ликеру.

[^^^]

6

Идущий на смерть должен восхвалять Господа...

[^^^]

К милосердию Христа и святой Девы Марии...

[^^^]

8

Идеализированный пастушеский и сельский быт на лоне природы.

[^^^]

Обед был превосходный. В особенности — вина.

[^^^]

Простите, сударыня.

[^^^]

Простите, сударь.

[^^^]

Позвольте прикурить, милостивый государь.

[^^^]

Ах, ваша светлость! Я так счастлив...

[^^^]

Компаньонка.

[^^^]

Конечно, я так полагаю!

[^^^]

Извините, ваша светлость.

[^^^]

После Путилин рассказывал, что он, как религиозный человек, не мог дать ложную клятву. Поэтому он остроумно сказал: «Добываю», то есть «стараюсь освободить» из когтей негодяев их жертвы.

[^^^]